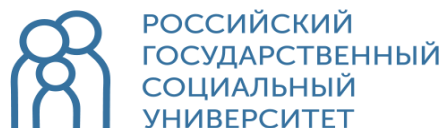

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Российский государственный социальный университет»
(РГСУ)**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Пензенский государственный технологический университет»
(ПензГТУ)**

РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

**Материалы II Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 27 – 28 марта 2017 г.)**

**Москва – Пенза
2017**

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0
Р17

Ответственные редакторы:

Жаткин Д.Н., доктор филологических наук, профессор, академик
Международной академии наук педагогического образования, почетный
работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник
науки и техники РФ, заслуженный работник культуры Пензенской области,
проректор по научной работе Пензенского государственного технологического
университета;

Круглова Т.С., доктор филологических наук, руководитель Центра русского
языка и культуры Управления международного сотрудничества Российского
государственного социального университета.

Редакционная коллегия:

*Токарев С.А., Мушкова В.В., Родикова О.В., Хамитов Э.И.,
Сандлер-Апевалина Е.О., Сервантес Б.*

Статьи даны в авторской редакции

Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере [Текст]: материалы II Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 27 – 28 марта 2017 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – Москва – Пенза, 2017. – 451 с.

Статьи, опубликованные в сборнике, отражают результаты теоретических и экспериментальных научных исследований в области русской и зарубежной филологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка как иностранного, проводимых учёными, преподавателями, аспирантами и студентами российских и зарубежных вузов. Публикуемые материалы предназначены для научно-педагогических работников, педагогов-практиков, административных работников образования, аспирантов, студентов.

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0

© Российский государственный
социальный университет, 2017
© Пензенский государственный
технологический университет, 2017

ISBN 978-5-98903-250-1

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Зарубежная филология. Теория, история и практика межкультурной коммуникации. Русская языковая картина мира

Я.А.Быкова

ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ.....9

И.Ф.Головченко

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЭПОХУ
ПРОСВЕЩЕНИЯ..... 19

И.Ф.Головченко

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
ВОЗРОЖДЕНИЯ..... 28

Е.С. Гордеева

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ..... 38

К.С. Давыдова

СПЕЦИФИКА «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА И
ИХ РУССКИХ ПРОЧТЕНИЙ.....47

С.А.Корниенко

И.В. ГЁТЕ КАК ПРЕДТЕЧА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МЕТОДА..... 54

Е.В.Крючкова

КОНЦЕПТ «ДУРАК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА..... 62

Л.А.Лушникова

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ОСКАРА
УАЙЛЬДА..... 69

Е.Р.Мирошина

ПРОИЗВЕДЕНИЯ У.ШЕКСПИРА И Р.БРАУНИНГА В ПЕРЕВОДАХ
Э.Л.ЛИНЕЦКОЙ..... 84

Г.И.Михалев

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ.....93

<i>В.В.Мушкова, Л.В.Штырова</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	103
<i>Петр Илиев Петров</i> БОЛГАРСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ КАК ЧАСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЕДИНОЙ СЛАВЯНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ.....	111
<i>С.Н.Пузырева</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	116
<i>Л.И.Русяйкина</i> ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ.....	124
<i>Е.А.Степанова</i> К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	136
<i>И.Р.Степкин</i> ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ КАК ТЕХНИКА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ.....	145
<i>Д.Г.Трофименко</i> ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	150
<i>С.Д.Чалмаз</i> ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ И ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПОЛИТИКОВ КАК РЕАЛЬНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА...	168
<i>Н.В.Шимон</i> ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	180
<i>Секция 2. Деятельность Российских центров науки и культуры за рубежом. Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного. Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах</i>	
<i>Л.Н.Алешина</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ.....	186

<i>Л.Н.Алешина</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДОВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ МАТЕМАТИКИ ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ, ОБУЧАЮЩИМСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ).....	189
<i>Л.Н.Алешина</i> РОССИЙСКИЕ ЦЕНТРЫ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ: НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОЕКТЫ.....	194
<i>Е.В.Бринюк</i> КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ УЧЕБНИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	199
<i>Е.В.Бринюк</i> ТРЕБОВАНИЯ К КОНТЕНТУ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ...	203
<i>Г.И.Гетманская, Л.Ф.Родионова</i> ТЕКСТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ПРОЦЕСС ЯЗЫКОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩИХ АГРОНОМОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).....	208
<i>И.А.Зайцева</i> К ВОПРОСУ О ВНЕАУДИТОРНОМ ЧТЕНИИ НА УРОКЕ РКИ.....	218
<i>И.А.Зайцева</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АРХАИЧНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА УРОКЕ РКИ.....	224
<i>Ю.А.Комарова, А.Г.Векуа</i> ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ- БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ ТРИЛИНГВИЗМА.....	228
<i>Е.В.Крючкова</i> К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	232
<i>Е.В. Крючкова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	236

<i>Г.В.Манукян</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ ПАРЕМИИ (КУРС «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»).....	241
<i>Г.В.Манукян</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗНОЙ СТОРОНЫ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ.....	244
<i>Г.В.Манукян</i> СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ПО УСВОЕНИЮ ЛЕКСИКИ (ДИСЦИПЛИНА «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» – НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП).....	247
<i>О.А.Мусорина, С.Г.Сорокина</i> ПОРТФОЛИО СТУДЕНТА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ».....	254
<i>В.В.Мушкова</i> МУЛЬТИМЕДИА И ИНТЕРНЕТ В ОБУЧЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	260
<i>Насма Махруссе</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В СИРИИ.....	266
<i>Нгуен Тхй Нюнг</i> ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ВЬЕТНАМЕ.....	269
<i>Дэлгэрсайхан Сарангуа</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В МОНГОЛИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.....	273
<i>Я.В.Садчикова, Р.С.Намазов</i> ТРУДНОСТИ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКОМ ВОЕННОМ ВУЗЕ.....	277
<i>М.К.Силаева</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС.....	282
<i>Ю.В. Ткаченко</i> ТЕМА РОССИИ И РУССКОГО МИРА В ЭФИРЕ ПРИДНЕСТРОВСКИХ РАДИОСТАНЦИЙ.....	291

Феллаг Шебра Мохамед Эль Амин
ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЛЖИРЕ.....298

Е.Х.Чедия
АКТИВИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ... 301

***Секция 3. Русская литература и журналистика
в контексте мировой культуры***

К.Ф.Герейханова
ЯЗЫК АВТОРА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И РИТОРИЧЕСКИЙ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ.....306

Ю.Ю.Дмитриева, Л.Г.Кихней
МЕТАСЮЖЕТ «ПУТИ» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ
ГУМИЛЕВА.....314

М.С.Заяц
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ.....322

С.М.Заяц
ПОЗНАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ КАК ФЕНОМЕН
ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....328

О.А.Каинова
ПУШКИНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПА ДОН ЖУАНА 333

Е.А.Карпова, Т.В.Непряхина
ОТРАЖЕНИЕ АРТ-АКЦИЙ «МОНСТРАЦИЯ» В МЕДИЙНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ.....341

У.А. Комиссарова
ТРИКСТЕРИАДА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГОДОВ:
КОММЕНТАРИИ К КОНЦЕПЦИИ МАРКА ЛИПОВЕЦКОГО..... 350

Н.Г.Кузнецова, М.В.Баканова
МИФОЛОГИЯ В ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА ДВАДЦАТОГО
СТОЛЕТИЯ (ПО СТРАНИЦАМ ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ
С МАТЕРЬЮ»)..... 357

Н.А.Ларина
ХРОНОТОП РОЖДЕСТВЕНСКОГО БАЛА В РАССКАЗЕ ЛЕОНИДА
АНДРЕЕВА «АНГЕЛЮЧЕК»..... 364

<i>О.И.Лыткина, Н.К.Шутая</i> КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «КУХНЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	373
<i>Ю.А.Ревво</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ПУТЬ» И «СТРАНСТВИЕ» В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА.....	380
<i>О.В.Родикова, В.А.Маренко</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИХАИЛОМ ШИРЯЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «BLOWING IN THE WIND» БОБА ДИЛАНА.....	389
<i>О.В.Родикова, А.М.Саркисян</i> ОРГАНИЧЕСКАЯ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОНТАМИНАЦИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО РОМАНА С.А.АЛЕКСИЕВИЧ «ВРЕМЯ СЕКОНД- ХЕНД»)	394
<i>О.В.Родикова, А.М.Саркисян</i> СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.....	398
<i>О.К.Страшкова, Д.В.Рябинчева</i> МОДАЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИРИКЕ МАЯКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ РУССКОГО АВАНГАРДА.....	402
<i>А.С.Торосян</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ПАВЛА КРУСАНОВА.....	414
<i>Е.С.Фролова, Т.В.Непряхина</i> ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» (1899–2017).....	424
<i>Н.С.Футляев, Д.Н.Жаткин</i> ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ АНГЛИЯ В ВОСПРИЯТИИ И.А.АКСЕНОВА- КРИТИКА.....	432
<i>Л.Г.Кихней</i> К ЯКУТСКО-РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ СВЯЗЯМ: СТИХОТВОРЕНИЕ П. ОЙУНСКОГО «НЕ ВСЕ ЛЬ РАВНО?!» И ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА ПРОЛЕТАРСКОГО ПОСЛАНИЯ.....	440

УДК 81.25

**ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ**

*Я.А.Быкова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**MEANS AND WAYS OF TRANSLATING OF SCIENTIFIC-TECHNICAL
TEXTS**

Ja.A.Bykova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы приемы и способы прямого перевода (заимствование, калькирование, дословный перевод) и непрямого перевода (транспозиция, модуляция, эквиваленция, адаптация, компенсация) научно-технических текстов с английского на русский язык.

Ключевые слова: научно-технический перевод, межкультурная коммуникация, терминология, текст.

Abstract. This article considers the main ways and methods of direct translation (loans, calque, literal translation) and indirect translation (transposition, modulation, equivalence, adaption, compensation) of scientific-technical texts from English into Russian.

Keywords: scientific-technical translation, intercultural communication, terminology, text.

E-mail: ostrovskaya9410@gmail.com

Зачастую в процессе перевода необходимо применение переводческих трансформаций, т. к. встречаются научно-технические тексты, части или отдельные предложения которых не могут быть переведены дословно, по причине особенностей конструкций, несвойственных русскому языку или, напротив, по причине присутствия в тексте тех или иных не поддающихся переводу оборотов, выражений или терминов.

Научно-технический перевод отличается от всех других видов языкового посредничества. Он полноправно заменяет оригинал, и рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту, – это и есть адекватность. В то же время очевидно, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и что это не мешает реализации межъязыковой коммуникации.

Исследуя художественный и научно-технический перевод, можно выделить то, что главная сложность перевода художественной литературы заключается в передаче не только внешних фактов и описаний, но и в сохранении психологических и эмоциональных элементов, заключенных в тексте. Научно-технический текст, напротив, лишен этих особенностей, что значительно упрощает работу для переводчика, которому следует точно передать мысль автора и лишь по возможности сохранить особенности его стиля – в отличие от перевода художественного [см.: 1, р. 509–517; 2, с. 116–135; 3, с. 107–115; 4, с. 173–189; 5, с. 3–6; 6, с. 3–6; 7, с. 172–176; 8, с. 324–328; 9, с. 161–165; 10, с. 280–284; 11; 12; 13, с. 5958–5962; 14, с. 57–60; 15, с. 736–740; 16, с. 159–164; 17, с. 104–118; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 163–166; 23, с. 76–92; 24, с. 180–183; 25, с. 58–69; 26, с. 90–92; 27, с. 365–369; 28, с. 95–104; 29, с. 18–23; 30, с. 294–301; 31, с. 58–60; 32, с. 106–110; 33, с. 82–91; 34, с. 68–70].

Непосредственно из-за отсутствия тождества между содержанием оригинала и перевода был введен термин «эквивалентность», т.е. общность содержания, а именно общий смысл оригинала и перевода. Совпадение содержания текстов очень важна, поэтому эквивалентность выступает как основной признак и условие существования перевода.

По словам А.Д.Швейцера, который также исследовал данные понятия, эквивалентность – это соответствие текста перевода исходному, а адекватность – соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям. Под полной эквивалентностью понимается максимальное приближение текста перевода к оригиналу, соблюдая все требования перевода. Требование

адекватности же носит оптимальный характер: перевод должен оптимально соответствовать определенным коммуникативным целям и задачам.

Мы можем выделить три следствия. Первое, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Второе, понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер: «хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. Третье, необходимо определить, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

Все виды преобразований или трансформаций, возможных в процессе перевода, можно свести к четырем типам:

1) объединение предложений – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется путём соединения двух или более простых предложений в одно сложное.

Исходный текст: *We have succeeded in accomplishing this task ahead of time. By accomplishing this task ahead of time we helped our designing bureau in obtaining the necessary data for their work.*

Перевод: *Мы выполнили это задание досрочно и помогли нашему конструкторскому бюро получить необходимые данные для его работы.*

Как видим, объединение двух предложений в одно позволило сократить текст и существенно облегчило его восприятие.

2) членение предложения – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры переводящего языка. Примером такого членения является перевод синтаксических конструкций.

Исходный текст: *The scientists believe to have discovered a new compound.*

Перевод: *Ученые полагают, что они открыли новое соединение.*

3) добавление грамматикализированных единиц, например, союзов, местоимений и т.п.

Исходный текст: *Wouldn't you like a cup of hot chocolate before you go?*

Перевод: *Не выпьешь ли чашку горячего шоколада на дорогу?*

4) опущение грамматикализированных элементов [48, с. 180].

Исходный текст: *Winter rains in the Jordan are violent, while they last.*

Перевод: *Зимой в долине Иордана бывают страшные ливни.*

В данном примере целое английское предложение является избыточным с точки зрения русского языка.

Применение данных трансформаций – это прямой путь для достижения адекватного перевода.

Также переводчики используют и другие специальные методы, нацеленные на создание адекватного перевода. В целом можно выделить два пути перевода, по которым следует переводчик: прямой перевод или буквальный и косвенный перевод (непрямой). Прямые методы перевода применяются, когда структурные и концептуальные элементы языка-источника могут быть перенесены на целевой язык. Методы прямого перевода включают в себя заимствование, калькирование, дословный перевод.

Заимствование

Заимствование – это перенос слов из одного языка в другой без изменения. Многие английские слова «позаимствованы» другими языками. Например, лексема *software* («программное обеспечение») активно используется в области технологий. Английский язык также заимствует множество слов из других языков: *abbatoire* («отбойный электрический молоток»), *café* («кафе»), *passé* («прошлое»), *résumé* («резюме») – из французского; *hamburger* («гамбургер») и *kindergarten* («детский сад») – из немецкого; *bandana* («бандана»), *musk* («мускус») и *sugar* («сахар») – из санскрита.

Калькирование

Калька (или калькирование в речи) – это фразы, заимствованные из другого языка, которые переводятся буквально, т.е. слово-в-слово. Мы часто можем их видеть в специализированных или интернационализированных областях. Примеры принятых слов: *standpoint* – точка зрения, позиция и *beer garden* – пивной сад; эти слова взяты из немецкого языка (*Standpunkt, Biergarten*). Смысл других калек может

быть непонятен для большинства людей, особенно когда они касаются определенных специальностей или дисциплин. Например, *Solución de compromiso* – испанский юридический термин, взятый из английского языка и обозначающий компромиссное решение; и хотя испанские адвокаты уже смогли принять данный термин, неспециалисту смысл будет неясен. «Бесплодная» или другими словами бесполезная калька может быть чрезвычайно неестественной и свидетельствовать об отсутствии специальных знаний у переводчика в целевом языке.

Дословный перевод

Дословный перевод – прямой перевод текста исходного языка, грамматически и идиоматически соответствующий тексту языка перевода. Он может быть использован в одних языках и не найти применения в других, это зависит от структуры предложений в различных языках. Например, посредством данного метода испанское предложение не может быть переведено на французский или немецкий язык, так как французские и немецкие структуры предложения очень различаются.

Непрямой (косвенный) перевод

Косвенные приемы перевода используются, когда структурные и теоретические элементы языка оригинала не могут напрямую преобразоваться без изменения смысла или нарушения синтаксиса и стилистики элементов целевого языка. Косвенные приемы перевода включают в себя транспозицию, модуляцию, эквиваленцию, адаптацию, компенсацию.

Транспозиция

В процессе транспозиции происходит изменение порядка (последовательности) слов, например *blue ball* переводится на французский как *boule bleue*. Это «перемещение» частей речи обусловлено тем, что грамматические структуры в различных языках существенно отличаются. Например, предложение *He likes swimming* («Он любит плавать») на немецкий язык переводится как *Er schwimmt gern*. Этот метод требует от переводчика определенных знаний, т.е. какие именно слова в языке перевода можно заменить, чтобы не изменить смысл исходного текста, например: *Hand knitted*

(англ.) – ручная вязка (существительное + причастие) переходит в испанский: *Tejido a mano* (причастие + наречная фраза).

Модуляция

Модуляция – это изменение точки зрения с помощью использования разных фраз, позволяющих иначе выразить то или иное явление. Модуляция как процедура перевода возникает, когда происходит смена точки зрения в сопровождении лексических и семантических изменений в языке перевода. Существует два вида модуляции: это свободная или необязательная модуляция и устойчивая или обязательная модуляция. Посредством модуляции переводчик осуществляет изменение точки зрения сообщения, не изменяя смысла и не вызывая чувства неловкости у читателя языка перевода. Например, «Then this girl gets killed, because she's always speeding» («А потом девушка гибнет, потому что она вечно нарушает правила»). Такая смена точки зрения в сообщении побуждает читателя сказать: «Да, это то, как мы говорим на нашем языке».

Эквиваленция

Эквиваленция используется для обозначения случаев, когда происходит описание одной и той же ситуации разными стилистическими и структурными средствами. Этот метод часто применяется для перевода идиом, пословиц, поговорок. Например, междометие «Ouch!» с английского языка на русский может быть переведено как «ой!» или «ай!». Английская идиома «don't cry over spilled milk» («над пролитым молоком плакать бесполезно») может быть переведена как «слезами горю не поможешь», «потерянного не воротишь». Процесс переформулирования является творческим и не всегда легко выполнимым, поскольку переводчик должен выразить определенную идею в совершенно иной манере.

Адаптация

Этот способ применим к случаям, когда ситуация, о которой идет речь в исходном языке, не существует в языке перевода и должна быть передана через посредство другой ситуации, которую мы считаем эквивалентной, т.е. это сдвиг в культурной среде. Данный метод используется, когда предел перевода был

достигнут, т.е. когда простой перевод не будет уместен или будет производить путаницу в целевом языке и культуре. В таком случае переводчики должны создать новую ситуацию, которую можно рассматривать как эквивалентную. Названия книг, фильмов, имена героев часто попадают в эту категорию. Например, «Тихий Дон» М. Шолохова переведен на английский язык как «The Don Flows Home to the Sea» (досл. «Дон течет к морю»), название романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» по-английски звучит как «The Clay Machine-Gun» (досл. «Глиняный пулемет»).

Компенсация

В общих чертах компенсация может быть использована, когда некоторые смысловые элементы и стилистические особенности не могут быть переведены, а утрачивающийся смысл выражается в другом месте текста перевода. Питер Фосетт определяет компенсацию как «возможность не утратить значение полностью, используя в тексте перевода элементы другого порядка». Одним из примеров, предложенных Фосеттом, является перевод нюансов формальности в некоторых языках, например, в русском языке неформальный «ты» и формальный «вы», в испанском – «tú» и «usted», в французском – «tu» и «vous», и в немецком – «du» и «Sie». Но в английском языке имеется только «you», следовательно, присутствует необходимость выражать степень формальности другими способами.

Список литературы

1. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.*

2. Жаткин Д.Н. *Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.*

4. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

5. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3–6.

6. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3–6.

7. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

8. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л. Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н. Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

12. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958–5962.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И. Козлов и классики английской литературы (У. Шекспир, Р. Бёрнс): традиции и переводы // Вестник

Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

15. *Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.*

16. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.*

17. *Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.*

18. *Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.*

19. *Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.*

20. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.*

21. *Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.*

22. *Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.*

23. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.*

24. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

25. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиравшая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

26. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

28. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

29. Степанов М.С. Семиотика смерти в дискурсе деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – 2010. – №1 (177). – С. 18–23.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

31. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

32. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 –110.

33. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

34. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

УДК 821.161.1 – 31

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

*И.Ф.Головченко, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск,
Россия*

THE SPECIFICITY OF THE TRAVELOGUE GENRE IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT

I.F.Golovchenko, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Аннотация. Жанр путешествий в эпоху Просвещения приобретает черты аллегорического повествования, причём писатели обращаются к изображению странствий в несуществующие, мифические земли. Некоторые из них стилизовали жесткие сатиры под увлекательные путешествия, другие насыщали произведения философским смыслом. Мифы о вымышленных землях предоставляли авторам возможность проиллюстрировать некую идею и даже пародировать рационализм просветителей. Характерно, что аллегорические по своей сути романы-путешествия XVIII века превращались в детскую литературу.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, жанр путешествия, философский смысл, аллегория, сатира.

Abstract. The travelogue genre in the Age of Enlightenment acquires the characteristic features of the allegorical narration, besides the writers are turn to the description of the travels to the non-existent, mythical lands. Some of them stylized tough satire as fascinating travels; others saturated their works with philosophical meaning. The myths about the imaginary lands gave the

writing the opportunity to illustrate a certain idea and even parody the enlightener`s rationalism. It is typical, that the novels-travelogues of the XVIII century, allegorical as such, were turning into children`s literature.

Keywords: the Enlightenment, the travelogue genre, the philosophical meaning, allegory, satire.

E-mail: i_golovchenko@yahoo.com

В период Просвещения описания путешествий героев в экзотические места и их различных приключений были не самоцелью, как в эпоху Возрождения, они превратились в большую аллегорию, смысл которой сводился к высмеиванию современного общества, прославлению или посрамлению той или иной философской концепции. Среди наиболее ярких сочинений жанра путешествий – «Кандид» Вольтера, «Путешествия Гулливера» Свифта и «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

«Кандид, или оптимизм» – повесть, созданная Вольтером специально для осмеяния философии оптимизма Готфрида Лейбница. «Лейбниц использует деистический образ бога как заботливого и доброго монарха, отечески опекающего своих подданных – «духов». Действовать «согласно началу наилучшего» – значит вести природу и общество ко все большему совершенству. Знаменитый оптимизм Лейбница можно считать завершением его философской системы» [7, с. 9].

В «Кандиде» изображен персонаж Панглосс, постоянно говорящий «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Его ученик Кандид со своей возлюбленной Кунигундой переживают массу приключений, которые отнюдь не мыслятся как приятные и интересные: Кандид из-за своей любви вынужден завербоваться в болгарскую армию, где его подвергают пыткам и наказаниям, затем он бежит из армии и попадает в Лиссабон, где видит легендарное землетрясение; судьба забрасывает его то в Южную Америку, то в Париж, и нигде юноша не находит счастья.

В конце повести возникает метафора «сада» как успокоения после всех приключений и перипетий: «надо возделывать наш сад». Необходимо отметить,

что Кандид, переживший множество приключений, является «странником поневоле»: он отправился в путешествие не потому, что сам хотел увидеть различные экзотические страны. Его скитания представляют собой цепь причинно-следственных связей, в которых сам герой выглядит, словно пешка в руках неумолимой судьбы, и от него ничего не зависит.

Кроме высмеивания существующих нравов и обычаев (как, например, описание мошенников и плутов в Париже), Вольтер обращается и к аллегорическому описанию несуществующих земель. В процессе скитаний Кандид и его спутники попадают в мифическую землю Эльдорадо. Деревенские дети в Эльдорадо играют драгоценностями, как обычными камешками: «Они с Какамбо остановились у первой попавшейся им на пути деревни. Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары. Пришельцы из другой части света с любопытством глядели на них; игральными шарами детям служили крупные, округлой формы камешки, желтые, красные, зеленые, излучавшие странный блеск. Путешественникам пришло в голову поднять с земли несколько таких кругляшей; это были самородки золота, изумруды, рубины, из которых меньший был бы драгоценнейшим украшением трона Могола.

– Без сомнения, – сказал Какамбо, – это дети здешнего короля.

В эту минуту появился сельский учитель и позвал детей в школу.

– Вот, – сказал Кандид, – наставник королевской семьи» [2].

В Эльдорадо золота и драгоценных камней так много, что местные жители не придают им никакого значения, король добр к своим подданным, и никто не тиранит их и не заставляет делать того, чего они делать не хотят.

Вольтер намечает интереснейшую черту романов-путешествий, которая впоследствии в полной мере проявится у Свифта: изображение несуществующих стран, которые имеют аллегорическое значение. Вымышленные земли и существа встречались еще в «Одиссее», однако в мифологии не предполагалось, что подобные эпизоды придумываются для критики современного общества или высмеивания каких-то его черт.

Первым, кто стал использовать миф о вымышленных землях, чтобы с его помощью чему-то научить своих слушателей или читателей, был Платон. Именно он является создателем легенды об Атлантиде. «Платон рассказывает, что некогда «за Геркулесовыми столпами», то есть в Атлантическом океане, был огромный остров, на котором жили могущественные люди. Царем острова был Атлант, сын бога океана Посейдона, и в честь него остров назвали Атлантидой. Столица была обнесена крепостными стенами из местного металла – орихалка, атланты вели торговлю со многими странами. Атлантида могла выставить армию в 10 тысяч боевых колесниц и 1200 триер. Но жители Атлантиды возомнили, что могут завоевать весь мир, и тогда боги, чтобы наказать их, ввергли остров обратно в морскую пучину» [10, с. 34]. Рассказы об Атлантиде являются частью диалогов «Тимей» и «Критий», и существуют две версии, объясняющие возникновение этой страны. Согласно одной из них, Платон излагает реальные события, частично приукрасив или видоизменив их, чтобы они полнее подтверждали его теорию. Но возможно, Платон излагает историю Крита или Санторина, закончившуюся извержением вулкана, который действительно похоронил остатки древней цивилизации. Однако вторая версия предполагает, что Платон устами своего героя Крития излагает историю вымышленного государства, которая должна доказать его слушателям-ученикам некие философские истины.

Можно выделить два источника рассказов о вымышленных странах. С одной стороны, легенды и мифы могли возникать под влиянием неверных сведений о том или ином крае. Так, легенда о «людях с песьими головами», живущих на севере, возникла, возможно, из-за того, что вместо шуб носили невыделанные шкуры с сохранившейся головой волка. Другим же источником является миф-аллегория, придуманный для того, чтобы привлечь внимание и проиллюстрировать некую идею.

Соответственно, комплекс мотивов путешествия как бы возвращается в Средневековье: снова описываются различные реалии, интересные не только сами по себе, но и как часть аллегории, задуманной автором.

Еще более аллегоричными являются «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. В основе данного приключенческого романа путешествий скрывается жестокая сатира на современную Свифту английскую действительность и историю Англии. «Однако сюжетные линии фабулы, являясь иносказанием обобщенной сатиры, объединяют множество смысловых элементов, рассчитанных исключительно на взрослого читателя, – намеков, каламбуров, пародий и т.п., – в единую композицию, представляющую смех Свифта в самом широком диапазоне – от шутки до «сурового негодования» [3, с. 56].

Помимо мотивов деградации поколений, сатирического изображения английской истории (война Тупоконечников и Остроконечников в стране лилипутов, развернувшаяся из-за вопроса, с какого конца разбивать яйцо), Свифт пародирует один из основных устоев Просвещения – рационализм, опору на человеческий разум и признание его доминирования во всех сферах жизни. Четвертое путешествие, где Гулливер попадает в страну гуингмов (лошадей), у которых в подчинении находятся йеху (люди), показывает, что человеческая личность способна не только к бесконечному развитию, но и к бесконечной деградации: «Свифт подвергает испытанию смехом рационализм просветителей и там, где они усматривали неограниченную перспективу для развития личности, видит возможности ее вырождения» [3, с. 58].

Следует отметить, что Свифт даже не претендовал на правдоподобие: его герой отплывает из реально существующих портов, но попадает в страны, которые никогда не существовали. В данном случае Свифт как бы продолжает традиции Платона, который придумал несуществующее государство, дабы проиллюстрировать некую идею.

Аллегоричным является и один из самых известных романов-путешествий – «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. В этой книге можно увидеть прославление человека просвещения, который в одиночку смог устроиться на острове, не имея практически никаких инструментов. «О Робинзоне Крузо и говорить нечего: это гимн буржуазности, ода человеку разумному и

трудолюбивому. Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину. Часы, ружье, английскую булавку, банковскую систему, страховые общества. Изобрел – и возрадовался делам рук своих» [9].

Однако при более внимательном прочтении в книге Даниэля Дефо становится очевидной и другая, религиозная составляющая. В Робинзоне видят и нового Иону [8, с. 54], переживающего скитания, и нового Иова. Между тем Л.Д. Романчук убедительно доказывает, что роман Даниэля Дефо является переосмыслением в категориях рационализма и Просвещения самой Книги Бытия: «Между тем, если уж проводить параллели между романом Дефо и Библией, то скорее напрашивается сравнение его с книгой «Бытие». Робинзон по сути создает свой мир, отличный от островного мира, но отличный и от оставленного им мира буржуазного – мир чистого предпринимательского творения. Если герои предыдущих и последующих «робинзонад» попадают в готовые, уже сотворенные до них миры (реальные или фантастические – например, Гулливер), то Робинзон Крузо строит этот мир шаг за шагом подобно Богу. Вся книга посвящена доскональному описанию творения предметности, ее умножения и материального наращивания. Акт этого творения, разбитый на множество отдельных моментов, оттого так захватывающ, что в основу его положена не только история человечества, но и история всего мира. В Робинзоне поражает его богоподобность, заявленная не в форме Писания, а в форме житейского дневника. Присутствует в нем и остальной арсенал, свойственный Писанию: заветы (многочисленные советы и наставления Робинзона по разным поводам, даваемые в напутствие), аллегорические притчи, обязательные ученики (Пятница), поучительные истории, каббалические формулы (совпадения календарных дат), временная разбивка (день первый и т.д.), ведение библейских родословных (место которых в родословных Робинзона занимают растения, животные, урожаи, горшки и т.д.). Библия в «Робинзоне Крузо» словно пересказана на заниженном, обытовленном, третьесловном уровне» [6].

Иными словами, сюжет «Робинзона» служит двум целям: во-первых, он демонстрирует, каким приспособленным к жизни и уверенным стал современный автору и читателям человек, во-вторых – написать Библию «по-новому», с точки зрения «третьего сословия».

Интересно, что аллегорические по своей сути «Путешествия Гулливера» и «Робинзон Крузо» стали в итоге частью детской литературы: их «чуждость» затмила аллегорический смысл, вложенный авторами в текст. В XX веке, когда прославление умелого и смекалистого человека утратило смысл с прогрессом техники, а реалии Англии, к которым отсылают сатирические аллегории Свифта, далеки от читателя, приключенческая составляющая произведений вышла на передний план и превратила их в детскую литературу.

Впрочем, некоторые исследователи указывают, что аллегоризм Свифта актуален и по сей день: «Ну, разумеется, Свифт ведет речь о современной ему Англии, разделенной на сторонников тори и вигов — но их противостояние кануло в Лету, став принадлежностью истории, а вот замечательная аллегория-иносказание, придуманная Свифтом, жива. Ибо дело не в виггах и тори: как бы ни назывались конкретные партии в конкретной стране в конкретную историческую эпоху — свифтовская аллегория оказывается «на все времена». И дело не в аллюзиях – писателем угадан принцип, на котором от века все строилось, строится и строиться будет» [4, с. 8].

Далее, в эпоху Просвещения был также написан роман «Путь паломника» Джона Беньяна. В данном случае речь идет о полностью аллегорическом повествовании, в котором главный герой Кристиан (его имя намекает на слово Christian, «христианин») странствует по различным аллегорическим местам, символизирующим разнообразные смертные грехи и искушения человечества, – Ярмарку Тщеславия, Долину Смертной Тени и пр. Конечной точкой путешествия является Небесный Град – рай.

Вот, например, отрывок из текста «Пути паломника»: «В селе неподалеку отсюда, с красивым названием Благодравие, живет некий господин по имени Законность, человек очень уважаемый, с большим жизненным опытом, весьма

строгих правил и незапятнанной репутации. Он находит выход из самых запутанных ситуаций. Могу тебя заверить, что он помог уже многим людям, которые попадали в безвыходное положение. Кроме того, у него есть особый дар – он может исцелять людей, психика которых пострадала под тяжестью бремени, очень схожего с твоим. К нему-то я тебе советую отправиться сейчас, и он тотчас тебе поможет. Дом его находится отсюда на расстоянии полутора верст. Если ты его не застанешь дома, то познакомишься с сыном, милым молодым человеком по имени Угодливость, который может точно так же тебе помочь, как и его старик-отец. Там, смею тебя уверить, ты скоро избавишься от своей ноши. Если ты решительно не желаешь вернуться в свой родной город, чего я тебе тоже не советую, то тебе надо будет вызвать к себе жену и детей и поселиться в этом селе, купив удобный и недорогой домик. Там их теперь много пустует... И провизия здесь тоже дешевая, притом отличного качества. Твое счастье умножат хорошие честные соседи, сам же ты будешь пользоваться всеобщим почетом и уважением» [1].

Аллегоричность текста доведена до предела: если Свифт стилизовал свои сатиры под увлекательные приключения, а Вольтер старался насытить свое философское путешествие Кандида ссылками на различные реалии, то Беньян старается, наоборот, как можно более символично выразить свою мысль.

«Связующим звеном» между двумя типами можно назвать «Дон Кихота», который перерос жанр повествования о приключениях и превратился в нечто большее.

К путешествиям-аллегориям принадлежит и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Целью этого произведения, за которое Екатерина II окрестила Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева», было показать тяжелую жизнь крестьян, и сам автор в предисловии пишет: «Я взглянул окрест меня – душа моя, страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы.» [5]. Иными словами, в русской литературе классицистическая повесть-

путешествие являлась аллегорией, но в то же время была основана и на реальных событиях, в отличие, к примеру, от вымысла Вольтера.

Таким образом, путешествия в эпоху Просвещения снова стали не просто увлекательными произведениями о поездках или приключениях, но и аллегориями.

Список литературы

1. Беньян Дж. Путешествия Пилигрима // <http://jesuschrist.ru/library/view.php?id=110#.T18rfOVSOSo>
2. Вольтер Кандид, или оптимизм / Пер. Ф. Сологуба // <http://lib.ru/INOOLD//WOLTER/kandid.txt>
3. История зарубежной литературы XVIII века. – М.: Высшая школа, 1991. – 335 с..
4. Кашинцев А.И. Предисловие // Свифт Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера / Пер. А.А.Франковского. – М.: Детская литература, 1975. – 160 с.
5. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // http://www.world-art.ru/lyric/lyric_alltext.php?id=4540
6. Романчук Л.А. Особенности повествовательной структуры в «Робинзоне Крузо» Дефо // http://www.roman-chuk.narod.ru/1/Defoe_2.htm
7. Соколов В.В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Лейбниц Г.В. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 636 с.
8. Соколянский М.Г. Западноевропейский роман эпохи Просвещения: Проблемы типологии. – Киев–Одесса, 1983. – 140 с.
9. Толстая Т.Н. Купцы и художники // http://www.e-reading.club/chapter.php/1013406/27/Tolstaya_-_Izyum.html
10. Шуйская Ю.В. Обо всем на свете. – М.: Росмэн, 2006. – 199 с.

**СПЕЦИФИКА ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

*И.Ф.Головченко, Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск, Россия*

JOURNEY GENRE SPECIFICS IN LITERATURE RENAISSANCE

I.F.Golovchenko, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Аннотация. Проведенный в статье анализ показал, что эпоха Возрождения наследуя традиции жанра путешествий античности и Средневековья, формирует и свою систему литературных жанров, в которой, наряду с эпической поэмой, развиваются новые формы изображения странствий: сборники рассказов, рыцарский роман, плутовской роман, роман-памфлет. Возрождение внесло в описание путешествия не только приемы социального анализа, но стало эпохой создания нового жанра – записок о путешествиях, основанных на подлинных событиях.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, сюжет, жанр путешествия, рыцарский роман, плутовской роман, роман-памфлет, сборники новелл.

Abstract. The analysis in this article shows that the Renaissance while inheriting the traditions of the journey, antiquity and medieval genre forms its own system of literary genres where along with the epic poem new forms of depicting a journey are developing, including short story collections, romance, picaresque novel, and pamphlet novel. The Renaissance brought not only social analysis techniques into journey description, but also became the era of creating a new genre of journey notes based on true stories.

Keywords: Renaissance, story, journey genre, romance, picaresque novel, pamphlet novel, short story books.

E-mail: i_golovchenko@yahoo.com

В истории литературы и искусств эпоха Возрождения – широко изученный период. «Интенсивный расцвет литературы в значительной степени связан в этот период с особым отношением к античному наследию. Отсюда и

само название эпохи, ставящей перед собой задачу воссоздать, «возродить» якобы утраченные в средние века культурные идеалы и ценности. На самом деле подъем западноевропейской культуры возникает совсем не на фоне предшествующего упадка. Но в жизни культуры позднего средневековья столь многое меняется, что она ощущает себя принадлежащей к другому времени и чувствует неудовлетворенность прежним состоянием искусств и литературы. Прошлое кажется человеку Возрождения забвением замечательных достижений античности, и он берется за их восстановление» [1, с. 542].

Подчиненность Средневековья научному идеалу привела к теологизации и метафоризации жанра путешествия. В эпоху Возрождения сюжет путешествия по-прежнему выполняет роль «стержня», однако интерес к сюжетам, насаживаемым на этот «стержень», гораздо выше, чем к его метафорической сущности. По сути, путешествие становится такой же мотивировкой сюжета, как эпидемия в «Декамероне», выступившая лишь поводом для рассказывания интересных историй.

«Литература Возрождения в корне изменила жанровую систему. Была создана новая система литературных жанров, некоторые из них, известные со времен античности, были возрождены и переосмыслены с гуманистических позиций, другие созданы заново. <...> Эпос в литературе Возрождения представлен в разных формах. Следует отметить, прежде всего, широкое распространение эпической поэмы, новую жизнь приобретает средневековый рыцарский роман, причем в него вливается новое содержание. На закате Возрождения утверждается плутовской роман. Подлинным созданием Ренессанса становится жанр новеллы, типологические основы которого были заложены Боккаччо» [1, с. 548].

Путешествие приобретает иную направленность: оно становится скорее юмористическим, чем назидательно-аллегорическим. Образцом жанра выступают «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера – 22 новеллы, «авторами» которых являются паломники, направляющиеся в Кентербери, – представители духовенства, рыцарского сословия, купцы, пахарь, ткачиха, юрист, доктор и пр.

Истории, которые они рассказывают, во многом восходят к бродячим сюжетам фавлю, новеллам, которые составляли часть городского фольклора Средневековья.

Таким образом, литература путешествия приобретает характер «нанизывания» уже не событий, а рассказов. Получается, что смысл повествования о пути отходит на второй план: главное – создать мотивировку для сборника рассказов, которые могут быть как смешными, так и поучительными, как веселыми, так и трагическими. Но подобные истории могли бы поведать друг другу и люди, не находящиеся в пути, что демонстрирует «Декамерон» Боккаччо, некоторые повести в котором совпадают с сюжетами «Кентерберийских рассказов». Структура произведения оказывается «списочной». В начале автор сообщает:

Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард», в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентербери по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту
Компанию. Их двадцать девять было.
Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они – пример всем нам –
Шли поклониться праведным мощам.
Конюшен, комнат в «Табарде» немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился [6, с. 43].

Далее подробно перечисляются спутники, каждый из них излагает свой рассказ. Иными словами, произведение построено без привычных читателю завязки, кульминации и развязки (как построена «Одиссея»): герои просто сменяют один другого. Мастерство Чосера проявляется в придании каждому из

них индивидуальной манеры речи, в изучении особенностей личности: не только стиль, но и сюжеты многое говорят о представителе каждого сословия.

Другим видом путешествий в литературе эпохи Возрождения является так называемый «плутовской роман» – роман о похождениях того или иного человека, который переживает, подобно Одиссею, массу приключений. Н.В. Томашевский утверждает, что явление плутовского романа имеет четкие временные границы. «Понятие «плутовской роман» настолько зыбко, что с самого начала здесь требуется дать некоторые предварительные пояснения. Хронологические границы жанра порой раздвигались совершенно неправомерно – от «Сатирикона» Петрония до «Признаний авантюриста Феликса Круля» Томаса Манна и «Призовой лошади» Фернандо Алегрии. Порой же они сужались едва ли не до одного «Гусмана де Альфараче». Между тем плутовской роман – жанр исторически завершённый, то есть имеющий определённые временные пределы. Жанр плутовского романа предполагает, прежде всего, некоторую преемственность содержательных и структурных моментов, связанных с определённой поэтикой, моральной проблематикой, с конкретными утверждениями о жизни и человеке, принятыми однажды в одном произведении и разрабатываемыми и обновляемыми сочинениями последующих писателей, отражающих сходную историческую реальность» [5, с. 7].

Плутовской роман пережил свой расцвет и упадок в Испании, где возникли такие произведения, как «Ласарильо с Томеса», «Гусман де Альфараче» и другие. Путешествия Ласарильо и его передвижения, к примеру, мотивированы тем, что он, будучи слугой, меняет семь хозяев: «Смена глав объясняется поисками места. Каждый новый хозяин Ласаро был записью еще не описанного явления. Сын служащего с мельницы, Ласаро становится полусиротой, потому что его отца арестовывают за кражу. Мать его живет с мавром, имеет от него черного ребенка. Мавр также арестовывается за кражу. Ласаро отдают в поводыри нищему. Хозяева Ласаро – слепец, церковник, бедный дворянин, монах, продавец булл на отпущение грехов, священник, полицейский» [7].

Следует отметить, что Томашевский возводит плутовской роман к античной классификации высоких, средних и низких жанров, указанной в «Поэтике» Аристотеля. Цель плутовского романа заключалась в высмеивании различных социальных слоев, вскрытии проблем общества, что и позволило исследователям причислить данный вид путешествий к низким жанрам.

Расцвет жанра плутовского романа именно в Испании объясняется не только использованием античной системы жанров, но и историческими причинами (ограничения частного земледелия и скотоводства, к примеру) и в связи с быстрым ростом колоний, в которых можно было сказочно разбогатеть, в стране сформировался особый класс бродяг-авантюристов. «Массы жили в ужасающей нищете, и эта нищета, отягощенная презрением к каждодневному систематическому труду, в сочетании с всеобщим ослеплением легкой наживой за океаном, обезлюживанием деревни и переселением в города, способствовала созданию если не класса в строгом смысле слова, то обширной прослойки авантюристов, бродяг, тунеядцев и бездельников. Образованию этой прослойки не только не препятствовали всевозможные благотворительные учреждения и подаяния, но напротив – они лишь умножали эту категорию разношерстных тунеядцев и авантюристов. Нищета, общественное отчаянье, безнадежность и моральное разложение породили пикаро. Впервые это слово было зарегистрировано в литературных текстах 1540-х годов. Означало оно человека, занятого черным трудом, не имеющего своей профессии и живущего случайными заработками, бродягу, мошенника. Наиболее вероятная этимология: от «пикардийца», жителя Пикардии, поставлявшей наемных солдат, которые часто превращались в бродяг и дорожных грабителей» [5, с. 9]. Как очевидно, появление романа-путешествия как истории приключений авантюриста-одиночки стало результатом взаимодействия нескольких факторов: с одной стороны, реальных исторических событий, с другой стороны – переосмысления и использования в новом контексте античной системы жанров. В отличие от сборников, подобных «Кентерберийским рассказам», в плутовском романе имелась кульминация, обычно заключавшаяся в

перевоспитании плута или крахе всех его начинаний, однако вслед за этим поражением следовало возрождение. Плутуевский роман отчасти использовал приемы, которые впоследствии принесли славу Диккенсу и Дюма-отцу: эти писатели, публикуя свои произведения в журналах, делили их на главы с таким расчетом, чтобы в конце каждой главы оставить «зацепку», оборвать «на самом интересном месте». Авторы плутовского романа составляют его из рассказов, которые также поддерживают внимание читателя в напряжении.

В эпоху Возрождения продолжается и традиция аллегорического путешествия. Так, герои Франсуа Рабле Пантагрюэль и Панург совершают поездку в Китай, по пути в который им встречается множество стран и народов, каждый из которых является авторской аллегорией какого-либо порока общества или явления: «На другое утро глазам нашим представился Остров папефигов, некогда богатых и свободных, прозывавшихся весельчаками. Ныне же то были люди бедные, несчастные, и подчинялись они папоманам. Вот как это случилось. Однажды во время ежегодного праздника жезлов весельчаковые бургомистры, синдики и тучные раввины отправились на ближний остров Папоманию погулять и поглядеть на праздник. Один из них, увидев портрет папы (там был похвальный обычай выставлять его в праздничные дни на всеобщее погляденье, прикрепив на сей предмет к двум жезлам), показал ему фигу, а в Папомании знак тот почитался за прямое глумление и надругательство. Несколько дней спустя папоманы, пылая мщением, взялись за оружие, без всякого предупреждения вторглись на Остров весельчаков, разграбили его и разорили дотла и вырезали всех бородатых мужчин» [3].

В дальнейшем традиция путешествия-памфлета получит развитие у Свифта, который мотив путешествия использовал исключительно для введения в текст сатиры на современное писателю общество.

Следует отметить, что в эпоху Возрождения художественная литература стала приобретать массовое распространение. Появление книгопечатания дает мощный стимул развитию авторского текста. Большинство рукописных текстов – анонимные. В эпоху, когда само создание книги было трудным и долгим

делом, когда 90 % населения не умели писать, человеку, чтобы ощущать себя избранным, достаточно было уметь писать. Среди переписчиков текста действовала так называемая «открытая текстологическая традиция» – любой монах, переписывавший текст, мог вставить в него какие-либо фрагменты или убрать их по собственному вкусу. Проблемы плагиата, авторского права не существовало, она возникает только вместе с появлением книгопечатания.

Один из самых известных романов-путешествий не только эпохи Возрождения, но и всей мировой литературы, – история хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского. Роман Сервантеса явился апофеозом данного жанра. Автор стремится показать не столько чудеса и удивительные приключения, сколько характер героя. Любопытно, что «Дон Кихота» связывают с плутовским романом, хотя его герой – далеко не плут, а совсем наоборот. «Система подвигов Дон Кихота, первоначальный смысл его поступков – рыцарский, но в то же время роман построен на сознательном использовании элементов плутовского романа. Плутовской роман – система неприкрашенного показа действительности с точки зрения плута. Эта система часто обходится без моральной оценки поступков героя: поступки объяснены его желанием выжить.

Рыцарский роман – возвышенный жанр, в котором герой совершает необыкновенные подвиги и живет как бы вне быта, в мире чудес и волшебников» [7]. Сервантес не только не скрывает связь своего романа с образцами плутовских романов, но, наоборот, всячески ее подчеркивает. В начале, как отмечает В.Б. Шкловский, есть несколько посвящений, в которых, к примеру, прямо упоминается имя Ласарильо с Тормеса:

От меня овес отбо (рный)
Не ускачет и гало (пом),
В этом я – как Ласари (льо),
У слепца вино словчи (вший)
При содействии соло (мы).

Данные подчеркнута манерные стихи, обращенные к кляче, обозначают не совпадение романа Сервантеса с рыцарскими, а разность их построения» [7].

Получается, что Сервантес сознательно ставит Дон Кихота в один ряд с плутами – чтобы продемонстрировать не его подлость, а наоборот, его чистоту и стремление сделать мир лучше.

Таким образом, в эпоху Возрождения создаются сборники рассказов о путешествиях. Если в эпоху античности события, составлявшие основу сюжета, происходили с самим персонажем, то в эпоху Возрождения они могут быть рассказаны героями без видимой внутренней связи. В то же время возникает роман-путешествие, задача которого – показать различные социальные слои и раскрыть характер главного героя. К этому типу относится, прежде всего, плутовский роман, который служит раскрытию особенностей личности героя-плута. В.Б. Шкловский, исследуя феномен плутовского романа, указывает, что жанры плутовской новеллы и соревнования плутов присутствуют также в арабской культуре и в античности.

Следует отметить, что Возрождение было эпохой великих географических открытий, которая породила не только вымышленные, но и правдивые описания. Путешественники составляли записки, рассказывали об увиденном и услышанном ими. Первым создателем такого типа травелога стал Марко Поло, который оставил записки о своем пребывании в Азии, в частности, в Китае. В России же составителем такого путешествия был Афанасий Никитин с его «Хождением за три моря» и подробным описанием Индии. Путешествия такого типа, строго говоря, не являются художественными произведениями: на них можно опираться, как на реальные лингвистические, этнографические и исторические источники, хотя часто субъективность восприятия автора искажает целостную картину. К примеру, Марко Поло пишет о Персии: «А через два дня езды – море Океан [Персидский залив]; на берегу город Кормоз, тут пристань. Сюда, скажу вам, приходят на своих судах купцы из Индии; привозят они пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновые зубы и другие товары; все это продают они другим купцам, а те, перепродавая, развозят по всему свету. В городе большая торговля; ему подчинены другие города и замки, а он – главный в царстве. Царь

зовется Руемедан-Акомат. Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая. Если умрет здесь иноземный купец, все его имущество царь берет себе» [2]. Марко Поло очевидно не ставит цели выразить какую-либо аллегория: наоборот, он максимально подробно повествует о том, что видел. Неслучайно эту книгу Колумб брал с собой в путешествие не в качестве развлекательного чтения, а в качестве справочника.

Для европейца экзотикой была не только Азия, но и Русь. Свидетельства о путешествии в Московию для жителя Европы были не менее диковинными, чем описания Индии и Китая. Так, переводчик Григорий Кружков пишет о нескольких «путешествиях» в Московию: «Эпистолы стихотворные из Московии мистера Джорджа Тербервиля, секретаря мистера Томаса Рэндольфа: посла ее Величества к Императору в 1568 году, с описанием сказанной страны, ее людей и обычаев» и книгу папского посла в России Сигизмунда Герберштейна «Записки из Московии». Первая книга показывает субъективность и тенденциозность ее автора: «Впечатления Тербервиля от России в целом мрачны, тон его желчен. Вряд ли он мог оказаться иным. Посольству Томаса Рэндольфа пришлось испытать настоящие мытарства. Несколько месяцев они добирались из Архангельска до Москвы, преодолевая чинимые русскими властями задержки и препятствия, и потом ещё несколько месяцев провели в Москве под суровой, почти тюремной, охраной, не получая у царя желаемой аудиенции. Истинная причина столь строгой изоляции, по предположению русского историка Ю.В. Толстого, в том, что Иван Грозный не хотел, чтобы посол и посольские люди знали, что делается на Москве, где в это время происходили казни, свирепствовали опричники. В своих письмах Тербервиль неоднократно намекает, что мог бы поведать нечто и похуже того, о чём он решается рассказать. Понятно, что опасения его были оправданны, письма могли перехватить. И всё же Тербервиль не удержался ни от критики деспотии (хотя бы в самой общей форме), ни от осуждения православной религии, которая, с протестантской точки зрения, вероятно, должна была

казаться идолопоклонством и пустосвятством» [4]. Соответственно, картина Руси в изложении Тербервиля выглядит удручающей:

Дичь есть, но вот беда, во всей их стороне
Не сыщется ни одного, кто знал бы толк в стряпне.
О вертеле никто здесь даже не слышал,
Любую дичь суют в горшок – да в печь, и кончен бал.
Ни кружек нет у них, ни оловянных блюд.
Березовые чашки сплошь, из них едят и пьют [4].

Возрождение внесло в изображение путешествия не только приемы социального анализа, но и стало эпохой появления нового жанра – записок о путешествии, основанных на реальных событиях. Впоследствии данный жанр будет развиваться до XX века.

Таким образом, травелог в эпоху Возрождения обретает новых героев и специфические жанровые формы.

Список литературы

1. *История зарубежной литературы: Средние века. Возрождение. – 4-е изд., испр. и доп. / М.П.Алексеев, В.М.Жирмунский, С.С.Мокульский, А.А.Смирнов. – М.: Высшая школа, 1987. – 415 с.*
2. *Поло Марко. Книга о разнообразии мира / Пер. И.П. Минаева // http://lib.ru/INPROZ/POLO_M/mir.txt (дата обращения: 24.02.2017).*
3. *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль // http://lib.guru.ua/RABLE/rable1_1.txt (дата обращения: 26.02.2017).*
4. *Тербервиль Дж. Эпистолы стихотворные из Московии / Пер. Г.М. Кружкова // <http://kruzhkov.net/> (дата обращения: 24.12.2017).*
5. *Томашевский Н.В. Плутовской роман. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 5–20.*
6. *Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И.А.Кашкина. – М.: Художественная литература, 1987. – 558 с.*

7. Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы // <http://fictionbook.ru/static/trials/00/18/31/00183160.a6.pdf> (дата обращения: 24.12.2017).

УДК 81.25

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Е.С. Гордеева, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

ENGLISH LOANS IN GERMAN LANGUAGE

E.S.Gordeeva, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В статье отмечаются многочисленные факты заимствований из английского языка в немецкий язык, характеризуются фонетические, графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические признаки заимствований, указывается на отсутствие единообразия в толковании понятия «заимствование» у лингвистов.

Ключевые слова: лингвистика, заимствование, английский язык, немецкий язык, терминология.

Abstract. In this article is being examined the numerous facts of loans from English into German, as well as phonetic, graphic, morphologic, syntactic and semantic features of loans. Also it points out the absence of uniformity in the interpretation of the concept “loan” by the linguists.

Keywords: linguistics, lexical loan, English, German, terminology.

E-mail: trokat@mail.ru

Немецкий язык постоянно претерпевает изменения, пополняя свой словарный состав новыми лексическими и фразеологическими единицами.

Одним из наиболее распространенных способов пополнения словарного состава языка является процесс заимствования. В свою очередь, в век информационных технологий и развития международных отношений,

наиболее часто происходят заимствования из английского языка и гораздо реже из других языков [1, с. 107–115; 2, с. 58–60; 3, с. 736–740; 4, с. 76–92; 5, с. 225–241; 6, с. 57–60; 7; 8; 9, с. 232–234; 10, с. 159–164; 11, с. 68–70; 12, с. 3–11; 13, с. 9–13; 14, с. 3–6; 15, с. 280–284; 16, с. 172–176; 17, с. 58–69; 18, с. 324–328; 19, с. 161–165; 20, с. 173–189; 21, с. 693–697; 22, с. 215–222; 23; 24; 25, с. 111–115; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 294–301; 29, с. 180–183; 30, с. 58–69; 31, с. 106–110; 32, с. 82–91; 33, с. 116–135; 34, с. 104–118; 35, с. 145–149; 36, с. 163–166].

Определение понятия «заимствование» занимает особое место в теории заимствования. Термин «заимствование» может использоваться как в узком, так и в широком смысле. В широком смысле данный термин означает путь обогащения словарного запаса любого языка. При этом наличие в языке заимствований тесно связано с политическим, культурным или экономическим влиянием одного народа на другой. Данный подход к определению термина «заимствование» ставит в центр внимания процесс взаимодействия языковых систем и граничит с теорией языковых контактов.

При исследовании немецкого языка на предмет наличия заимствований можно сделать вывод, что и литературный и разговорный немецкий язык содержит огромное количество заимствований, причем их происхождение разнообразно. Данный факт подтверждает то, что немецкая культура имеет сложный и многосоставный характер, а также постоянно взаимодействует с другими народами, имея политические, культурные и экономические связи с ними.

В узком понимании термин «заимствование» обозначает сам процесс проникновения иноязычной лексики в язык, а также процесс ее адаптации в нем. В еще более узком понимании «заимствование» – это сама лексема, прошедшая все этапы адаптации и ставшая частью языка-реципиента.

Так, Л.П. Крысин определяет «заимствование» как «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» и

характеризует его как «всеобъемлющее явление, которое распространяется на элементы всех уровней языка».

Также, определяя понятие заимствование, нельзя не упомянуть и о другой точке зрения, согласно которой термин «заимствование» противопоставляется термину «освоение» и определяется как включение иноязычного материала в речь, в то время как освоение является процессом вхождения слова в лексическую систему.

Согласно Э. Хаугену, заимствование – это «воспроизведение моделей одного языка другим языком».

Среди современных исследователей языка также существует мнение, что процесс заимствования может происходить и в рамках одного и того же языка, когда литературный язык заимствует какие-либо лексические единицы из разговорного языка, жаргонов, диалектов и т. д.

Сформулируем определение понятия «заимствование». Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» «заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой». Исходя из данного определения, можно считать заимствованием как процесс освоения элемента языка-донора языком реципиентом, так и сам элемент.

Как правило, элементом заимствования являются лексические единицы. Реже заимствуются фразеологические единицы, хотя их объем достаточно велик. Хотя лексические единицы чаще всего являются заимствованиями, не стоит игнорировать факт, что заимствования в той или иной степени встречаются на всех уровнях языка. Так, можно выделить фонетические заимствования, лексические заимствования, морфологические заимствования, синтаксические заимствования и семантические заимствования.

Заимствование является способом расширения лексического состава языка. Роль заимствования в процессе развития языка нельзя недооценивать.

После окончания Второй мировой войны процесс интеграции европейских государств и взаимодействия народов и языков в целом начал протекать особенно интенсивно. Немецкий язык не стал исключением, и количество заимствований в нем непрерывно растет. Важность заимствования как лингвистического явления обусловлена также тем, что сам процесс заимствования способствует не только увеличению количества лексических единиц в языке, но и изменениям в структуре лексики языка, а также изменениям в фонетике, принося в язык новые звучания.

Иногда даже носители языка не могут отличить, какие лексические единицы или фразеологизмы являются заимствованными, а какие нет. Так, при исследовании заимствований следует придавать особое значение следующим факторам:

- наличие интернациональной лексики;
- межъязыковые совпадения.

Данные особенности лексического строя языков позволяют более точно определить, является ли та или иная лексическая единица заимствованием или нет.

Первый фактор характерен для западноевропейских языков, к которым относится и немецкий язык. Интернациональная лексика является достоянием западноевропейской культуры в целом, поэтому она не имеет национальной принадлежности к какому-либо языку.

Второй фактор также характерен для западноевропейских языков. Некоторые слова, присутствующие как в немецком, так и в английском языках, настолько схожи по своему звучанию и написанию, что иногда представляется невозможным установить, является ли слово заимствованием.

Согласно мнению таких ученых, как Я.К. Грот, Е.Ф. Карский, Г. Павский и др., иноязычные заимствования обладают рядом внешних признаков, по которым представляется возможным установление иноязычной природы той или иной заимствованной единицы. Внешние признаки заимствований можно объединить в следующие группы:

- фонетические признаки;
- графические признаки;
- морфологические признаки;
- словообразовательные признаки;
- синтаксические признаки;
- семантические признаки.

Фонетическими признаками заимствования являются нехарактерные для языка реципиента черты фонетического облика слов (например, отдельные звуки или сочетания звуков).

Графическими признаками заимствований являются несвойственные для языка реципиента буквы или буквосочетания, используемые в слове. Графические признаки заимствований особенно отчетливо видны в европейских языках, в том числе и в немецком языке. Чтение слов, заимствованных из английского языка, в немецком возможно по правилам чтения английского языка (в таком случае буквы, входящие в состав заимствованного слова, читаются как английские буквы), либо по правилам чтения немецкого языка.

К морфологическим признакам заимствования можно отнести отклонения от грамматических норм или отсутствие выраженности какой-либо грамматической категории, например отсутствие формы множественного числа или неизменяемость заимствованного слова по падежам.

Синтаксическим признаком заимствования является употребление моделей словосочетаний, которые являются несвойственными для языка реципиента.

Семантическим признаком заимствования является необычность контекста, в котором употребляются заимствованные элементы.

Рассмотрев наиболее распространенные мнения лингвистов о понятии «заимствование», можно сделать вывод, что на данный момент нет абсолютного единства в толковании данного термина. Однако наиболее

полным и исчерпывающим можно считать определение, представленное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре».

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

2. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

3. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

4. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И. Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

5. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

6. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И. Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

7. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

8. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

11. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь.* – 2009. – №5. – С. 3–11.

13. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // *Русская речь.* – 2006. – №1. – С. 9 – 13.

14. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // *Русская речь.* – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

15. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки.* – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» в русских переводах XIX – начала XX в. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология.* – 2009. – №4. – С. 172 – 176.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2010. – №2. – С. 58–69.

18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова.* – 2012. – №1. – С. 324–328.

19. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

20. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

21. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

22. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

23. Степанов М.С. Поэтический дискурс. Поэтический знак. – М., 2011.

24. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

25. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.

26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

28. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* – 2009. – № 1. – С. 294–301.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2009. – №10. – С. 180–183.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умирающая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2009. – № 1. – С. 58–69.

31. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

32. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №2 (34). – С. 82–91.

33. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

34. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

35. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

36. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // *Знание. Понимание. Умение.* – 2007. – №4. – С. 163–166.

**СПЕЦИФИКА «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖЕФФРИ
ЧОСЕРА И ИХ РУССКИХ ПРОЧТЕНИЙ**

*К.С. Давыдова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**THE SPECIFICS OF «THE CANTERBURY TALES»
BY GEOFFREY CHAUCER AND ITS RUSSIAN INTERPRETATIONS**
K.S.Davydova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В статье анализируются сложности, испытываемые переводчиками при обращении к памятнику английской литературы XIV века – «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера. Осмысливается специфика отбора выразительных средств, отмечается изменение их семантико-стилистических функций, а также использование коллоквиализмов как прием индивидуализации речевой характеристики героев из простого сословия.

Ключевые слова: Джеффри Чосер, «Кентерберийские рассказы», дескриптивный метод, перевод.

Abstract. In the article are analyzed the difficulties that interpreters had while translating the XIV century masterpiece «The Canterbury Tales» by Geoffrey Chaucer. There is the examination of expressive means choice as well as the use of colloquialisms as a way to specialize the low social class individuals' verbal characteristic.

Keywords: Geoffrey Chaucer, «The Canterbury Tales», descriptive method, translation.

E-mail: ksenijadavydva212@rambler.ru

Чосер относится к числу тех выдающихся личностей, которые, благодаря своему яркому художественному таланту в сочетании с правильным пониманием тенденций в развитии языка, могут существенно влиять на его дальнейшее развитие. Подлинная народность, общенациональный характер и высокие художественные достоинства произведений делают язык поэта зеркалом общенародного языка современной ему эпохи, памятником национального языка на очень важном этапе его развития – этапе

формирования. Чосер был одним из первых поэтов Англии, писавших на английском языке, при этом, язык его поэзии почти не отличался от языка прозы, «за исключением неизбежных мелких изменений, которые всегда вызываются соображениями поэтического размера и рифмы [см.: 1, с. 3–15; 2, р. 509 – 517; 3, с. 5958–5962; 4, с. 76–92; 5, с. 58–60; 6, с. 225–241; 7, с. 173–189; 8, с. 68–70; 9, с. 159–164; 10, с. 3–6; 11, с. 3–8; 12, с. 3–11; 13, с. 3–6; 14, с. 232–234; 15, с. 110–114; 16, с. 58–69; 17, с. 324–328; 18, с. 161–165; 19, с. 199–206; 20, с. 693–697; 21, с. 116–135; 22, с. 106–110; 23, с. 82–91; 24, с. 57–60; 25, с. 215–222; 26, с. 280–284; 27, с. 104–118; 28, с. 145–149; 29, с. 163–166; 30, с. 95–104; 31, с. 365–369; 32, с. 294–301; 33, с. 180–183; 34, с. 58–69].

В ходе исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Мастерство Чосера заключается именно в том, что его язык и его поэзия были ясными, понятными, изысканными и обработанными. Он создал единый язык, который был близок студенту и ремесленнику, монаху и придворному; язык, в котором соединились черты книжного и разговорного и который лёг в основу английского литературного разговорного языка.

2. Английский язык XIV века характеризуется ликвидацией деления существительных на классы по принципу основ и утратой системы склонения, распадом категории грамматического рода, постепенной утратой двух форм прилагательных (неопределенной и определенной) и унификацией их в одной форме, отсутствием какого-либо согласования прилагательных в роде и падеже, а с XV века и в числе с определяемым существительным, начавшимся распадом системы глаголов с чередованием, выразившимся в переходе глаголов из одного класса в другой, и постепенным уничтожением одной из форм прошедшего времени за счет другой его формы и причастия; унификацией групп глаголов, характерных для древнеанглийского периода; переходом ряда глаголов с чередованием в группу глаголов с суффиксацией, вполне сложившейся, морфологически и синтаксически оформленной системой притяжательных местоимений, развитием системы временных форм, что получило свое выражение в окончательном становлении форм перфекта

(Present и Past Perfect), будущего времени, зарождении форм Continuous и других, окончательным оформлением страдательного залога, довольно свободным (сравнительно с современным) порядком членов предложения, однако менее свободным, чем в предыдущий период, достаточно интенсивным развитием всех типов придаточных предложений, наличием значительного слоя скандинавских и французских заимствований, которые проникают даже в основной словарный фонд английского языка.

3. Представленный материал по анализу эпитетов, даже несмотря на свою ограниченность, свидетельствует о том, что отбор выразительных средств в «Кентерберийских рассказах» определяется жанром каждого из них. В рассказе эпического плана Дж. Чосер следует существовавшим традициям изображении героя: портрет почти отсутствует, характеристика героя трафаретна, формальна и вполне соответствует канонам рыцарского романа. Однако в прологе и в рассказах, которые можно отнести к жанру фэблио, Чосер отходит от трафаретов средневековой литературы и, в частности через эпитет, достигает яркой индивидуализации характера и портрета героя. Большую роль в преодолении традиционного использования художественного определения играет приём иронии.

4. В использовании Джеффри Чосером художественных средств отразились как старые эстетические воззрения эпохи, так и элементы нового отношения к ним. В период английского Возрождения происходит изменение семантико-стилистических функций художественных средств, чему в немалой степени способствовало появление «Кентерберийских рассказов».

5. Все многообразные окказиональные реализации фразеологических единиц в «Кентерберийских рассказах» Чосера сводятся к совокупности отдельных приёмов, представляющих собой единую и сложную систему. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц, зафиксированные у Чосера, выступают как частное проявление системы приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц среднеанглийского языка второй половины XIV века. В систему средств

оказионального преобразования фразеологических единиц входят элементарные и сложные приёмы. Наиболее рекуррентными элементарными приёмами в «Кентерберийских рассказах» являются вклинивание, добавление, инверсия, развернутая метафора.

б. «Кентерберийские рассказы» – единственное произведение английской литературы XIV века, отразившее некоторые характерные черты нелитературной формы языка данной эпохи. Коллоквиализмы были употреблены Чосером как стилистический приём индивидуализации речевой характеристики некоторых героев из простого сословия. В подавляющем большинстве случаев для коллоквиализмов, употреблённых в рассказах людей из народа, мы находим литературные синонимы в речи героев из благородного сословия.

В работе затронуты далеко не все аспекты темы «Язык Джеффри Чосера», остается нераскрытым целый ряд аспектов, например, изучение влияния английских авторов и их произведений на творчество Джеффри Чосера, таких как Вильям Лэнгленд, Джон Гауэр, ведь изучено влияние лишь Боккаччо и его «Декамерона»; также считается необходимым уделить внимание синтаксису и словообразованию. Надеемся, что эти аспекты будут изучены в дальнейшем.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

2. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования.* – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

4. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

5. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России*. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

6. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сборник научных трудов*. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

7. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2008. – №6. – С. 173–189.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

10. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

11. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // *Русская речь*. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.

12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.

13. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // *Русская речь*. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

14. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

15. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // *Вестник Ярославского*

государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

19. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

20. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

21. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

22. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

23. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

24. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

25. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

26. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

27. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

28. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

29. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

30. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

31. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

32. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

33. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

34. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиравшая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

УДК 82.09

И.В.ГЁТЕ КАК ПРЕДТЕЧА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

*С.А.Корниенко, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

J.W. GOETHE AS A PRECURSOR OF COMPARATIVE LITERATURE

*S.A. Kornienko, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена исследованию воззрений И.В. Гёте, связанных с проблемами изучения литератур разных стран. Доказывается, что концепция «мировой литературы», обоснованная Гете, стала основой для возникновения сравнительно-исторического метода в литературоведении. В качестве аргументов представлены позиции ученых, развивающих гетевскую линию компаративистики: Т. Уайлдера, Н. Саула, Г.Хоффмайстера, В.М. Жирмунского и И.О. Шайтанова.

Ключевые слова: И.В. Гёте, сравнительно-исторический метод, мировая литература, компаративистика, рецептивная эстетика.

Abstract. This paper is devoted to the research of J.W. Goethe`s views on the problems of international literatures. It is demonstrated that the concept of «world literature» proposed by J.W. Goethe became the basis for the emergence of the comparative literature. Works of scholars dealing with J.W. Goethe`s path of comparativistic: T. Wilder, N. Saul, G. Hoffmeister, V.M. Zhirmunsky and I.O. Shaytanov are used as arguments.

Keywords: J.W. Goethe, comparative literature, world literatur, comparativistic, reader-response criticism.

E-mail: sergeykornienko@mail.ru

Иоганн Вольфганг фон Гёте – один из величайших представителей мировой культуры. Он известен не только как автор сентиментального романа «Страдания юного Вертера» и философской драмы «Фауст», но и как ученый-естествоиспытатель, автор трудов по минералогии, биологии и другим наукам. На протяжении всей жизни И.В. Гёте в его произведениях и трудах появляется множество новаторских идей, переплетающихся с духом эпохи, толкование которых отличается в зависимости от того, к какому периоду творчества автора они относятся. Эти идеи уже долгое время являются основой для научных работ. Их толкование также не совпадает у различных ученых, провоцируя новые исследования. К наиболее важным философским достижениям И.В. Гёте относят: исследование роли демонического в мире, установление роли природы в жизни человека и роли творческого, художественного начала как некоего завершения природной эволюции [9, с. 4]. К этой области изысканий можно отнести и его рассуждения о «мировой литературе» («Weltliteratur»).

В частности, И.В. Гёте полагает: *«Термин национальная литература сейчас мало что значит, эпоха мировой литературы наступает, и каждый должен делать всё, от него зависящее, чтобы она наступила быстрее»* [4] (здесь и далее перевод наш – С.К.). Эта фраза И.В. Гёте из разговора с Иоганном Петером Эккерманом от 31 января 1827 г. приведена в большинстве трудов по литературоведению, посвященных мировой культурной глобализации и связанными с ней темами. Но лишь немногие анализируют контекст и предпосылки появления этой фразы. И.В. Гёте был полиглотом и теоретиком литературы, в его труде «Записки о литературе» он приводит примеры из множества источников, начиная с древнегреческих текстов и заканчивая произведениями национальных литератур: сербской, литовской и других. Он также переводил сочинения с греческого, латыни, итальянского, французского, испанского и английского. Опосредовано делал

переводы на немецкий Ветхого Завета, Корана, классической арабской поэзии, Эдды, мавританских, сербских и других народных песен.

Рецепция восточной поэзии отражена в его произведениях «Западно-восточный диван» и «Китайско-немецкие времена года и дня» [3]. Также на И.В. Гёте большое влияние оказали философские взгляды Иоганна Готфрида Гердера, автора концепции «всемирной истории» («Weltgeschichte») [5], по аналогии с названием которой, он и обосновал свое понятие «мировая литература».

Разговор в тот день строился на том, что И.В. Гёте, незадолго до него, прочитал некий китайский роман. И.П. Эккерман предположил то, что роман показался И.В. Гёте непонятным и чуждым из-за особенностей китайской культуры. Писатель ответил, что, несмотря на имеющуюся культурную дистанцию, в романе было много образов, идей и приёмов понятных ему. Более того, И.В. Гёте удивился, что китайский роман был, с его точки зрения, более нравственный, чем прочитанные недавно песни Беранже, написанные в более близкой в культурном отношении Франции.

Заметим, что И.В. Гёте *сравнил* два произведения из разных стран. У него не было такой цели, и тем более не было инструментария для этого, но поставив на одни весы два произведения, авторов которых разделяют не только тысячи километров, но и, возможно, сотни лет, И.В. Гёте совершил важный шаг в развитии литературоведения. *«Поэзия, – полагает И.В. Гёте, – благо, находящееся в распоряжении всего человечества, которое проявляется повсюду на протяжении всей истории в сотнях и сотнях людей»* [4].

Благодаря широкому знакомству с поэзией и прозой различных стран и эпох, И.В. Гёте видит, что проявления искусства возникают во все времена и среди всех народов, появление выдающихся творцов невозможно предсказать, но они рождаются с завидной регулярностью и сменяют друг друга по ходу истории. Идеалом поэзии И.В. Гёте считает древнюю Грецию, *«в произведениях которой показана красота человека»* [4], остальное же он

призывает *«рассматривать исторически, усваивая то хорошее, что там есть»* [4] причем, И.В. Гёте не видит ничего зазорного в заимствованиях образов и идей, поэтам он советует больше работать не над искусственным придумыванием нового, а над грамотной переработкой известного материала, который, при наличие таланта, может вырасти в стоящее произведение. То есть И.В. Гете призывает не бояться обоснованных заимствований и обрабатывать их в соответствии со своей художественной целью. Эти идеи генетически и типологически соотносятся с основными концепциями сравнительно-исторической школы и в дальнейшем откликнутся в разработке сравнительно-исторического метода, предпринятой, например, В. М. Жирмунским [1].

Акцентируя же внимание на термине «мировая литература» в трактовке И.В. Гёте, проанализируем работы некоторых учёных. По словам исследователя И.В. Гёте, писателя и публициста Торнтон Уайлдера, понимание мировой литературы И.В. Гёте как раз и происходило в ключе, близком к основам сравнительно-исторического метода: *«Когда Гёте говорит о мировой литературе, он имеет в виду не то, что мы склонны себе представлять — шедевры мировой литературы всех времен и народов. Кажется, по крайней мере в ряде случаев, он просто имел в виду общее в литературе всех времен и народов, произведения хорошего уровня наряду с выдающимися, которые давали ему ощущение единства человечества, очень важную для него концепцию»* [9, с. 4]. Здесь у И.В. Гёте впервые появляется зарождение идеи о «равенстве» литератур разных народов. На годы его жизни пришелся период расцвета и укрепления национальных культур и гипотез превосходства одной культуры над другой, некой «отстающей» культурой, которые ещё даже не до конца оформились сами, например, в работах братьев Гримм, которые исследовали мифологию с позиции превосходства германской культуры над другими культурами. Эта идея равенства была поистине революционной для своего времени, по словам

Николаса Саула, это одна из центральных идей в жизни позднего И.В. Гёте [8].

Немного иначе данную концепцию понимает другой исследователь наследия И.В. Гёте, Герхард Хофмайстер: *«Для него «мировая литература» не была простым соединением всех национальных литератур, не была и собранием литературных шедевров, которые стали появляться всё чаще и чаще, он понимал её как постоянный процесс сближения европейских народов, в первую очередь англичан, французов и немцев. Целью этого сближения было разрушение стены из предубеждений, которые на заре Наполеоновских войн мешали вести мирное сосуществование европейским народам»* [6, с. 232].

Для И.В. Гёте это была деятельность по созданию мировой литературы, как некоего начала, на основе которого можно было бы объединить людей, начиная с интеллектуалов, которые эту литературу будут создавать и читать, и заканчивая простыми людьми, которым идеи мировой общности, толерантности, взаимоуважения и взаимопонимания, будут передаваться через интеллектуалов. Эта деятельность была для И.В. Гёте сознательной, зависящей от автора. *«Гёте, – указывает Г. Хофмайстер, – призывал современников служить, как это старается делать он сам, посредниками и посланниками, для которых не существует границ, больше переводить произведения на родные языки, публиковаться в зарубежных изданиях и писать мемуары»* [6, с. 232]. Иначе говоря, И.В. Гёте призывал интеллигенцию, авторов, переводчиков работать над продвижением идеи глобализации, через их работу. Он ощущал, что во многих произведениях на разных языках поднимаются проблемы, которые являются общими для всего человечества, именно такие произведения он и называл «мировой литературой», считая, что за ней будущее, как и за мирным сосуществованием различных народов.

Таким образом, идеи, высказанные И.В. Гёте в двадцатых годах XIX века в его разговорах с И.П. Эккерманом: об общности мировой литературы,

о необходимости перерабатывать заимствования, являлись предпосылками для создания основ сравнительно-исторического метода в изучении литературы.

Несмотря на то, что сам И.В. Гёте не разрабатывал концепцию данного метода, идеи, высказанные им при обсуждении концепции «мировой литературы», находят свое воплощение в одном из первых определений сравнительно-исторического метода, которое даёт в своей работе в 1926 году, то есть практически через сто лет после описанного выше разговора, американский учёный Оскар Джеймс Кэмпбел. Он пишет: *«Во-первых, сравнительно-исторический метод стремится определить общие законы, которые выходят за пределы национальной литературы, такие как развитие типов и форм при увеличивающемся взаимодействии литератур различных народов. Во-вторых, исследовать отношения и сходство двух и более литератур. Наконец, через открытие общих черт и различий литератур посредством сравнения, объяснить, как зарождается и развивается индивидуальность в произведении. Эти методы, как и все научные исследования литературы, лежат в основе понимания процессов создания произведения и оценки тех усилий, которые требуются для его создания. Другими словами методы сравнительно-исторического анализа не ищут способа получить или увеличить наслаждение литературой, они создают новые модели понимания литературы»* [7].

В основе этого определения лежит мысль о том, что существуют некие законы, которые выше законов национальных литератур, то есть законы глобальной, «мировой литературы». Взаимодействие национальных литератур интенсифицируется, что также отметил И.В. Гёте.

Один из патриархов отечественного сравнительно-исторического литературоведения, академик В.М. Жирмунский, в своей речи, произнесённой в 1960 году в Институте мировой литературы АН СССР на дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур, ссылается на И.В. Гёте, как на культурного деятеля, благодаря которому идея

«мировой литературы» стала известна широкой публике. В.М. Жирмунский толкует точку зрения И.В. Гёте так: *«мировая литература», основанная на «более или менее свободном духовном торговом обмене» между народами (freier geistiger Handelsverkehr), должна преодолеть рамки узкой национальной ограниченности, включив в свой состав все самое ценное, что было создано всеми народами на всех ступенях исторического развития»* [1, с. 79]. То есть, по мнению В.М. Жирмунского, идея «мировой литературы» отражает принципы эволюционизма и свободного обмена идеями, глобализации культурного пространства. Эти принципы, обоснованные И.В. Гете, безусловно, являются ключевыми установками сравнительно-исторического метода.

В последние десятилетия сравнительно-историческую методологию наиболее интенсивно разрабатывает И.О. Шайтанов. Знаменательно, что ученый в статье «Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика» [2], касаясь вопроса о генезисе метода, апеллирует к гетевской терминологии: *«Простой ответ на простой вопрос сложился теперь сам собой, то есть исторически: сравнительный метод исследования возник одновременно с обновленным предметом изучения и преподавания, известным ранее всего как мировая литература (Weltliteratur)»* [2, с. 23]. То есть И.О. Шайтанов прямо указывает на гетевскую концепцию «мировой литературы», сыгравшую, по его мнению, ключевую роль в зарождении метода.

Итак, рассмотренные выше идеи И.В. Гёте – о всё ускоряющемся развитии мировой литературы и необходимости творческой переработки заимствованных образов и сюжетов – определённо перекликаются с теми постулатами, которые мы привыкли воспринимать, как неотъемлемые аспекты сравнительно-исторического метода. Само понятие «мировая литература» стало неотъемлемой частью исторического наследия компаративистики. Таким образом, роль великого немецкого просветителя в зарождении сравнительно исторического метода можно считать доказанной.

Список литературы

1. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // *Сравнительное литературоведение. Восток и Запад.* – Л.: Наука, 1979. – С. 66–83.
2. Шайтанов И.О. Компаративистика и/или поэтика // *Проблемы современной компаративистики / Сост. Е. Луценко, И. Шайтанов.* – М.: Журнал «Вопросы литературы», 2011. – С. 11–30.
3. Birus H. *Goethes Idee der Weltliteratur Eine historische Vergegenwärtigung // Weltliteratur heute. Konzepte und Perspektiven / Hg. v. Manfred Schmeling.* – Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995. – S. 5–28. (Saarbrücker Beiträge zur Vergleichenden Literatur- u. Kulturwissenschaft. Bd. 1).
4. Eckermann J.P. *Conversations of Goethe by Johann Peter Eckermann // Harrison Ainsworth, 2006, 31 January 1827. URL: <http://www.hxa.name/> 2006 (accessed at 10.03.2017)*
5. Herder J.G. *Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit. Riga, 1774 // URL: http://www.deutschestextarchiv.de/book/show/herder_philosophie_1774 (accessed at 10.03.2017)*
6. Hoffmeister G. *Reception in Germany and abroad // The Cambridge Companion to Goethe / Ed. by L. Sharpe. Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge cb2 2ru, UK - 2002. – P. 232–255.*
7. Mhalunkar S. *Theorizing comparative literature in a globalized era // Aarhat Multidisciplinary International Education Research Journal (AMIERJ) (Bi-monthly) Peer-Reviewed Journal. Vol. 1. Issues II. P. 97. URL: amierj.weebly.com/uploads/1/0/8/0/10800505/sm8.pdf (accessed at 10.03.2017)*
8. Saul N. *Goethe the writer and literary history // The Cambridge Companion to Goethe / Ed. by L. Sharpe. Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge cb2 2ru, UK - 2002. – P. 23–41.*
9. Wilder T. *Goethe und die Weltliteratur // Goethe J.W. Gedanken. Ortsverienigung Kassel, 1958. – S. 4–12.*

КОНЦЕПТ «ДУРАК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Е.В.Крючкова, Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия*

CONCEPT 'FOOL' IN THE RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW

*E.V. Kryuchkova, Financial University under the Government of Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию концепта «дурак» на материале русских фразеологизмов и паремий. Посредством анализа фразеологических единиц были выявлены типичные представления о дураке в русской языковой картине мира. Классификация фразеологических единиц по лексико-семантическим группам дала возможность выявить основные характеристики дурака в русской языковой картине мира. Лексема «дурак» не ограничивается значением «отсутствие интеллектуальных способностей», она имеет большой спектр фоновых, гораздо более значимых оттенков значения, которые несут в себе отпечаток культуры.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, фразеологическая единица, дурак, фразеология, лингвокультурология.

Abstract. This article is devoted to research of concept 'fool' based on Russian phraseology and idioms. Typical conceptualizations about fool man in the Russian language worldview were determined by analysis of phraseological units. The lexical and semantical classification of phraseological units let us find out main characteristics of fool man in the Russian language worldview. Lexim 'fool' is not limited with the meaning 'absence of mental abilities', it has a great deal of variety of background meanings, which are more important and bring mark of culture.

Keywords: the Russian language worldview, phraseological unit, fool man, phraseology, linguoculture.

E-mail: kryuchkova.ekv@yandex.ru

Язык, как известно, является исключительным атрибутом человека. И человек, в свою очередь, является центральной фигурой на той картине мира, которую рисует язык. На основании исследований последних десятилетий

выяснилось, что лексическая и фразеологическая система языка основывается на принципе антропоцентризма: чтобы описать размер и форму предметов, их положение в пространстве, функции, температуру и другие свойства, язык в качестве точки отсчета использует образ человека.

В статье «Образ человека по данным языка» Ю.Д. Апресян на основании анализа обширного пласта русской лексики, описывающей действия и состояния человека, предлагает его комплексную характеристику [1, с. 37].

Человек в русской языковой картине мира предстает, прежде всего, как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. Ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия. Каждым видом деятельности, типом состояния или реакции ведает своя система, которая локализуется в определенном органе. Иногда один и тот же орган обслуживает две системы (например, в душе локализуются не только эмоции, но и некоторые желания). Почти всем системам соответствует свой семантический примитив (т.е. элементарная, неразложимая единица семантического метаязыка, из которых строятся толкования).

Одной из выделенных Ю.Д. Апресяном систем человека является интеллектуальная деятельность и ментальные состояния. Эта система формируется такими лексемами, как *дойти <до кого-то>*, *осенить*; *знать*, *верить*, *догадываться*, *подозревать*, *помнить*, *запоминать*, *забывать*, *считать*, *полагать*, *понимать*, *осознавать*; *воображать*, *представлять*; *интуиция*, *озарение*; и т.д. Их анализ позволяет сделать вывод, что интеллектуальная деятельность входит в состав понятия «ментальные состояния» человека. Интеллектуальная деятельность локализуется в сознании (уме, голове) и выполняется ими же. Семантические примитивы данной системы – 'знать' и 'считать'. Наивное представление об интеллекте отличается от научного.

С точки зрения структурного подхода, интеллект – это совокупность тех или иных способностей. Совокупность познавательных процессов человека определяет его интеллект. По Д. Векслеру, «интеллект – это глобальная способность действовать разумно, рационально мыслить и хорошо справляться с жизненными обстоятельствами», т.е. интеллект рассматривается как способность человека адаптироваться к окружающей среде. Чтобы адаптироваться к окружающей среде человек должен обладать знаниями, памятью, умом, способностью думать, мыслить, сообразительностью.

В наивной картине мира «Интеллект» выступает в роли концепта, возглавляющего одноименное поле, ядро которого бинарно: оно представлено противопоставленными друг другу микрополями «Умный» – «Дурак». По данным словарей «глупый» – «человек с очень слабыми умственными и мыслительными способностями, лишенный сообразительности, ума»; а «дурак» – это «глупый человек» [3, с. 170]. Соответственно, ядром микрополя «Дурак» становятся ФЕ с семантикой «низкие умственные способности», ближней периферией ядра нам представляются ФЕ с семантикой «отсутствие знаний» и «неумение соображать», на дальней периферии ядра находятся ФЕ, обозначающие «отсутствие памяти». В этом микрополе особым сегментом является «психическое нездоровье», т.е. «Сумасшествие». Сумасшедшим называют или больного (*олух царя небесного; Бог умом обделил; Богом обижен; не на востру; не всё в голове; в голове петуны поют; не все вальты в колоде; не все дома*), или странного (*с бзиком; со странностями; как будто/словно/точно из-за угла мешком прибитый/трахнутый; со сквознячком в голове; Будто вчера на свет родился*), или того, кто временно лишен рассудка (*белены объелся; повредиться (тронуться) в рассудке/ в уме/ мозгами/ рассудком; сходиться(сойти) с ума*). Сумасшедший относится к числу дураков.

В противовес умному дурак не обладает умственными способностями, ни в чем не разбирается (*ни бум-бум, ни бельмеса не смыслит, смыслит в чем-то как свинья в апельсинах, ни аза в глаза, ни уха ни рыла, ни в зуб ногой* и т.д.). У него в голове может быть всё, что угодно, кроме мозгов: пустота (*вакуум в*

голове, пустая голова), каша (каша в голове), ветер (с ветерком в голове, в голове гуляет/свищет ветер, ветренная голова), труха, мякина или солома (голова соломой/мякиной/трухой набита). Или дурака называют вообще безголовым (всадник без головы). Фразеологизмы могут указывать на причины глупости человека: 1) Дурак от рождения: *Думал, он дурак, а он сроду так; Бог умом обделил, Богом обиженный*; 2) В результате неудачного крещения: *в капустном рассоле искупали, пьяный поп крестил*; 3) Голова не на том месте: *Голова не на том конце приделана; Голова не туда пришита*; 4) Неизвестно, где родился: *Родился в лесу, молился колесу; С неба/с луны свалился*; 5) Ударили по голове: *Из-за угла мешком прибитый*.

Глупый не способен жить своей головой (*заставь дурака богу молиться он себе и лоб расшибет; на трех свиней корму не разделит; на руках пальцы не пересчитает*), но при этом не лишён усердия (*услужливый дурак опаснее врага; дурная голова ногам покоя не дает*). Несмотря на свое усердие, дурак делает всё не так, окружающие понимают, что на него нельзя положиться (*Пошли дурного, а за ним – другого; Чем дурного посылать, лучше самому побывать; Что ни делает дурак, всё он делает не так*). Таким образом, дурак ассоциируется с неприятностями, потому что за что он ни возьмется, всё испортит (*наломать дров, Сделали дело – надели на корову седло; Рубит сук, на котором сидит*). Если дураку что-то и поручают, то сделанную работу за ним всегда проверяют. А если он всё испортит, на него не обижаются и не ругают, потому что другого от него и не ждут (*на дураков не обижаются, дуракам закон не писан*).

Из этого следует представление, что в русской языковой картине мира (далее – РЯКМ) глупость сродни болезни, причем глупость оказывается неизлечимой: *Дурака никакими лекарствами не вылечишь; Дурак и не лечится*. Можно попытаться исправить ситуацию, впрочем, без особой надежды на успех: учить дурака оказывается не столько трудно, сколько бессмысленно (*Дурака учить – только время тратить; Дураку в голову не втемяшишь; Легче мертвого рассмешишь, чем дурака выучить*). Обучение

дурака приравнивается к невозможному (*Дырявые мехи не надуешь, дурака не выучишь; Дудочку не надуешь – дурака не выучишь*) и оказывается бесполезным занятием (*Дурака учить – решетом воду носить; Дурака учить, что на воде писать*). Обучение дурака обычно не дает положительных результатов, наоборот, может быть опасным для окружающих. То есть ученый дурак опаснее просто дурака (*Дуракам наука не впрок; Дурака учить – только портить*).

Но и неученые дураки представляют опасность, так как неизвестно, чего от них ждать, известно только, что ничего хорошего (*С дураком лучше не связываться; С дураком свяжешься – сам в дураках окажешься; Не бойся врага умного, бойся друга глупого*). В первую очередь, пугает непредсказуемость, с которой действует дурак. Он всё делает по наитию, хотя сам объясняет свои поступки словами смекнул, подумал. Даже если с дураком и повезет чего-то достичь, то договориться с ним невозможно (*С дураком найдешь, да не разделишь; С ним пива не сваришь, а если сваришь, то не разделишь*). Чтобы иметь дело с дураком нужно немалое терпение, потому что из-за своей тупости и упрямства он может вывести из себя любого (*С дураком поневоле согрешишь; С дураком и у святого терпение лопнет*).

Упрямство дурака в основном проявляется в его речи. Он очень любит спорить, даже если у него нет веских аргументов (*Один дурак может семерых умных переспорить; Дурака не переспоришь*). Еще одной особенностью дурака является болтливость. Он болтает без умолку, даже о том, чего не знает (*Осла узнаешь по ушам, дурака по речам; Языком болтает, а голова не знает*). Болтливость в РЯКМ становится синонимом глупости (*У короткого ума длинный язык; Пустая бочка пуще гремит*), поэтому глупому советуют: *Молчи, за умного сойдешь; И дурак бывает умный – когда молчит*. Хоть дурак и говорит всякие глупости (*нести галиматью/чушь/ахинею, городить пустой огород, молоть чепуху*), но иногда и глупый может сказать что-то умное (*и глупый иногда молвит слово*

в лад; бывает, и дурак ненароком умное скажет). Что-либо умное дурак может сказать только случайно. Также, как и правду он говорит, потому что не понимает смысла сказанного. Дурака сравнивают с ребенком или пьяным, который произносит то, что ему в голову взбредет (*Глупый да малый глаголют истину; У дурака, как у пьяного, что на уме, то и на языке*).

В русской национальной картине мира (далее – РНКМ) образ дурака является амбивалентным, т.е. неоднозначным. С одной стороны, дурак воспринимается, как абсолютно лишенный разума человек, даже психически нездоровый. Это подтверждается такими выражениями: *На дурака суда нет; На дурака обижаться грех; Дурак свят, в нем мозги спят*. К дураку относятся снисходительно, потому что он не виноват в своей глупости. Однако существует и противоположное представление о дураке. С другой стороны, дурак оказывается гораздо сообразительнее самых умных. Во-первых, он хитрый, поэтому с ним лучше не связываться и держаться от него подальше, т.к. он может перехитрить, обмануть. Хитрому дураку присуще инакомыслие. С ним страшно связываться, потому что у него другой склад ума, окружающим даже самым умным не дано понять дурака. Именно поэтому говорят: *Дурак удачлив*. Иногда еще добавляют: *Дураку везет только в сказках*. Но это говорят скорее от зависти к неординарности дурака. Благодаря своему нестандартному мышлению дурак легко может обхитрить умного. Народ же приписывает успех дурака его везучести. Воплощением образа такого хитрого дурака является Иван–Дурак, главный герой большинства русских народных сказок. Представление о хитром дураке реализуется не только в фольклоре, но и во фразеологии. Многие пословицы становятся доказательством существования образа хитрого дурака в РЯКМ (*Дурак дураком, а хитрый. Как ни хитри, а дурака не перехитришь*). Например, оказывается, что только дурак может поставить в тупик семерых мудрецов: *Один дурак загадывает загадку – семеро умных не разгадают. Один дурак завяжет узел – семеро умных не развяжут*. Получается, что на самом деле дураки умнее мудрецов, дурак может задать умным такую

задачку, с которой они вовек не справятся. И, наконец, народная мудрость утверждает: *На дураках белый свет держится*. Эту пословицу можно интерпретировать двояко: 1) В мире должно быть равновесие: есть умный, должен быть и дурак; 2) Дураки иначе смотрят на мир, поэтому без них не было бы движения вперед.

Неоднозначно можно толковать и представление о том, что дураку от всего радость, всё смешно. С одной стороны, в РЯКМ смех без причины – признак дурачины, т.е. чрезмерная веселость – признак глупости (*Дурень и дом подпалит, так огню рад. Смешно дураку, что нос/пузо/ухо на боку*). С другой стороны, дурак тем и отличается от умного, что умеет радоваться жизни, он не переживает по пустякам. Смеется он не от глупости, а для того, чтобы легче справляться с невзгодами и неприятностями, которые ему подкидывает жизнь. Народ же подтрунивает над ним, т.к. не понимает его, или завидует его легкому отношению к жизни. Поэтому про дураков говорят: *Дураку везде счастье. Дурак спит, а счастье у него в голове лежит*.

Подводя итог, можно сделать вывод, что основными характеристиками дурака являются глупость, упрямство, честолюбие, смех без причины и болтливость. В РЯКМ дурак представлен неоднозначно. С одной стороны, от дураков нужно держаться подальше, потому что от них одни неприятности, а с другой стороны, дурак может оказаться хитрее и провести даже умного (*Кто с дураком свяжется, сам дурак будет*). В средних жанрах русского фольклора (сказках) дурак не считается глупым, а наоборот, оказывается умнее и хитрее всех. В РНКМ дурак отличается инакомыслием, его понимание мира и поведение в обществе не поддерживается остальными, поэтому его считают глупым. Однако некоторые пословицы утверждают необходимость существования дураков: *На дураках белый свет держится*.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания*. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

2. Зимин В.И. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2015. – 736 с.

3. Лопатин В.В. *Русский толковый словарь*. – М.: Эксмо, 2005. – 1160 с.

4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских поговорок*. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

5. Молотков А.И. *Фразеологический словарь русского языка*. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

УДК 81.25

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ОСКАРА УАЙЛЬДА

*Л.А.Лушникова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE ISSUES OF RUSSIAN INTERPRETATIONS OF OSCAR WYLDE'S WORKS

L.A.Lushnikova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья осмысливает вопросы русского восприятия творчества Оскара Уайльда в 1890 – 1900-е гг.

Ключевые слова: О.Уайльд, поэзия, традиция, межкультурная коммуникация, литературная критика.

Abstract. This article regards the issues of Russian interpretation of Oscar Wylde's works in the period of 1890–1900.

Keywords: O.Wilde, poetry, tradition, intercultural communication, literature criticism.

E-mail: milalushnikova@yandex.ru

У Оскара Уайльда сложилось особое отношение к России и к русской литературе: с одной стороны, он читал в переводах русскую литературу и восхищался своими старшими современниками Л.Н.Толстым,

Ф.М.Достоевским, И.С.Тургеневым, а с другой – он в эссе «Душа человека при социализме» весьма неодобрительно отозвался о русской монархии и в рассказе «Преступление лорда Артура Сэвила» действуют русские анархисты.

В свою очередь и в России Уайльду была уготована весьма примечательная литературная и театральная судьба. Остановимся подробнее на том, как она складывалась.

В 1893 г. в «Вестнике иностранной литературы» был опубликован обзор современных европейских литератур, в котором поэт и публицист Георг Барлоу осудил стремление английской литературы к нравственной проповеди и дал ей низкую оценку. Однако он возлагал надежды на «молодого еще писателя Оскара Вильде, пользующегося тем не менее значительным влиянием на английскую мысль и литературу», чем А.Теннисон [1, с. 176–178; 2, с. 173–189; 3, с. 37–46; 4, с. 58–69; 5, с. 172–176; 6, с. 324–328; 7, с. 161–165; 8, с. 3–11; 9, с. 3–6; 10, с. 3–6], Д.-Г.Россетти [11, с. 199–206; 12, с. 57–66; 13, с. 106–110; 14, с. 82–91; 15, с. 101–246].

Произведения Уайльда русским читателям стали известны только в конце XIX века. Такую запись в своём дневнике оставила художница Юлия Оболенская: «Когда Уайльд был в России неизвестен, никто не читал его произведений, не знал его дела, но были два ожесточенных лагеря – за и против». З.Н. Гиппиус в новелле «Златоцвет», опубликованной в 1896 году журнале «Северный вестник», воссоздаёт одну и подобных дискуссий, которая велась среди тех, кто познакомился с произведениями Оскара Уайльда на английском языке. К его творчеству обращались русские символисты, так как эстетические взгляды писателя, его стремления ставить искусство выше, чем природу и окружающую реальность, взгляд на творчество и на художника как на избранную личность были созвучны исканиям русских символистов. Например, В. Я. Брюсов в 1896 г. в своем программном стихотворении «Юному поэту» обращался к молодому поколению с таким пожеланием:

[...] поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

В 1890-е гг. А. Л. Волынский, редактор журнала «Северный вестник», написал первую серьезную статью об Уайльде, в которой даёт точную характеристику уайльдовскому таланту: «Отрицая всякую действительность как силу мертвую, пассивную, Оскар Уайльд противопоставлял ей силу вымысла, силу фантазии, которую он при своей склонности к рискованным эксцентрическим терминам называет ложью». Он предпринял попытку выработать новые критерии оценки художественного произведения и соглашался с Уайльдом в том, что искусство имеет превосходства над природой, и принял его остроумные доказательства. Эта точка зрения противоречила распространённому в то время материалистическому подходу, упрощённому подходу к задачам искусства и творчеству.

В статье «Оскар Уайльд и английский эстетизм» (1897) З. А. Венгерова, оценивая роман Уайльда «Портрет Дориана Грея», отмечает, что несмотря на то, что герой порочен, несмотря на то, презрение и подлость возводится в идеал, всё равно сам «роман не может быть назван проповедью порочности», потому что «сам герой погибает жертвой своего отношения к требованиям совести». Вопросы искусства как особой сферы человеческой деятельности волнуют не только символистов, но и Льва Толстого, который в 1898 г. опубликовал работу «Что такое искусство?», в которой подверг критике английского писателя: «Декаденты и эстеты в роде Оскара Уайльда избирают темой своих произведений отрицание нравственности и восхваление разврата». Русский классик считал Уайльда вдохновителем всех тех явлений в современном искусстве, чьим олицетворением являлись ненавистные ему «декаденты и эстеты».

«Типичным апологетом личности в английской литературе» назвал Уайльда И. В. Шкловский, который в статью «Из Англии», появившуюся в 1898 г. в журнале «Русское богатство» включил в своём переводе стихотворения в прозе Уайльда, которые были впервые опубликованы на

русском языке. Шкловский дал при этом такой комментарий: «Я стараюсь возможно ближе держаться подлинника, со всеми повторениями одних и тех же слов, чтобы сохранить характер оригинала». Из этой же статьи русским читателям была впервые представлена «Баллада Рэдингской тюрьмы». Шкловскому был известен автор этого произведения, хотя имя Уайльда появилось только в седьмом издании «Баллады...», вышедшем в Англии в 1899 году.

Возникший интерес к новой, переводной, литературе так характеризует К. И. Чуковский: «В Россию Оскара Уайльда принесла та самая волна символизма, которая около четверти века назад хлынула к нам из Европы, неся на своем хребте и Э.По, и Ибсена, и Метерлинка, и Бодлера, и Д'Аннунцио, и Пшибышевского».

В ноябре 1903 г на заседании Московского литературно-художественного кружка был прочитан доклад К. Д. Бальмонта «Поэзия Оскара Уайльда», в котором Уайльд был назван «благовестником Красоты». Доклад же вызвал яростную полемику. В защиту Уайльда выступили Андрей Белый, М. А. Волошин. Бальмонт увидел поэзию в личности и заявил: «Оскар Уайльд – самый выдающийся английский писатель конца прошлого века, он создал целый ряд блестящих произведений, полных новизны. Кроме того, поэт прочитал свой перевод «Баллады Рэдингской тюрьмы», и он с восторгом был встречен слушателями.

В начале XX века в печати младшие символисты (А.А. Блок, А. Белый и т.д.) публиковали свои переводы Уайльда, рецензировали работы других переводчиков, ссылались на них в своих исследованиях, в которых пытались дать теоретическое осмысление творчеству зарубежных авторов, в том числе и О. Уайльда, и особенностям перевода на русский язык. Например, знакомство с творчеством английского писателя вдохновило А. Блока на написание стихотворения «Митинг» (1905), он сам подтвердил в печати, что это произведение сочинено им под влиянием «Баллады Рэдингской тюрьмы». В 1906 – 1910 гг. А. Белым опубликовано несколько

статей, которые посвящены обоснованию символизма как определенного миропонимания и основополагающей эстетической доктрины. Доказывая в статье «Детская свистулька» (1907) то, что символизм – это искусство, он утверждал, что Ницше, Ибсен, Бодлер, Уайльд, Мережковский, Брюсов «ничем не отличаются от крупных художников всех времен. Они только осознали символизм всякого творчества и с достаточной решимостью сказали об этом вслух».

Тиражи книг Уайльда в России были крупными, однако качество переводов было низким, так как они не только давали примерное представление об оригинале, но и в некоторых случаях искажали его смысл. Такими были переводы «Портрета Дориана Грея» и «Замыслов», выполненные А. Р. Минцловой.

К концу 1900-х гг. многое из литературного наследия Уайльда было известно русскому читателю. В этот период Уайльда можно назвать одним из самых популярных в России иностранных авторов, который печатается в России двумя потоками: с одной стороны, его популяризируют символисты, с другой – им активно занимаются издательства, ориентированные на так называемого массового читателя.

В 1912 г. вышло новое собрание сочинений Уайльда как приложение к популярнейшему тогда журналу «Нива» и было переиздано через два года. Это собрание сочинений было подготовлено К. И. Чуковским, привлечшим к участию в нем поэтов, которые составили цвет русской литературы Серебряного века, – В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилев, Ф. К. Сологуб. Именно в переводах этих поэтов русским читателям впервые была представлена ранняя поэзия Уайльда. В этом издании впервые увидел свет брюсовский перевод «Баллады Рэдингской тюрьмы». Многие переводы сказок Уайльда, выполненные М. Благовещенской, З. Журавской, самим К. И. Чуковским, не устарели до сих пор, это говорит о профессиональном уровне издания

Появляются публикации, посвященные Уайльду, которые поначалу сконцентрированы главным образом в журнале «Весы», рецензии на его

переводы в России и в других странах. Многочисленные хроникальные заметки сообщали читателям о постановках пьес Уайльда на сценах зарубежных театров.

В середине 1900-х гг. статьи об Уайльде и отклики на переводы публикуют в журналы, не разделявшие эстетических позиций символистов, но вынужденных считаться с репутацией зарубежных «декадентов», доказавших свою художественную состоятельность, и с интересом к ним русских читателей. Об Уайльде пишут «Вестник Европы», «Русская мысль», другие журналы.

Отношение к Уайльду-человеку, к его драматической судьбе было в России далеко не однозначным: моралисты видели в писателе пороки, присущие, по их мнению, всем декадентам, в противоположном «лагере» судьба Уайльда воспринималась как отражение извечного конфликта художника с обществом. Красноречива надпись, сделанная В. Я. Брюсовым на экземпляре его перевода «Баллады Рэдингской тюрьмы», подаренном Блоку: «А. А. Блоку – узнику, как все мы».

В России Уайльд постепенно перестает быть предметом споров. Выходят серьезные работы известных критиков и историков литературы разных направлений – Н. Я. Абрамовича, Е. В. Аничкова, Ю. И. Айхенвальда, П. С. Когана. Обращает на себя внимание статья Ю. И. Айхенвальда «Литературные заметки», в которой автор подходит к Уайльду с теми же установками, какие сформулировал сам автор эссе «Критик как художник»: «Истинно высокая критика представляет чистейшую форму личного впечатления». Уайльд был не единственным, на кого ориентировался Айхенвальд, отвергавший принципы культурно-исторической и всех других школ в литературоведении, исходивших так или иначе из детерминированности личности и творчества художника.

В ряде работ, появившихся в эти годы, авторы концентрируются на эволюции писателя и на сложном взаимопроникновении эстетического и этического в его сочинениях. Заметно при этом желание оспорить

устоявшиеся представления об Уайльде и его творчестве. Н. А. Абрамович в исследовании «Религия красоты и страдания: О. Уайльд и Достоевский» (1909) проводит любопытные параллели между идейно-философскими исканиями Достоевского и Уайльда последних лет его жизни, когда писались «De profundis» и «Баллада Рэдингской тюрьмы». Абрамович пытался доказать, что Уайльд постепенно стал исповедовать те же взгляды, что и Достоевский.

М. А. Волошин написал в 1907 году заметку «Некто в сером», которая была посвящена появившейся тогда пьесе Л. Андреева «Жизнь человека» и его рассказу «Иуда Искарот», и сравнил в ней художественную интерпретацию образа Христа в рассказе Андреева и в стихотворениях в прозе Уайльда «Учитель» и «Творящий благо».

Нельзя не упомянуть имени К. И. Чуковского, литературоведческих трудах которого особое место было отведено Уайльду и его творчеству. В 1903–1904 гг. начинающий критик жил в Англии, куда направила его редакция газеты «Одесские новости». Среди присланных им корреспонденций было и сообщение о постановке в лондонском театре «Корт» комедии Уайльда «Как важно быть серьезным». Эстетство Уайльда с самого начала отталкивало молодого Чуковского, тосковавшего, как следует из его обзоров, по литературной жизни России. Но жизнь и творчество Уайльда давали благодатный материал для «литературного портрета без прикрас» – так определял Чуковский свой жанр. Именно в литературных портретах выявилось сближающее Чуковского с Уайльдом стремление писать остроумно, умение давать афористичные характеристики и выявлять истину через парадоксы.

По возвращении в Россию Чуковский выступал с лекциями об Уайльде в Москве, Киеве, Витебске, других городах. В 1911 г. он печатает в «Ниве» этюд «Оскар Уайльд» – первый набросок портрета писателя, легший в основу всех других его работ об Уайльде. Чуковский внимательно следил за всем, что выходило в Англии об Уайльде. В первом этюде он хочет,

чтобы русская публика трезво оценила своего кумира. В его талантливости Чуковский не сомневается, но ключевым словом в той характеристике, которую даёт К. И. Чуковский, является – «салонный». Для него суждения Уайльда скорее забавны, чем глубоки и серьезны. Таково впечатление Чуковского при первом знакомстве с творчеством Уайльда.

Вместе с тем Чуковский разглядел в Уайльде-эстете душу религиозную, желающую служить культу Красоты. Критик не скрывал, что разобраться в Уайльде помог ему А. М. Горький, к мнению которого Чуковский всегда прислушивался. Издательство «Всемирная литература», созданное в 1918 г. по инициативе Горького, предполагало выпустить новое собрание сочинений Уайльда со вступительной статьей Чуковского. Свой отзыв о статье Горький дал в письме Чуковскому (датируемом публикаторами условно 1918–1920 гг.), где он пишет: «Вы несомненно правы, когда говорите, что парадоксы Уайльда – «общие места навыворот», но не допускаете ли Вы за этим стремлением вывернуть наизнанку все «общие места» более или менее осознанного желания насолить мистрисс Грэнди, пошатнуть английский пуританизм?». Письмо Горького заставило Чуковского пристальнее всмотреться в эпоху Уайльда. Что касается Горького, то следует сказать, что Уайльд был для него фигурой «знаковой».

После издания собрания сочинений Уайльда под редакцией Чуковского русским читателям стали доступны все главные произведения писателя, а некоторые даже в разных переводах. Уайльда читали, об Уайльде писали ведущие критики, на Уайльда ссылались, с Уайльдом сравнивали... В среде литературно-художественной богемы стало модным подражать Уайльду, Андрей Белый вспоминал Москву тех времен, «перекроившую пиджаки и смокинги “а ля Уайльд”», и далеко не случайно упоминание уайльдовских персонажей среди «теней из тринадцатого года», являющихся много лет спустя лирической героине «Поэмы без героя» А. Ахматовой. Мотивы и персонажи произведений писателя обыгрываются в

произведениях русских авторов, как второстепенных, легче поддающихся веяниям литературной моды, так и крупных мастеров.

Существование сказки и реальности, малопривлекательной действительности и мечты в романе Ф. К. Сологуба «Творимая легенда» (1914) (первоначальное название «Навыи чары») продиктовано той же установкой на творящую волю художника, какой руководствовался в своей писательской деятельности Уайльд. «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт», – объявляет Ф.К.Сологуб, приступая к повествованию, и здесь слышится голос автора эссе «Критик как художник», утверждавшего, что «дело Литературы из грубого материала непосредственного бытия создавать иной мир, более чудесный, нетленный и истинный, чем тот, что открывается обыденному зрению».

К тому времени символистов на авансцене русской поэзии потеснили акмеисты и эгофутуристы: Игорь Северянин посвятил Уайльду три стихотворения, в трагических тонах рисовавших поэта, отринутого обществом. Автор неподписанного предисловия к сборнику эгофутуристов «Орлы над пропастью» называл Уайльда и Шарля Бодлера «иностранными предтечами эгофутуризма». К. И. Чуковский, с другой стороны, отмечал близость многих постоянных мотивов поэзии Игоря Северянина символизму. Северянин вступал в литературу в начале 1900-х гг. под теми же лозунгами, что и символисты 1890-х гг., – индивидуализм, культ красоты как неморальной ценности, – реализуя их в своей оригинальной манере. Современники не без иронии отмечали, что походивший внешне на Уайльда Северянин «работал» под него и в жизни, и на эстраде. Критики, встретившие футуристов так же неприветливо, как в свое время символистов, обыгрывали имя Уайльда применительно к новым литературным бунтарям.

Книги Уайльда и после октября 1917 г. продолжали до поры до времени печататься. Вместо планировавшегося собрания сочинений издательство «Всемирная литература» выпустило в течение 1919–1922 гг.

при активном участии К. И. Чуковского три сборника рассказов и сказок писателя.

В еженедельнике «Пламя» в 1919 г. появилась статья Л. Александровича «Оскар Уайльд и социализм», которая давала возможность продемонстрировать притягательность социалистических идей даже для аполитичных эстетов. Автора статьи не смущало, что понимание Уайльдом социализма было далеко от марксистского.

С газетных и журнальных страниц Уайльд переходит в академические истории литературы и театра. А.В. Луначарский счел необходимым изложить его эстетические принципы в своей статье «Критика», помещенной в вышедшем в 1931 г. пятом томе «Литературной энциклопедии», дав им, конечно, соответствующую оценку.

К.Г. Паустовский написал свое предисловие к сказке «Преданный друг» так, как только и могло оно быть написано в то время, уложив весь путь писателя в нехитрую схему: «бездельник и гениальный говорун», не желавший замечать «социальные несправедливости, которыми так богата Англия», пройдя через тягчайшие испытания, начинает осознавать, что «общественный строй Англии чудовищен и несправедлив». В целом же в советском литературоведении оформилось понимание Уайльда как талантливого художника-декадента, творчество которого входило в противоречие с его эстетическими декларациями, художника, уступающего в мастерстве и критическом размахе Б. Шоу, но отнюдь не второстепенного; эстетическая критика буржуазного общества, которую он вел, была, конечно, бесплодна, но свою роль в расшатывании устоев викторианства безусловно сыграла.

В истории «советского» Уайльда четко прослеживается история культурной политики, проводившейся государством на протяжении более чем семи десятилетий. Первое идеологическое послабление было сделано во второй половине 1950-х гг., в пору хрущевской оттепели, когда вместе с Э.-М.Ремарком и Э.Хемингуэем новое поколение читателей открыло для себя и

Уайльда. Судьба Уайльда-драматурга на советской сцене была более удачной, и в те годы, о которых идет речь, в МХАТе с успехом шла пьеса «Идеальный муж», поставленная еще в 1946 г.

Попыткой скорректировать оценки творчества Уайльда можно считать статью И.Г. Неупкоевой в третьем томе «Истории английской литературы» (1957). Исследовательница оставалась, естественно, в рамках тогдашней методологии, оперировавшей преимущественно идеологическими, а не эстетическими категориями. Искусство Уайльда «выходит за пределы декадентской литературы». Показательно и то, что, определяя причины, обеспечившие Уайльду место в ряду выдающихся писателей его времени, И.Г. Неупкоева исходила из качеств таланта Уайльда-художника, причисляя к ним «острую иронию, умение запечатлеть действительные противоречия жизни в метких парадоксах, блестящее владение диалогом, чуткость к слову, классическую простоту фразы». Настоящим событием стала публикация в 1960 г. двухтомника избранных произведений Уайльда, составленного К.И.Чуковским. Издания Уайльда, сохранившиеся у кого-то в домашних библиотеках, считались к тому времени библиографической редкостью. К.И.Чуковский снова открывал Уайльда – только теперь уже детям и внукам тех, кто увлекался им в начале века.

В 1976 г. вышла «Баллада Рэдингской тюрьмы» в новом переводе В.Топорова, лирика, впервые в России представленная в таком объеме (несколько стихотворений перевела известная поэтесса Юнна Мориц), а главное – полный текст «De profundis» в переводе Р. Райт-Ковалевой и М.Н.Ковалевой. Автор вступительной статьи Д. М. Урнов постарался по возможности объективно оценить «блистательного Оскара».

Безысходность, глубина страданий заключённых и тщетность их попыток вырваться из рокового круга передают не только лексический и синтаксический повторы, но и то, что Уайльд выбирает кольцевую композицию – заключенные совершают ежедневные прогулки по кругу, что невольно напоминает о кругах ада Данте, о шекспировских и бернсовских

исканиях [см.: 16, с. 3–15; 17, р. 509–517; 18, с. 5958–5962; 19, с. 76–92; 20, с. 57–60; 21, с. 116–135; 22, с. 104–118; 23, с. 693–697; 24, с. 280–284; 25, с. 163–166; 26, с. 215–222; 27, с. 145–149], о параллелях между языками и культурам, поэтических знаках и смыслах.

В последние десятилетия освоение специалистами литературного наследия Уайльда велось очень основательно. К настоящему времени освещены самые разные аспекты творчества писателя, проанализированы все его произведения, изучены в деталях сюжеты и образы, тщательно разобраны язык и стиль. Предметом изучения стал и «русский» Уайльд. Тема эта, если не исчерпана, то во всяком случае серьезно разработана на материале 1890–1910-х гг. прежде всего в статьях и диссертации Т.В. Павловой, введшей в научный обиход богатейший, в том числе архивный, материал.

Уайльд был и остается предметом споров, а для некоторых и объектом поклонения.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

2. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

3. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

4. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных

заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

5. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

6. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

7. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

8. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

9. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3–6.

10. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3–6.

11. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

12. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и И.С.Тургенев (к истории взаимоотношений) // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 17 декабря 2014 г.). – Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2014. – С. 57–66.

13. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») //

Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 – 110.

14. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.*

15. *Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в России // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – V: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н.Жаткин. – М.: Флинта; Наука, 2016. – С. 101 – 246.*

16. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.*

17. *Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – S. 4. – P. 509 – 517.*

18. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.*

19. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.*

20. *Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.*

21. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*

22. *Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.*

23. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

24. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

25. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // *Знание. Понимание. Умение*. – 2007. – №4. – С. 163–166.

26. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. – 2016. – №3. – С. 215–222.

27. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

28. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

29. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

30. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

31. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

32. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. ШЕКСПИРА И Р. БРАУНИНГА В ПЕРЕВОДАХ

Э.Л. ЛИНЕЦКОЙ

*Е.Р.Мирошина, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**W. SHAKESPEARE AND R. BROWNING WORKS IN THE
TRANSLATIONS BY E.L. LINETSKAYA**

E.R.Miroshina, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В статье анализируются выполненные Э.Л.Линецкой переводы комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно» и стихотворения Р.Браунинга «Meeting at Night». Осуществляется сопоставление переводов Э.Л.Линецкой с английскими оригиналами, а также переводами ее предшественников и современников.

Ключевые слова: поэзия, драматургия, межкультурная коммуникация, рецепция, традиция, художественный перевод.

Abstract. This article regards the analysis of the translations of W. Shakespeare's comedy "Twelfth Night or What You Will" and R. Browning's poem "Meeting at Night" made by E.L. Linetskaya. There is the comparison of E.L. Linetskaya's translations with original English texts and with the translation of her predecessors and contemporaries as well.

Keywords: prose, drama, intercultural communication, reception, tradition, literary translation.

E-mail: хохо_9595@mail.ru

Э.Л.Линецкая принадлежала к числу выдающихся представителей ленинградской школы художественного перевода, внесшей существенный вклад в развитие художественного (и прежде всего – поэтического) перевода в России [1, с. 111–115; 2; 3, с. 3–6; 4, с. 3–11; 5, с. 9–13; 6, р. 380–391; 7, с. 203–206; 8, с. 76–92; 9, р. 509–517; 10, с. 5958–5962; 11, с. 58–60; 12, с. 225–241; 13, с. 116–135; 14, с. 693–697; 15, с. 145–149; 16, с. 215–222; 17, с. 365–369; 18, с. 95–104; 19, с. 232–234; 20, с. 159–164; 21, с. 736–740;

22, с. 176–192; 23, с. 3–6; 24, с. 280–284; 25, с. 150–153; 26, с. 324–328; 27, с. 58–69; 28, с. 110–114; 29, с. 161–165; 30, с. 199–206; 31, с. 106–110; 32, с. 82–91; 33, с. 57–60; 34, с. 163–166; 35, с. 68–70; 36, с. 104–118; 37, с. 180–183; 38, с. 58–69; 39, с. 294–301]. Она была чрезвычайно требовательна к переводу, о чем свидетельствует сравнительный анализ переводов стихотворения Р. Браунинга «Meeting at Night», сюжет которого был опубликован в 1845 году и отчасти отдаёт дань романтизму: лирический герой спешит на тайное свидание к возлюбленной, путь его лежит через море.

Подстрочник
Встреча ночью

Серое море и длинный
чёрный берег;
Жёлтый полумесяц,
широкий и низкий;
И испуганные маленькие
волны, которые
выпрыгивают
Блестящими колечками из
своего сна,
Когда мой стремящийся
вперёд челн достигает
бухты
И гасит скорость в мокром
песке.
Потом миля тёплого,
пахнущего морем берега,
Пересечь три поля, пока не
станет видна ферма,
Стук в окно, мгновенный
громкий чирк
И голубая вспышка
зажженной спички,
И голос, со всеми его
радостями и страхами,
менее громкий,
Чем два сердца, бьющиеся
друг напротив друга.

Перевод Э. Линецкой
Свидание ночью

Море серо, а кромка земли
черна,
Серп луны над водой и
жёлт, и широк,
И юркие волны, спросонья
кружась,
Плетут за кормой
дрожащую вязь,
Когда в бухте в шуршащий
и влажный песок
Я врезаюсь упругим телом
челна.
С милю берегом; вот и поля
наконец
Три, одно за другим; воздух
солью пропах;
Тёмной фермы окно, стук по
стеклу,
Спички синяя вспышка
вонзится во мглу,
И чуть слышный ответ, в
нём радость, и страх,
И биенье согласное слитых
сердец.

Перевод Я. Фельдмана
Ночная встреча

Это серое море и длинная
чёрная суша.
И большая луна —
неподвижная жёлтая груша.
Потрясённые волны в
кошмарном бормочущем
сне.
Золотые колечки на моря
мохнатой спине.
Одинокая лодка в заветную
бухту спешит
И врезается в берег, и берег
под брюхом шуршит.
Миля тёплого пляжа,
прибоем пропахшего.
Одинокая ферма, в долине
пропавшая.
Стук в оконную раму и
шлёпанцев шорох.
Синий, спичкой на ощупь
зачёркнутый порох.
Тихий голос, сладкий и
щемящий.
Сердце — сердце. Чаше,
чаще, чаще.

Перевод Эльги Линецкой сохранил схему рифмовки, которая характерна для подлинника. В нём меняется размер: первая и вторая строки начинаются хореем, а третья уже ямбом, а для равновесия Линецкая использует анапест в пятой, шестой, одиннадцатой и двенадцатой строках.

В этих вариантах наблюдаем различие на лексическом уровне уже в заголовке (встреча свидание), имеются выражения «дрожащая вязь», «слитые сердца», «упругое тело челна», которые меняют тональность стихотворения. У Линецкой не видим глаголы перемещения, которые имеются в подлиннике, в котором отражено энергичное движение к цели. Здесь же неторопливое повествование.

В подстрочнике знаменательных слова пятьдесят три, из которых только двадцать четыре воспроизведены в переводе. Добавлено семнадцать новых слов, которых не было в подстрочнике. На наш взгляд, сделать однозначный вывод о точности этого перевода нельзя.

В другом переводе, выполненном Яковом Фельдманом, изменилась тональность, рифма заменена парной, появилась женская рифма. Основным размером стал анапест, кроме двух последних строк, написанных хореем. Лексический повтор «чаще» (3 раза) имитирует сердцебиение, скорость которого замедляется по мере приближения к цели.

Благодаря насыщению стихотворения шипящими и свистящими, возникает образ ветра, который издаёт свистящий и завывающий шум, образ беспокойного моря, волны которого с шумом набегают на берег. Образы отличаются от образов оригинала: эпитеты меняют настроение и образы стихотворения до неузнаваемости («кошмарный сон» вместо просто «сна», «синий порох» вместо «синего огонька спички»). Некая тяжеловесность стиха возникает, потому что в переводе пятьдесят восемь слов, на пять больше, чем в подстрочнике (и на одиннадцать – чем в оригинале).

Конечно перевод Линецкой точнее, чем перевод Я.Фельдмана, но буквальным его тоже назвать трудно. В переводе Я.Фельдмана сюжет получил и новую трактовку.

Одним из лучших переводов комедии Шекспира «Двенадцатая ночь, или что угодно» является перевод Э. Л. Линецкой (1959). Сравним отрывок её перевода с переводом М. Лозицкого.

Перевод Э. Линецкой

Где ты, милая, блуждаешь,
Что ты друга не встречаешь
И не вторишь песне в лад?
Брось напрасные скитанья,
Все пути ведут к свиданью, –
Это знает стар и млад.
Нам любовь на миг дается.
Тот, кто весел, пусть смеется:
Счастье тает, словно снег.
Можно ль будущее взвесить?
Ну, целуй – и раз, и десять:
Мы ведь молоды не век.

Перевод М. Лозицкого

Где ты, милая, блуждаешь?
Стой, послушай, ты узнаешь,
Как поет твой верный друг.
Бегать незачем далече,
Все пути приводят к встрече;
Это скажут дед и внук.
Что – любовь? Любви не ждётся;
Тот, кто весел, пусть смеется;
Завтра – ненадежный дар.
Полно медлить. Счастье хрупко.
Поцелуй меня, голубка;
Юность – рвущийся товар.

В центре этой комедии запутанная история любви. Этот отрывок – песня шута графини Фесте. Шут – один из важных образов, он постоянно шутит, его юмор печален, он говорит о быстротечности жизни и счастья, о неизбежности жизни, мгновенности любви. Эта песня помогает лучше понять героя Шекспира. На мой взгляд, перевод Линецкой способствует этому. Трогательное обращение к возлюбленной, стремление к ней. И лексические и синтаксические особенности данного отрывка говорит о том, что переводчик хотел воспроизвести стиль, характерный для литературы шестнадцатого века. Лирический герой просит: «Брось напрасные скитанья...». Слово «скитанье» имеет следующее значение «передвижение без определённой цели». В данном случае можно говорить об употреблении данного слова в прямом и переносном значении. Здесь скорее говорится о

том, что возлюбленная пытается убежать от любви лирического героя, который пытается убедить её не делать этого. В переводе М. Лозинского лирический герой насмешливо упрекает возлюбленную: «**Бегать** незачем далече...». У Линецкой: «Все пути ведут к **свиданью**», а у Лозинского: «Все пути приводят к **встрече**». Свидание – это что-то сокровенное, желанное, романтическое, а встреча – это одновременное пребывание в одном месте нескольких людей, что-то обыденное, порой не оставляющее никаких следов в душе и судьбе.

В переводе Э. Линецкой есть трогательное утверждение: «Нам любовь на миг дается», в переводе М. Лозинского резкая констатация: «Что – любовь? Любви не ждётся».

Мысль о том, что никакого нет будущего и нет счастья, выражено у Линецкой: «Счастье тает, словно снег. Можно ль будущее взвесить?», а у Лозинского: «Завтра – ненадежный дар. Полно медлить. Счастье хрупко». Молодость быстро проходит.

Синтаксически эти переводы также имеют свои отличия. И в том и в другом переводах есть обращения: у Линецкой – «милая», у Лозинского – «милая», «голубка». Количество строк совпадает, а количество предложений разное: у Линецкой – 5 предложений, а у Лозинского – 8 предложений. Конечно в это число входят и простые и сложные предложения. У Лозинского в нескольких строках два простых предложения: «Полно медлить. Счастье хрупко». Тока стоит на месте паузы. Появление таких пауз, дробление мысли помогает передать настроение лирического героя. У Линецкой такого мы не находим.

Список литературы

1. Степанов М.С. *Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.*

2. Степанов М.С. *Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии):*

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

3. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

4. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.

5. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // *Русская речь*. – 2006. – №1. – С. 9 – 13.

6. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. *Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception* // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – Vol. 9. – Issue 27. – P. 380 – 391.

7. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

9. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

11. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России*. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

12. Жаткин Д.Н. *Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр.* – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

13. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116 – 135.

14. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

15. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

16. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Каишкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

21. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

22. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176–192.
23. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3–6.
24. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.
25. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 150–153.
26. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.
27. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.
28. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.
29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.
30. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

31. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

32. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

33. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

34. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

35. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

36. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

37. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

38. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиравшая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

39. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

*Г.И. Михалев, Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II, г. Москва, Россия*

THE LEGAL STATUS OF A TRANSLATOR

*G.I. Mikhalev, Moscow State University of Railway Transport of the Emperor
Nicholas II, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена лексикографическому описанию семантики относительных прилагательных современного русского языка и принципу дополнительности, позволяющему более точно и полно отобразить значение анализируемых слов в толковом словаре.

Ключевые слова: относительные прилагательные, лексическое значение, лексикографическое описание, принцип дополнительности.

Abstract. This article is devoted to the description of the dictionary semantics relative adjectives of modern Russian language and the principle of subsidiarity, allowing more accurately and fully display the value of the parsed words in the dictionary.

Keywords: relative adjectives, lexical value, lexicographic description, the principle of subsidiarity.

E-mail: georgy.mihaliiov@yandex.ru

Основное предназначение толкового словаря – донести до пользователя лексическое значение того или иного слова. Кроме того, при помощи системы грамматических, стилистических и других помет, до нас доходит дополнительная информация об основных грамматических категориях, свойственных слову, его возможности изменяться, вступать в системные отношения, особенностях стилистического употребления, отношения к активному и пассивному составу лексической системы и наличии

дополнительной эмоционально-экспрессивной окрашенности. Обычно в конце словарной статьи приводится употребление слова в составе устойчивых сочетаний фразеологического или терминологического характера. Эта дополнительная информация становится центральной для лексикографов, создающих словари устаревшей лексики и неологизмов, грамматические, фразеологические и другие словари, содержащие добавочные к лексическому значению сведения. «Сущность принципа дополнительности состоит в том, что исследование феноменов противоречивой природы требует различных способов описания, позволяющих взглянуть на объект исследования с различных сторон. Для лексикографии характерны большие словарные проекты, дающие стереоскопическую картину функционирования лексики» [1, с. 13].

Указанные проекты касаются не только создания новых толковых словарей [5], но и лексикографической переработки уже известных и популярных изданий, каким на протяжении многих лет является МАС под ред. А.П. Евгеньевой [2, с. 3–9].

Применение в лексикографической практике последних достижений отечественной филологии влечет за собой значительные дополнения в методологию практической работы, делая выходящие словари (или последующие тома многолетних изданий) более насыщенными и адекватными с точки зрения отражения в них анализируемого языкового материала. Так «...текст вышедших в 2000–2016 гг. VI–XI тт. СДРЯ существенным образом отличается от первоначальных версий словарных статей – как с точки зрения филологической и лингвистической корректности материала и интерпретаций, так и с точки зрения объема» [3, с. 58]. В некоторых одностомных изданиях, в ущерб количеству анализируемых слов, «...всесторонне и беспрецедентно глубоко описываются самые важные русские слова, образующие в совокупности лексическое ядро современного русского языка» [10, с.3].

Представляется, что принцип дополнительности актуален для современной русской лексикографии не только в связи с наличием разных

методов и аспектов анализа неоднозначного по своей природе языкового материала, но и при осуществлении единого подхода к описанию лексической семантики. Дополнительность в данном случае возникает в связи с более глубоким анализом лексического значения слова, который становится возможным благодаря применению относительно новых методов семантического моделирования как средства создания типовых (для различных лексико-семантических групп) лексикографических дефиниций. Иллюстрацией этого утверждения могут служить составленные автором словарные статьи, посвященные семантике относительных прилагательных русского языка, и размещенные в ранее опубликованных работах [7, 8].

« **НСКИЙ**, -ая, -ое. **1.** Являющийся частью лошади. *Конский волос, хвост, зад, круп, желудок, глаз, бок, хребет, член, череп, скелет, жир.* || Являющийся частью лошади, употребляемой в пищу. *Конское мясо, хряц, жир.* || Являющийся частью лошади, снятой с нее после забоя. *Конская шкура.* || Являющийся безжизненным телом лошади. *Конский труп.* **2.** Издаваемый копытами лошади при движении. *Конский топот, топ, цокот, стук, скок.* || Издаваемый лошадью при помощи дыхательных органов. *Конское ржание, хрип, сан, визг.* **3.** Состоящий из лошадей. *Конский табун, косяк, масса, строй.* || Состоящий из повозок, запряженных лошаадьми. *Конский обоз.* || Состоящий из лошадей, используемых в военных целях. *Конский состав.* **4.** Приготовленный из мяса лошади. *Конская колбаса.* **5.** Предназначенный для разведения и содержания лошадей. *Конский завод, загон, двор.* || Предназначенный для управления лошадью при езде. *Конский (-ая) упряж, убор, прибор, бич.* || Являющийся частью лошадиной упряжи. *Конский потник, чепрак, повод, хомут, рюкзак.* || Предназначенный для лечения лошадей. *Конский шприц, морфин, лазарет, лечебник.* || Предназначенный для торговли лошадьми. *Конский базар, ярмарок.* || Предназначенный для ухода за лошадьми. *Конский цебар [бадьа].* **6.** Употребляемый лошадьми в качестве пищи. *Лошадиный корм.* **7.** Являющийся естественными испражнениями лошади. *Конский навоз, помет, пометь, кал, моча.* || Являющийся сухим

пометом лошади. *Конский шевяк, аргал.* **8.** Являющийся выделениями потовых желез лошади. *Конский пот.* **9.** Исходящий от тела лошади. *Конский запах, дух.* **10.** Являющийся одним из способов движения лошади. *Конский шаг, бег.* **11.** Оставляемый лошадьёю на снегу или мягкой почве. *Конский след.* ◇ В составе устойчивых словосочетаний – *Конский щавель, зуб, каштан, бобы; лишай; волос [животное]; падеж; хвост [прическа].* ◇ В составе устойчивых выражений – *Во весь конский мах»* [6, с.88-89].

«ВО'ЛЧИЙ, ья, ье. **1.** Являющийся выделанной шкурой волка. *Волчий мех был свежий, неистертый, и пахло от него полынной степью при луне, вольным воровским простором* (Леонид Юзефович. Дом свиданий. 2001) [4]. **2.** Сшитый из выделанных шкур волка. *Волчья шуба облекала его, и струйка холода ударила в меня* (М. А. Булгаков. Вьюга. 1926) [4]. **3.** Являющийся частью волка. *Ясни, ясни, на небе звезды, мерзни, мерзни, волчий хвост!* (Саша Соколов. Школа для дураков. 1976) [4]. *После двух ударов волчья голова поникла, глаза закрылись* (Я. Михайлов. Облава (рассказ охотника) // «Огонек». № 5, 1952) [4]. **4.** Оставляемый волком на снегу или мягкой земле. *Из дальней дали вьется волчий след, переплетаясь с человеческим* (В. Варламов. Мир не становится проще // «Знание — сила», 1987) [4]. **5.** Состоящий из маленьких волчат. *Местные охотники проведали, что большой волчий выводок жил где-то на Сухой речке* (М. М. Пришвин. Кладовая солнца. 1945) [4]. **6.** Состоящий из взрослых волков. *Так над тушей заваленного, но ещё живого оленя пирует изголодавшаяся волчья стая, когда волки выдирают из тела куски ещё трепыхающегося мяса и рвут их друг у друга из зубов* (Алексей Иванов. Сердце Пармы. 2000) [4]. **7.** Издаваемый волком. *Из чащи раздался жуткий волчий вой, от которого застывала кровь в жилах* (Казацкий спецназ. 2004 // «Солдат удачи», 2004.10.06) [4]. **8. Перен.** Недружелюбный, злой. *Постепенно и исподволь накаляет он атмосферу, и вот на скромном лице его вы замечаете уже не улыбку, а волчий оскал.* (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. 1976) [4]. **9.** Предназначенный для

добычи волка. *А вы попробуйте достать в Москве волчий капкан* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Берегись автомобиля. 1966 [4]. ◇ **Волчий аппетит** (разг.) – очень сильный аппетит. *Лучшие кулинары всего света потрудились, чтобы у каждого при взгляде на нее возникал волчий аппетит.* (Михаил Анчаров. Самшитовый лес. 1979) [4]. ◇ **Волчья пасть** – врожденный излечимый дефект, представляющий собой разрыв или расщелину между тканями мягкого и твердого неба в средней его части» [9, с. 134].

Предлагаемые ниже материалы дополняют созданные ранее и посвящены лексикографическому описанию относительных прилагательных ЛСГ «Животные».

, -ья, -ье. **1.** Сшитый из выделанных шкур барана, из овчины. *При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья* (А. С. Пушкин. История Пугачева (1833)) [4]. **2.** Сделанный из части барана. *Основной заповедью праздника является обязанность слушать трубление в бараний рог – шофар* (Иудейские праздники // «Отечественные записки», 2003) [4]. **3.** Приготовленный из баранины. *Из мясных блюд советуем попробовать бараний или свиной шашлык (сувлаки), приготовленный на вертеле или углях* (Николаева Галина. Пасхальная Греция // Труд-7, 2005.04.28) [4]. || Приготовленный из той или иной части барана. *В него наливают молоко и сыпят мелко рубленный бараний желудок – сычуг.* (Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / Смерть поэта (1958-1968)) [4]. *Пропил волю, пропил возы... Вкусный бараний гусачок стоил копейку. – У меня кушают с анекдотами, – сказал Баграт, расхаживая по обжорке* (В. Лихоносков. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1–2 (1983)) [4]. *На праздничный стол подавали студень, окорок, копченое сало, бараний бок с кашей, домашнюю колбасу, жаркое, гуся с яблоками, утку с капустой, а вершиной всего являлся молочный поросенок.* (Рождественский стол // «Отечественные записки», 2003) [4]. ||

Приготовленный из овечьего молока. *На полу, вдоль стен, бурдюки, в которых хранится бараний сыр (Зинаида Рихтер. В солнечной Абхазии и Хевсуретии (1923–1924))* [4]. || Извлекаемый из жировых тканей барана. *Монгольский чай – штука забористая, в составе, кроме чайного отвара, бараний жир, соль и жирнейшее кобылье молоко (Валерия Иванова. Монголия // «Сибирские огни», 2012)* [4].

4. Являющийся частью барана. *Рощапкин напирал в стриженный бараний зад, баран блял и, откуда в нем это бралось, беспрерывно осыпал его теплыми катышами (О.М.Куваев. Эй, Бако! (1975))* [4].

5. Перен. Ошарашенный, наглый, неподвижный (о взгляде). *Было ему лет двадцать пять, но усов у него еще не было, лицо его было длинно, крупно и очень бледно, взгляд, бараний, белый, прям и нагл. (И. А. Бунин. Ермил (1912))* [4]. *В ответ – ошарашенный бараний взгляд, как будто его огрели по голове сковородкой...* (Он – мой! Робкий и застенчивый такой... (2004) // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22) [4]. *Варвара Петровна правду отнеслась, что у него был несколько бараний взгляд, иногда особенно. (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872))* [4].

6. Издаваемый бараном. *В передней слышался бляющий, словно бараний голос. (Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902))* [4].

7. Перен. Высокий, дребезжащий; напоминающий бляние барана (о голосе). *Деловые соображения тонут в жужжании голосов, в стуке колес. Где-то выпрыгивает вверх бараний тенор: – Павел Иваныч? (Ф.Д.Крюков. Мельком // «Русские Записки», 1917)* [4].

8. Предназначенный для содержания баранов, овец. *Место, на котором мы прожили эти десять дней, представляет собою довольно обширную низменную площадку, огороженную с одной стороны берегом Дуная, а с прочих сторон постепенно возвышающимися горами, и замечательно тем, что оно было единственным пунктом, в котором турки удержались на левой стороне Дуная в продолжение всей кампании, обороняясь редутом, скорее похожим на бараний загон, чем на укрепление (Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера (1866–1880))* [4].

9. Распространяемый, исходящий от тела, присущий барану. *Филармон Иванович так захотел дубленку, что даже уловил ее*

противный бараний запах, еще в гардеробе ошеломивший его (Б. Б. Вахтин. Дубленка (1978)) [4]. *СЕКРЕТЫ ВКУСА Специфический бараний запах можно отбить, опустив мясо на 1 час в молоко, а затем смазать его толченым чесноком* (Оксана Касаткина. Как правильно готовить мясо на пикнике // Комсомольская правда, 2007.04.27) [4]. **10.** *Являющийся естественными испражнениями барана. Половина двора мать отдала мне под тюльпаны, и я разводил птичий и бараний навоз в точных пропорциях, перекапывал, сколачивал ящички, в которых проветривал на чердаке луковицы* (Александр Иличевский. Перс (2009)) [4]. **◇ Бараний вес** – вес, приблизительно равный весу живого среднего барана (38–45 кг). *13-летний Влад Богатенков и 12-летний Дима Кирпичев весят ровно по 42 кило – «бараний вес», как признались сами мальчики* (Ксения Патрушева. Шестиклассники задержали наркодельца во время спецоперации // Комсомольская правда, 2012.02.29) [4]. *Еще нравится, что тетя Лена всю жизнь держит один вес – бараний* (Агишева Гузель. Только бы не было войны // Труд-7, 2007.07.14) [4]. **◇ В составе устойчивых выражений. Скрутить, (свернуть, согнуть) в бараний рог** – подавить, добиться покорности. *Чего они там резину-то тянут, чего они не скрутят свою буржуазию в бараний рог?!* (Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)) [4].

, **ья, ье.** **1.** *Являющийся частью вороны. Одни из них, величиною с утку, а другие много меньше, но по виду совершенно похожи на больших; только клюв у них короче и не так похож на вороний* (В.И.Альбанов. Дневник (1914)) [4]. *Но самое главное, в каждую палочку Николай вставил вороньи перья, иначе это не стрелы, а полная ерунда* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)) [4]. **2.** *Состоящий из ворон. Граната взорвалась, подняв над землей султан пыли и песка. Над полем закаркала воронья стая* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)) [4]. **3.** *Устроенный воронами для выведения потомства. На самой маковке его, в темной глянцево-зеленой листве угрюмо чернело воронье гнездо* (М.А.Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)) [4]. *На*

соседней вербе чернела куча черного хвоста – воронье гнездо (В. П. Беляев. Старая крепость (1937–1940)) [4]. **4.** *Издаваемый воронами. Зайди туда чужой человек – услышал бы он, как вдруг, где-то рядом, застучал дятел, ему далеко откликнулась кукушка, и пошли по всему лесу странные звуки – постукивание и посвисты, воронье карканье, собачье потягивание...* (А.Н.Толстой. Странная история (1942–1944)) [4]. *Это воронье ку-у-рлю, – это ворон* (Н. С. Лесков. Божедомы (1868)) [4]. **5.** *Являющийся птенцом вороны. Подбежал комсомол, темной стеной напротив встал. Будто птенцы вороны, рты раззявили – Бога нет!!!* (Светлана Василенко. Дурочка (1998)) [4]. **6. Перен.** *Неприятный, резкий, гортанный, напоминающий карканье вороны. Так и расхаживала по двору – волосы распущены, белки глаз сверкают, а голос гортанный, резкий, вороний какой-то* (Руслан Киреев. Пожарник Афродита // Библиотека «Огонек», 1989) [4]. *– Да, коллега, – вновь раздался хамский вороний голос* (Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)) [4]. **7.** *Являющийся естественными испражнениями вороны. Вокруг там и сям был набрызган вороний помет* (Борис Хазанов. Апофеоз (2001) [4]. *Капли были тяжелы, а когда Синичкин, выбравшись со старательских тропинок на цивилизованный асфальт, снял с себя фуражку, дабы отряхнуть ее от влаги, то обнаружил на новом фетре не капли осеннего дождя, а рядовой вороний помет, сплошь обметавший фуражку поверхность беловато-серой слизью* (Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)) [4]. **8.** *Откладываемые вороной для выведения потомства. У самого лицо, как воронье яйцо... коли я мохнорылый* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)) [4]. *Она шевелит все-таки вороньи яйца рукой, нет ли чего под ними, но вороны дошли до последней степени неистовства, вороны орут оглушительно, садятся ей на плечи... Одна – это ясно видела Женя – ударила ее в голову клювом* (С. Н. Сергеев-Ценский. Воронята (1933)) [4]. **9. Перен.** *Внешне напоминающий ту или иную часть вороны. Мимо окна промелькнул старческий, несколько вороний профиль, очки, узел седых волос с черными нитями, высунувшийся*

из-под шапочки (В.П.Катаев. Фиалка (1973)) [4]. *Встретив тебя среди шкафов, фавн-профессор, коли персонально не знает тебя, на вороний свой нос нацепивши пенснэ, оглядит хитро-ласковыми, подозрительно как-то злыми черневыми глазками, первый поклонится* (Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)) [4]. **◊ Вороний глаз** – многолетнее травянистое корневищное растение (*Paris quadrifolia*) семейства Триллиевые. *Есть в лесах ядовитые ягоды, такие, как занесенные в Красную книгу волчье лыко и вороний глаз* (Святослав Логинов. Марш-бросок по ягодным палестинам // «Наука и жизнь», 2007) [4]. **◊ Воронье гнездо** – вид женской прически. *«Девушка ты молодая! Вон воронье гнездо на голове завил! А подумала ли ты, какие дни стоят»* (Н.А.Тэффи. Покаянное (1910)) [4]. **◊ Воронье пугало** – чучело, служащее для отгона птиц. *На городской окраине избушки, мазанки, либо огород с полверсты, в нем шалаш, а на грядках с капустой вороньи пугала* (В.Я.Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)) [4].

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Фразеография и принцип дополнительности // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции (12–14 декабря 2016 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 13–14.*

2. Крысин Л.П. *Проблема обновления толковых словарей русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – № 1. – С. 3–9.*

3. Крысько В.Б. *Исторический словарь-тезаурус: резервы и пределы совершенствования // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции (12–14 декабря 2016 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 56–58.*

4. *Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru/search-main.html.*

5. *Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э.Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л.Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.А. Лопухина, А.В. Птенцова, А.В.Санников, Е.В. Урысон; отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1–2.*

6. *Михалев Г.И. Относительные прилагательные в толковом словаре и Национальном корпусе русского языка // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции (12–14 декабря 2016 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 87–89.*

7. *Михалев Г.И. Системные отношения в лексике и лексикографические традиции описания семантики относительных прилагательных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (63): В 3 ч. – Ч. 2. – С. 123–125.*

8. *Михалев Г.И. Лексикографические способы трансформации многозначных относительных прилагательных в моносемные структуры // Человек, общество и государство в современном мире: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции: В 2 т. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2016. – Т.1. – С. 364–366.*

9. *Михалев Г.И. Совмещение системности и функциональности в толковом словаре (на примере анализа презентации многозначных относительных прилагательных русского языка) //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (63): В 3 ч. – Ч. 1. – С. 131–135.*

10. *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В.Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

*В.В. Мушкова, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

*Л.В. Штырова, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE SPHERE OF EDUCATION

V.V. Mushkova, Penza State Technological University, Penza, Russia

L.V. Shtyrova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена роли межкультурного взаимодействия в современном мире. Особенное внимание уделяется обучению студентов за рубежом, важности такого образования для развития всех видов связей между странами.

Ключевые слова: общение, коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурное образование, высшее образование, стереотипы, инкультурация.

Abstract. This article is devoted to the role of intercultural interaction in the modern world. Particular attention is paid to teaching students abroad, the importance of such education for the development of all types of relations between countries.

Keywords: communication, communication, intercultural communication, intercultural education, higher education, stereotypes, inculturation.

E-mail: vikavishenka1@rambler.ru; shtyrovalyuda@gmail.com.

Общение играет одну из важнейших ролей в нашей жизни. Люди с рождения имеют способность устанавливать эмоциональные контакты и понимать других при помощи знаков, звуков и т. д. Поэтому с развитием общества одновременно обогащаются и усвершенствуются все принятые системы знаков, символов, благодаря которым люди способны общаться и взаимодействовать друг с другом. Изначально, развиваясь вместе с человеком,

появлялись естественные языки, позднее были созданы искусственные. Все они позволяют наладить эффективную коммуникацию [1].

Изучение межкультурной коммуникации является сравнительно молодым направлением, которое стало активно развиваться с начала 90-х годов XX века. В английском толковом словаре понятие «коммуникация» имеет несколько значений, вот некоторые из них:

1. Процесс передачи информации другим людям;
2. Процессы, используемые для общения или передачи информации;
3. Способы, с помощью которых люди строят отношения друг с другом и понимают чувства друг друга и т. д. [2].

То есть, в англоязычной литературе термин «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме сигналов, что в русском языке является эквивалентом термина «общение» (процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями между людьми).

Таким образом, межкультурная коммуникация – это общение между представителями (индивидами, группами, государствами) различных человеческих культур. Однако, данные отношения являются межкультурными при условии, если их участники не прибегают исключительно к собственным традициям при акте коммуникации, а знакомятся с чужими обычаями и нормами поведения/общения, т. е. такая коммуникация отличается уважительным отношением участников к культурным особенностям, характерным для их собеседников [3].

Ярким примером межкультурной коммуникации является обучение студентов за границей. Особенностью такого обучения является то, что сам процесс рассматривается, как способ для обучающегося осознанно расширить или изменить привычные для него условия восприятия и поведения в повседневной жизни, ближе познакомиться с культурой той страны, язык которой он изучает. Это индивидуальный процесс развития личности, ведущий к изменению поведения/привычек индивидуума, причиной которого является понимание культурно-специфических норм представителей других культур.

На данный момент международные образовательные связи можно отнести к наиболее важным и перспективным направлениям международного культурного обмена [4; 5]. Кроме этого подобные взаимоотношения между государствами являются самыми динамично развивающимися аспектами культурного сотрудничества, так как студентам свойственны мобильность, коммуникабельность и стремление к приобретению новых знаний.

В условиях современного развивающегося общества роль интеллектуального общения народов постоянно растет и делается одним из главных условий для будущего развития цивилизаций [см., например: 6, с. 365–369; 7, с. 95–104; 8, с. 232–234; 9, с. 159–164; 10, с. 176–192; 11, с. 280–284; 12, с. 324–328; 13, с. 693–697; 14, с. 116–135; 15, с. 215–222; 16, с. 106–110; 17, с. 82–91]. Высшее образование является одним из основных факторов, играющих все большую роль в жизни и определяющих каркас прогресса, как всего человечества, так и отдельных государств. Большинство стран создают близкие связи в сфере образования, а также в развитии и улучшении социального, научно-технического и культурного сотрудничества.

Знания являются всемирными, их обретение, расширение, углубление и распространение можно достичь при помощи коллективных усилий международного общества, поэтому высшее образование стало играть основополагающую роль в развитии и использовании знаний. Однако довольно долгое время образование было достоянием внутренней политики и только с XX века можно заметить развитие интеграционных процессов и интернационализации образования. В последние годы международные связи в области высшего, в частности, университетского образования, значительно активизировались, будучи вызванными глобализационными процессами, происходящими в современном мире.

Интенсивное развитие связей и расширение сотрудничества между странами в различных сферах, является основной причиной изучения иностранного языка. Однако помимо языка нужно учитывать широкий список факторов, влияющих на процесс взаимодействия между представителями

разных культур. Например, не менее важной считается межкультурная компетентность, которая стоит в одном ряду с хорошим знанием самого языка и информационной культурой.

На данный момент в высших учебных заведениях ведущей целью при обучении иностранным языкам является формирование личности студента, способной участвовать в взаимодействии на межкультурном уровне. Акцентируется внимание на развитие у студентов определенных черт языковой личности, которые делают их способными к адекватной социальной коммуникации. В связи с этим в процессе обучения формируются умение строить речевое поведение с носителями языка и взаимопонимание с чужой культурой.

Усвоение студентами изучаемого языка как средства межкультурной коммуникации возможно лишь в условиях общения, приближающегося по своим характеристикам к реальной коммуникативной ситуации. Однако при изучении иностранного языка студент, чаще всего, ориентируется на родную лингвистическую культуру, которая окружает его, поэтому всегда должна быть возможность участвовать в межкультурном общении. Это способствует: лучшему пониманию самого языка, упрощает его восприятие и расширяет границы мировосприятия. В современном мире для усовершенствования своих навыков и получения опыта в межкультурном общении существует огромное количество организаций и программ для студентов, с помощью которых они могут либо обучаться за границей, либо проходить практику, повышая свой уровень знания иностранного языка. Одной из самых известных является «Программа студенческого обмена» (FSA).

Данная программа была основана в 1992 г. и предоставляется «Отделом образовательных и культурных программ госдепартамента США». Программа FSA распространяется на студентов – специалистов 1 – 3 курсов из вузов Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Украины и Узбекистана. Благодаря ей можно пройти обучение в течение 1 года в университетах и

колледжах США. Помимо этой существует еще множество разнообразных программ, предлагающих обучение в какой-либо стране на определенных условиях. Студенты имеют возможность получать гранты на обучение в другой стране, при успешной сдаче определенных экзаменов и наличии хороших оценок по окончанию школы/колледжа.

Студент, получающий обучение в неродной для него стране, где говорят на другом языке, сталкивается с огромным количеством коммуникативных ситуаций, которые способствуют формированию его личности, что является основой процессов социализации и инкультурации. Социализация – это процесс формирования социальных качеств, свойств, умений, которые позволяют человеку жить в обществе и контактировать с другими людьми. Инкультурация – это процесс усвоения человеком основных элементов культуры: ценностей, норм, символов, традиций. Данные понятия во многом совпадают друг с другом, так как подразумевают усвоение людьми культурных норм какого-либо общества. Однако инкультурация – это обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре. Это является самым главным отличием, поскольку сама по себе культура в разных странах специфичнее, чем социальная структура, к ней намного тяжелее адаптироваться и привыкнуть. Таким образом, инкультурация более сложный и длительный процесс, чем социализация, требующий от человека многих знаний и серьезной подготовки. Социализация более универсальна, но, не смотря на это, данные процессы неразрывно связаны друг с другом и всегда протекают совместно.

К сожалению, на этом сложности в межкультурной коммуникации не заканчиваются. Особенно остро встает проблема неверных представлений культуре, традициях, обычаях, мировоззрении той или иной страны. Поскольку в мире существует множество народов и культур, не все они могут взаимодействовать между собой из-за серьезных различий в своих картинах мира, поэтому у множества людей существуют свои, не всегда верные, адекватные реальности, представления о какой-либо стране или народе. Такие представления возникают в процессе межкультурного общения в стадии

знакомства, люди, начинающие взаимодействие с представителями других культур, сталкиваются с трудностями в понимании друг друга из-за различий в нормах общественного поведения и языках. Чаще всего неправильные представления заключаются в стереотипах (стандартизированных образах об объекте, народе, стране, эмоционально окрашенных и обладающих устойчивостью). Они отражают привычное отношение человека, сложившееся под влиянием или на основе опыта.

Существуют три основных причины формирования стереотипов:

- прошлый опыт;
- ограниченная информация, которой располагают люди в повседневной жизни;
- целенаправленная деятельность СМИ.

Поэтому, как следствие, каждый человек имеет набор собственных устойчивых представлений о других этносах, которые сформировались на основе беспорядочной, несистематизированной и неточной информации, т.е на уровне бытового сознания. Такие стереотипы называют этническими (образ какого-либо народа, упрощенный или искаженный, выражающий знания о представителях другой нации). Чаще всего они усваиваются людьми в детстве и передаются в неизменном виде из поколения в поколение [18, с. 12–19].

Помимо проблемы «культурных представлений», присутствует проблема на уровне самого иностранного языка. Данная проблема решается, в большинстве своем, лингвистической подготовкой в высшем учебном заведении. То есть при обучении за границей, учебный процесс основывается на непрерывности изучения самого языка. Обучение предполагает сочетание теоретических занятий с активной практикой, для этого в учебных планах всегда предусмотрено большое количество учебных часов для занятий и регулярное повседневное общение на изучаемом языке. Целью таких занятий является не только улучшение знаний о самом языке, но и повышение уровня владения языком в различных коммуникативных ситуациях и свободного

выражения своих мыслей, не только на уровне повседневного общения, но и на уровне будущей специальности.

Таким образом, межкультурная коммуникация в образовании постепенно становится самой важной частью, способствующей развитию человечества. Сейчас международное образование занимает важнейшее место в системе международных отношений. Актуальность данного вопроса все больше подтверждается благодаря постоянному процессу глобализации, в который вовлечены все страны современного мира.

Список литературы

1. Боголюбова Н.М. *Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: Учебное пособие.* – СПб.: Изд-во СПбКО, 2009. – 416 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/11255>. – ЭБС «IPRbooks».

2. Лукина Л.В. *Иностранный язык и межкультурная коммуникация. Foreign Language & Intercultural Communication: Цикл лекций.* – Воронеж: ВГАСУ, 2013. – 134 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22659>. – ЭБС «IPRbooks».

3. Рот Ю., Коптельцева Г. *Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: Учебно-методическое пособие.* – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 223 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16461>. – ЭБС «IPRbooks».

4. Садохин А.П. *Межкультурная коммуникация: Учебное пособие.* – М., 2004.

5. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация.* – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2008. – 368 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/13162>. – ЭБС «IPRbooks».

6. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

7. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Каишкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.

10. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета.* – 2008. – №6. – С. 176–192.

11. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки.* – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

12. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова.* – 2012. – №1. – С. 324–328.

13. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

14. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

15. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* – 2016. – №3. – С. 215–222.

16. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

17. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №2 (34). – С. 82–91.

18. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Новые модели экспорта образования в странах СНГ // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2016. – № 6 (139). – С. 86 – 92.

УДК 821-16

**БОЛГАРСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ КАК ЧАСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В ЕДИНОЙ СЛАВЯНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ**

Петр Илиев Петров, Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации, г. Москва

*(научный руководитель – Л.Н. Алешина, к.ф.н., доцент Департамента
языковой подготовки Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации)*

**THE BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES AS PARTS OF CROSS-
CULTURAL COMMUNICATION IN THE UNIFORM SLAVIC
ENVIRONMENT**

*Petrov Petar Iliev, Financial University under the Government of the Russian
Federation Moscow*

*(research supervisor – L.N. Alyoshina, Cand.Phil.Sci., associate professor
Departamenta of language preparation of Financial University under the
Government of the Russian Federation)*

Аннотация. Данная статья посвящена историческому языковому родству славянских народов, культурному влиянию русского языка и русской культуры на современный болгарский язык.

Ключевые слова: языковое родство, русский язык, русская литература, современный болгарский язык.

Abstract. This article is devoted to historical language relationship of the Slavic people, cultural influence of Russian and the Russian culture on modern Bulgarian language.

Keywords: language relationship, Russian, Russian literature, modern Bulgarian language.

E-mail: laura_70@bk.ru, mr.pipetrov@mail.ru

Языковое родство славянских народов, несомненно, важный факт в их истории. Большая взаимная близость современных славянских языков, ввиду их исторического родства, имеет огромное значение как фактор, который облегчает взаимное общение славянских народов и помогает им чувствовать себя сегодня тесно связанными друг с другом, являть из себя единое целое.

В ряде случаев взаимные связи между славянскими языками не ограничиваются только лишь наследством из общего прошлого в происхождении, но и на пути культурного общения между славянскими народами. В этом плане история русского и болгарского языков представляет особенно яркий пример плодотворного развития и обогащения на основе благотворного взаимодействия.

Тот факт, что древний болгарский язык является одним из старейших письменных славянских языков и одним из древнейших письменных языков в Европе, имеет огромную культурную ценность не только для болгарского народа, но и для всех славяноязычных народов. Это особенно заметно из речи Георгия Димитрова на процессе в Лейпциге: «Очень давно, тогда, когда германский император Карл V разговаривал на немецком только с лошади, а немецкие дворяне и образованные люди писали только на латыни и стыдились немецкого языка, в «варварской» Болгарии ученики Кирилла и Мефодия создали и распространили древнеболгарскую письменность».

Древнеболгарская литература и язык играли на Руси значительную роль с XI в., оказывая свое влияние на формирование русского литературного языка. По словам известного советского лингвиста Виноградова В. В., влияние староболгарского языка „ускорило и облегчило процесс формирования старорусского государственного языка... Старославянское влияние болгарского языка придало российскому

литературному языку разнообразие и широту стилистических вариаций, наполнило его неизмеримым богатством выразительных средств. Словарный состав старорусского языка уже в XI в. был таков, что в русском переводе хроники Георгия Арматолоа объем словаря практически соответствует своему греческому оригиналу. В последнем он состоит из 8500 слов, а в переводе – из 6800”.

Много позже, в эпоху болгарского Возрождения, русский язык, в свою очередь, оказал не меньшее влияние на формирование современного болгарского национального литературного языка. После упадка старых болгарских литературных традиций, обусловленных османским иггом, болгарский литературный язык развивался уже на основе современных народных наречий. Главным источником для обогащения болгарского народного словаря словами, определяющими большинство новых понятий, связанных с развитием общественной и культурной жизни, является русский язык, который, из-за его близости с болгарским языком, был доступен для всех современных деятелей болгарского Возрождения. Важно, что в ряде случаев включаются в болгарский язык не только отдельные слова, а целые словообразующие типы, которые сохраняют свое значение как в русскоязычной среде, так и в болгарской языковой основе.

Отметим, что роль важного посредника для восприятия русских элементов в болгарском языке, имеет церковнославянский язык, словарное богатство которого было в значительной степени знакомо в образованных кругах Болгарии в эпоху Возрождения. В нем содержались образцы почти всех словарных категорий, которые потом были использованы в массовом объеме в болгарском языке. Хронологически церковнославянское влияние предшествовало рождению русского языка и, на самом деле, готовило почву для его появления.

Обогащение болгарского литературного языка в эпоху Возрождения при не особенно больших успехах в производстве и технике происходило, главным образом, в области общественной и культурной жизни, а,

следовательно, в основном в областях отвлеченных понятий. В связи с последующим введением и развитием светского образования, в болгарском языке появляются основы научной, политической и культурной терминологии. Болгарские учителя, авторы учебников, публицисты и писатели черпают словарные знания из церковнославянского и русского языкового богатства, заимствуя как полностью церковнославянские и русские слова, которые были совершенно ясными, доступными и естественными для каждого болгарина, так и комбинируя их элементами, которые есть и в болгарском языке.

Таким образом, в болгарском языке появились:

– глаголы: *наблюдавам, старая се, уважавам, заявявам, обявявам, трогвам, преодолявам, преподавам, принадлежа, отчуждавам, ругая;*

– существительные: *разписка, дописка, преработка, сказка, доклад, ужас, данни, задача, покупка, обстановка, постановка, обстоятельство, хазаин, склад, выпуск, недостатък;*

– прилагательные: *усърден, сложен, способен, опасен, нахален, бивши, необходим, необуздан, необятен, небрежен, незаменим, непоколебим, оправдателен, постоянен, преждевременен, произволен, недосегаем, умел;*

– наречия: *непрерменно, даже, вероятно* и многие другие.

Невозможно охватить, хотя бы приблизительно, огромную сложность и универсальность процесса обогащения болгарского литературного языка при помощи церковнославянского и русского языкового богатства, потому что в ходе этого языкового взаимодействия применялось не просто механическое заимствование, а существовал сложный процесс ассимиляции языкового материала, шедший по различным путям и в различных логических и фонетических ступенях.

Важно отметить то обстоятельство, что влияние русского языка на болгарский произошло, главным образом, в литературной среде, а не в устной речи. Это давало возможность выбирать только необходимые для болгарского языка слова.

Естественно, что в этом процессе часто оказывались и «лишние» (необязательные) русские слова и формы, которые не обогатили болгарский язык, потому вместо них в современном болгарском языке существуют более подходящие и четкие по смыслу и по строительству болгарские слова. Так, например, такие русские слова, как: *соблюдаем* (*спазвам*), *занят* (*зает*), *обязателен* (*задължителен*), *удовлетворителен* (*задоволявам*), *сторонник* (*последовател*), *посторонний* (*страничен*), *давление* (*натиск*), *осторожен* (*предпазлив*), *полушарие* (*полукълбо*), *вообще* (*изобщо*) и др., содержат неясные для болгарского языка логические элементы или звуковые особенности. Но, тем не менее, в процессе влияния более богатого братского русского языка, болгарский язык развился и обогатился, не потеряв ничего из своего состава и своих оригинальных черт.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Лингвокультурология: значение диалога в контексте «диалога культур» // Научный альманах. – 2015. – №11-5 (13). – С. 253–256.*

2. *Алешина Л.Н. Проблема отражения национально-культурных особенностей в художественном переводе произведений русской литературы для иностранных учащихся // Русская литература в изданиях и переводах: Мат-лы докладов Межрегиональной заочной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 7–14.*

3. *Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. – София: Народна просвета, 1986.*

4. *Младенов Ст. Към оценката на Вазовата дейност от езиковно-историческо гледище // Иван Вазов — живот и творчество: Юбилеен сборник. – София, 1920. – С. 136.*

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

*С.Н.Пузырева, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**ACTUAL ISSUES OF TRANSLATING COMPREHENSION OF THE
LITERATURE FOR CHILDREN**

S.N.Puzyreva, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В данной работе вычленяются требования к эквивалентному переводу произведений детской литературы, акцентирована потребность в сохранении образности, жанрово-стилистических особенностей при переводе, отмечено, что для достижения эквивалентности перевода необходимо правильно воспринять оригинальный текст как единство формы и содержания.

Ключевые слова: детская литература, художественный перевод, традиция, эквилинеарность.

Abstract. This article regards the standards for the equivalent translation of the literature for children works, it points out the necessity of imagery preservation and genre and stylistic peculiarities by translating, as well as the condition of perceiving the original text as a unity of the form and content for an achievement of equivalent translation.

Keywords: literature for children, literary translation, tradition, lines equality.

E-mail: Yantus93@rambler.ru

Художественный перевод – вид перевода, функционирующий в сфере художественной литературы. На переводчике лежит ответственность за выбор высказывания на принимающем языке, обладающего наиболее полной эквивалентностью перевода. Общность содержания является необходимым критерием в процессе двуязычной коммуникации. В.Н. Комиссаров утверждает: «В зависимости от того, какая часть содержания оригинала

сохраняется при переводе, определяется уровень переводческой эквивалентности».

Переводчик понимает необходимость достижения максимальной эквивалентности исходного произведения и перевода, старается подобрать наиболее точные соответствия-синонимы для передачи стилистических приемов, использованных автором – «переводческие соответствия».

Художественный эквивалентный перевод должен удовлетворять следующим требованиям:

1. Художественный эквивалентный перевод должен быть точным. Задача переводчика заключается в донесении до читателя главной идеи автора произведения, сохранении основных положений и нюансов высказывания. Более того, переводчику необходимо избегать различного рода добавлений и пояснений, которые также в определенной степени искажают содержание текста-оригинала.

2. Художественный эквивалентный перевод должен быть сжатым. Переводчику не следует быть многословным, он должен передать главную идею текста-оригинала в максимально сжатой и лаконичной форме.

3. Художественный эквивалентный перевод должен быть ясным. Следует помнить, что лаконичность и сжатость перевода не должны мешать ясности изложения текста и легкости его понимания. Переведенный текст должен быть изложен в максимально простой и ясной форме языка. Переводчику необходимо избегать сложных, двусмысленных конструкций, которые затрудняют восприятие текста.

4. Художественный эквивалентный перевод должен быть литературным. Как уже было сказано, перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка. На основании существенных различий синтаксической структуры английского и русского языков при переводе очень сложно сохранить форму выражения текста оригинала. Кроме того, для максимальной точности передачи смысла текста оригинала иногда необходимо изменить структуру переводимого предложения

в соответствии с общепринятыми нормами русского литературного языка, другими словами, переставить или произвести полную замену отдельных слов и выражений. Это связано с различиями систем двух языков, которые отличаются особой структурой речи – порядком слов в предложении, лексическим составом языков.

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод художественного текста обуславливает для переводчика необходимость учитывать все характерные особенности текста художественного произведения, не ограничиваться лишь какой-либо одной задачей, а использовать в совокупности все доступные приемы для достижения наиболее качественного перевода.

Основной целью автора художественной литературы является передача эмоций, связанных с той или иной ситуацией. Главным средством передачи этих эмоций становится некий образ, герой, который в итоге становится олицетворением всего произведения [см., например: 1, с. 68–70; 2, с. 58–60; 3, с. 232–234; 4, с. 159–164; 5, с. 3–15; 6, с. 76–92; 7, с. 693–697; 8, с. 280–284; 9, с. 203–206; 10, с. 736–740; 11, с. 3–6; 12, с. 3–11; 13, с. 9–13; 14, с. 3–6; 15, с. 95–104; 16, с. 324–328; 17, с. 365–369; 18, с. 173–189; 19, с. 58–69; 20, с. 110–114; 21, с. 161–165; 22, с. 106–110; 23, с. 82–91; 24, с. 57–60; 25, с. 116–135; 26, с. 104–118; 27, с. 215–222; 28, с. 145–149; 29, с. 163–166; 30, с. 180–183; 31, с. 58–69; 32, с. 294–301; 33, с. 380–391; 34, с. 90–92; 35, с. 169–172].

Дети очень чувствительно реагируют на литературу, из чего можно сделать вывод, что очень важно передать образ понятно и правильно.

Обозначим первую проблему: сохранение образности при переводе детской литературы.

Для передачи информации и экспрессии автор использует в произведении образы. Чтобы сохранить смысловой посыл автора, необходимо сохранить образность текста-оригинала. Существуют разные способы сохранения образности: преобразование исходного текста, произведение переводческих трансформаций и использование различных переводческих стратегий и переводческих приемов. Сохранение образности связано со всем

произведением в целом и, если не учитывать жанрово-стилистические особенности перевода, оно не будет достигнуто.

Жанрово-стилистические особенности становятся второй проблемой при переводе детской литературы.

Классификация переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала подразумевает выделения двух функциональных видов перевода: художественный перевод и информативный перевод. В рамках каждого функционального стиля можно выделить языковые особенности, которые влияют на ход и результат процесса перевода. В детской литературе (и в художественной литературе в целом) используются различные средства словоупотребления: стилистические и языковые тропы, переносные значения слов. Многообразие описываемой действительности и разнообразность эмоциональных реакций на нее обуславливают многочисленность речевых стилей. Синтаксические средства сочетают в себе особенности и книжно-письменной, и устно-разговорной речи.

С понятием жанрово-стилистических особенностей тесно связано понятие контекста в произведении.

Контекст (от лат. *contextus* – «соединение», «связь») – законченный отрывок письменной или устной речи (текста), общий смысл которого позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений, и так далее. Контекстуальность (обусловленность контекстом) – это условие осмысленного употребления той или иной конкретной языковой единицы в речи (письменной или устной), с учётом её языкового окружения и ситуации речевого общения. А понятие контекста – и более широкого и более узкого – всегда предполагает тесную связь с системой литературного стиля, к которой относится текст-оригинал и в которой он воспроизводится на принимающем языке. Исходя из этого, необходимо подробно рассматривать особенности перевода детской литературы на конкретных произведениях.

Жанрово-стилистические особенности текста способствуют выбору автором тех или иных средств выражения для передачи идеи и посыла автора.

В детской литературе особенно важно передать авторскую идею, описать героев ярко, поскольку детские переживания предельно эмоциональны.

Третья проблема, возникающая перед переводчиком при переводе детской литературы – передача эмоционального компонента. Эмоциональный компонент – это информация о чувствах и эмоциях. Выражают иронию, одобрение, презрение в разговорных, просторечных и книжных фразеологизмах в литературе. Этот компонент связан с метафоричностью. Эмоция – это кратковременное переживание, а чувство – это устойчивое, постоянное эмоциональное состояние. Слово или его вариант обладает эмоциональным компонентом значения в том случае, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство.

А.Д. Швейцер утверждал: «Задачей перевода при передаче экспрессивной и эмоциональной функций является достижение экспрессивного и эмоционального эквивалента, т.е. создание в процессе межъязыкового общения такой ситуации, при которой эмоциональная реакция автора текста перевода могла бы соответствовать эмоциональной реакции автора текста оригинала». Эмоции носят положительный или отрицательный характер, соответственно герои произведения вызывают позитивные или негативные реакции у детей. Достижение эквивалентности при переводе напрямую зависит от сохранения эмоционального компонента.

Для достижения эквивалентности перевода необходимо в первую очередь правильно понять текст-оригинал как гармоничное единство содержания и формы.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

2. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

4. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Каишкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – IV: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н.Жаткин. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

6. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

7. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

8. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

9. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

10. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

11. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

13. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. – 2006. – №1. – С. 9 – 13.

14. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

18. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

19. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

20. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

21. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

22. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

23. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных

заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82–91.

24. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

25. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

26. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

27. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

28. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

29. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

31. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиравшая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

32. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

33. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. *Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception* // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – Vol. 9. – Issue 27. – P. 380–391.

34. Степанов М.С. *Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие* // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

35. Степанов М.С. *Принцип деграмматикиализации в переводе* // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2011. – №10. – С. 169–172.

УДК 81.25

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

*Л.И. Русяйкина, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE GENDER RELATIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS

L.I. Rusyajkina, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В статье на материале русских и английских пословиц и поговорок осуществляется осмысление лингвокультурологического аспекта гендерных отношений в двух языках. В качестве дополнительной аргументации используются иллюстративные примеры из авторских произведений русской и английской литературы.

Ключевые слова: гендер, литература, межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Abstract. This article regards on the material based on English and Russian sayings and proverbs cultural linguistic aspect comprehension of gender relations in both languages.

Illustrative examples from English and Russian writers' works are used as the extra argument.

Keywords: gender, literature, intercultural communication, cultural linguistics.

E-mail: lulunice@yandex.ru

Гендер-концепт значим для культурных и литературных исканий разных эпох, в частности, для творчества английских романтиков [1, с. 107–115; 2, с. 137–144; 3, с. 232–234; 4, с. 203–206; 5, с. 736–740; 6, с. 176–192; 7, с. 3–6; 8, с. 3–6], поэзии викторианской Англии [9, с. 324–328; 10, с. 37–46; 11, с. 58–69; 12, с. 161–165; 13, с. 106–110; 14, с. 82–91; 15, с. 159–164], русской поэзии Серебряного века [16; 17; 18, с. 365–369; 19, с. 68–70; 20, с. 95–104], шекспировского и бернсовского творчества [21, с. 3–15; 22, р. 509–517; 23, с. 5958–5962; 24, с. 76–92; 25, с. 232–234; 26, с. 116–135; 27, с. 693–697; 28, с. 215–222; 29, с. 57–60; 30, с. 104–118; 31, с. 145–149; 32, с. 163–166]. Неотъемлемым атрибутом фольклора и культуры являются пословицы и поговорки, несущие в себе отражение жизни того народа, которому они принадлежат; это характер народа и образ мыслей. Пословицы и поговорки имеют исконно национальное происхождение несмотря на то, что их мотив во многом универсален, и в нем можно встретить определенное количество фактов заимствования.

Пословицы и поговорки создавались многими поколениями, развивались и совершенствовались в течение многих столетий. Проблемами их происхождения занимались и русские и английские лингвисты.

Как известно, единицей языка является слово, значение которого задает сам язык. Непосредственно перед использованием какое-либо понятия нужно иметь точное представление о его значении. Рассматривая специфику гендерных отношений на фольклорном материале, а именно на пословицах и поговорках, изначально стоит заострить внимание на их лингвистическом статусе. Пословицы и поговорки являются достаточно сложными единицами, которые являются объектом изучения в рамках лингвистики, фольклористики, психологии. Существует лингвистические особенности пословиц и поговорок

как в русском, так и английском языках. Попытка дать определение этому языковому феномену путем раскрытия наиболее характерных признаков пословиц и поговорок позволяет адекватно выявить его лингвистические особенности в той или иной культуре. Выделяют четыре подхода к определению пословицы:

- лингвистический;
- фольклористский;
- лингвокультурологический;
- когнитивный.

Фольклористы рассматривают пословицу как суждение, содержащее многовековой опыт нации, концентрированное выражение коллективного представления в отношении моральных или категориальных императивов. Пословицы являются ценным фольклорным материалом, помогающим проникнуть в глубину языковой символики и порождающим правила человеческого поведения в новом окружающем мире.

Основными чертами пословицы являются народность, образность, краткость. Пословица является незыблемым элементом народного творчества и имеет обусловленные требования к её созданию, например: выражение общего на примере конкретного, то есть о результате можно судить непосредственно тогда, когда дело уже завершено; пословица должна быть благозвучной, краткой и иметь односложные сочетания; конкретной и олицетворяющей отвлеченные понятия.

Пословица является тем элементом, в котором была заложена вся мудрость и опыт познания мира людей прошлых лет; она обозначается как некая отдельная единица в языке.

Лингвистический подход к изучению пословиц и поговорок включает в себя определение их места во фразеологическом строе языка и выявление основных их признаков как фразеологической единицы. Существует несколько точек зрения, по отношению к которым пословицы либо входят в состав фразеологии, либо остаются за ее пределами. Очень сложно решить, является

то или иное устойчивое словосочетание пословицей или нет. Некоторые поддаются исключению, а именно, если автор считает их фразеологизмами. Известны «узкое» толкование объема фразеологии, указывающее, что пословица не является в языке единицей фразеологического фонда, и «широкое» толкование объема фразеологии, воспринимающее пословицу как фразеологическую единицу.

«Узкое» толкование объясняется тем, что суждение лежит в основе высказывания, передаваемого пословицей, в основе же лексического значения фразеологизма оказывается то или другое понятие; для пословиц необязательно синтаксическое окружение, а фразеологизмы являются изречениями, вырванными из текста; пословица является семантически неделимой единицей и имеет смысл только в совокупности составляющих ее лексических единиц.

«Широкое» толкование предполагает, что фразеологизм – это не только устойчивое сочетание слов, но и устойчивое высказывание – предложение – соответственно, и пословица. Широкая трактовка фразеологии обусловлена тем, что она основывается на таких данных как воспроизводимость (именно она, в первую очередь, отграничивает фразеологизм от свободного сочетания слов) и устойчивость. Пословицы – это устойчивые соединения слов, не создающиеся в процессе речи, а воспроизводящиеся собеседниками из памяти как целые готовые единицы; их следует относить к области фразеологии. Особенности пословиц:

- наличие прямого и переносного плана;
- лексический состав постоянен;
- в речи воспроизведение в виде готовых клише, то есть это устойчивость, воспроизводимость и идиоматичность.

Исследования, в которых пословица рассматривается как культурная ценность, основаны на гипотезе о том, что в основе различных культур лежат системы ценностных ориентаций. И они находят свое отражение в пословицах и других фразеологических единицах. Рассмотрев их в лингвистическом аспекте, можно установить некоторые приоритеты сравниваемых культур.

Пословица определяется как лингвокультурный текст, содержащий в себе сведения о культуре того или иного народа, характеризующий важные моменты истории, нравы и обычаи людей, традиции говорящих на соответствующем языке. Пословицы как лингвокультурные тексты состоят из культурно-маркированных лексических единиц и вызывают в сознании носителей языка определенное представление о ситуации. Оно, с одной стороны, определяет логику их следующих действий, а с другой – обуславливает границы употребления данного выражения, его стилистику, связь с некими жизненными ситуациями, явлениями культуры и истории народа. Пословицы несут в себе культурно-языковые характеристики, отражают всю специфику восприятия мира и могут измеряться в межязыковом сравнении с помощью культурных концептов. Пословица становится интересным предметом в рамках современных когнитивных исследований, затрагивающих исследование механизмов переработки сознанием человека информации об окружающем мире.

Когнитивное изучение пословиц позволяет анализировать их в качестве представителей отвлеченных структур сознания. Г.Палмер считает, что пословицы выступают в роли некой разновидности культурных утверждений, тех самых аксиом, которые аналогичны моделям, организовывающим знания о мире. Он высказывает мнение, что люди используют культурные аксиомы таким же образом, как математики управляют формальными символами. Аксиомы являются высшим уровнем абстракции, который протягивается от образов непосредственного опыта до абстрактных представлений математики и формальной логики. Они связаны с фольклорной философией и находят свое отражение в афоризмах и пословицах. Наблюдения, опыт и знание целых поколений фиксируют данные языковые единицы, которые делают доступными человеческому восприятию основные концепты, отражают специфику познания носителей языка и помогают проследить особенности механизма определения ассоциаций, лежащих в основе восприятия мира.

Можно уверенно сказать, что формирование аксиом происходит непосредственно в комплексе деятельности: деятельности сознания и речи.

Это прослеживается в выборе лингвистических средств, которые используют в языковых единицах для описания словами концепта, в специфике основания образа для вторичной номинации концепта; это фоновые знания носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения и уровня скрытости концептуального смысла. Пословицы с точки зрения когнитивного подхода определяются, с одной стороны, как специфические методы языковой репрезентации осмысления и познания мира, а с другой стороны, как единицы вторичной номинации, осуществляющие образную когнитивную обработку определенных знаний в сознании представителей лингвокультурной общности.

Пословицы и поговорки являются своего рода отражением национального менталитета любого народа. Рассматривая лингвокультурологическую специфику гендерных отношений, стоит заострить внимание на таком понятии как менталитет и рассмотреть факторы его формирования. Духовная и культурная ценность, которая определяется национальными традициями и содержит установки мировосприятия, поведения и образа мышления, как ничто иное может раскрыть лингвокультурологические особенности «полового» поведения как русских, так и английских народов.

Национальный менталитет имеет несколько совершенно несхожих толкований. Например, «Большой энциклопедический словарь» описывает менталитет как образ мыслей, совокупность духовных установок и умственных навыков, присущих отдельному человеку или группе. «Этнопсихологический словарь» раскрывает национальный менталитет как некую систему ценностей, мировоззрения, взглядов, черт характера, норм поведения, присущих данному народу. «Большой энциклопедический словарь Ларусса» определяет менталитет как совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для общности или группы; комплекс манер поведения, суждения, мышления, моральных установок и склада мышления. Что же касается английских/американских словарей, то в «Oxford Dictionaries», «Macmillan Dictionary» менталитет определяется однозначно, а именно – образом мышления отдельного человека или группы. Стоит отметить

этимологическую привязанность понятия к человеческому мышлению, сознанию, умственной деятельности, что предсказуемо, поскольку слово *менталитет* происходит от позднелатинского *mentalis*, означающего *умственный*. Проанализировав несколько трактовок, данных в различных словарях, мы можем дать определение национальному менталитету, и оно звучит так: системы культурных и духовных ценностей, которые определяются при помощи национальных обычаев и включающие в себя установки восприятия мира, поведения и образа мысли.

Национальный менталитет является особенностью мышления, образом мыслей, психологическим строем ума. Менталитет тесно связан с национальным характером, включает в себя не только совокупность своеобразных черт каждого народа, но также и своеобразный комплект универсальных общечеловеческих черт. Он отражается в особенностях истории, быта, традиций, культуры, обычаев народа и, ключевым образом, в системе различных единиц речи, позволяющих людям взаимодействовать друг с другом. Наиболее полно менталитет народа сформулирован в пословицах. Благодаря пословицам и поговоркам в человеческом сознании складываются ценностные направления, на которые в большей степени действует география расселения, история народа, образ жизни и хозяйственная деятельность. Географический ареал расселения народа, исторические периоды становления народа, климатические условия, уклад жизни и бытовые особенности ученые считают основными факторами, которые создают национальный менталитет. Это влияет на национальную специфику психологии, общего мировоззрения, отношение к себе, к другим людям, к жизни и смерти, к природе и миру в целом, к материально-духовным ценностям. Модели поведения и ценностные установки общества связаны с основными концептами-дихотомиями, являющимися универсалиями традиционной культуры.

В нашем исследовании мы обратились к нескольким теориям их определения. Г. Хофштеде считает, что ментальные программы являются результатом процесса формирования ощущений, поведения и мыслей.

Исследовать их он предлагает посредством измерения культуры по четырем данным, таким как: дистанция власти, а именно от низкой до высокой. Культуры определяются по степени скопления власти или разделения её по разным уровням системы. Культуры с высокой дистанцией власти предполагают, что эта власть представляется как данность. Считается, что власть является важнейшей частью социальной жизни. Люди, обладавшие властью, рассматривают своих подчиненных как людей, сильно отличающихся от них самих. Культура с низкой дистанцией власти несет в себе посыл, что неравенство в обществе должно быть приближенно к минимуму; «коллективизм-индивидуализм» определяется степенью, по которой культура определяет социальные связи выше индивидуальной самостоятельности и опоры на собственные силы.

Также существенно измерение «маскулинности-феминности», формирующее представление об обществе и культуре, роли полов в которых четко ограничены. Оно говорит о доминировании определенных черт в национальном характере и не имеет прямого отношения к мужчинам и женщинам. Мужские культуры – это те культуры, в которых ценятся стремление к успеху, тщеславие, признание личных достижений и высоком достатке. Женские культуры – эмоциональные связи между людьми, забота о других членах как семьи, так и общества. Признак избегания неопределенности помогает сравнить культуры по разрешенным отклонениям от назначенных ими норм и ценностей. Культуры с высоким уровнем избегания неопределенности предполагают, что в ситуации неопределенности люди постоянно испытывают стресс и чувство страха. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности люди больше склонны к риску в незнакомых для них ситуациях, соответственно они меньше боятся стресса. Это помогло установить различные феномены культуры, выступающие на практике в различных сочетаниях, что и характеризует ментальность культуры.

Э.Холл рассмотрел основные параметры, которые определяют особенность каждой культуры. Он выделил в любой культуре десять важных составляющих человеческой деятельности, корнящихся в биологической природе человека, например: общение, то есть социальная организация людей, включающая в себя иерархию отношений; обеспечение условий жизни, а именно от удовлетворения исходных потребностей до экономической организации целого государства; сексуальные отношения – гендерные роли; отношение к пространству, то есть территориальность; представления о времени, то есть темпоральность; учеба, передача знаний; игра; защита, а именно методы и умения защиты своей группы; использование материальных ресурсов.

Вербальную коммуникацию включает в себя только общение, все остальные модели являются моделями невербальной коммуникации. Хотя язык и является важнейшим средством общения, Э.Холл считал, что почти 90% всей информации передается невербально. Он разрабатывал в основном четыре из выше представленных моделей: представления о времени; общение; отношение к пространству; иерархия социальных отношений.

Американские ученые Ф.Клакхон и Ф.Стробек разработали теорию ценностных установок, взяв для анализа пять отвлеченных категорий, соответствующих «общечеловеческим проблемам», например, отношение человека к природе, статус человеческой активности, отношение человека ко времени, статус межчеловеческих отношений, представление о внутренней природе человека. Разработанные исследователями культурных моделей материалы помогают категоризовать и систематизировать ценностные установки различных культур. Эти классификации имеют философско-культурологический характер.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

2. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2008. – №3. – С. 137–144.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

4. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

5. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

6. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176 – 192.

7. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

8. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

10. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

11. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных

заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

12. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

13. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

14. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

16. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

17. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* –2014. – №2 (30). – С. 95–104.
21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.
22. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.
23. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования.* – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.
24. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.
25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.
26. Жаткин Д.Н. *Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.
27. Жаткин Д.Н. *Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2016. – №3-4. – С. 693–697.
28. Жаткин Д.Н. *Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* – 2016. – №3. – С. 215–222.
29. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. *И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* – 2008. – №47. – С. 57–60.

30. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

31. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

32. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

УДК 81.25

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Е.А. Степанова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE ISSUE OF DERIVATION MODELS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Е.А. Stepanova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В данной работе рассмотрены особенности словообразовательных моделей в современном немецком языке, проанализированы словообразовательные категории и подкатегории.

Ключевые слова: словообразовательная модель, словообразовательная категория, семантика.

Abstract. The peculiarities of the derivation models in modern German language are being examined in this paper, as well as derivation categories and sub-categories.

Keywords: derivation model, derivation category, semantics.

E-mail: refsugxsdrf@mail.ru

Проблема, поднимаемая в данной работе, нередко становилась объектом внимания в исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию, сравнительному литературоведению и истории русской литературы [см., например: 1, с. 176–192; 2, с. 3–11; 3, с. 3–6; 4, с. 3–6; 5, с. 76–92; 6, р. 509–517; 7, с. 232–234; 8, с. 159–164; 9, с. 280–284; 10, с. 116–135; 11, с. 324–328; 12, с. 150–153; 13, с. 110–114; 14, с. 161–165; 15, с. 199–206; 16; 17; 18, с. 365–369; 19, с. 95–104; 20, с. 68–70; 21, с. 106–110; 22, с. 82–91; 23, с. 693–697; 24, с. 215–222; 25, с. 57–60; 26, с. 104–118; 27, с. 145–149; 28, с. 163–166; 29, с. 180–183; 30, с. 58–69; 31, с. 294–301; 32, р. 380–391]. В процессе толкования слова определение признаков происходит путем сопоставления данного слова с близкими к нему по смыслу словами, то есть словами, которые находятся в одной с ним понятийной или предметной области. Чтобы отметить группы слов, относящиеся к схожей понятийной области представлений и целиком разделяющих ее на части, соответствующие им значения, Й. Трир ввел понятие «семантическое поле». Семантическим полем могут быть: глаголы изменения состояния, глаголы восприятия, поле скотоводства, поле науки, поле предлогов направления и др. В пределах семантического поля между словами возникают семантические отношения. Установление вида таких связей и установление их наличия между этими словами является одной из главных задач лексической семантики.

Словообразовательная семантика состоит из словообразовательной мотивации, словообразовательного гнезда и словообразовательного форманта. Словообразовательная мотивация представляет собой отношение между парой слов, которые являются однокоренными и значение одного из которых полностью входит в значение другого слова («*стол* – *столик*, *маленький стол*») или имеет схожее лексическое значение, но при этом их позиции в синтаксисе различаются («*петь* – *пение*», «*медленный* – *медленно*», где одно из слов является дериватом) или они имеют различия в стилистике («*бандит* – *бандюга*, *мелочь* – *мелочишка*, *штука* – *штукенция*, *тюрьма* – *тюряга*), образованные путем суффиксов, придающих различные оттенки значений. Если слова имеют

много значений, то в этом случае связи мотивации определяются между отдельными значениями этих слов (леветь – становиться политически левым).

Мотивационные связи могут устанавливаться между членами одного словообразовательного гнезда – совокупности однокоренных слов. Однако не все связи между членами данного гнезда будут представлять собой связи словообразовательной мотивации. Связи между словами с тождественным корнем, где все слова имеют как что-то общее с остальными словами, так и некие различия, не будут считаться отношениями мотивации. Таким образом, слова «ручка (маленькая рука)» и «ручища (большая рука)» не будут находиться в отношении мотивации, потому как у каждого из слов есть значения «большого» и «маленького», которых нет в другом слове.

Словообразовательный формант из числа средств, благодаря которым одно слово отличается от другого, находясь с ним в отношениях мотивации, является словообразовательным средством в семантическом и формальном отношениях. Таким образом, глагол «подставить» связан и с глаголом «ставить», и с существительным «ставка». От глагола «ставить» он отличается приставкой *под-*, от имени существительного – суффиксом *-и-*, приставка *под-* является формантом слова «подставить».

К самым часто употребляемым формантообразующим словообразовательными средствами относятся аффиксы и их сочетания в разных типах аффиксального словообразования. Также в русском языке в качестве формантов могут выступать различные средства словообразования:

– система флексий и производного слова, являющаяся частью системы флексий производящего (причастия или прилагательного) – системой флексий только множественного числа или одного грамматического рода;

при сложении:

– закрепленный порядок последовательности компонентов;

– единое главное ударение в опорном компоненте;

при аббревиатурном словообразовательном типе:

– произвольное усечение основ в производящем словосочетании, где последняя основа не может сокращаться;

– единое ударение;

– особая система флексий согласно отнесению аббревиатуры и одного из типов склонения существительного.

Выражаемое путем словообразовательного форманта значение носит название словообразовательного значения. Словообразовательный тип является одним из его главных понятий. Словообразовательный тип представляет собой схему или формулу структуры мотивированных слов, имеющих три общих элемента:

– часть речи мотивирующей основы;

– семантическое отношение между мотивированными и мотивирующими словами;

– формальная связь между мотивированными и мотивирующими словами, их общностью в способе образования слов или аналогичность аффикса при аффиксальных способах.

В области лингвистики языковую категорию понимают, как отдельную группу элементов языка, которую определяют согласно наличию какого-либо одного общего свойства. В другом смысле языковую категорию рассматривают как некий признак или параметр, находящийся в основе разделения на ограниченное число непересекающихся классов масштабной совокупности однородных единиц языка. Члены этих непересекающихся классов обладают одинаковым значением признака, по которому они объединены.

Выделение разных типов категорий зависит от связи данного признака с классами разбиения, состава категорируемого множества и характера данного признака. Из множества могут включаться такие односторонние единицы языка, как фонемы. В таких ситуациях происходит разделение на фонологические категории, такие, как категория взрывных согласных или категория звонкости.

Классификация также осуществляется по различным дифференциальным и фонетическим признакам. Категоризируемое множество может состоять из двусторонних единиц. Чаще всего в качестве двусторонних единиц выступают слова, предложения или словосочетания. В таком случае речь будет идти о различных категориях, таких, как грамматические, словообразовательные, синтаксические и др. Признаки категорий разделяют на модифицирующие и классифицирующие. Модифицирующим признаком будет в том случае, если один из элементов другого класса деления соответствует ему. Если это соответствие отсутствует, то признак в таком случае будет классифицирующим. Если элементы имеют различия лишь в значениях модифицирующего признака, то они будут разновидностью другой, более общей единицы, изменяющейся по этому признаку. Распределения по типам категорий происходит в зависимости от начальной классификации.

Словообразовательная категория локативности – одна из комплексных словообразовательных единиц, являющаяся реализацией отношений парадигмы в словообразовании вместе со словообразовательным гнездом. Словообразовательная категория – это множество производных наименований, заключающих в себе семантический компонент словообразования, получающий его выражение в форманте. В рамках категории словообразования существует чередование формантов словообразования и производящих слов. Производящие наименования могут иметь некоторые различия в видах отношений семантики и производящих слов.

Под словообразовательной категорией понимается множество производных слов различных видов и способов образования новых слов, различных по принадлежности производящего слова к определенной части речи, у которого имеется схожий компонент словообразования, представленный в форманте и считающий данное определение функционирующим.

В рамках категории словообразования имеется чередование словообразовательных формантов и принадлежности производных слов к

определенной части речи. Производные наименования, относящиеся к словообразовательной категории, могут иметь разные виды семантических отношений и производящими словами. В словообразовательную категорию локативных имен будут входить такие слова, как, например, *дубильня* (место, где дубят кожу), *малинник* (место, где растет малина), *Забайкалье* (местность за Байкалом), *прачечная* (помещение, где стирают вещи), *рудник* (место, где добывают руду) и др. Выделяют словообразовательные подкатегории в зависимости от вида семантического компонента, способного усложнять локативный компонент. В зависимости от принадлежности к определенной части речи производящего слова и вида форманта в составе какой-либо подкатегории словообразования выделяют деривационные классы, которые формируются на основе равной принадлежности к определенной части речи, вида форманта и частного значения словообразования.

Словообразовательная подкатегория – это одна из составных частей категории словообразования, являющаяся группой производных слов, где общее значение категории словообразования уточняется в одном из значений словообразования. В пределах этой комплексной единицы как категория словообразования отмечается тип словообразования, который обычно устанавливается путем определения различных признаков производных слов, таких, как внешние, формальные, внутренние и семантические. Е.А.Земская определяет словообразовательный тип как формулу построения мотивированных слов, определяемых схожестью следующих элементов: частью речи мотивирующей основы и семантическим соотношением между мотивированным и мотивирующим, а конкретнее: схожестью словообразовательного способа и равнозначностью аффикса при аффиксальных способах.

Список литературы

1. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник*

Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176 – 192.

2. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.

3. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // *Русская речь*. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

4. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

6. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

7. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Каишкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

9. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

10. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

11. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // *Вестник Северо-*

Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

12. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // *Знание. Понимание. Умение.* – 2010. – №4. – С. 150–153.

13. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки.* – 2010. – №4. – С. 110–114.

14. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // *Вестник Читинского государственного университета.* – 2009. – №3. – С. 161–165.

15. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

16. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

17. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

21. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

22. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

23. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

24. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

25. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

26. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

27. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

28. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умирающая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа //

Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

31. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* – 2009. – № 1. – С. 294–301.

32. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. *Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception* // *Indian Journal of Science and Technology.* – 2016. – Vol. 9. – Issue 27. – P. 380 – 391.

УДК 81.25

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ КАК ТЕХНИКА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ

*И.Р.Степкин, Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия*

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF TERMS AS A TEXT UNDERSTANDING TECHNIQUE

I.R. Stepkin, Russian State Social University, Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена поиску подхода к историко-этимологическому анализу терминов, рассматриваемому как одна из многочисленных техник понимания текста. Среди факторов адекватного понимания текста в данном случае основным становится наличие у реципиента фоновых знаний. Они играют очень важную роль в случае межкультурной коммуникации, когда понимание осуществляется, например, через переводчика. Для адекватного понимания и перевода в рамках той или иной терминологической системы во многих случаях необходим глубинный историко-этимологический анализ воспринимаемого/переводимого термина. Это подготовка некоего переводческого комментария, который помогает справиться с трудностями в любой коммуникативной ситуации. Помимо переводческой практики, рассматриваемую технику понимания можно использовать при составлении историко-этимологических словарей

иноязычных терминов в различных областях деятельности, а также в интересах лингводидактики.

Ключевые слова: понимание текста, техники понимания, термин, терминологическая система, факторы адекватного понимания текста, фоновые знания, этимология слова, историко-этимологические словари, лингводидактика.

Abstract. This article is devoted to the search of an approach to the historical and etymological analysis of terms, which may be considered as one of the numerous text understanding techniques. Among the factors of the adequate text understanding, recipient's background knowledge becomes the most important one in this case. It plays a very important role in case of multicultural communication when texts are understood, for instance, with the help of an interpreter. In most cases a deep historical and etymological analysis of a perceived/interpreted term is needed for an adequate understanding and interpretation within a concrete terminology system. This is a preparation of a certain interpreter's comment, which helps to cope with difficulties in any communicative situation. Apart from the translation/interpretation practice, the considered technique may be used for drafting historical and etymological dictionaries of foreign language terms in different areas as well as for the needs of linguodidactics.

Keywords: text understanding, understanding techniques, term, terminological system, factors of adequate text understanding, background knowledge, word etymology, historical and etymological dictionaries, linguodidactics.

E-mail: StepkinIR@rgsu.net

В развитие идей Г.И. Богина о существовании т.н. техник понимания – «...совокупности приемов системомыследеятельности, превращающих непонимание в понимание, а в определенных случаях – понимание в мастерство» [2, с. 48], в данной статье предлагается рассмотреть историко-этимологический анализ терминов как одну из таковых.

При этом характерно, что в силу специфики самого понятия «термин» (преимущественная однозначность, отсутствие экспрессии, независимость от контекста и пр.), данная техника будет существенным образом отличаться, например, от уже исследованной нами в аналогичном ключе техники контекстной догадки [5, с. 252–265]. В процессе понимания термина у реципиента не возникают традиционные для обычного понимания задачи выбора одного из ряда возможных значений слова, его индивидуального

смысла и семантического уровня его значения, определяемых контекстом употребления слова [3, с. 285].

При «работе» с терминами в контексте понимания текста на первый план выходят другие факторы адекватного понимания текста [6, с. 224]. Прежде всего, это наличие у реципиента соответствующих фоновых знаний, определяемых как «совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителей данного языка» [1, с. 49]. Важность фоновых знаний для понимания текстов во многом обусловлена эллиптической природой человеческой речи [1, с. 49].

Наличие фоновых знаний играет очень важную роль в межкультурной коммуникации. Так, например, переводчику, сталкивающемуся с военными терминологическими системами, необходимо перевести с английского на русский язык термин-реалию *Adjutant General*. На первый взгляд, сделать это несложно. Например, можно использовать в качестве эквивалента знакомое по художественной и исторической литературе *генерал-адъютант* (так в русской армии называли генералов и адмиралов, входивших в свиту императора). Однако при определенном герменевтическом анализе данной ситуации станет очевидно, что такой перевод не дает понимания этого термина, что может привести к неадекватному пониманию части или всего текста.

К сожалению, имеющиеся в свободном доступе словари не дают ключа к пониманию термина *Adjutant General*. Это приводит к необходимости изучения специализированной литературы (в т.ч. через сеть Интернет), по итогам которого узнаем, что речь, прежде всего, идет о должностях *командующих силами Национальной гвардии* различных штатов США, которые по воинскому званию соответствуют одно- и двухзвездным генералам.

Что касается второй части этого сложносоставного слова, то здесь требуется развернутый переводческий комментарий, который, затрагивая целый пласт других военных терминов, мог бы выглядеть следующим образом:

«С самого начала колонизации Северной Америки британцы ввели практику формирования *народного ополчения (militia)* с целью самообороны. После принятия конституции ответственность за назначение офицеров и подготовку личного состава ополчений была возложена на штаты. В 19 веке *регулярная армия (Regular Army)* была еще малочисленной, и ополчения активно использовались в ходе войны с Мексикой и в самом начале Гражданской войны. В начале XX века ополчение получило новые функции в качестве составной части *резерва вооруженных сил (armed forces reserve)* и новое название – *National Guard*. Подразделения *Национальной гвардии* принимали активное участие в боевых действиях на фронтах двух мировых войн и в ходе локальных конфликтов.

Развитие авиации в начале XX века привело к разделению Национальной гвардии на *сухопутные* и *военно-воздушные компоненты (Army National Guard и Air National Guard)* соответственно). Сегодня в подчинении у *Adjutants General* находятся и те, и другие.

Порядок слов в рассматриваемом словосочетании свидетельствует о том, что *Adjutant General* – это в первую очередь адъютант, и только во вторую – генерал. Командующий силами Национальной гвардии является помощником (адъютантом) губернатора штата.

При переводе *Adjutant General* не следует забывать и о других его значениях. Генерал-адъютантом может называться, например, начальник управления кадров в военных ведомствах Великобритании или США. В Ордене Иезуитов также имеются свои генерал-адъютанты – квазивоеначальники, контролирующие ту или иную зону ответственности (привинцию)».

Такое глубинное «прочтение» данного термина, безусловно, способствовало бы адекватной передаче соответствующих смыслов переводчиком практически в любой речевой ситуации.

Не лишним будет также добавить информацию об этимологии слов: *adjutant* – от латинского *adjutans (помошающий)*, *general* – от латинского *generalis (общий, главный)*. Это также поможет переводчику понять самому и

передать аудитории нужный смысл высказываний с использованием данного термина. Во многих случаях этимология слова – непосредственный ключ к пониманию переводческой проблемы (проблемы понимания или коммуникации). В тех же условиях военного перевода зачастую становишься свидетелем пикировки между сухопутными и военно-морскими высшими офицерами. Ревностные отношения между генералами и адмиралами сложились исторически (моряки обычно были выше в табелях о рангах), но и учет этимологии слов в данном случае играет очень важную роль: слово *адмирал*, имеющее арабские корни (*амир аль бахр* – *владыка на море*), считается более благородным по сравнению с *generalis*.

Обозначенную выше технику понимания предлагается называть историко-этимологическим анализом терминов. Ее, например, помимо переводческой практики, целесообразно использовать при составлении историко-этимологических словарей иноязычных терминов в различных областях деятельности. Потребность в таковых, безусловно, существует и в упомянутом международном военном сотрудничестве, т.к. военные терминологические системы довольно быстро видоизменяются в условиях стремительного развития науки, техники, политики и дипломатии – тех сфер, где, прежде всего, существует потребность в терминах [4, с. 115].

Аналогичный подход можно было бы использовать и в современной лингводидактике. В частности, при составлении учебных историко-этимологических словарей для обеспечения учебного процесса в языковых вузах. При этом каждую словарную статью можно было завершать примером (примерами) перевода. В случае рассмотренного в данной статье термина это выглядело бы следующим образом:

«Пример: Major General Donald C. Storm was appointed as the 51st Adjutant General of Kentucky by Governor Ernie Fletcher on December 9, 2003 - Генерал-майор Дональд С. Сторм был назначен 51-м командующим силами Национальной гвардии штата Кентукки губернатором Эрни Флетчером 9 декабря 2003 года».

Список литературы

1. Ахманова О.С. Гюббнет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // *Вопросы языкознания*. – 1997. – № 3. – С. 47–54.
2. Богин Г.И. Квазиестественная система техник понимания текстов на естественном языке // *Обработка текста и когнитивные технологии*. – Пушино, 1999. – Вып. 3. – С. 48–57.
3. Лурия А.Р. *Язык и сознание*. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
4. Реформатский А.А. *Введение в языкознание* / Под ред. В.А.Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
5. Степкин И.Р. Реализация контекстной догадки вторичной языковой личностью (на примере незнакомых слов английского языка) // *Обработка текста и когнитивные технологии*. – Переславль-Залесский, 2000. – С. 252–265.
6. Степкин И.Р. Факторы адекватного понимания текста // *История и теория языка. Принципы преподавания иностранных языков: Научные труды Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию МАИ*. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 215–225.

УДК 81.25

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

*Д.Г. Трофименко, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

PHONETIC DIFFICULTIES BY TRANSLATING

D.G. Trofimenko, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются фонетические трудности, возникающие при переводе с английского на русский язык.

Ключевые слова: языковой знак, способы перевода, реалии, фонетический уровень, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article deals with the phonetic difficulties emerging by translating from English into Russian.

Keywords: language sign, translation methods, realia, phonetic level, intercultural communication.

E-mail: dashutenok08@yandex.ru

Язык каждого народа представляет собой живой организм, неразрывно связанный с историей, культурой и социальной жизнью этого народа. Носители разных языков, общаясь, взаимодействуя друг с другом, передают культуру своего народа посредством языка, и ключевым звеном межкультурного общения выступает переводчик.

Неоспоримым является тот факт, что разные народы воспринимают мир сквозь призму своего родного языка. Следовательно, это обуславливает формирование культурных явлений или реалий, характерных именно для языка, и такого рода явления проявляются в различных сферах деятельности человека. Разница формируется уже на фонетическом уровне.

Фонетический уровень перевода образует звуки, выраженные теми или иными графическими символами – буквами. Языки существенно различаются в своих артикуляционных базах и в графических системах. Поэтому не существует «общечеловеческих» фонем, они всегда являются членами данной фонетической системы, свойственной определенному языку, и именно содержание каждой фонемы определяется ее положением в системе.

«Собака залаяла, и то не так, отдает чужим, как будто на иностранном языке лает», – писал И. А. Гончаров. Действительно ли в разных странах собаки лают по-разному? В русском языке собака лает «гав-гав», в английском – «bow-wow», в немецком – «wau-wau», а в испанском – «guaa, guaa». Фактически звуки лая отличаются друг от друга, но, скорее всего, большинством народов воспринимаются одинаково или с очень незначительными фонетическими оттенками. Такой пласт лексических единиц называется звукоподражательными междометиями.

Звукоподражательные междометия – особый тип языковых знаков, передающий звуки окружающего мира с помощью фонематических средств языка. Эти междометия связаны с индивидуальным слуховым восприятием человека. Звуки природы имеют свои объективные физические характеристики и, следовательно, не должны зависеть от индивидуального восприятия. Однако люди разных национальностей одни и те же звуки в языке передают неодинаково.

Следует упомянуть, что нужно отличать имитацию от звукоподражания. При имитации звуки природы воспроизводятся с большой точностью. Имитация применяется в сравнительно узких сферах: охота, разведка. Поэтому имитация звуков не имеет отношения к звукоподражательным словам.

Звукоподражательные слова характеризуются тем, что имеют свой грамматический строй и соотносятся с определенными словами в тексте. А одним из наиболее важных морфологических средств звукоподражательных слов является то, что повторы бывают разных видов: простые повторы – *ква-ква (лягушка)*; *cluck-cluck (кудахтанье)*, повторы с изменением гласных или согласных звуков – *пиф-паф (выстрел)*; *ding-dong (звонок)* и осложненные повторы – *тра-та-та (пулемет)*, *rat-tat-tat (барабан)*.

Кроме того, звукоподражательные слова часто служат средством словообразования. Глаголы, существительные, реже прилагательные образуются на основе общеупотребительных звукоподражательных корней (*хрю – хрюкать*; *цок – цокать*; *мяу – мяукать*; *hush – to hush*; *moо – to moо*).

Кажется, что в отношении звукоподражаний не существует никаких переводческих проблем. Люди, пусть и говорящие на разных языках, казалось бы, должны одинаково воспринимать и передавать звуки природы. Но в действительности передача звуков обусловлена различиями языковых традиций и зависит от разных языковых возможностей. Сравнивая самые часто встречающиеся звуки, можно сделать вывод о том, что звукообраз имеет много общих черт, но фонемы в разных языках значительно отличаются.

Для начала необходимо дать наиболее развернутую классификацию звукоподражательных местоимений. Исходя из их происхождения, С.Влахов предложил следующее деление: 1) природные (гром, шум моря, дождь); 2) животные (звуки животных, птиц, насекомых); 3) механические (сигнальные гудки, шум двигателя, звонки, часы); 4) подражание произвольным звукам человека (кашель, чихание, смех). Также, в зависимости от употребления в литературе, их можно разделить на: 1) общепринятые – как их слышат люди определенной языковой общности; 2) индивидуальные (авторские) – как их слышит автор, или как он хочет, чтобы их услышал читатель.

Все общепринятые звукоподражания в разных языках имеют свои определенные звуковые формы. Поэтому трудности при их переводе практически не возникают.

Но, будучи именно подражаниями, они должны создать такой же эффект, как и в исходном языке. В этом случае правильнее будет заменять их соответствующими языковыми средствами другого языка, несмотря на то, что они могут значительно отличаться по звучанию. Возьмем, к примеру, подражание щелканью ножниц: *рус. – чик-чик, англ. – snap-snap, нем. – klipp-klapp*.

И, наконец, переводчик может столкнуться с неологическими звукоподражаниями. Довольно часто подобные слова встречаются у Джека Лондона, Сетона-Томпсона, Джэмса Кэрвуда.

Например, Сетон-Томпсон в своем рассказе «Снап – история бультерьера» описывает поведение собаки, обозначая авторскими звукоподражаниями разные оттенки ее лая: «*яп-яп*» – сердитый лай; «*йип-йип*» – веселый лай при виде тетерева; «*яу-яу-яу*» – веселый лай при погоне за оленями; «*рряп-яп*» – ненависть к дикобразу. Здесь переводчик использовал транскрипцию.

Но у переводчика всегда есть два пути: либо также задействовать неологизм, либо, если его графическое или звуковое восприятие затруднено, – придумать близкий аналог. Звукоподражания всегда рассчитаны на

определенный стилистический эффект, поэтому переводчик должен пытаться сохранить их.

Впрочем, самыми распространенными способами передачи звукоподражательных междометий остаются транскрипция и поиск эквивалентов. Звукоподражания, которые совпадают в исходном и переводящем языках, передаются с помощью транскрипции: *Мооо* – мууу (мычание коровы), *Hah-hah!* – *Ха-ха!* А для тех слов, которые не имеют совпадений, подбираются эквиваленты в языке перевода: *bzz* – жжжж (жужжание пчелы), *achoo!* – апчхи!

Еще одни похожие лексические единицы, которые вызывают некоторые трудности при переводе, – междометия. Переводчики довольно часто сталкиваются с проблемой перевода эмоциональных выражений. Междометие, служащее для проявления эмоций, чувств и побуждений говорящего, несет важную информацию, которую необходимо передать, сохраняя первоначально заложенный смысл. Ведь именно они придают речи живость, используются в эмоциональных репликах и высказываниях с целью характеристики персонажей, передачи динамики событий.

Итак, междометия – это не подражательные, а спонтанные членораздельные звуко сочетания, и употребляются они для непосредственного выражения чувств и волевых побуждений. Поэтому их следует отличать от звукоподражаний.

Междометия характеризуются наличием значения (в отличие от звукоподражательных слов). Кроме того, они являются признаком внутреннего состояния человека, произносящего их; напротив, звукоподражание является простым звуком, произведенный предметом, человеком или животным.

А.И.Германович выделяет следующие общие признаки междометий: 1) отсутствие лексического значения; 2) отсутствие обычных форм словообразования и словоизменения; 3) выражение содержания разнообразной и богатой интонацией; 4) сопровождение интонации мимикой, жестами.

Междометия, как непосредственные реакции на любое проявление окружающей среды, естественным образом связаны с движением тела и лица. Если междометие выражает наше отношение к действительности, то жестом подкрепляется выражение этого отношения. Звуки и жесты в междометии органически слиты. Поэтому тяжело представить себе живую речь без интонации и жестикуляции. Особенно важна роль интонации и жеста в междометии, не имеющем лексического значения.

По своему значению междометия обычно делятся на четыре группы.

К первой группе относятся эмотивные междометия, передающие чувства говорящего.

Ahem! – *Хм! Гм! М-да!* – *Озадаченность и сомнение.*

Aw! – *Э-э! О-о!* – *Выражение несогласия и мольбы.*

Heigh-ho! – *Ну и ну! О-хо-хо!* – *Выражение скуки или досады.*

Hip-hip, hurrah! – *Гип-гип, ура!* – *Выражение радости.*

Pshaw! – *Фу! Тьфу! Подумаешь!* – *Выражение пренебрежения.*

При переводе эмотивных междометий, которые выражают чувства, душевные состояния, побуждения и другие неожиданные реакции людей, необходимо подбирать лексические эквиваленты. Однако работа переводчика при передаче эмотивных междометий также заметно упрощена, так как многие междометия английского языка имеют эквиваленты в русском: *Vo-o!* – *У-у!* (*попытка испугать*); *Damnit!* – *Тьфу!*; *Heigh-ho!* – *Ну и ну! О-хо-хо!* (*выражение скуки или досады*).

Но стоит помнить, что довольно часто среди эмоциональных междометий встречается омонимия. Поэтому переводчик должен обладать достаточными знаниями, чтобы успешно передавать эти лексические единицы.

Ко второй группе принадлежат когнитивные междометия, выражающие состояние знаний и мыслей говорящего. Они передают отношение субъекта к высказыванию или происходящему и их модально-логическую оценку. Например: *A-a-a* – выражение при получении какой-либо новой информации; *Э-э-э* – недоумение; *Ба! Эге-ге!* – удивление.

Особую группу в переводе составляют производные междометия, выполняющие ту же функцию, что и эмотивные междометия. Они не полностью утратили свою семантику, что позволяет подобрать семантический аналог: *For shame!* – *Стыдно!*; *Well done!* – *Молодец! Здорово!*

И, наконец, последняя группа. Практически все лингвисты выделяют в самостоятельную группу императивные междометия. Они выражают побуждения, желания говорящего, адресованные собеседнику. Например: *Hey!* – *Эй!* – оклик человека; *Kitty-kitty* – *кис-кис* – подзывание кошки; *Hush!* – *Тсс!* – просьба замолчать.

Такие междометия в основном также передаются соответствующими эквивалентами в языке перевода.

Однако даже при наличии полного или приближенного эквивалента на переводящем языке переводчик может применить транскрипцию с целью сохранения колорита или ритмомелодических и интонационных особенностей переводимого текста. К тому же он может дать пояснение в случае, если контекст неясен.

Междометия, как и любая другая лексика, могут устаревать. Например, *By Golly!* (*Не может быть!*), *Ecod!* (*Ну да!*), *Alas!* (*Увы!*) и т.д. При переводе таких междометий следует подбирать лексику, которая также является устаревшей или которая не воспринимается как новая или современная: *Alas!* – *Увы!*, *Aute!* – *Горе мне!*, *By Golly!* – *Не может быть!*

Вместе с тем появляются и новые междометия. Большинство из них относится к производным. Новые междометия, как и слова, могут заимствоваться из других языков. Так, в русском языке все чаще можно услышать английские восклицания *Wow!* и *Yeah!* В связи с этим переводчик должен особо внимательно переводить неизвестные ему междометия, каждый раз обращаясь к словарю.

Более того, для наиболее точного понимания междометий требуется обращение к контексту, так как одно и то же междометие может иметь самые различные, порой противоположные значения.

Кроме всего прочего, в переводе нужно принимать во внимание стилистику эмотивных междометий. Стилистическое разграничение междометий позволяет сохранить особенности речи говорящих, их принадлежность к определенной социальной и возрастной группе.

Переводчик может отказаться от подбора соответствий или лексических аналогов в пользу транскрибирования, чтобы сохранить национальный колорит. Также междометия и их словосочетания могут быть преобразованы в односоставные предложения. Этот прием возможен только тогда, когда невозможно найти эквиваленты в языке перевода.

Самое главное, что нужно помнить переводчику, – междометия являются спонтанной реакцией человека, выражающей его эмоциональное состояние, желания и т. д. В связи с этим замена междометия на средства дискурсивной речи значительно снижает экспрессивность высказывания.

Имена и названия всегда играли особую роль в общечеловеческой коммуникации. Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Знакомство людей начинается с представления своего имени. Собственные имена крайне важны для общения и взаимопонимания людей. Поэтому имена собственные – опорные точки не только в межъязыковой коммуникации, но и в изучении иностранного языка и переводе с него [см., например: 1, с. 3–15; 2, р. 509–517; 3, с. 76–92; 4, с. 280–284; 5, с. 116–135; 6, с. 180–183; 7, с. 58–69; 8, с. 294–301; 9, р. 380–391; 10, с. 90–92; 11, с. 3–11; 12, с. 91–13; 13, с. 736–740; 14, с. 3–6; 15, с. 106–110; 16, с. 82–91; 17, с. 37–46; 18, с. 57–60; 19, с. 324–328; 20, с. 172–176; 21, с. 58–69; 22, с. 110–114; 23, с. 161–165; 24, с. 693–697; 25, с. 95–104; 26, с. 68–70; 27, с. 232–234; 28, с. 159–164; 29, с. 104–118; 30, с. 365–369; 31, с. 173–179; 32, с. 163–166; 33, с. 145–149; 34, с. 215–222].

Переводчик И.С. Алексеева дает следующее определение имени собственному: «Имена собственные – это группа лексики, обладающей однозначной соотнесенностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но

и – в первую очередь – как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире». Поэтому они в основном передаются с помощью зафиксированных в языке соответствий или с помощью транскрипции. В отдельных случаях применяется перевод, учитывающий семантику корневой морфемы, а также заимствование.

На первый взгляд может показаться, что при переводе имен собственных не возникает особых трудностей. Даже переводом это можно назвать условно, потому что, как правило, имена собственные транскрибируют или транслитерируют. Отсюда следует основное правило: если исходный язык и переводящий язык имеют разную графику, то необходимо транскрибировать имена собственные согласно установленным правилам; если это языки с одинаковой графикой, то имя без изменений переносится из оригинала в перевод. Но даже в этом простом алгоритме появляются свои трудности и исключения из правил.

Итак, в настоящее время большинство имен собственных передается посредством графики, иначе говоря, транскрипцией.

Знаменитый лингвист В.В. Виноградов утверждает, что «несмотря на борьбу за регламентацию и унификацию транскрипции иностранных слов и имен собственных, которую начали еще такие выдающиеся лингвисты, как М.В. Сергиевский и Л.В. Щерба, до сих пор случается разноречивость при транскрибировании антропонимов и топонимов, что приводит к ошибкам в понимании их и к возникновению двух и более вариантов одного иностранного имени».

Методы транскрипции тесно связаны с алфавитными системами и фонетическими законами соответствующих языков. Так, межъязыковое транскрибирование возникает на основе звуковых аналогий двух языков. Известно, что состав фонем в различных (даже родственных) языках имеет значительные различия. В таких случаях в качестве соответствия выбирается наиболее близкая по звучанию фонема, пусть даже далекая по артикуляционным признакам.

Обычно применяют следующее правило: «из латиницы в латиницу» имя собственное обычно переносится без графических изменений, т. е. транскрипции не производят. Но из-за фонетических различий в большинстве языков соотношение «буква – звук» разнится, что вызывает искажение имен. Так, немец Моцарт (Mozart) во французском языке будет произноситься Мозарт. При разных алфавитах, а также при переводе «с кириллицы на кириллицу» транскрипция производится с учетом фонетических особенностей и на основе произносительных норм исходного языка и переводящего языка.

Имя собственное всегда является реалией. В речи оно называет существующий или выдуманный объект, лицо или место, единственные в своем роде, а также указывает на национально-языковую принадлежность.

Транскрибированные имена собственные вместе с другими реалиями сохраняют национальное своеобразие в своей звуковой форме. Например, испанское слово, даже будучи записанным кириллицей, остается испанским словом и не теряет своего национального колорита. Испанские имена Antonio, Sergio или Alejandra, похожие на Антона, Сергея и Александру, не становятся обрусевшими, а передаются как Антонио, Серджио и Алехандра.

Вместе с тем существуют определенные правила, в рамках которых должен действовать переводчик. К транскрипции имени собственного подходят по-разному в зависимости от того имеет ли оно уже утвердившийся в переводящем языке графический облик или впервые подлежит транскрипции. В первом случае имя обычно берется в готовом виде или находится в словарях как уже установленная единица. Во втором переводчик транскрибирует имя, стараясь максимально приблизить его произношение к оригинальному и подстраиваясь к фонетике и графике переводящего языка. Имя нужно передавать с учетом национальной принадлежности его референта.

Выбор метода передачи имени собственного (транскрипция, транслитерация, перевод) зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста.

Как правило, перед тем, как приступить к переводу, необходимо определить семантику имен собственных. Обычно их делят на: 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект; 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием; 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп.

Лексические единицы, относящиеся к первой группе, всегда транскрибируются. Поэтому все, что нужно для их правильной передачи, – знания правил транскрипции. Встречаются исключения, которые передаются с некоторыми фонетическими отклонениями, о чем было ранее сказано (Анастасия – Anastasia).

Имена второй группы обладают определенным содержанием. В этом случае возможен их перевод. Однако и среди них существуют имена, которые традиционно только транскрибируются или только переводятся. К первым относятся названия периодических изданий, органов печати и т. п. («People» – «Пипл», «Newsweek» – «Ньюсвик»).

Ко вторым относятся названия произведений литературы и искусств. К исключениям можно отнести некоторые иностранные названия, а также названия произведений научной литературы; обычно (при цитировании, в ссылках) они сохраняют свой оригинальный облик, в особенности в тех случаях, когда оно не переведено на переводящий язык. Всем известное собрание рассказов «Тысяча и одна ночь» в англоговорящих странах известно как «Arabian nights».

И, наконец, к третьей группе относятся имена собственные, способ передачи которых зависит от контекста. В большинстве случаев они подлежат транскрипции. Перевод, подстановка или любое отступление от этого правила приемлемы, когда необходимо показать внутреннюю форму, когда имя собственное должно приобрести свойства имени нарицательного.

Несмотря на имеющиеся довольно четкие правила, транскрипция собственных имен с английского языка зачастую может вызывать значительные трудности в связи с некоторыми факторами (обстоятельствами).

Во-первых, основной причиной возникновения сложностей при транскрипции можно назвать существенную разницу английской орфографии с ее произношением, обилие непроизносимых или произносимых по-разному в различных словах букв и буквосочетаний.

Вторая трудность представляет собой отсутствие в русском языке ряда фонем, имеющих в английском. Например, долгие гласные, дифтонги и др.

Наконец, имена могут отличаться по произношению в разных странах и регионах. Так, Р.С. Гиляревский приводит пример: «...известно, что английская буква «а» в той же позиции, где в южно-английском произношении она соответствует произношению [a:], например, *last*, в ряде диалектов на севере Англии, в Австралии или на юге США и произносится как [æ]». Безусловно, нельзя не учитывать такие особенности произношения в своем переводе.

Кроме того, квалифицированный переводчик должен знать основные моменты касательно передачи собственных имен. Рассмотрим их.

1. Оформление сложных имен и фамилий.

В русском языке они передаются с помощью дефиса: *англ. Ernest Seton Thompson* – *рус. Эрнест Сетон-Томпсон*. А сложные русские фамилии, наоборот, транскрибируются с сохранением дефиса: *Дмитрий Мамин-Сибиряк* – *Dmitry Mamin-Sibiryak*.

2. Место имени и фамилии.

Если на языке оригинала имя пишется после фамилии, то при переводе на русский язык порядок меняется на обратный – согласно русской традиции (исключение составляет перевод библиографических материалов). Например, в венгерском языке фамилия всегда предшествует имени: *Vasary Tamas*. При передачи этого имени собственного на русский язык оно преобразуется в *Тамаш Вашари*.

3. Изменение места ударения.

Во многих случаях ударение переносится на привычный для русского языка слог, если в русском языке уже есть аналог: *'Anton – Ан'тон; 'Arnold – Арн'ольд; 'Agatha – Аг'ата*. По тем же причинам, возможно, основное ударение в сложных именах собственных переносится на вторую часть слова, как обычно в русском языке: *англ. Au'gustine – рус. Август'тин; нем. 'Willibald – рус. Вилли'бальд; норв. 'Camilla – рус. Ка'мила*.

4. Изменение окончания.

В некоторых случаях при транскрибировании наблюдается частичное изменение состава фонем слова исходного языка. Это объясняется уподоблением грамматической системе переводящего языка: *Therese – Тереза; Ashley – Эшли; Chloe – Хлоя; Nicole – Николь*.

Особое внимание хотелось бы уделить переводу «говорящих» имен. «Говорящие» имена – это имена с живой внутренней формой. Как правило, автор изобретает имя, максимально отражающее все необходимые черты данного героя. Поэтому вымышленные имена создают переводческую проблему, так как их внутренняя форма используется автором для реализации коммуникативного задания через эстетическое воздействие. Переводчику необходимо проанализировать содержание и роль такого имени в тексте, выбрать подходящий способ передачи в переводящем языке.

Вопрос перевода «говорящих» имен до конца так и не разрешен, несмотря на большое количество теоретического и практического материала в литературе по переводу. Вследствие чего, фактически в тот момент, когда переводчик встречается с «говорящими» именами и прозвищами, в передаче имен собственных начинается поистине творческий процесс.

Во многих художественных произведениях мы сталкиваемся с «говорящими» именами. К ним относятся имена, которые у носителей языка ассоциируются с определенным словом, сюжетом, персонажем. Некоторые из них уже превратились в имена нарицательные и используются для характеристики человека, схожего с персонажем (донжуан, иуда), другие сохранили облик собственных имен, но используются как символы-перифразы

определенных качеств: *Отелло* (ревность), *Обломов* (лень), *Тартюф* (лицемерная подлость), *Крез* (богатство) и т. п. Если это имена повсеместно известные, они транскрибируются с учетом традиции языка перевода. А если они широко известны только одному народу, тогда это уже самые настоящие лингвоэтнические реалии и транскрипция должна сопровождаться комментарием.

Так, книжные имена можно поделить на две неравноценные группы, взяв за основу их функциональные особенности, выражающиеся в их внешней и внутренней формах. К первой группе относятся имена собственные, придуманные авторами по существующим моделям и не отличающиеся от действительно существующих имен. Они сохраняют свою основную функцию – называют предмет мысли, относятся к конкретному персонажу или объекту, размещают его во времени и пространстве. Во вторую группу входят книжные имена, сочетающие в себе характеристики собственного и нарицательного имен. Их функция не только называть объект, но и характеризовать его, как правило, с иронической или сатирической точки зрения. К ним как раз относятся прозвища и значимые имена собственные. Они придумываются автором с определенным намерением, которое переводчик должен по максимуму донести до читателей.

В.В. Виноградов предлагает следующий метод передачи «говорящих» имен. Переводчик должен использовать одну из двух словообразовательных моделей: 1) чистая основа или 2) основа + ономастический словообразующий элемент. В качестве основы может служить практически любое нарицательное слово. Иногда переводчик вправе в незначительной степени изменить его звучание и соответственно орфографию, делая его похожим на типичное слово языка перевода. Однако семантическое значение основы должно быть неизменным и понятным, поскольку именно в нем заключена эмоционально-оценочная информация имени собственного. Для еще большего уподобления ономастический формант может содержать в себе специальные фамильные суффиксы или окончания, присущие языку перевода. Но стоит принять во

внимание тот факт, что если к основе присоединяется формант, то он выбирается среди элементов редких имен, чтобы подчеркнуть его оригинальность и иностранное происхождение. Например, такие русские окончания, как -ов, -ев, -ова, -ева обычно не применяются, так как они слишком русифицируют передаваемое изобретенное имя.

Б.А. Старостин приводит несколько имен собственных с их переводами из сатиры Джеймса Купера «Моникины»: *Lord Chatterino* – лорд Балаболо (от англ. *chat* – разговор, болтовня с добавлением «иностранного» окончания), *John Jaw* – Джон Брех (от англ. *law* – челюсть, болтливость). Такие имена-ярлыки наполняют текст всевозможными символами и дают очень яркую «бессловесную» характеристику героям.

Подведем итог: переводчик, основываясь на своих знаниях, интуиции и опыте, должен определить художественную значимость названного «говорящим» именем героя, оценить его роль и функцию, жанровые и стилевые особенности произведения. Чем выше степень художественной выразительности персонажа, его роль и, следовательно, степень нарицательности имени, тем сложнее перевод. В таких случаях предпочтительна транскрипция. Если смысловое имя собственное необходимо автору для индивидуальной характеристики персонажа, то обычно оно переводится.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

2. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

4. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

5. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116 – 135.

6. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

7. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиравшая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

8. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

9. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9. – Issue 27. – P. 380 – 391.

10. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

11. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

12. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. – 2006. – №1. – С. 9 – 13.

13. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

14. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

15. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

16. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

18. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

19. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

20. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

21. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

22. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского

государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

23. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

24. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

28. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Каишкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

29. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

30. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

31. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

32. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // *Знание. Понимание. Умение.* – 2007. – №4. – С. 163–166.

33. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

34. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* – 2016. – №3. – С. 215–222.

УДК 82+002.703

**ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ И ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
ПОЛИТИКОВ КАК РЕАЛЬНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА**

*С.Д.Чалмаз, Абхазский государственный университет,
г. Сухум, Республика Абхазия*

**PARADOXICAL AND CONTROVERSIAL STATEMENTS BY
POLITICIANS AS THE REALITY OF THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA**

S.D. Chalmaz, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

Аннотация. Статья посвящена описанию парадоксальных и противоречивых высказываний политиков, политологов, а также журналистов в западных средствах массовой информации. Определяется манипулятивный и суггестивный характер информации.

Ключевые слова: парадокс, противоречие, СМИ, манипуляция, политический дискурс.

Abstract. The article deals with the description of paradoxical and contradictory statements of political figures, politologists, as well as journalists in western mass-media. Manipulative and suggestive functions of the information are defined.

Keywords: paradox, contradiction, mass-media, manipulation, political discourse.

E-mail: larisa57-09@mail.ru

All animals are equal,
but some are more equal
than others.

G. Orwell «Animal Farm»

Как отмечают современные ученые, «коммуникация поистине стала массовой, а её специфика требует не только научного осмысления, но и разработки новых парадигм практического исследования языка и дискурса средств массовой информации» [4, с. 3].

«То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живём, мы знаем благодаря масс-медиа», – писал Никлас Луман в работе «Реальность масс-медиа» [8, с. 8].

Современное общество настолько тесно связано и зависимо от информации, что его называют «информационным». Информация в широком смысле слова – это отражение мира, но «передача информации – это не констатация фактов, а их интерпретация» [7]. Благодаря информации возможен диалог народов, языков, культур, литератур [15, с. 107–115; 16, с. 159–164; 17, с. 232–234; 18, р. 509–517; 19, с. 76–92; 20, с. 365–369; 21, с. 95–104], а также экспорт образовательных моделей и технологий [22, с. 86–93].

Средства массовой информации не только способствуют поддержанию необходимого информационного уровня, но и определяют восприятие и интерпретацию важнейших явлений и событий, происходящих в мире, а также оказывают огромное влияние на формирование образа политика, который является основным действующим лицом политической коммуникации [3].

Е.И. Шейгал отмечает, что «политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования, поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия» [13, с. 4].

СМИ сегодня – ключевой инструмент реализации политического процесса.

«Единственная форма, в которой политика допущена в мир медиа, – пишет З. Бауман, – сделана по мерке этого мира. Политика предстает в этом мире как драма личностей, в виде успехов или неудач отдельных политиков, в виде конфликта характеров, мотивов стремлений, в виде очередной (и не самой увлекательной) инсценировки постоянной и неизменной человеческой комедии» [1, с. 104–105].

Политики всегда пытались воздействовать на язык с разными целями, главными из которых являются контроль, регулирование и манипулирование социальным поведением и общественным сознанием человека.

Учёными отмечены следующие стратегии современных политиков [11, с. 205]:

– **стратегия неопределенности** (политик может давать обещание или брать на себя обязательства, но с неопределенностью, иногда намеренно, с надеждой выиграть время, или на то, что в будущем обещанное забудется);

– **стратегия умолчания** (важные факты умалчиваются, чтобы не спровоцировать резкую реакцию, которая могла бы помешать тому, что считается необходимым для блага общества);

– **стратегия отрицания** (отрицание фактов либо причастности своей или своих коллег к нарушению, или к событию, которое может повлечь ответственность со стороны правосудия, сюда же включается и лжесвидетельствование);

– **стратегия «высшего разума»** (что-то не договаривается, неправильно или лживо интерпретируется, или народ заставляют поверить во что-либо во имя государственных интересов – «ложь во имя блага»).

Среди разнообразных тактик речевого воздействия в политическом дискурсе особая роль принадлежит парадоксу как одному из эффективных средств воздействия на общественное сознание.

Согласно Л.В.Терентьевой, «приём парадокса и приём контраста оказываются самыми частотными в системе различных стилистических приёмов имплицитного выражения оценки, видимо, в силу того, что они емко и

эффективно оценивают современную эпоху, которую можно охарактеризовать как эпоху парадоксов и контрастов [12].

Из многочисленных определений парадокса в научном мире отметим следующее: «Парадокс (греч. para – против и doxa – мнение) – неожиданное, необычное, странное высказывание, резко расходящееся, по видимости или действительно, не согласующееся с общепринятым мнением, с господствующим убеждением или даже со здравым смыслом, хотя **формально-логически оно правильно**; рассуждение, приводящее к взаимоисключающим результатам, которые в равной мере доказуемы и которые нельзя отнести ни к числу истинных, ни к числу ложных» [6, с. 431].

В то же время отметим справедливое замечание писателя и мыслителя, автора многих афоризмов Рахила Фарука (R. Farooq) о том, что «paradoxes are less paradoxical in their reference to truth than most of the most plausible axioms».

Термин «парадокс» часто путают с термином «противоречие», что не одно и то же.

Парадокс апеллирует к нашим ощущениям, чувствам, к здравому смыслу, тогда как **противоречие** опирается на противопоставление, т.е. на некоторую строгость в определении и понимании.

Противоречие не требует, чтобы форма его подачи была странной или ошеломляющей. От противоречия требуется, чтобы оно имело доказательную силу.

Парадокс же вовсе может иметь под собой противоречия, достаточно только казаться противоречивым (<https://staff.wikireading.ru>). Отметим также, что есть истинные парадоксы и псевдопарадоксы, т.е. те, которые при пристальном анализе таковыми не являются.

Парадоксальные высказывания часто воспринимают как «свидетельство независимости, самобытности выражаемых ими мнений, особенно если они к тому же имеют внешне эффективную, четкую, афористическую форму» [2, с. 512]: «Это война, чтобы закончить войну» (В. Вильсон); «Мы добьёмся мира, даже если для этого нам придется воевать» (Д. Эйзенхауэр); «Nothing happens

by accident in politics. If something happened, it was meant to be» (Benjamin Franklin); «I must study politics and war that my sons may have liberty to study mathematics and philosophy» (John Adams).

Ученые отмечают, что «парадоксу свойственна определенная двусторонность, двойственность, он обладает специфическими когнитивными свойствами» [5].

Функции афоризмов – парадоксов – это создание интеллектуализации высказывания, отражение противоречивой сущности явлений окружающей действительности, создание юмористического и сатирического эффектов. Авторы афоризмов эпатируют оригинальностью суждения, делают мысль запоминающейся и в неожиданной форме выражают оценку действительности.

Парадоксальность может быть выражена и оксиморонами, например: *peaceful war, cruel kindness, democratic dictator, limited freedom, limited Nuclear War* и т.д. Американскому художнику, писателю Andy Warhol принадлежит выражение «I am a deeply superficial person». В таких случаях речь идёт о стилистическом приёме парадокса.

Особыми функциями отличаются логические парадоксы в высказываниях ученых, политологов, политтехнологов, аналитиков и др. Так, Ричард Д. Харди, американский специалист по Конституционному праву, даёт перечень сложившихся парадоксальных ситуаций в политической жизни США (речь идёт о роли политических партий) [14, с. 10–15):

Парадокс 1.

«Although political parties play a vital role in American government, there is no mention of them in the Constitution of the United States».

Парадокс 2.

«While political parties were neither planned nor revered by our founders, it is doubtful our Constitution could last with them».

Парадокс 3.

«Minor political parties rarely score electoral victories, but they play a vital role in American politics».

Парадокс 4.

«Democrats and Republicans are both similar and different».

Парадокс 5.

«America is known as a two-party system, but there are at least 50 Democratic parties and 50 Republican parties today».

Парадокс 6.

«Political parties have played a critical role in American constitutional history, yet they are often vilified».

В данных примерах логический парадокс используется для выражения критического отношения к описываемым фактам. Автор заостряет внимание на данной проблеме, информируя общественность и сохраняя при этом непредвзятость и политкорректность, но не даёт оценку фактам объективной реальности. Если говорить о степени критичности данных высказываний, то они, несомненно, свидетельствуют о смелости суждений автора, который намеренно соединяет противоречивые факты, чтобы воздействовать на аудиторию и изменить существующее положение дел. Именно Р. Харди принадлежит следующее выражение: «A paradox is any statement that appears self-contradictory, but expresses a possible truth».

Что касается внешнеполитической сферы, то высказывания западных политиков чаще всего носят оценочный и алогичный характер. Парадоксальность поведения и сознания проявляется в том, что многие политики заявляют или декларируют одни цели и жизненные ориентиры, а на деле осуществляют иные, прямо противоположные установки.

В интервью радиостанции NPR (National Public Radio) 29 декабря 2014 года президент Америки Б. Обама высказывается о внешней политике США следующим образом:

«America's never been in the business of colonizing other countries and grabbing their resources; we're never been in the business, of bullying folks into doing things that we can't do for ourselves.

Where **we have done that**, by the way, **it's never worked out all that well**. That's not our best tradition».

Б. Обама отрицает гегемонистские устремления США, отрицает вмешательство своей страны во внутренние дела других стран и в то же время признаёт сам факт такой политики США, что делает его алогичные высказывания ложью с саморазоблачением, «сервированную» под правду, в которую никто в мире уже не верит.

Противоречия, парадоксы могут обнаруживаться при сопоставлении нескольких высказываний одного политика в разное время, например, в интервью Тому Брокаю 24 апреля 2003 года Джордж Буш говорит:

«I don't bring God into my life to to, you know, kind of to be a political person» («Я не впускаю Бога в свою жизнь, чтобы, ну понимаете, что такое быть политической персоной»).

Год спустя Буш отмечает в частной беседе: «I trust God speaks through me. Without that, I couldn't do my job» («Я верю, что Бог говорит во мне. Без этого, я не мог бы выполнять свою работу»).

Нарушение логики мы находим в речи бывшего мэра Нью-Йорка Джулиани («International New York Times», 21–22 Feb., 2015, «Guliani defends Obama critique»), где он говорит:

«I do not believe, and I know this is a horrible thing to say, but I do not believe that the President loves America. He doesn't love you. And he doesn't love me. **He wasn't brought up the way you were brought up** and I was brought up, through love of this country».

Далее в интервью он отказывается от своих слов:

«**He (the President) was brought up by a white mother, a white grandfather**, went to white schools, and most he learned from white people».

Приведем пример удивительно циничных заявлений бывшего госсекретаря США Хилари Клинтон в интервью основному информационному каналу США «Fox News» 8 июня 2011 г. о создании исламских боевиков против СССР в Афганистане:

«**We had helped create the problem we're now fighting.** Because when the Soviet Union invaded Afghanistan we had this **brilliant idea** that we were going to come to Pakistan and create a force of Mujahedeen, equip them with Stinger missiles and everything else, to go after the Soviets. And we were successful, the Soviet left Afghanistan and we said 'great goodbye', leaving these trained people who were fanatical in Afghanistan and Pakistan, leaving them well armed, creating a mess frankly... **now you look back the people we're fighting today, we were supporting in the fight against the Soviets**» («**Мы создали себе проблему, с которой сегодня боремся.** Когда СССР вторгся в Афганистан, у нас появилась блестящая идея создать в Пакистане военные формирования исламистов, вооружить их ракетами Стингер и прочим всем необходимым, чтобы они пошли в Афганистан воевать с СССР. Мы оставили этих опытных и обученных, но фанатичных боевиков в Афганистане и Пакистане, мы оставили их полностью экипированными и вооруженными, там образовалась целая армия, потому что в то время мы думали, боевики пойдут дальше, в сам Советский Союз... Если теперь вспомнить всё это, **то сегодня мы сами воюем против тех, кого мы создали для войны с Советским Союзом**»).

Парадоксальный вывод, к которому приходит Х. Клинтон, отнюдь не спонтанное, но явно осознанное умозаключение. Предоставляя ретроспективную информацию, Клинтон апеллирует к результатам прошлого опыта, что является хорошей аргументативной стратегией при оказании воздействия на адресата. Х. Клинтон преподносит сам факт создания боевиков для борьбы против СССР как само собой разумеющееся, тем самым доказывая, что сила становится доминирующей среди ценностей массового сознания, умалчивая при этом, что создание террористических групп началось задолго до введения российских войск в Афганистан, умалчивая о неоднозначной роли США в борьбе с ИГИЛ и т.п.

Налицо манипулятивный и суггестивный характер высказывания Х.Клинтон, что достигается следующими тактиками речевого воздействия: субъект действия не персонализирован, в качестве замещающей фигуры

используется приём метонимии; оценочные прилагательные выступают в роли эпитетов; инверсивные конструкции подчёркивают значимые места в тексте; параллелизм с анафорическим повтором создаёт впечатление идеологической чёткости и последовательности. Парадокс как часть речевого воздействия действует ещё и отвлекающим образом (отвлекает внимание от других серьёзных внутренних проблем).

Как тут не вспомнить слова известного французского философа и мыслителя XVII в. Блеза Паскаля: «Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недостоверности и ошибок; слава и хлам вселенной... Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя!» [10].

Используя парадокс как средство выражения оценки, авторы аналитических публикаций сообщают факты, формируют общественное мнение, активно воздействуют на разум и чувства человека.

Приведём примеры:

1. «The countries where the U.S. claimed to introduce democracy were all ravaged». «Daily Sabah», Aug 27–28, 2016, p.8, «Opinion».

2. «Despite having the first African – American president in office, the federal government has been unable to pacify relations between the country’s black and white populations». «Daily Sabah», July 12, 2016, p.12.

3. «Six years onto the administration of the first African – American U.S. President and a black attorney general as well, police killings of unarmed Black civilians occur almost on a weekly basis». «Solidarity», 2015, July – August.

4. «The President elected by U.S. and celebrated globally with a Nobel Prize for promising to end wars is now deep in the quagmires of Iraq and Syria, and launching drone strikes from Yemen to Pakistan without acknowledging large-scale civilian casualties». G. Shupak: A Disaster Waiting to Happen. «Solidarity», 2015, July – August.

Критически оценивая происходящие в мире события, авторы публикаций отмечают, как политика официальных лиц США вопиющим образом противоречит тем ценностям, которые они якобы защищают.

С другой стороны, с целью достижения желаемого воздействия на адресата авторы политических статей используют и тактики «чёрной риторики».

В статье «Death in Aleppo» («The Times», 30 Apr., 2016) автор не гнушается обвинениями в адрес президента Сирии Башара Асада: «The Syrian leader wants to fight for an intact country, not a partitioned or loosely federal state... other battles, other massacres, all deemed by Assad to be more important than the war against ISIS». В конце статьи автор дает негативную оценку действиям президента Сирии: «Assad, the Butcher of Damascus».

Другим примером «черной риторики» является, например, статья, восхваляющая небезызвестного российского предпринимателя, бывшего главу нефтяной компании «ЮКОС» М.Ходорковского («Magazine», 30 Apr., 2016), под заголовком «Putin's Enemy № 1». Парадокс представлен цитатой самого М.Ходорковского: «The key point is that my immediate arrest or my return must be either dangerous for those in power or more dangerous than my being free». Далее следует: «When you're public enemy №1 in Putin's Russia, assassination is an occupational hazard... the biggest of Putin's mistakes – the invasion of Crimea – has changed everything for both him and his supporters. It was a line crossed; proof of totalitarian intent». Создавая ореол славы вокруг Ходорковского, автор манипулирует сознанием читателя: «Khodorkovsy used to represent a clique of tycoons despised and envied for their wealth». Президенту России В. Путину в статье даётся негативная оценка с подтекстом иронии: «Russia's new tsar».

Подобные статьи, в которых некая реальность в действительности весьма далека от истинного положения дел, говорят об ангажированности их авторов, политиков, официальных лиц и в целом западных масс-медиа.

Кстати (sic!), в газете «The Independent» (Thursday, 12 January, 2017) новый президент США Д. Трамп называет «sick people» тех, кто фабрикует и печатает фейковые новости («fake news» и «phony news»).

Таким образом, технология политического манипулирования в западных масс-медиа предполагает использование конкретных методов воздействия на общественное сознание. Это может быть и подтасовка фактов, и замалчивание неудобной информации, полуправда, и наклеивание ярлыков, и т.п.

«Язык предоставляет в распоряжение социума и государства, неограниченные ресурсы и возможности» [9, с. 7]. Немалая роль в этом процессе принадлежит парадоксальным и противоречивым высказываниям профессионалов от политики, в том числе журналистов и политологов, вербальные и риторические стратегии которых должны стать объектом пристального внимания и изучения.

«We are surrounded by Paradoxes and Questions!» – восклицает английский писатель Deyth Banger. И он прав!

Список литературы

1. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г.Дашевского. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
2. Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 19. Отоми – пластырь. – 648 с.
3. Гольцов И.А. Образ политика в зарубежных СМИ: соотношение образа и имиджа // <http://volpi.ru>
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 264 с.
5. Звада О.В. Ирония и парадокс как стилистические средства выражения морали в произведениях англоязычных авторов // *Magister Dixit*. – 2013. – № 1 (13). – С. 19–23.
6. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 717 с.

7. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования* / Под ред. М.Н.Володиной. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 66–88.
8. Луман Н. *Реальность масс-медиа* / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
9. Наумов В.В. *Государство и язык: формулы власти и безвластия*. – М.: URSS, 2010. – 184 с.
10. Паскаль Б. *Мысли*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
11. Перевозникова В.Е. *Речевые акты политической коммуникации и дискурсивные стратегии // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: Межвуз. сб. научн. тр.* – Краснодар: КубГУ, 2007. – Вып. 2. – С. 205–210.
12. Терентьева Л.В. *Некоторые тенденции в развитии оценочно-воздействующей функции современной публицистики // Вестник Самарского государственного университета*. – 1997. – № 1.
13. Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса: Дис. д-ра филол.наук*. – Волгоград, 2000. – 431 с.
14. Hardy Richard J. *Paradoxes of Political Parties in American Constitutional Development. Insights on Law L. Society*. – 2012. – Vol. 13. – Issue 1.
15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.
16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.
17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

18. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

22. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Новые модели экспорта образования в странах СНГ // *Ученые записки Российского государственного социального университета.* – 2016. – № 6 (139). – С. 86 – 92.

УДК 811.11-112

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Н.В. Шимон, ГБОУ ВО Московской области Государственный
университет «Дубна», г. Дубна, Россия*

EXTRALINGUISTIC FACTOR IN SYSTEM OF GERMAN LEXICON

N.V. Shimon, State University «Dubna», Moscow Region, Dubna, Russia

Аннотация: Основу вокабуляра немецкого языка составляет лексика, известная и употребительная в течение длительного исторического отрезка времени. Ряд поколений носителей немецкого языка пользуется общим «набором» лексики уже долгое время.

Такая длительная стабильность обеспечивает в целом преемственность языка и культуры. Но, все же, язык не стоит на месте, а также развивается со временем. В язык приходят новые слова, некоторые слова «приживаются», а некоторые нет. В данной статье нам хотелось бы рассмотреть, как происходит «вживание» новых слов в систему лексики.

Ключевые слова: новые слова, лексика, экстралингвистика, язык, культура, заимствованные слова.

Abstract: The basis of German vocabulary is made by lexicon and is known and common during a long historical interval of time. The generation of native German speakers already uses general «set» of lexicon for a long time. Such long stability provides in general continuity of language and culture. But, nevertheless, language doesn't stand still, and also develops over time. New words come to language, some words «get accustomed», and some don't. In this article we would like to consider how new words «accustom» in system of lexicon.

Keywords: new words, lexicon, extralinguistic, language, culture, loan words.

E-mail: kutepovan@mail.ru

Основные единицы словарного состава – слова – подвержены той же тенденции: стремлению к сохранению звукового и морфологического состава, определенного объема значения, устойчивых семантических и ассоциативных взаимоотношений с другими словами. Но поскольку слово находится в постоянном функционировании, сочетаясь или противостоя другим словам, в его фонетической, морфологической, семантической или стилистической структуре могут начаться или совершаться сдвиги, ведущие к более или менее значительным изменениям, инновациям.

Развитие любой единицы словарного состава начинается с более активного ее употребления, в результате чего она чаще сталкивается, сочетается с другими словами или противопоставляется им, применяется в новых смысловых и стилистических окружениях. Слово меняет, таким образом, свои стабильные взаимосвязи и отношения с другими словами, поэтому к нему применим метафорический образ «движения». Именно в этом смысле мы говорим о «подвижности» лексики, о направлении движения [2, с.123].

Движение слова может при благоприятных условиях привести к расширению радиуса действия слова, т.е. к увеличению функционально-стилистической сферы его регулярного использования, к увеличению объема значения, развитию новых значений, полисемии и ее следствию – омонимии, либо, наоборот, к сужению функционально-стилистического использования, к сужению значения, к утере отдельных значений. Интенсивное употребление слова может привести к его «изнашиванию» и выдвиганию на первый план других слов аналогичного значения, к «усилению» его формы за счет словообразования, к фразеологизации. В основном это поступательное движение слова: наступающие изменения носят необратимый характер. Такой тип изменений может быть назван развитием слова.

По разного рода причинам некоторые сферы деятельности носителей языка и отдельные виды их занятий, а также отдельные социальные группы признаются носителями языка ведущими, наиболее авторитетными, либо привлекают внимание и вызывают всеобщий интерес по каким-либо иным мотивам.

Многочисленные наблюдения лингвистов отмечают тот безусловный факт, что языковое поведение и вкусы общества носителей современного немецкого языка находятся под сильным влиянием общественного престижа и авторитета некоторых сфер социальной жизни, например сферы административного управления, техники, телевидения, печати и других средств массовой информации, искусства, рекламы, моды, спорта [2, с. 124].

Терминологическая лексика, речевые шаблоны-клише и стилистика, сложившиеся первоначально в этих сферах деятельности, переносятся на объекты других сфер, сначала, быть может, в качестве метафорического словоупотребления, затем прочно закрепляясь в этом новом окружении. Мотивы такого заимствования связаны с мотивами языкового поведения вообще: стремлением к экспрессивности или наглядности речи, к иносказанию, подражанию речи определенных кругов носителей языка, повышению социального или культурного престижа.

Обновление лексики происходит не только как явное включение в вокабуляр новых единиц, но и скрытым от простого наблюдения образом, в ходе медленно накапливающихся сдвигов, изменений, предпочтений.

Чтобы новая единица языка – новая морфема или новое слово, какими бы путями она ни пришла в язык, приобрела в нем известные права гражданства, она должна быть «принята» носителями языка, освоена ими, т.е. она должна регулярно использоваться в определенных контекстах и ситуациях. Этому способствует то обстоятельство, что новая лексика «подстраивается» к существующей системе лексики: приобретает немецкие частеречевые признаки, включается в тематические круги и терминологические иерархии, «подстраивается» к тематическим, словообразовательным, семантическим рядам, заполняет собой некоторые существующие в словообразовательной и семантической системе пустые места – лакуны [2, с. 94]. Типичное явление – в случаях заполнения лакун – отсутствие обозначений в наименованиях по профессии для женщин: *Dozent/Dozentin, Doktor/Doktorin*.

Журналы, занимающиеся вопросами культуры речи, часто обсуждают возможность образования наименований профессий применительно к женщинам, считая неправильным пользоваться в этом случае именами мужского рода.

Взаимоотношения «подстроившейся» новой лексики с уже принятой могут быть двоякими: в одном случае просто подключается к открытым рядам лексики или заполняет лакуны, не нарушая общего равновесия в данном звене системы, в другом – появление новой лексики может нарушить системные связи, вызвать некоторые сдвиги и перемещения в соответствующем звене.

Частеречевая система немецкого языка требует установления некоторых частеречевых соответствий, например: новое имя существительное дает основание для организации нового глагола, новый глагол служит отправной точкой для организации имени существительного. Это можно проследить на примере заимствованных слов: *der Job* (англ. *работа*) и немецкий глагол *jobben*

(*работать*), *der Shop* (англ. магазин) и немецкий глагол *shoppen* (*ходить за покупками*) и т.д.

Существование лакун обычно не ощущается, пока не появляется потребность в новом слове. Например, при употреблении технической лексики, практически все слова заимствованы из английского языка и как таковых аналогов нет в немецком, например: *der Scanner* – сканер, *der Xerox* – ксерокс и т.д. Наиболее четко ощущается заполнение симметричной лакуны, например: *eintreten* (нем. *входить*) и *austreten* (нем. *выходить*). Мы также можем наблюдать, как некоторые прилагательные, наречия и предлоги, оказавшиеся в качестве компонентов в составе сложного или производного слова, своим лексическим значением побуждают языковое творчество к созданию симметричных слов той же структуры, что и образец, например: *ein/aus*, *hoch/niedrig* и т.д.

Вместе с традиционными обозначениями, а иногда и без них, новые слова организуют ячейки синонимии в системе лексики – синонимические ряды. Это происходит под влиянием присущей языковому развитию тенденции к экспрессивности. Она проявляется по-разному и под влиянием разных экстралингвистических и лингвистических факторов. Графическая экспрессивность возникает при использовании графем и их особой комбинации (например, знаков препинания). Сами буквы могут своей формой, размером, цветом, типом создавать экспрессию [1, с.154]. Экспрессивность может возникать и в соотношении активный/пассивный запас лексики, причём экспрессия связывается, в первую очередь, с устаревшей лексикой (архаизмы и историзмы), словами для обозначения новых реалий (неологизмы), словами, ещё не ставшими «своими», то есть родными для конкретного языка (варваризмы), а также отражающими культуру определённого народа (экзотизмы) [3, с.56]. Исследование лексики молодежи Германии может также дать обильный материал относительно использования англо-американизмов представителями молодого поколения. Например: *Boss* (босс) с синонимами *Chef* (начальник, шеф), *Leader* (лидер) для обозначения ведущей личности в некоем молодежном коллективе; *Farm* «*Wochenendehaus*» (дача); *die Oldies* (родители); *out sein* (быть

не в состоянии делать что-то); Power (сила, власть) — притягательная сила, то, что нравится. Каждый язык стремится к краткости. Телеграммный стиль используется не только в E-mail сообщениях, но и в обыденной речи. Многие английские слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие. Например, сравним такие слова как Trucker (2 слога и 7 букв) и Lastwagenfahrer (5 слогов и 15 букв). Ещё примеры: Jointventure – Gemeinschaftsunternehmen; Management – Unternehmensleitungen. Видно, что англицизмы имеют более краткую форму в сравнении с аналогичными по значению немецкими словами.

Новые слова – одни быстрее, другие дольше – интегрируются всеми подсистемами лексики, приобретают частеречевые признаки, включаются в словообразовательные структуры и конфигурации, вступают в семантические и логические взаимоотношения с традиционными словами, становятся в конечном счете словами немецкого языка, какого бы происхождения они ни были.

Список литературы

1. *Гашкова М.Г. Уровни языковой экспрессивности (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. – 2010. – №3. – С. 153–157.*

2. *Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.*

3. *Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.*

4. *Шумагер А.И. К проблеме универбации в лингвистике // Лексические категории (на материале немецкого языка). – Калинин: КГУ, 1984. – С. 132–142.*

5. *Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Новые слова и значения / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 543 с.*

*Секция 2. Деятельность Российских центров науки и культуры за рубежом.
Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного.
Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах*

УДК 811.135.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ

*Л.Н.Алешина, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

TOPICAL ISSUES OF TEACHING RUSSIAN ABROAD

*L.N.Aleshina, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье анализируются проблемы преподавания русского языка за рубежом. Гуманитарные организации России регулярно проводят методические и научные мероприятия, направленные на повышение уровня преподавания русского языка за рубежом.

Ключевые слова: русский язык, за рубежом, гуманитарное сотрудничество.

Abstract. In article problems of teaching Russian abroad are analyzed. The humanitarian organizations of Russia regularly hold the methodical and scientific events directed on increase of level of teaching Russian abroad.

Keywords: Russian, abroad, humanitarian cooperation.

E-mail: laura_70@bk.ru

В последнее время в мире намечается тенденция к возврату интереса к изучению русского языка. Продвижение и поддержка русского языка за рубежом является важнейшим инструментом гуманитарного сотрудничества России со всеми странами мира. Русский язык занимает шестое место по численности говорящих на нем, восьмое место – по степени распространенности, второе место – по использованию в интернете, на седьмом месте – по числу переводимых книг. Статус государственного языка, помимо

России, русский язык имеет в Беларуси, а статус официального языка учреждений в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. В большинстве бывших союзных республиках русский язык утратил свои позиции и практически был исключен из официального общения (Литва, Латвия, Эстония, Грузия и др.), но, по-прежнему, сохранил функцию языка межнационального общения. В таких международных организациях, как ООН, ШОС, ОБСЕ, СНГ, ЕврАзЭС, СДА, ОДКБ, ИСО и др., русский является рабочим языком.

Сегодня на русском языке говорят 273 млн. человек (146 млн. граждан РФ, 127 млн. – за рубежом). Основная часть изучающих русский язык преследует вполне практические цели: получить образование в России, найти престижную работу в российских компаниях, работающих за рубежом, вести свой бизнес в России.

Многие бывшие союзные республики в 1999 году исключили русский язык из перечня обязательных выпускных государственных экзаменов по окончании средней школы. Тем не менее, несмотря на существующие трудности, русские школы сохранили статус культурно-просветительских центров. Многие преподаватели русских школ принимают активное участие в программах российских гуманитарных организаций, направленных на поддержку русского языка за рубежом.

В поддержку русского языка, преподаваемого сегодня в школах и университетах некоторых стран мира, такие гуманитарные организации, как Россотрудничество и фонд «Русский мир», создали на базе российских культурных центров курсы русского языка, а фонд «Русский мир» – еще и курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка как иностранного, ведущих свою деятельность за рубежом. Фонд «Русский мир» со своими партнерами регулярно проводит образовательные и научно-методические мероприятия, направленные на повышение уровня преподавания русского языка за рубежом.

Серьезной проблемой преподавания русского языка является недостаток финансирования на эти цели. К примеру, в Сербии и Черногории при

поддержке западных спонсоров русский язык активно заменяется на английский, французский и немецкий (с 1999 г. количество изучающих русский язык в этих странах сократилось на 20 процентов). Во многих зарубежных школах преподаватели русского языка работают бесплатно. К сожалению, молодые люди не стремятся получить диплом преподавателя русского языка по причине небольшого материального вознаграждения за труд, а те, кто все же получил диплом по этому профилю стараются переквалифицироваться по той же причине. Средний возраст учителей русского языка сейчас составляет 40-50 лет. Смена, к сожалению, практически не готовится. Не хватает средств и на издание новых и переиздание старых учебных пособий по русскому языку. Так, Ассоциация русистов Словакии последние учебники выпустила в 2000 г., на их переиздание и создание новых средств нет.

Актуальные вопросы преподавания русского языка за рубежом определяют следующие цели и задачи:

1. Популяризация (на уровне государственной политики Российской Федерации) в международном образовательном пространстве среднего и высшего образования на русском языке.

2. Обеспечение доступа к общему образованию на русском языке для граждан России, проживающих за рубежом, иностранных граждан и лиц без гражданства.

3. Поддержка организаций, ведущих образовательную деятельность на русском языке за рубежом (русские школы).

4. Государственное обеспечение информационной, методической, материально-технической поддержкой организаций общего образования и профобразования для сотрудников русских школ за рубежом.

Российские гуманитарные организации ежегодно проводят мероприятия, направленные на популяризацию изучения русского языка за рубежом, реализуют программы содействия развитию международного научного сотрудничества между преподавателями русского языка как иностранного. Партнерами в этой области являются Министерство образования и науки РФ,

Правительство Москвы, российские образовательные и научно-исследовательские организации, ассоциации иностранных выпускников российских (бывших советских) вузов и иностранных студентов, получающих сегодня образование в России. Правительство Москвы и Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом регулярно организуют курсы повышения квалификации для учителей русского языка и литературы средних и начальных школ. На базе образовательных российских центров в дистанционной форме можно пройти курсы переподготовки преподавателей русского языка и начальных классов русских школ.

В заключение, следует отметить, что Российские центры науки и культуры предоставляют значительный потенциал в плане преподавания русского языка в мире.

УДК 821-16

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДОВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ
МАТЕМАТИКИ ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ, ОБУЧАЮЩИМСЯ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ)**

*Л.Н.Алешина, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**THE METHODOICAL PRINCIPLES OF PRE-UNIVERSITY
TEACHING MATHEMATICS TO THE FOREIGN LISTENERS WHO ARE
TRAINED IN RUSSIAN (THE ECONOMIC PROFILE)**

*L.N.Aleshina, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье проводится анализ методики преподавания математики иностранным слушателям подготовительного факультета, обучающимся на русском языке.

Ключевые слова: математика, компетенция, дисциплина, коммуникация, методика.

Abstract. In article the analysis of a technique of teaching mathematics to the foreign listeners of preparatory faculty who are trained in Russian is carried out.

Keywords: mathematics, competence, discipline, communication, technique.

E-mail: laura_70@bk.ru

В системе довузовской подготовки иностранных слушателей экономического профиля центральное место, наряду с русским языком, занимает обучение математике. Этот предмет вводится в учебный процесс иностранных слушателей одним из первых.

Существующая система подготовки иностранных учащихся подготовительного факультета по математике опирается на методику преподавания математики российским абитуриентам и школьникам. В целях создания эффективной методики обучения иностранных учащихся экономического профиля на довузовском этапе обучения мы рекомендуем проанализировать и сравнить уровни подготовки российских абитуриентов и иностранных слушателей подготовительного факультета, «выявить пробелы в знаниях и составить программу дифференцированного обучения математике с учетом пробелов, имеющих в базовой математической подготовке иностранных студентов и требований, предъявляемых к математической подготовке российских абитуриентов» [2, с. 4]. Данный курс математики на русском языке для слушателей подготовительного факультета представляет собой начальный курс, содержащий необходимый и достаточный, скоординированный материал для первых уроков математики на русском языке.

Цели изучения математики на русском языке:

- формирование иноязычной математической компетенции учащегося в необходимом объеме;
- развитие общих компетенций, повышение уровня образования и развития личности.

Задачи дисциплины «Математика на русском языке», реализуемой в рамках подготовительного факультета,

научить иностранных учащихся:

- читать и понимать символические записи математических предложений на русском языке;
- понимать звучащий и письменный текст по математике;
- выделять необходимую информацию из прочитанного и услышанного, кратко записывать ее;
- участвовать в диалогах (преподаватель – студент) и строить небольшие монологические высказывания по изучаемой теме;
- описывать математические обозначения, изменения, вычисления;

сформировать у обучаемых:

- во-первых, уровень владения математической лексикой на русском языке, позволяющий им осуществлять коммуникацию с преподавателем на занятиях,
- во-вторых, способность в дальнейшем обучаться на основных факультетах российских университетов вместе с носителями языка.

Курс математики на русском языке состоит из 15 уроков, материал которых включает основную математическую лексику и синтаксические конструкции *Вводного курса по математике*:

- Урок 1. «Цифры и натуральные числа»;
- Урок 2. «Натуральные числа (продолжение)»;
- Уроки 3 – 4. «Арифметические действия»;
- Урок 5. «Порядок действий»;
- Уроки 6 – 7. «Количественные и порядковые числительные. Обыкновенные дроби»;
- Урок 8. «Десятичные дроби»;
- Урок 9. «Сравнение положительных чисел»;
- Урок 10. «Делимость чисел»;
- Урок 11. «Возведение в степень. Извлечение корня»;
- Урок 12. «Множество натуральных чисел»;
- Урок 13. «Целые и рациональные числа»;

– Урок 14. «Иррациональные и действительные числа. Числовые множества»;

– Урок 15. «Числовая прямая. Сравнение действительных чисел».

Вся изучаемая на уроках математическая лексика активно используется иностранными слушателями не только на этапе предвузовской подготовки, но и в процессе изучения высшей математики на основных факультетах российских университетов.

Лексико-грамматический материал вводится через речевые образцы.

Особое внимание на уроках математики на русском языке уделяется чтению и аудированию как базовым видам речевой деятельности при овладении языком специальности.

Курс «Математика на русском языке» рассчитан на 30 академических часов (1 ак. час = 40 мин.). Материал первого урока по математике вводится в конце первого комплексного занятия по русскому языку (1 КЗ = 30 ак. часов).

На подготовительном факультете обучаются слушатели трех уровней владения русским языком: элементарным, базовым и продвинутым (учащиеся из СНГ – Таджикистана и Узбекистана). Тем не менее, на лекциях по математике присутствуют смешанные группы, т.е. занятия слушателей элементарного уровня проходят совместно со слушателями базового уровня или продвинутого [1, с. 162].

Лекции по математике не посещают слушатели, поступающие после окончания подготовительного факультета в аспирантуру и магистратуру.

Занятия по математике организованы по принципу от семинарских занятий с преподавателем русского языка как иностранного к лекционным и практическим занятиям с преподавателем математики.

Следует особо подчеркнуть, что разработанный преподавателем математики комплекс заданий для оценки математической подготовки слушателей подготовительного факультета, позволяет оценить их знания вне зависимости от владения русским языком, тем не менее, предварительные занятия по математике на русском языке способствуют повышению

эффективности довузовского обучения математике иностранных учащихся экономического профиля на русском языке, а также развитию их математических компетенций.

В процессе обучения иностранных слушателей подготовительного факультета математике, безусловно, возникают трудности учебно-познавательного характера:

- языковой барьер;
- различия в системах образования и организации учебного процесса;
- различия в методике преподавания математики.

Именно для максимального снятия указанных трудностей предназначены дисциплины «Математика на русском языке» и «Математика».

Преподавателю математики отводится ведущая роль наравне с преподавателем русского языка на факультете довузовской подготовки в помощи студентам в период адаптации к новой социальной среде, так как математика с ее интернациональным языком как нельзя лучше подходит в качестве адаптирующего предмета на начальном этапе обучения иностранцев в России.

Язык математики способствует культурному обмену, учит логическому и абстрактному мышлению. Он универсален, и, поэтому, как нельзя лучше подходит для наднационального общения.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Роль подготовительного факультета для иностранных граждан в интеграции российских вузов в международное образовательное пространство // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. – М.– Пенза, 2017. – С.161–164.*

2. *Фетисова Е.В. Методика довузовского обучения математике иностранных студентов, обучающихся на русском языке (медико-биологический профиль): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 2013. – 24 с.*

**РОССИЙСКИЕ ЦЕНТРЫ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ:
НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОЕКТЫ**

*Л.Н.Алешина, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**THE RUSSIAN CENTERS OF SCIENCE AND CULTURE IN BULGARIA:
ACTIVITY AND PROJECTS**

*L.N.Aleshina, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье проводится анализ направлений деятельности и проектов российских центров науки и культуры в Болгарии.

Ключевые слова: центр науки, культурный центр, международное сотрудничество.

Abstract. In article the analysis of activities and projects of the Russian centers of science and culture in Bulgaria is carried out.

Keywords: center of science, cultural center, international cooperation.

E-mail: laura_70@bk.ru

Русский язык, занимающий шестое место в мире (после английского, китайского, хинди, испанского и арабского) по количеству говорящих на нем, является одним из важнейших факторов продвижения русской культуры в межкультурном пространстве. В Болгарии на русском языке говорят 2 миллиона человек. Основной процент говорящих на русском в Болгарии составляют люди старшего поколения, получившие образование на русском языке во времена СССР.

Русский язык и языки славянских народов, созданные благодаря подвижническому подвигу равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, корнями своими связаны с многострадальной болгарской землей – главной

хранительницей славянских культурных традиций, не утратившей свое культурное наследие во времена чужеродной экспансии.

Политическая ситуация, сложившаяся вокруг России сегодня, вызвала новую волну интереса к русскому языку и русской культуре, как во всем мире, так и в Болгарии, в частности. Молодые болгары начинают изучение русского языка еще в школе, преследуя вполне практические цели: получить образование в России, затем найти престижную работу или в самой России, или в российской компании, ведущей свою деятельность в Болгарии или в других европейских странах. Сегодня русский язык для болгар – это не только деловое партнерство с российскими бизнесменами, но и укрепление культурно-духовных связей с русским миром.

1. Укрепление позиций русского языка:

– *курсы русского языка* (проводятся с учетом различных целевых аудиторий, социальной и профессиональной направленности, например: «русский язык для госслужащих», «русский язык для сотрудников банков», «русский язык для турфирм», «русский язык для детей соотечественников», «русский язык для детей – билингвов»);

– *международные сертификаты по русскому языку*, позволяющие продолжить образование в России и трудоустроиться в российской компании, ведущей деятельность в России или за ее пределами;

– *культурно-просветительские, научно-методические и образовательные мероприятия*, способствующие популяризации русского языка, стимулирующие интерес граждан Болгарии к его изучению, повышающие уровень преподавания русского языка как иностранного в болгарских школах и университетах.

2. Образование и наука.

Продвижение российского образования за рубежом является сегодня одной из приоритетных государственных задач. 27 марта 2014 года на базе представительства Россотрудничества была утверждена «Концепция продвижения российского образования», нацеленная на формирование

эффективных мер по популяризации российского образования в Болгарии и других странах. В «Концепции...» так же обозначены механизмы информационно-координационного сопровождения международного сотрудничества российских и зарубежных вузов.

В «Концепции продвижения российского образования», утвержденной 4 ноября 2015 года, большое внимание уделено поддержке русских школ в Болгарии и других странах.

3. Культурная и языковая поддержка соотечественников.

Российские культурные центры в Болгарии являются площадкой, где россияне, выбравшие для себя местом постоянного проживания Болгарию, и их дети могут ощутить и сохранить свою национальную идентичность, обрести чувство сопричастности со своей исторической родиной.

Основная миссия российских культурных центров заключается в укреплении связей с соотечественниками, проживающими в Болгарии, а так же в оказании содействия добровольному переселению на историческую родину, в Россию. Для этого разработана специальная программа.

4. Продвижение русской культуры.

Популяризация российской культуры, восстановление российско-болгарских культурных связей, расширение контактов между творческой молодежью и деятелями культуры являются ключевыми направлениями деятельности российских культурных центров в Болгарии. На площадках центров регулярно проводятся различные выставки, фестивали искусств, тематические вечера, конкурсы, спектакли, творческие встречи (с артистами, писателями, поэтами, художниками), кинопоказы, презентации книг и другие культурные мероприятия.

5. Развитие международных связей.

Российские центры культуры и науки в Болгарии тесно взаимодействуют между собой, реализуя ряд важных задач этого направления деятельности:

– *поддержание и развитие международных контактов в научно-технической и экономической областях;*

- развитие отношений в сфере образования;
- создание условий для внеэкономического сотрудничества субъектов и муниципальных образований РФ;
- содействие в развитии научных, экономических, профессиональных и культурных связей российских регионов с их зарубежными партнерами.

6. Сохранение исторической памяти.

В современной Болгарии с благодарностью хранят в памяти:

- роль России в борьбе болгарского народа на независимость от османского владычества в 1878 году;
- последующие годы независимости страны;
- роль России в освобождении Болгарии от фашизма;
- общий социалистический период.

Русский язык способствует сохранению этой культурно-исторической общности.

7. *Общественная (народная) дипломатия* – это совместная деятельность всех организаций, как государственных, так и негосударственных, способствующая расширению международных связей Российской Федерации, продвижению конкретных внешнеполитических интересов государства. Народная дипломатия так же играет важную роль в укреплении симпатий к нашей стране.

В Болгарии открыто несколько российских центров науки и культуры:

1. Российский культурно-информационный центр в Софии (РКИЦ) (центр является зарубежным Представительством Россотрудничества – Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству).

Работа этого центра направлена на развитие партнерских отношений в сфере культурно-языковых, образовательных, информационных, научно-технических, деловых и православных связей России и Болгарии. Основными проектами этого центра являются:

- «АРТ – Сцена»;
- «Киноклуб»;
- «Мобильная библиотека»;
- «РКИЦ – детям».

2. Три центра, открытые фондом «Русский мир»:

- Русский центр в Софии;
- Русский центр в Варне;
- Русский центр в Пловдиве.

Каждый центр выполняет свою миссию и имеет определенную специфическую направленность, он служит образовательной и общественной площадкой, местом неформальных встреч бывших соотечественников и проведения детских праздников, а так же праздников для взрослых. При этом у центров, открытых фондом «Русский мир» есть главные задачи, реализуемые в проектах:

- 1) «Курсы русского языка»;
- 2) «Курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка как иностранного».

Работа российских центров науки и культуры в Болгарии направлена на установление сотрудничества различных общественных организаций, развитие связей между болгарскими и российскими городами (так называемыми, городами-побратимами), расширение российского участия не только в общеевропейских программах, но и в программах балканского и черноморского регионов. В центрах регулярно проводятся международные научно-практические конференции, общественно-политические семинары, театральные постановки, фестивали русского фольклора, концертные программы с участием российских артистов, презентации книг, конкурсы детских рисунков, русские поэтические вечера, презентации книг, олимпиады по русскому языку.

**КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ УЧЕБНИКА КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА
ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

*Е.В. Бринюк, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**A CREOLIZED TEXT OF THE TEXTBOOK AS A MEANS OF FORMATION
OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE AT THE LESSONS OF RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE**

*E. V. Brinyuk, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования социолингвистической компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному. Приведена классификация дидактического материала учебного издания по РКИ. Сделаны основные выводы о роли креолизованного текста в процессе формирования социолингвистической компетенции.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, социолингвистическая компетенция, креолизованный текст, вербальные и невербальные элементы креолизации.

Abstract. This article examines the formation of sociolinguistic competence at the lessons of Russian as a foreign language. Classification of the didactic material textbooks on Russian as a foreign language. Made key findings about the role of creolized text in the formation of sociolinguistic competence

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, sociolinguistic competence, creolized text, verbal and non-verbal elements of creolization.

E-mail: evbrin@inbox.ru

В методике преподавания любого иностранного языка отводится особое место изучению культуры, традиций и быта народа-носителя. Незнание данных

особенностей приводит к ошибкам в процессе общения, а также препятствует полноценному вовлечению обучающихся в межкультурную коммуникацию.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «любой язык воспринимается как феномен культуры народа, говорящего на нем. Поэтому обучение иностранному языку на современном этапе все чаще строится по принципу знакомства учащихся с языком через культуру народа» [6, с. 113].

В настоящее время на первый план выходит цель обучения языку как реальному средству общения. Для успешного достижения данной цели необходимо изучать иностранный язык, в том числе и русский как иностранный, в единстве с культурой народа, говорящего на нём. Следовательно, на занятиях по РКИ нужно уделять внимание формированию социолингвистической компетенции.

Следует помнить, что процесс общения имеет не только вербальную составляющую. «Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого» [6, с. 26].

Социолингвистическая компетенция предполагает наличие знаний и умений, необходимых для общения на иностранном языке в «социальном контексте». Л.С. Крючкова к данной компетенции относит знания «о маркерах социальных отношений (статус и отношения общающихся, например), нормах вежливости, регистрах общения, диалектах, акцентах, выражениях народной мудрости» [4, с. 44–45].

Основным средством обучения на данном этапе по-прежнему остаётся учебник, дидактический материал которого должен отвечать методическим требованиям, а также способствовать формированию лингвистической, социолингвистической, социокультурной, социальной, стратегической, дискурсивной и предметной компетенции в рамках взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности. Дидактический материал современных учебников и учебных пособий по РКИ в большинстве своём представлен

компонентами креолизованного текста. «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с.180].

В статье мы обращаемся к комплексу Е.В. Антоновой и др. «Дорога в Россию» (базовый уровень). Дидактический материал учебника, по нашему мнению, можно классифицировать в зависимости от реализации в нём социолингвистического компонента. Приведём основные способы включения данного компонента в пространство учебного издания.

Итак, формированию социолингвистической компетенции способствует введение:

1. Страноведческих текстов, которые знакомят обучающихся с Россией, с известными деятелями культуры, искусства и спорта (тексты «Город на Волге», «Улица Чистые пруды», «Анна Ахматова»), а также текстов, отражающих реальные ситуации общения носителей языка («Завтрак», «Первый день в Москве»), сопровождаемых иллюстрациями. Такое сочетание вербальных и невербальных элементов креолизованного текста способствует привлечению внимания иностранцев, формированию представлений о менталитете и особенностях речевого общения русских;

2. Устойчивых выражений, строчек из песен, а также отрывков стихотворений в комплексе с иконическими компонентами для иллюстрирования нового грамматического материала. Например, *у природы нет плохой погоды* (при изучении родительного падежа имён существительных), *я так хочу, чтобы лето не кончалось* (при изучении сложного предложения со значением «желания»);

3. Заданий, направленных на конструирование собственного высказывания по прочитанному тексту, составление рассказа по иллюстрациям;

4. Пословиц, поговорок, фразеологизмов, что помогает расширению словарного состава обучающихся, повышению мотивации к изучению иностранного языка. В учебном комплексе Е.В. Антоновой и др. «Дорога в

Россию» данные языковые единицы не обособлены, а связаны с грамматическим материалом и коммуникативными ситуациями. Например, *не родись красивой, а родись счастливой* (при изучении творительного падежа со значением «характеристики человека»), *что написано пером, не вырубишь топором* (при изучении творительного падежа со значением «инструмента»).

Таким образом, вербальные и иконические компоненты креолизации в рамках учебного издания являются средством формирования социолингвистической компетенции. Кроме того, они влияют на процесс социализации иностранцев в новой для них языковой среде. Введение социолингвистического компонента, представленного вербальными и невербальными элементами креолизованного текста, в учебники и учебные пособия по РКИ способствует включению обучающихся в социальную среду носителей изучаемого языка, отражает русскую картину мира, а также обеспечивает эффективность обучения.

Список литературы

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. *Дорога в Россию: Учебник русского языка (базовый уровень)*. – СПб.: Златоуст, 2007. – 256 с.
2. Букаева Е.В., Кузьмина Т.В. *Формирование социолингвистической компетенции иностранцев на занятиях по РКИ // Карповские научные чтения: Сб. науч. статей / Отв. редактор А.И. Головня*. – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – Вып. 8: В 2 ч. – Ч. 1. – С. 150–152.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции / Под ред. Ю.С. Степанова*. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
4. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие*. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 280 с.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. *Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия*. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.

6. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. – М: Слово, 2008. – 624 с.

УДК 811.161.1

**ТРЕБОВАНИЯ К КОНТЕНТУ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ**

*Е.В. Бринюк, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**REQUIREMENTS TO THE CONTENT OF A TEXTBOOK ON RUSSIAN AS
A FOREIGN LANGUAGE FROM THE POINT OF VIEW OF METHODS OF
TEACHING**

*E. V. Brinyuk, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается роль методики преподавания РКИ в современном мире. Проанализированы основополагающие принципы данной дисциплины. Изложены требования, выдвигаемые к учебному изданию по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, принципы, межкультурная коммуникация, дидактический материал.

Abstract. The article discusses the role of methods of teaching Russian as a foreign language in the modern world. Analyzed the fundamental principles of the discipline. Sets out the requirements for academic publication on Russian as a foreign language.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, principles, intercultural communication, didactic material.

E-mail: evbrin@inbox.ru

В настоящее время свободное владение хотя бы одним иностранным языком становится обычным в современном обществе. Это является показателем образованности и широкого кругозора человека. С развитием международных отношений (в экономике, культуре, торговле) изучение иностранных языков приобретает всё большую популярность. Как справедливо отмечала Л.С. Крючкова, «в связи с развитием мировых интеграционных процессов концепция многоязычия становится все более важной и актуальной, а стремление жителей планеты овладеть одним или несколькими иностранными языками, чтобы использовать их для общения и взаимного понимания, проявляется все активней» [4, с. 11].

Кроме того, приобретает актуальность экспорт в сфере образовательных услуг. По мнению Л.Ф. Гербика и С.И. Лебединского, «участие в международном рынке образовательных услуг – это объективная необходимость для успешной конкуренции в борьбе за качество подготовки выпускаемых специалистов» [2, с. 11]. Обучение иностранных граждан имеет положительное значение для страны, высших учебных заведений и выражается:

- 1) в распространении своего языка и своей культуры в мире;
- 2) в подтверждении качества своего образования;
- 3) в повышении международного имиджа;
- 4) в подготовке благодатной почвы для решения в будущем отдельных экономических и политических вопросов;
- 5) в привлечении талантов для развития науки в своём государстве [2, с. 11].

Необходимым условием для обучения в другой стране становится знание её языка на высоком уровне. Это ещё раз подтверждает актуальность и большую значимость методики преподавания любого иностранного языка и русского языка как иностранного.

Следовательно, в настоящее время на первый план выходит проблема популяризации русского языка и русской культуры. Ключевую роль в решении данной проблемы играет методика преподавания РКИ, которая имеет свои

особенности по сравнению с методикой преподавания русского языка как родного. Знание данных особенностей необходимо для эффективного процесса обучения.

Методика преподавания РКИ требует понимание языковых элементов с точки зрения их восприятия иностранцами. В связи с этим необходимо отнестись с большой ответственностью к отбору материала. Так, понятные русскому человеку с рождения факты, предполагают толкование иностранным обучающимся [3, с. 5]. Процесс становления языковой личности в рамках родной культуры и родного языка связан с автоматическим восприятием некоторых норм на фонетическом, лексическом, интонационном и стилистическом уровне. Данные нормы являются очевидными для носителей и неосознанно усваиваются. Иностранец же должен принимать эти нормы как правила, особенно если он лишён возможности обучения в языковой среде. Одни правила совпадают с его родным языком, а другие коренным образом отличаются. Полученные знания накладываются на сложившиеся представления о родном языке. С этим связано явление интерференции, которое выражается в «отклонении от нормы и системы изучаемого языка под влиянием родного» [1, с. 14]. Следовательно, начиная с вводно-фонетического курса, необходимо уделять особое внимание способам преодоления данного эффекта.

Овладение иностранным языком не должно сводить только к изучению его отдельных аспектов. Для того чтобы полноценно включиться в процесс межкультурной коммуникации обучающимся необходимо иметь знания по всем составляющим языка, а также быть знакомым с культурой и традициями русского народа.

Основная цель методики преподавания РКИ – не описать язык, а научить пользоваться им в коммуникации. С одной точки зрения, «учащиеся должны совершить сложное действие, которое на самом деле состоит из нескольких операций: мобилизовать лексику, поставить слова в нужной форме и потом включить их в изученные схемы предложений, соблюсти правила фонетики и

осуществить высказывание» [5]. Кроме того, данные операции осуществляться одновременно. С другой точки зрения, любая речевая деятельность – это многоаспектный процесс. Вот почему на занятиях по РКИ необходимо уделять внимание взаимосвязанному обучению и формированию коммуникативной компетенции обучающихся.

Кроме того, следует помнить об общеобразовательных и воспитательных целях РКИ. И.П. Лысаков выделил среди них следующие: создание положительного отношения к России, формирование страноведческих знаний, ценностей, взглядов и норм поведения, повышение мотивации к процессу изучения русского языка.

Основным средством обучения на данном этапе является учебник, посредством которого студенты-иностранцы знакомятся с языком, культурой и традициями его носителей. Л.С. Крючкова и Н.В. Мощинская в книге «Практическая методика обучения русскому языку как иностранному» сформулировали основополагающие принципы методики преподавания РКИ [1, с. 26 – 36]. Дидактический материал любого учебного издания должен реализовывать данные принципы обучения:

1. **Принцип сознательности** – обучающие должны не заучивать учебный материал, а осознано воспринимать его.

2. **Коммуникативная направленность процесса обучения** связана с применением полученных знаний в практической деятельности (в условиях реальной коммуникации).

3. **Ситуативно-тематическое предъявление материала** – «чтобы научить учащихся владеть языком практически, необходимо использовать такие приемы тренировки, которые были бы приближены к условиям реальной языковой среды» [1, с. 29].

4. **Функциональный подход** в изложении материала – «все факты языка должны рассматриваться с точки зрения их необходимости для выражения мысли» [1, с. 30].

5. **Принцип системности** в изучении материала – взаимосвязь элементов всех языковых уровней.

6. **Расположение материала по центрам.**

7. **Учёт родного языка обучающихся.**

8. **Учёт индивидуальных особенностей обучающихся.**

9. **Учёт условий и этапов обучения** – при отборе материала руководствоваться уровнем владения иностранцами языком (начальный, базовый, продвинутый), средой (языковая/неязыковая), а также профилем обучения.

10. **Изучение нового материала на синтаксической основе** – введение лексики и грамматики происходит посредством речевых образцов, которые также можно использовать и на уроках закрепления.

11. **Достижение в процессе обучения общеобразовательных, воспитательных и развивающих целей.** С одной стороны, выработать у студентов навыки самостоятельного получения знаний, а с другой, познакомить с культурой, традициями и обычаями страны.

Таким образом, для создания эффективного процесса обучения учебники по РКИ должны реализовывать данные принципы, вызывать интерес к изучению русского языка и русской культуры, а также способствовать вовлечению иностранцев в межкультурную коммуникацию.

Список литературы

1. *Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 280 с.*

2. *Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие. – Минск: БГЭУ, 2011. – 309 с.*

3. *Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. С.Г.Бархударова. – М.: Изд-во Московского университета, 1967. – 308 с.*

4. *Мильчин А.Э. Методика редактирования текста: Учебник. – Изд.3-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2005. – 524 с.*

5. Хоанг Тхи Тху. Содержание и структура учебника русского языка для вьетнамских студентов-филологов: Дисс. ... канд. пед. наук // <http://do.gendocs.ru/docs/index-70540.html?page=3/> (дата обращения – 15 мая 2016 г.).

УДК 811.161/1

**ТЕКСТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ПРОЦЕСС ЯЗЫКОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
БУДУЩИХ АГРОНОМОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

*Г.И. Гетманская, Военный институт Министерства обороны имени
генерал-лейтенанта А.И. Лебеда, г. Тирасполь, Молдова*

*Л.Ф. Родионова, Приднестровский государственный университет им.
Т.Г.Шевченко, г. Тирасполь, Молдова*

**THE TEXT OF THE PROFESSIONAL ORIENTATION IN TEACHING THE
RUSSIAN LANGUAGE AND THE PROCESS OF LINGUISTIC
SOCIALIZATION OF FUTURE AGRONOMISTS (FROM WORK
EXPERIENCE)**

*G.I. Getmanskaya, Military Institute of Hu Ministru of defense bu A. I. Lebedia,
Tiraspol, Moldova*

*L.F. Rodionova, Transnistrian State University by T.G. Shevchenko,
Tiraspol, Moldova*

Аннотация. Эффективным средством повышения коммуникативной культуры студентов является использование в качестве дидактического материала текстов профессиональной направленности, которые могут заинтересовать студентов и дополнительно активизировать их мыслительную и речевую деятельность.

Ключевые слова: текст, лингводидактика, агрономия, селекция, гибрид, генетика, синтез.

Annotation. Effective means of improving the communicative culture of students is the use of didactic material of professional orientation of texts that may interest students and to further strengthen their mental and verbal activity.

Keywords: text, linquo-didactics, agronomy, selection, hybrid, genetics, synthesis.

E-mail: liliar@bk.ru

Сегодня образование – «это намного больше, чем образование, это будущее, битва за которое уже началась и проигрыш в которой означает выпадение из Истории» [6].

В постсоветский период отечественной истории произошла значительная деформация традиционного культурного кода народа, что нашло отражение в достаточно сложной динамике перемен духовной жизни молодёжи. Социальное самочувствие современной молодёжи – убедительный показатель системного кризиса государственного образования. Поведение нынешней молодёжи, её основополагающие ценности являются результатом кризисного состояния современного общества.

Высшая школа – важный этап не только в образовании, но и в судьбе каждого молодого человека. Его будущая жизнь и карьера зависят от того, какие знания он приобретёт, какие умения разовьёт. А для того, чтобы выпускник вуза смог найти своё место в обществе, реализоваться в своей профессии и в личной жизни, ему необходимо обладать многими качествами, важнейшим из которых является умение говорить. Вот почему вопросу формирования коммуникативной компетенции следует уделять особое внимание на занятиях по русскому языку в вузе.

Необходимым условием взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности на занятиях со студентами-нефилологами является общий языковой материал. Это такой специально отобранный лексико-грамматический материал, который, будучи включённым в один вид речевой деятельности, с определённой частотой и в иных формах встречается в других видах речевой деятельности. Чтобы быть общим, языковой материал должен: 1) быть представлен в программе обучения; 2) быть базой для развития

продуктивных и рецептивных видов речевой деятельности; 3) быть основой для развития устной и письменной форм общения; 4) отвечать определённым лингвометодическим критериям отбора; 5) быть регламентированным и специально организованным преподавателем.

Наш многолетний практический опыт показывает, что эффективным средством повышения коммуникативной компетенции студентов является использование в качестве дидактического материала текстов профессиональной направленности, которые могут заинтересовать студентов и дополнительно активизировать их мыслительную и речевую деятельность. Подобные тексты мы используем при проведении практических занятий.

Полный анализ текста в практике обучения проводится по следующей схеме: Текст (лат. *textum* – ткань, связь, соединение) – это несколько предложений или абзацев, связанных в целое темой и основной мыслью.

Он может состоять из одного абзаца, а может быть статьей, книгой.

Признаки текста:

1. Наличие не менее двух предложений, в которых отражено развитие мысли (мыслей);
2. Наличие общей темы. Можно задать вопрос: о чём (о ком) говорится в тексте?
3. Наличие основной мысли (вывода, жизненного урока). Можно задать вопрос: что хотел сказать автор текста? Чему учит текст?
4. Наличие ключевых (опорных) слов.
5. Возможность озаглавить текст.
6. Наличие лексической, грамматической и смысловой связи между предложениями, абзацами текста [2].

Поскольку обучение русскому языку студентов национальных групп имеет практическую коммуникативную направленность, следует учитывать специальность обучающегося наряду с национальной принадлежностью. Среди многочисленных проблем лингводидактики и методики преподавания русского языка в национальной аудитории эти факторы особенно важны при выработке

навыков профессионально ориентированной речи на уровне литературных норм. Выработка навыков профессиональной речи оказывается невозможной, если не учитывать значительные различия в грамматических системах русского и родного языков, межъязыковую интерференцию.

Профиль факультета (профессиональная ориентация обучения), преодоление интерферентного влияния родного языка (молдавского, украинского, болгарского, гагаузского и других языков многонационального Приднестровья, а студенческая аудитория порой представлена 10-11-ю национальностями) определяют содержание учебного языкового материала (тексты, терминологическая лексика, грамматические структуры) и его организацию в словосочетания, предложения.

Коммуникативное содержание обучения профессиональному общению студентов аграрно-технологического факультета реализуется под углом приобщения их к информации по специальности в целом. Оно направлено на овладение умениями, языковыми средствами, достаточными для обсуждения общенаучной тематики и базируется на данном этапе обучения языку на текстах по специальности. Таким образом формируются навыки репродуктивной (воспроизводящей) устной (и письменной) речи на сельскохозяйственные темы. Одной из её разновидностей является воспроизведение смыслового и отчасти языкового содержания прочитанного текста, связанного с будущей специальностью. Воссоздание прочитанных и прослушанных текстов ведёт, по мнению учёных, «к развитию оперативной памяти, к прочному овладению изучаемым материалом и к свободному манипулированию иноязычной лексикой, структурами, что, в свою очередь, способствует формированию продуктивной речевой деятельности» [3].

Проблема текста – это проблема в первую очередь его понимания. Способность к пониманию различных текстов по специальности является главной составляющей грамотности современного студента, и именно эта способность в последние годы снизилась до критической точки. Только воссоздание в наглядных, конкретно-чувственных образах того, о чём студент читает и слышит,

способствует полноценному восприятию учебного материала. Именно воссоздающее воображение пронизывает весь учебный процесс, без него невозможно представить себе полноценное обучение.

Студенты – аграрии заинтересованно воспринимают содержание текстов профессиональной направленности, осознанно подходят к семантизации терминов и их усвоению.

Например, для занятий со студентами аграрно-технологического факультета мы берём такие тематически и родственно связанные по стилю тексты: «В земле наши корни», «Учусь природе», «Благоговение», «От зерна душа полна», «История ПНИИСХ», «Для рассады нет преграды», «Агроном», «Чудо-дыня», «Арбуз – ягода для исполинов», «Капуста: как её хранить», «Человечество и мёд» и мн. др. Тексты снабжены пред- и послетекстовыми заданиями.

Религия и философия в отношении к педагогике занимают особую позицию в гуманитарном знании. «Не обращать внимания на религиозный компонент нашего бытия не просто ошибочно, но и методологически неверно, более того, и невежественно... Православное христианство предлагает нам целостный взгляд на человека, культурно-образовательную среду и особенности её организации, специфику взаимодействия в схемах типа «Мир и человек», «Бог – человек», «человек – человек», «человек – окружающая среда» и т.д. [1].

На примере одного из текстов, используемых в нашей практике преподавания, попытаемся показать ряд компонентов системы обучения профессиональной речи будущих агрономов.

Тема занятия: *Религия пашни*

I. Предтекстовые задания.

1. Используя Словарь иностранных слов, объясните значение слов *генетика, миф, агрономия, эволюция, селекция, гетерозис, ион, мутация, синтез, стимуляция, гибрид*.

✓ Составьте словосочетания с этими словами, используя разные способы синтаксической связи; запишите их.

2. Разберите по составу слова: *растениеводство, земледелие, вспашка, оплодотворяющего, использования*. Подберите к ним однокоренные слова.

II. Притекстовые задания.

1. Прочитайте текст, соблюдая правильную и выразительную интонацию.

2. Определите тему, основную мысль, укажите микротемы, найдите ключевые слова.

Генетическое единство всех живых существ Вселенной нашло своё мифологическое выражение в выделении общей Родительницы – Богини-Матери (Богини Геи, Матери-Земли), которая в античной Греции отождествлялась с землёй и женским созидательным началом в природе.

Как видно, оживотворение природы распространялось и на землю, которая издавна представлялась человеку как живой организм со всеми его физиологическими функциями - дыханием, питанием, ростом, развитием и т.д.

Перед началом полевых работ грек, смотря на небо и обращаясь к Зевсу, говорил: *«Проливай дождём»*, а затем просил землю: *«Будь беременна»*. Поглаживание путем лёгкого боронования готовило почву к накоплению влаги и оплодотворению.

Грек был убеждён, что, охваченная стремлением к любовному сочетанию, земля, вся жаркая и влажная, полная плодородных соков молодого (или отдохнувшего) организма, ждала оплодотворяющего начала плуга, проводившего брачные борозды. Эротическая значимость вспашки нашла отражение в отождествлении плуга с мужским половым органом. Основываясь на эротической значимости попадания семян в брачные борозды, к посеву приступали ночью при полной Луне. В эту же ночь на свежевспаханном поле происходило культовое сочетание жреца, производившего вспашку, с жрицей.

Веря в защитные (целебные) свойства земли для проростков и всего живого (как утробы матери для плода), греки нередко клали родившегося ребёнка на некоторое время в борозду вспаханного поля. В жизни земли (как и в жизни женщины) существуют времена в году (и в течение всей жизни), когда она находится в том положении, которое французские земледельцы охарактеризовали как состояние любви. Необходимость обновления, отдыха земли (свободного от беременности) для восстановления сил живого организма и воспроизведения полноценного потомства привела ещё в древности к использованию пара и переложной системы земледелия, когда после нескольких лет сельскохозяйственного использования земля «гуляла» и накапливала силы.

Успешное ведение сельскохозяйственного производства древний земледелец связывал не только с землей. Ведь мать-земля немыслима без отца: *«Земля - Божья постель»*, *«На земле свят Дух живёт»*, *«Не земля родит, а небо и труд»*, *«Сей, посевай, да на небо взирай»*, *«После посева надо помогать Господу Богу хороший хлеб делать»*, *«Бог не зародит – и земля не даст»*, *«Бог*

не родит – не возьмёшь ни семенем, ни племенем», – учит народная агрономия в пословицах и поговорках, обращая внимание на важнейшую созидательную роль космических ионизирующих излучений.

Природно-космические факторы растениеводства, согласно древнегреческой мифологии, находились в ведении Деметры – богини плодородия и земледелия (созревания хлеба, обработанных полей, брака и семьи), излучающей божественно-дивный свет и изображаемой обычно с факелом и колосьями в разных руках.

Существование нескольких богов, причастных к сельскохозяйственному производству, является свидетельством понимания древним человеком комплексного характера этого вида человеческой деятельности. Если богиня земли Гея связывалась с основными зримыми сельскохозяйственными орудиями и работами по вспашке земли, посеву семян и уборке урожая, то к Деметре люди обращались в связи с результативностью этих работ для того, чтобы удалась пахота, появились и сохранились дружные всходы, развились полноценные растения. Без хорошего настроения и благосклонности богини Деметры древний земледелец не рассчитывал на получение высокого урожая.

Вот почему проведение полевых работ связывалось не только с качеством орудий, семян, но и с настроением человека на работу, песней, вдохновенным добровольным трудом и молитвой. Сам труд считался молитвой, радостью и эволюционным восхождением, а энергия, порождаемая трудом, и выделяемый при этом пот – как могучее средство усиления родства всего живого: *«За труд и пот земля прирождает. Без молитвы запашка – одна промашка».*

Греческая мифология нацеливает нас на смену основной парадигмы земледелия и ориентирует внимание аграрной науки не только на питательные вещества почвы, но и на ионизирующие излучения космоса. *«Только космос, – отмечал К.Э.Циолковский, – даст нам горы хлеба, могущество и новую философию».* Обращая внимание на космическую роль растений, К.А.Тимирязев отмечал: *«Земледелие эксплуатирует не одну только почву... но прежде всего и главным образом воздух... Истинный кормилец крестьянина не земля, а растение, и все искусство земледелия состоит в том, чтобы освободить растение и, следовательно, земледельца от власти земли».* А это значит, что важнейшей задачей агрономической науки является развитие биологических возможностей самих растений по максимальному использованию неисчерпаемой энергии космических ионизирующих излучений.

Растениеводство и селекция будущего обратят свои взоры на возможности протекания в живых организмах холодных термоядерных реакций с участием протонов клетки и излучений космоса.

(По И. Мовчан.)

III. Послетекстовые задания.

1. Укажите тип речи и стиль текста, докажите свой выбор. Разделите текст на смысловые части, составьте план.

2. Выпишите из 3-х последних абзацев текста латинские заимствования на – ция. Составьте с ними предложения (устно).

3. Выпишите из текста пословицы и поговорки о Земле, о ведении сельского хозяйства, объясните значение. Переведите их на родной язык.

• **Поразмышляем над прочитанным.**

1. С чем отождествлялась земля для древних людей?
2. Как вёл себя древний грек перед началом полевых работ?
3. Как вы думаете, почему наши предки приступали к посеву ночью и при полной Луне?

4. Для чего греки в древности клали новорождённого в борозду вспаханного поля?

5. Как древние греки объясняли использование пара и переложной системы земледелия? Расскажите, что вам известно об этой системе.

6. С чем, по-вашему, связывал древний земледелец успешное ведение сельского хозяйства?

7. Расскажите о том, как современные земледельцы проводят весной полевые работы.

8. Как современная наука объясняет народную агрономию в пословицах и поговорках? Вспомните, какие пословицы и поговорки о земле и о работе на ней вы знаете, приведите примеры.

9. Какова, на ваш взгляд, важнейшая задача агронауки сегодня?

10. На что обратят своё внимание растениеводство и селекция будущего?

• **Продолжите предложения:**

а) В античной Греции...; б) Издавна земля представлялась человеку...;
в) Веря в защитные свойства земли...; г) Успешное ведение сельскохозяйственного производства...; д) Природно-космические факторы растениеводства...; е) Греческая мифология нацеливает нас...;
ж) Растениеводство и селекция будущего...

• **Самостоятельная работа студентов.**

1. Вставьте пропущенные буквы, раскройте скобки. Объясните

дефисное написание слов в тексте.

Опыты, проведённые на Гамма-поле МОВИР (московского отделения Всероссийского института растениеводства), показали, что хроническое облучение растений может вести к эффектам (аналогичным гетерозису) повышения продуктивности. Такие радиостимуляционные (не) мутационные изменения (не) редко оказываются наследственными и имеют массовый характер. Однако эти уникальные эксперименты в рамках зарождающейся вольной генетики прекращены.

В условиях (не) осознания агрономической значимости космических ионизирующих излучений основная стратегия развития (агро) промышленного производства и основные финансовые затраты (по)прежнему связаны с потребительским холодно-расчётливом отношении к почве как основному источнику органического вещества при выращивании растений, а так (же) с разработкой (химико) техногенных (загрязняющих среду) технологий. Ориентация главным образом на почву, безудержное удаление из почвы того, что само собой в неё (не) возвращается, было уже (по мнению Ю.Либиха) одной из причин нарушения биологического круговорота и гибели древних цивилизаций.

Вот почему синтез идей земледельческой религии, народной агрономии и сельскохозяйственной науки, отражающих различные исторические эпохи единой многомерной организации Вселенной, - (не) необходимое условие выживания самого человечества.

(Из журнала.)

2. Составьте предложения так, чтобы словосочетания *полевые работы, легкое боронование, вспаханное поле, космические излучения, древнегреческая мифология, сельскохозяйственные орудия, вдохновенный труд, агропромышленное производство, народная агрономия* употреблялись в Родительном падеже.

3. Укажите глаголы в трёх первых абзацах, определите их вид, время. Какую роль они играют в тексте?

- **Речевая ситуация.**

Вас пригласили на встречу с учащимися аграрного колледжа.

✓ Расскажите первокурсникам о том, как древние греки относились к земле.

✓ Как древние греки проводили весенний сев?

✓ Что показали опыты на Гамма – поле МОВИР?

- ✓ Каковы, на ваш взгляд, условия выживания человечества?

Вывод. Выполнение подобных заданий строится преимущественно на текстовом материале, что предполагает прежде всего осмысленное восприятие незнакомой терминологической и общеупотребительной лексики, а также восприятия текста в целом. Тексты обогащают знания студентов по агрономии, увеличивают активный словарный запас, готовят их к восприятию специальных дисциплин. Пред- и послетекстовые задания варьируются, позволяя усваивать языковой материал и строить связные высказывания. Использование текстов профессиональной направленности на занятии приобщает студента к определённой социально-культурной группе, своей нации, эпохе, высокой речевой культуре.

Именно сегодня, когда «явственно обозначились последние пределы рационального сознания, а вместе с ними и пределы научно-технического развития (поставленного теперь на службу потребительства и комфорта), когда все предрассудки и суеверия Средневековья меркнут перед главным предрассудком современности: верой в прогресс, – именно сегодня мы ощущаем (пускай ещё неосознанно) глубокую потребность в древней культуре, позволяющей нам прикоснуться к своим живительным истокам. Попытавшись посмотреть вокруг себя глазами нашего далёкого предка, мы вдруг начинаем видеть, как беден и уныл окружающий нас техномир, созданный человеческими руками, и как чреват он стремительным вырождением» [4].

Высшая школа должна «стать истинной кузницей квалифицированных профессиональных кадров и первой ступенью к формированию научной элиты страны» [5].

Список литературы

1. Белозерцев Е.П. Современная ситуация в России: образовательный детектив продолжается // Евразийский форум. – 2012. – №1 (4). – С. 117–132.
2. Гетманская Г.И., Гарбуз Л.И., Лесникова Р.И., Родионова Л.Ф. Работа с текстом в процессе формирования речевых умений студентов-нефилологов // Текст. Произведение, Читатель: Материалы II Международной научно-

практической конференции (20 – 21 мая 2014 г.) / Казанский (Приволжский) федеральный университет, Гилянский государственный университет. – Прага, 2014. – С. 338–342.

3. Зимняя И.А. Внешняя и внутренняя наглядность в обучении говорению // *Аудиовизуальные и технические средства в обучении* / Под. ред. Г.Г.Городиловой и А.П.Мухина. – М.: Изд-во Московского университета, 1975. – С. 24–41.

4. Колодяжный И. «И внял я неба содроганье...» // *Наш современник*. – 2013. – №6. – С. 280.

5. Комков С.К. Образовательный коллапс, или детские игры взрослых идиотов // *Евразийский форум*. – 2012. – №1 (4). – С. 30–43.

6. Фурсов А.И. «Реформа» образования сквозь социальную и геополитическую призму // *Наш современник*. – 2012. – № 1. – С. 231–242.

УДК 372.881.161.1

К ВОПРОСУ О ВНЕАУДИТОРНОМ ЧТЕНИИ НА УРОКЕ РКИ

И.А. Зайцева, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

OUT-OF-CLASS READING ISSUES ON THE CLASS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

*I.A. Zaytseva, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье представлена модель урока по работе с текстом на основе фрагмента рассказа Юрия Яковлева «Сердце матери». Кратко рассмотрены теоретические положения, обосновывающие целесообразность внеаудиторного чтения при обучении русскому языку как иностранному. Статья адресована преподавателям русского языка как иностранного, а также всем, изучающим русский язык.

Ключевые слова: чтение, виды чтения, внеаудиторное чтение, виды речевой деятельности, русский как иностранный.

Abstract. The article presents a model lesson on working with text on the basis of the fragment of the story by Yuri Yakovlev «Mother's Heart» story fragment. The theoretical positions substantiating expediency of out-of-class reading at training to Russian as foreign are briefly considered. The article is addressed to teachers of Russian as a foreign language, as well as to all those who study Russian.

Keywords: reading, types of reading, extracurricular reading, types of speech activity, Russian as a foreign language.

E-mail: slunce@inbox.ru

Чтение – один из четырёх видов речевой деятельности, которым необходимо овладеть иностранцу, изучающему русский язык. Однако на уроках зачастую не хватает времени для тщательной работы над текстами. В таком случае необходимо организовывать внеаудиторное чтение, которое поможет компенсировать недостаток времени, отводящийся на чтение во время занятия. Кроме того, внеаудиторная работа над художественными произведениями необходима и для того, чтобы учащийся дополнительно работал над развитием навыков разного вида чтения. Тексты для внеаудиторного чтения могут быть как адаптированными, так и неадаптированными. Они подбираются преподавателем в зависимости от интересов учащихся, потребностей учебного процесса, а также некоторые тексты могут быть закреплены учебной программой. Внеаудиторное чтение помогает развивать у обучающихся навыки разных видов чтения, в том числе и изучающего.

Вашему вниманию предлагается методическая разработка по проведению урока внеаудиторного чтения. Текст русского писателя Юрия Яковлева может быть использован на подготовительном факультете во втором семестре, когда студенты осваивают уровень В1, то есть первый сертификационный. Данный фрагмент из рассказа Юрия Яковлева повествует о событиях Великой Отечественной войны, поэтому этот текст может быть прочитан и проанализирован на уроке, посвященном празднованию 9 мая в России.

В качестве домашнего задания студентам предлагается прочитать тексты, посмотреть незнакомые слова в словаре, выписать их в тетрадь. Дальнейшая работа проводится в аудитории под руководством преподавателя.

Прежде обращения к самому тексту учащимся сообщается краткая информация о писателе.

Юрий Яковлев – русский писатель. Через всю Великую Отечественную войну он прошёл солдатом. Воевал, писал стихи, очерки.

Далее учащиеся самостоятельно читают и переводят текст дома.

1. Прочитайте фрагменты из рассказа Ю. Яковлева «Сердце матери».

Значения незнакомых слов определите по словарю.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ (фрагмент)

Дети никогда не говорят матери, о своей любви к ней. Они даже не знают, как называется чувство, которое всё сильнее привязывает их к матери.

Но в любви ребёнка к матери есть свои золотые дни. Я пережил их в раннем возрасте, когда впервые понял, что самый необходимый человек на свете – мама. Я не отходил от неё ни на шаг. Боялся уснуть: вдруг она уйдёт. А когда просыпался, то первой моей мыслью было: где моя мама? Она чувствовала это. Она была счастлива.

Я никогда не называл свою мать матерью, мамой. У меня для неё было другое слово – мамочка. Даже когда я стал большим, я не смог изменить этому слову.

Последний раз я произнёс его на мокрой от дождя платформе, у солдатского вагона. Я не знал, что навсегда прощаюсь с матерью. Я забыл, что я мужчина, солдат, что вокруг люди... Когда поезд тронулся, я закричал:

– Мамочка! Мамочка...

В самые трудные минуты на фронте, когда казалось – всё кончится в следующее мгновение – из дома приходили письма.

У меня не сохранились мамины письма. Я перечитывал их десятки раз, но так и не смог запомнить наизусть. Но в памяти жива картина жизни родного дома, которая возникла из маминых писем.

Под Новый год мама подробно рассказывала в письме о ёлке, рассказывала, что в комнате тепло, что на ёлке горят огоньки.

Я лежал на снегу. Рядом падали осколки снарядов. Хорошо, что где-то около мамы тепло и спокойно. И мама в безопасном месте.

Потом оказалось, что всё это было легендой, которую сочинила для меня мама, когда умирала. Она жила в ледяном доме, где люди умирали от голода, от

ран. Она писала письма и умирала. Из ледяного блокадного города она посылала мне последние капли своего тепла.

... Я пришёл в себя. Я не почувствовал боли, но очень хотел пить. Всё, что было во мне живого, хотело пить. Я погибал от жажды.

И вдруг я подумал, что единственный человек, который может меня спасти, – мама. И я стал её звать.

Я знал, что она придёт. И она появилась. Дала мне воды. Я услышал родной голос:

– Сынок! Сынок...

Я не мог открыть глаза. Но я увидел мать. И я прошептал:

– Мама! Mamочka...

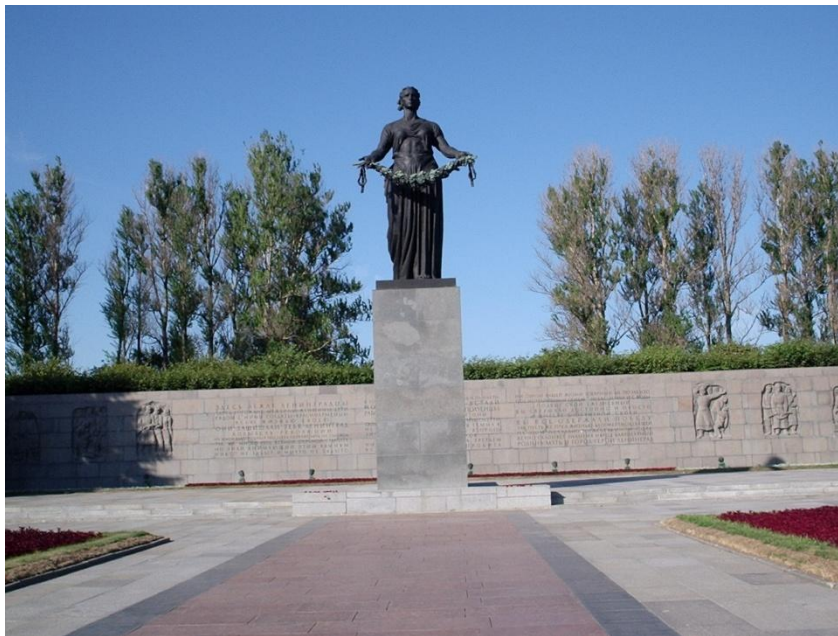
* * *

Моя мать погибла в блокадном Ленинграде. В незнакомом селе я принял чужую мать за свою. Видимо, у всех матерей есть великое сходство. Если одна мать не может прийти к раненому сыну, то около него появляется другая.

* * *

На Пискаревском кладбище в Ленинграде зеленеет трава. На Пискаревском кладбище большие могилы. Большие, общие, полные народного горя. Здесь похоронили мою мать.

Я смотрю на траву. Ищу сердце матери. Оно стало сердцем земли.

2. ПОДУМАЙТЕ!

1) – Почему мать в письмах сыну-солдату не писала правду о блокадном Ленинграде?

– Что давали солдату письма матери, воспоминания о ней?

2) – Вы согласны, что самый необходимый человек на свете мама?

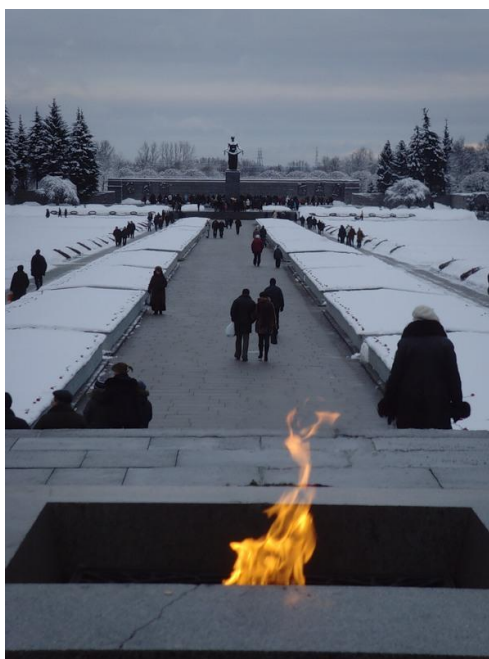
– Как вы думаете, почему дети редко говорят матерям о своей любви?

– Вы согласны, что у всех матерей есть великое сходство?

3. *Юрию Яковлеву принадлежат слова: «Любовь к Родине начинается с любви к матери. А человек начинается с его отношения к матери. И всё лучшее, что есть в человеке – от матери».*

Прокомментируйте слова писателя.

4. *Прочитайте текст о Пискарёвском мемориальном кладбище.*

Комментарии к тексту:

1. **почитать – почтить** – выразить уважение;

2. **близкие** – родственники;

3. **братская могила** – общая могила, в которой похоронены погибшие на войне;

4. **скорбная** – печальная.

ПИСКАРЁВСКОЕ МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти героических дней защиты Ленинграда во время Великой Отечественной войны посвящён мемориал, который построили на Пискарёвском кладбище. Над его созданием работали многие архитекторы, скульпторы, поэты и музыканты.

Пискаревский мемориал открыли 9 Мая 1960 года, в пятнадцатую годовщину победы. Каждый год в этот день сюда приезжают жители города, чтобы почтить память его защитников. Здесь похоронили 470 тысяч ленинградцев, которые умерли от голода и бомбёжек во время блокады.

В павильонах размещена экспозиция фотографий военного времени. Трудно сейчас представить, как выжили, выстояли, не потеряли веру в победу жители блокадного города. На одном из стендов – листки из записной книжки ленинградской школьницы Тани Савичевой – записки о смерти близких. На последнем из них написано: «...Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня...».

От Вечного огня открывается широкая перспектива. Над братскими могилами возвышается скорбная фигура Матери-Родины. В её руках гирлянда, которой она венчает героев, похороненных здесь. За статуей гранитная доска с эпитафией, которую написала поэтесса Ольга Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто». Траурная мелодия всегда звучит над печально-торжественным полем...

5. Расскажите о мемориале на Пискаревском кладбище.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С
АРХАИЧНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА УРОКЕ РКИ**

*И.А. Зайцева, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**FEATURES OF STUDY ON IDIOMS WITH THE ARCHAIC COMPONENT
ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

*I.A. Zaytseva, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения фразеологических оборотов с архаичным праславянским компонентом в составе в иноязычной аудитории. Отмечается связь изучения ФЕ и формирования лингвострановедческой компетенции иностранных учащихся. Рассмотрены способы семантизации фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвострановедческий аспект, национально-культурная семантика, русский как иностранный.

Abstract. The article discusses the problem of studying of phraseological turnovers with the archaic component in a foreign language audience. There is a link between the study of idiom and the formation of linguistic-cultural competence of foreign students. The semantic analysis of phraseological units is examined.

Keywords: idiom, linguistic-cultural aspect, national-cultural semantics, Russian as a foreign.

E-mail: slunce@inbox.ru

Любой язык, в том числе и русский, является зеркалом национальной культуры, её хранителем. В русском языке интересна и очень важна национально-культурная семантика языка, представленная теми языковыми значениями, которые отражают особенности русского уклада жизни, традиций, обычаев. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного предлагает разные способы и методы обучения русскому языку,

благодаря которым можно познакомить иностранного слушателя с российским образом жизни, с нашей культурой. С этой точки зрения лингвострановедение приобретает особое значение для всех, кто изучает русский язык как иностранный, для специалистов во всех областях науки и знаний. Национально-культурная семантика прослеживается на всех уровнях языка, но, конечно, особенно она заметна на уровне фразеологизмов.

Фразеологизмы имеют большую страноведческую ценность. В частности фразеологические единицы (ФЕ), содержащие в своём составе устаревший компонент или несколько таких компонентов, могут многое рассказать не только об истории языка, но и об истории народа и страны в целом. Семантизация такого рода ФЕ в иноязычной аудитории представляет немалую трудность, поэтому должна проводиться тщательная работа, приводящая к полному пониманию смысла фразеологизмов, а также к возможности их использования в речи иностранными учащимися.

Конечно, иностранным обучающимся нелегко понять значение таких словосочетаний, как, например, *брег забвенья, врата добра, древо искусства, млеко души, страж прошлого, глас вопиющего в пустыне, трубный глас, страна млека и мёда, глад и мор, райское древо, посыпать главу пеплом* и многих других. Во всех вышеперечисленных фразеологизмах лексические единицы праславянского происхождения представляют собой архаизм, или архаично (реликтивно) маркированный компонент. Кроме того, данный тип фразеологизмов, как правило, имеет особую стилистическую маркированность, о чём также необходимо знать тем, кто изучает русский язык. Ведь особый стилевой фон фразеологической семантики определяет характер употребления такого устойчивого сочетания в речи.

Для того чтобы работа по изучению фразеологизмов в иноязычной аудитории была проведена успешно, необходимо описывать и изучать национально-культурную семантику ФЕ не только в синхронии (то есть с позиции современности), но и в диахронии (с исторической точки зрения). Исторический подход к языковой семантике играет важную роль в

лингвострановедении, даже когда мы говорим о совсем недавнем прошлом. Лингвострановедческие словари как раз и призваны обеспечить продуктивную работу по семантизации фразеологических сочетаний. В лингвострановедческих словарях даётся не обычное, а учебное толкование слов и фразеологизмов. В таких словарях можно найти ту информацию, которая может быть хорошо знакома русским носителям языка, но будет совершенно непонятна иностранцам. Кроме того, внеязыковые сведения преподносятся таким образом, чтобы учащийся лучше усвоил язык.

Говоря о фразеологизмах, в состав которых входит праславянский устаревший компонент, можно сказать, что среди них особенно много тех, которые содержат слово-наименование той или иной части тела человека, например, *бить челом* ('почтительно приветствовать и благодарить', 'почтительно просить', 'жаловаться на кого-либо'), *как зеницу ока* ('бдительно', 'заботливо', 'тщательно'), *перст божий* ('указания, предопределения судьбы'), *перст указующий* ('указывающий, обозначающий указание'; ирон.), *один как перст* ('в полном одиночестве'), *быть под пятой* ('быть под властью, под гнетом'), *во чреве матери* ('еще не родившись'), *ненасытное чрево* ('о том, кто много ест'; шутл.), *карающая десница* ('о возмездии') и многие другие. При представлении их в иноязычной аудитории следует не только семантизировать устаревший компонент, указывать на то, что входящие в их состав семантические архаизмы имеют соответствующие синонимы в русском языке, но и также обращать внимание на неоднородность данной группы фразеологических сочетаний в стилистическом отношении. Если одни устойчивые сочетания являются межстилевыми, то другие выражения принадлежат к разговорно-бытовому или книжному стилю, что создаёт особенности употребления таких фразеологических единиц. Кроме того, некоторые фразеологизмы обладают специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской.

В работе над данной группой устойчивых сочетаний нужно учитывать еще одну трудность: при обращении к словарям учащиеся могут увидеть, что в стилистических характеристиках фразеологизмов не наблюдается единства, поэтому стоит ориентировать иностранцев на более частотное употребление, особенно это касается тех фразеологизмов, которым авторы-составители разных словарей зачастую дают диаметрально противоположные характеристики.

В заключение подчеркнем, что фразеологизмы современного русского литературного языка с архаичными компонентами в своей структуре выполняют важную функцию: они являются «хранителями» устаревших слов и их значений, а вместе с ними хранителями истории нашего языка и нашей истории в целом. Изучение таких фразеологизмов даёт возможность иностранным учащимся освоить русскую национальную культуру комплексно, поняв те реалии и явления, которые не имеют прямых аналогов в культурах других стран и народов.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Страноведение как учебная дисциплина, способствующая социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Профессионально-направленное обучение русскому языку иностранных граждан: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции / Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет. – М., 2015. – С. 32–36.

2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб и доп. – М.: Рус. язык, 1990. – 246 с.

3. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина; под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Рус. язык, 1979. – 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ ТРИЛИНГВИЗМА

Ю.А. Комарова, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт Петербург, Россия

А.Г. Векуа, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

FEATURES OF TEACHING A PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE FOR BACHELOR STUDENTS IN TRILINGUALISM

Y.A. Komarova, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

A.G. Vekua, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. Данная статья посвящена иноязычному обучению на ступени бакалавриата предусматривает формирование иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, которая играет основополагающую роль в жизни будущего специалиста. Сущность профессионально-ориентированного обучения состоит в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности.

Ключевые слова: профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, трилингвизм, двуязычие.

Abstract. Foreign-language education at a step of a bachelor degree sets as the purpose formation of the foreign professionally-oriented communicative competence which plays a fundamental role in the life of a future specialist. The entity of the professionally-oriented education consists in its integration with special disciplines, in order to obtain the additional professional knowledge and the formation of professionally significant personal qualities.

Keywords: professionally-oriented communicative competence, trilingual, bilingualism.

E-mail: aida.aida77777@yandex.ru

Иноязычное образование на ступени бакалавриата предусматривает формирование иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, которая играет основополагающую роль в жизни будущего специалиста. Очевидно, что процесс профессионального обучения должен быть организован так, чтобы конкретные знания, умения, навыки, приобретенные на учебных занятиях, могли быть использованы для решения широкого круга задач, в том числе для решения задач в процессе будущей профессиональной деятельности [1].

В процессе обучения студентов-бакалавров иноязычному профессионально-ориентированному общению происходит развитие личности студента, реализуемое как сложный процесс синтеза, познания, оценки себя и социума, процесс адаптации и социализации. Очевидно, формируя и развивая психологические качества будущего специалиста, необходимо стимулировать, прежде всего, мотивационную сферу (ценностные ориентации профессии, смысл профессии, мотивы, цели, эмоции, установка на адаптацию, определяющие направленность личности), а затем на ее основе – операциональную сферу (профессиональные знания, профессиональные способности, профессиональные действия, профессиональное мышление, профессиональные технологии) [2].

Здесь же заметим, что профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов не сводится только к изучению «языка для специальных целей». Сущность профессионально-ориентированного обучения состоит в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности [3]. То есть подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании межпредметных компетенций, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях. А это в свою очередь, во-первых, требует

определённой имплементации содержания обучения профилирующим предметам в содержание дисциплины «иностранный язык»; во-вторых, ставит перед преподавателем иностранного языка задачу научить будущего специалиста на основе межпредметных связей использовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих профессиональных знаний, а также как средство формирования профессиональных навыков и умений; в-третьих, предполагает использование форм и методов обучения, типичных для овладения базовыми компетенциями в профессиональной сфере.

Еще одна не менее важная задача, которая прослеживается в данной работе – это учет «трилингвизма» в процессе профессионального обучения.

Рассматривая понятие «трилингвизм», мы отмечаем отсутствие однозначной трактовки для определения владения обучающимися тремя языками. Ко времени освоения иностранного языка навыки использования национального и русского языков в повседневной жизни учащихся являются прочно установившимися, они оказывают влияние на овладение третьим по порядку языком. Трилингвизм как особый тип многоязычия, представляет собой сложный языковой феномен. Изучив и проанализировав множество определений, мы пришли к выводу, что под «трилингвизмом» чаще всего понимается сложное явление, представляющее собой сосуществование трех языков в речемыслительной сфере индивида, который использует эти языки в различных коммуникативных ситуациях в зависимости от цели общения, места реализации акта коммуникации и т. д. При этом подразумевается более или менее свободное владение двумя национальными языками (родным и неродным), а также владение иностранным языком на коммуникативно достаточном уровне. Содержанием категории билингвизма является соотношение двух языковых кодов – кода родного языка и кода неродного языка. Следовательно, содержанием категории трилингвизма будет соотношение кодов трёх языков – в нашем случае – кода национального языка, кода русского языка и кода иностранного языка. Считается, что

трилингвизм и билингвизм – это самые распространённые типы многоязычия, поэтому изучая трилингвизм, важно рассмотреть и особенности билингвизма.

Рассмотрение трилингвизма с лингводидактической точки зрения, потребует решения следующих задач: (1) описание языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; (2) выявление различий между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и (3) предсказание, таким образом, наиболее вероятных проявлений интерференции и трансференции.

В завершении отметим, что подготовка студентов-бакалавров на неязыковых факультетах вузов в условиях трилингвальной образовательной среды обладает своей спецификой, изучение которой требуют пристального внимания и специального исследования. Национальные и иностранные языки, используемые как инструмент полилингвального образования, должны выступать средством повышения профессиональной компетентности и являться необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста-выпускника современной высшей школы.

Список литературы

1. Адольф В.А., Степанова И.Ю. Проектирование образовательного процесса на основе компетентностного подхода // *Высшее образование в России*. – 2008. – № 3. – С. 158–161.

2. Маркова А.К. *Психология профессионализма*. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.

3. Образцов П.И., Ахулкова А.И., Черниченко О.Ф. *Проектирование и конструирование профессионально-ориентированной технологии обучения*. – Орел, 2005. – 61 с.

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В МЕТОДИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

*Е.В. Крючкова, Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия*

**ON THE RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW IN THE METHODOLOGY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN**

*E.V. Kryuchkova, Financial University under the Government of Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме языковой концептуализации мира и необходимости её понимания при обучении русскому языку как иностранному. Язык отражает представление его носителей об окружающем мире. Эти представления у носителей разных языков могут отличаться. В связи с этим, могут возникать трудности при обучении иностранных студентов русскому языку. Различия в культуре, религии, традициях оставляют свой след и в языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация мира, методика преподавания, русский язык как иностранный, диалог культур.

Abstract. This paper is devoted to the problem of the language conceptualization of the world and the necessity of its understanding for teaching the Russian language as a foreign. Language reflects the representation of the world by its native speakers. Therefore, it may entail several difficulties in teaching Russian to foreign students. Differences in culture, religion, traditions marks the language.

Keywords: the Russian language worldview, conceptualization of the world, the methodology of teaching, Russian as a foreign, dialogue of culture.

E-mail: kryuchkova.ekv@yandex.ru

Представление о языковой картине мира напрямую связано с преподаванием РКИ, так как язык отражает представления его носителей об окружающем мире. Такое представление носителей языка называется языковой

концептуализацией мира. По мнению одного из ведущих когнитивистов мира, Леонарда Талми, языковая концептуализация мира – это «особый «рисунок», который всякий раз возникает в голове людей, когда они оперируют словами и выражениями своего языка» [1, с. 178]. При изучении иностранного языка такой «рисунок» не может и никогда не будет возникать в сознании человека. А это значит только одно, что особенности языковой картины мира должны быть включены в методику преподавания РКИ. Эта картина не сводится к системно-языковым значениям единиц и выражений языка. Она представляет собой особым образом организованный опыт нашего взаимодействия с окружающим миром, который откладывается в семантике языка также особым образом. Значит, за словарными значениями слов стоит некий глубинный слой неэксплицированной концептуальной информации, связанной с особенностями взаимодействия человека со средой, с его опытом и спецификой познавательной деятельности по освоению окружающего мира. Причем эта информация существенна для понимания слова или высказывания, так как она показывает, как представляется носителю языка та или иная физическая или психическая реальность. Также важно, что эта информация всегда имеет этно- и культурноспецифичный характер. Она отличается в зависимости от языка, следовательно, и культуры. Такую информацию нельзя встретить в словарях или грамматиках языка, так как она является скорее экстралингвистической и не относится напрямую к системе языка, а скорее к тому, что стоит за его системой. Здесь имеется ввиду некоторая совокупность знаний о мире, которые представляют собой обобщенные результаты коллективного опыта общения с миром носителей данного языка, незаметно для них отложившиеся в по-своему стройную и строгую систему языковых значений. Всё это принято называть языковой концептуализацией мира, своеобразным продуктом которой выступает языковая картина мира. Это компонент, уровень языкового менталитета, отвечающий за воплощение знаний о мире, его лингвокогнитивный уровень.

Знания о мире, воплощенные в языке, согласно Ю.Д. Апресяну, имеют отчасти универсальный, отчасти национально-специфический характер.

Универсальность знаний о мире может наблюдаться в родственных языках или языках народов, проживающих по соседству долгое время. В последнем случае происходит некая ассимиляция культур, обычаев, что несет за собой сближение представлений об окружающем мире.

Удачную, на наш взгляд, аналогию, описывающую соотношение универсального и национально-специфического в языковой картине мира этноса, предлагает О.А. Корнилов: «Сейчас, когда о единстве и многообразии внешнего мира известно практически всем, но непосредственно воспринимается лишь малая часть этого мира, национальные точки зрения на мир можно сравнивать с восприятием людей, живущих в разных домах и на разных этажах, чьи окна выходят на один и тот же двор. Для жителей первого этажа двор – это, прежде всего, заросли кустов, закрывающие окна, а для жителей верхнего этажа – это, к примеру, спортивная площадка, окруженная по периметру гаражами-ракушками. Получается некий парадокс: объективный единый мир для каждого этноса различен, так как он соприкасается с ним только в какой-то одной части. Мир как бы повернут к конкретному народу лишь своей незначительной частью, которая и получает в языке наибольшую дифференциацию, потому что только она дается ему в непосредственных ощущениях, остальная часть мира обозначается обобщенно, не «прорисовывается» тщательно. Этим объясняются значительные отличия в словесном покрытии внешнего мира разными этническими языками. При этом имеют место не только лексические лакуны и различия объемов значения отдельных слов-коррелятов, но и различия коннотаций, закрепившихся за обозначениями одних и тех же объектов окружающей среды в разных языках» [4, с. 236]. Отсутствие языкового выражения некоторых понятий в родном языке студента, изучающего РКИ, может вызвать определенного рода трудности перевода, а вследствие чего и непонимание данных явлений или вещей. Так как такой предмет или явление отсутствует в сознании этого студента.

В работе Анны А. Зализняк «Многозначность в языке и способы ее представления» языковая картина мира определяется следующим образом: «Языковой картиной мира принято называть совокупность представлений о мире,

заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний» [3, с. 125]. Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Например, ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными, потому что для них трудно найти лексические аналоги в других языках.

Совокупность подобных представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Почему говорящий на данном языке должен разделять эти взгляды? «Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующих языковую картину мира». Именно поэтому при обучении РКИ важно объяснять значение культурноспецифичных слов и словосочетаний (в частности фразеологизмов и паремий), вводить контекст, использовать визуальные методы.

Подводя итогу всему вышесказанному, стоит отметить, что концептуализация мира, заключенная в языке, является, безусловно, одной из трудностей в преподавании и изучении РКИ. Поэтому её нужно принимать во

внимание и способствовать формированию правильного, адекватного восприятия и осознания культурноспецифичных слов и выражений в русском языке.

Список литературы

1. *Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. – Vol. 1. Concept Structuring Systems. – Cambridge–L.: A Bradford Book; MIT Press, 2000. – 565 p.*
2. *Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.*
3. *Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.*
4. *Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.*

УДК 372.881.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

*Е.В. Крючкова, Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия*

LINGUOCULTURAL APPROACH IN THE METHODOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

*E.V. Kryuchkova, Financial University under the Government of Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвокультурный подход в преподавании русского языка как иностранного. Подчеркивается необходимость понимания русской культуры для успешной коммуникации на русском языке. В связи с чем, обучение русскому языку как иностранному не должно быть оторвано от изучения русской культуры. Лингвокультурный подход оказывается особо значимым для методики преподавания фразеологии, так как фразеологизмы являются культурноспецифичными единицами языка.

Ключевые слова: лингвокультурный подход, лингвокультурная общность, фразеология, речевые образцы, коммуникация.

Abstract. This article is devoted to the problem of linguocultural approach in the methodology of the Russian language as foreign. Author emphasizes the necessity of understanding Russian culture for successful communication on the Russian language. In this connection learning the Russian language as foreign should not be separated from learning Russian culture. Linguocultural approach has important bearing on methodology of phraseology, because idioms are full of cultural meanings.

Keywords: linguocultural approach, linguocultural community, phraseology, speaker identification, communication.

E-mail: kryuchkova.ekv@yandex.ru

В последние годы в теории и практике профессионально ориентированного преподавания русского языка как иностранного большое внимание уделяется вопросам, связанным с использованием его как инструмента общения в диалоге культур и цивилизаций (И.Л. Бим, Н.Д.Гальскова, Р.П. Мильруд, А.А. Миролубов, Е.И. Пассов, С.Г. Тер-Минасова и др.). Коммуникативное и социокультурное развитие студентов посредством изучения РКИ становится возможным за счёт реализации лингвострановедческого, социокультурного и лингвокультурного подходов. Один из этих подходов мы рассмотрим более подробно в данной статье. Именно лингвокультурный подход обеспечивает усвоение знаний об иноязычной культуре: традициях, обычаях, образе жизни и т.п. изучаемого языка.

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, который формирует видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, так как имеет своим предметом язык, который в свою очередь является условием, основой и продуктом культуры. В связи с этим обучение русскому языку как иностранному не может быть оторвано от изучения русской культуры. Включение культурной составляющей при обучении иностранных студентов русскому языку в неязыковом вузе является

необходимостью, так как знания определенных речевых образцов, грамматики, лексики иностранного языка недостаточно для успешной коммуникации в русском языковом сообществе. «Общение включает аспекты культуры, личности и общества, речевого поведения носителей языка, процессов, имеющих место при передаче и восприятии высказываний, существующих и потенциальных потребностей учащихся, языковых средств и их речевых реализаций. В процессе общения взаимопонимание между адресатом и адресантом возможно, если адресат владеет культурной пресуппозицией, что является естественным для людей, выросших в рамках одной лингвокультурной общности» [3, с. 19]. Язык имеет коммуникативную природу, поэтому в обучении иностранному языку или русскому языку как иностранному следует идти от контекста культуры, коммуникации и ситуации к системе языка, а не наоборот.

Процесс коммуникации – это целый комплекс сложных проблем, как лингвистических, так и педагогических. Построение рациональной методики преподавания русского языка как иностранного во многом зависит от правильного понимания процесса коммуникации. Современная методика преподавания утверждает, что «реализация методического принципа коммуникативности предполагает органический сплав речевых навыков и умений, творческий характер речевой деятельности, использование всех психологических резервов личности» [6, с. 10–11]. Таким образом, студенту-иностранцу недостаточно только овладеть стандартными речевыми образцами и уметь употреблять их в соответствие с речевой ситуацией, а наиболее важным оказывается овладение способностью к творчеству в коммуникации. «Коммуникативные качества являются элементами профессиональной культуры. В связи с этим особую роль в формировании профессиональной культуры сотрудника играет процесс обучения» [4, с. 103–104]. Для овладения определенным «языковым чутьём» при коммуникации необходимо научить иностранного студента не только стандартному набору речевых образцов, уместности их использования, но и сформировать представление о возможных вариантах трансформации данных речевых конструкций.

Особенно значимым нам видится использование лингвокультурного подхода при обучении русской фразеологии, так в отличие от слов фразеологизмы «пропитаны» культурной семантикой. Особенность формирования фразеологического значения состоит в том, что ФЕ оказываются под двойным смысловым воздействием. С одной стороны, они являются носителями определенным образом интерпретированных довербальных смыслов, на основе которых и сформировались значения ФЕ – системно закрепленные смыслы. А с другой, использование в дискурсивной деятельности языковых единиц с актуализированными элементами системных значений формирует новый смысл, уже вербализуемый знаками вторичного номинирования. Дело в том, что передача дискурсивными средствами информации о целых событиях сопряжена с порождением сложных смыслов, кодирующих разноаспектный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – опыт типизации событий и явлений. Поэтому дискурсивное (событийное) смыслообразование на фразеологическом уровне не может обойтись одними системно закрепленными смыслами (языковыми значениями): во фразеологическом значении кодируется только часть мыслительной информации, в то время как другая ее часть представляется в психике человека мыслительными образами экстралингвистического характера. Исследование взаимоотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов в семантике фразеологических единиц (далее ФЕ) — важнейшая задача антропоцентрической фразеологии.

Фразеологизмы – это особые единицы языка, отличающиеся от слов и словосочетаний. Посредством ФЕ человек выражает свое отношение к миру, к другим людям. В отличие от слов и словосочетаний фразеологизмы создают «параллельный мир», образный, где всё происходит несколько по-другому. Именно внутренняя форма ФЕ представляет наибольший интерес для методики преподавания русского языка как иностранного, т.к. в ней заключено мировоззрение носителей языка.

Фразеологические единицы содержат в себе представления об устройстве мира, свойственные определенной народности. Благодаря изучению таких

устойчивых единиц как фразеологизмы становится возможным понимание особенностей культур и представлений разных народов, что является немаловажным при изучении русского языка как иностранного. Фразеологический фонд языка содержит сведения о культуре и менталитете народа. В ФЕ сохранены представления народа о мифах, обрядах, ритуалах, привычках, морали и т.д. Благодаря своей непроницаемой структуре, устойчивости фразеологизмы становятся носителями воззрений народа целой эпохи. Б.А.Ларин отмечал, что фразеологизмы косвенно отражают общественный строй, идеологию и исторические события, усвоенные народом целой эпохи. Фиксируя в своей семантике опыт прошлых поколений, фразеологизмы передают культурные установки, стереотипы, архетипы и эталоны. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [2, с. 37]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Лингвокультурный подход при обучении русскому языку как иностранному позволяет сформировать представление у иностранных студентов о культуре, обычаях, традициях, образе жизни носителей русского языка. Что в свою очередь способствует их дальнейшей успешной коммуникации в русском языковом сообществе. Особое место в методике преподавания русского языка как иностранного занимает изучение русской фразеологии. Именно благодаря образности фразеологических единиц языка, они могут отражать древнейшие культурные традиции, взгляды, обычаи и устои народности, что делает их не меньшей ценностью по сравнению с памятниками культуры и письменности.

Список литературы

1. Анисина Ю.В. *Становление и развитие профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному на неязыковых факультетах вузов России // Научный диалог. – 2013. – №9 (21). – С. 83–91.*

2. Буслаев Ф.И. *Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. – М.: Русский язык, 1954. – 176 с.*

3. Гынин В.И. Лингвокультурологическая методология обучения русскому языку как иностранному с учетом системных принципов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – №2. – С. 17–26.

4. Деккерт Д.В. Особенности формирования коммуникативной составляющей как элемента профессиональной культуры сотрудников ГПС МЧС России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 8. – С. 103–104.

5. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – С. 22–34.

6. Леонтьев А.А. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному // Методика / Под ред. А.А.Леонтьева и Т.А.Королевой. – М.: Русский язык, 1982. – С. 4–11.

УДК 372.881.161.1

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ ПАРЕМИИ
(КУРС «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»)**

*Г.В. Манукян, Финансовый университет при Правительстве Российской
федерации, г. Москва, Россия*

**PRESENTATION OF THE CONCEPT «BEAUTY» IN RUSSIAN PARAMILY
(«RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN» COURSE)**

*G.V. Manukyan, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В данной статье рассматривается то, как представлен концепт «красота» в русской паремии. Представленный материал разработан специально для иностранных студентов. Даются яркие примеры, которые помогают усвоить материал: приведены

изречения великих деятелей нашей страны по данной теме, также использованы примеры из «Большого словаря русских пословиц». В конце делается вывод о том, через какие семантические показатели определяется в русской паремии концепт «красота».

Ключевые слова: русский язык как иностранный, концепт «красота», паремия.

Abstract. This article examines how the concept of «beauty» in Russian paremia is presented. The material presented is designed specifically for foreign students. Bright examples are given that help to assimilate the material: the sayings of the great figures of our country on this topic are given, examples from the «Big Dictionary of Russian Proverbs» are also used. In the end, a conclusion is made about the semantic indicators that are defined in the Russian paremia concept «beauty».

Keywords: Russian as a foreign language, the concept of «beauty», paremia.

E-mail: 05112002@mail.ru

Пословицы и поговорки представляют собой такие народные изречения, в которых выражено понимание народа. Они вбирают в себя опыт тысячелетий, отражая народную жизнь, цели и эталоны; это высказывания о различных сферах жизни. Пословицы и поговорки создавались на протяжении веков, старшие поколения передавали их младшим поколениям, благодаря им поддерживалось устройство жизни народа, укреплялся его дух. Это изречения, отражающие многовековой опыт народа.

Отсюда следует, что пословицы и поговорки – это народное наследие, которое вобрало в себя наставления и суждения на разные жизненные ситуации.

По словам В.И. Даля, это «свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [2].

Российские авторы XIX века очень любили использовать пословицы в своей речи. Они часто встречаются у И. А. Крылова. Эпиграф к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина также содержит русскую пословицу «Береги честь смолоду». А. Н. Островский пословицами называл свои произведения, герои

которых часто «говорили пословицами». Для Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского пословицы – это целая проблема, которая касается и литературы, и истории. Нередко писатели создают пословицы наподобие разговорной речи: в языке М. Горького часто употребительными являются известные пословицы, однако он зачастую создавал их сам. В статье «О том, как я учился писать» М. Горький говорит: «Вообще пословицы и поговорки образцово формулируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и развёртывать слова, крепко сжатые другими, развёртывать их так, чтобы было обнажено спрятанное в них враждебное задачам эпохи, мёртвое. Я очень много учился на пословицах, – иначе: на мышлении афоризмами» [1].

На первом месте в пословицах всегда ум: *Красота приглядится, а ум пригодится; Красавице ум не помеха; Не гонись за красотой, гонись за разумом; Красота мужчины – ум, красота – ум женщины; Краса до венца, а ум до конца* [3]. Очень важной является красота внешняя: *Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде* [3]. Однако многие пословицы возносят красоту внутреннюю: *Скромность красит человека. Красива пава перьем, а жена – нравом. Красота в ущерб благородству – не красота, а красивость* [3].

Красота определяет действия (*Красиво врѣшь – за мной грош. Красив тот, кто красиво поступает*), качественные характеристики (*Молодец красив, да на думу крив. Много красы – одни скулы, да усы.*) и предметы (*Красиво поле снопами, а гумно – скирдами*) [3].

Итак, проанализировав русские пословицы и поговорки, можно сказать следующее: ум считается важнее красоты, однако красота высоко ценится, разграничена красота внешняя и красота внутренняя, показана эфемерность внешней красоты.

Таким образом, концепт «красота» определяется в паремии через следующие семантические показатели: внешний вид кого-либо или чего-либо,

местность, впечатление, красавица, употребление в качестве междометия и в роли сказуемого.

Список литературы

1. Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. – М.: Худож. лит., 1975. – URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-351.htm>.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб.–М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1879. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. –URL: <https://books.google.com/books?isbn=5373032506>.

УДК 372.881.161.1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗНОЙ СТОРОНЫ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Г.В. Манукян, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

PRESENTATION OF THE SHAPE SIDE OF THE CONCEPT "BEAUTY" IN FOREIGN AUDIENCE

G.V. Manukyan, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается образная сторона концепта «красота». Материал разработан для представления в курсе «Русский язык как иностранный». Даются краткие сведения о данной стороне концепта: определение понятия, представление данного слова в текстах (значения), его синонимические, антонимические и омонимические отношения, фразеология, пословицы и поговорки, его синтагматические связи, семантические признаки, которые наполняют объём данного концепта, а также его контекстуальная репрезентация.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, концепт «красота», образная сторона.

Abstract. In this article, the figurative side of the concept of «beauty» is considered. The material is designed for presentation in the course «Russian as a foreign language». Brief information about this side of the concept is given: definition of the concept, representation of the word in the texts (meanings), its synonymous, antonymic and homonymous relations, phraseology, proverbs and sayings, its syntagmatic links, semantic features that fill the scope of this concept, as well as its Contextual representation.

Keywords: Russian as a foreign language, the concept of «beauty», the imaginative side.

E-mail: 05112002@mail.ru

Г.Г. Слышкин под образной стороной концепта понимает то, как человек воспринимает предмет при помощи органов чувств, то есть такие характеристики предметов, как: тактильные, слуховые, зрительные, вкусовые, они содержатся в человеческой памяти как опыт, следствие чувственного познания реальности [4].

Слово *красота* встречается в текстах в привычных значениях (красота внешняя и внутренняя, красота природы, употребление в роли сказуемого). Но, в прозаических текстах XXI в. данная лексема принимает дополнительные оттенки значения: красота рассматривается узко – красота человека и место, где «обитает» эта красота (*конкурс красоты, салон красоты* и др.).

Сходства между «Словарём синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова и экспериментальной частью, безусловно, есть (*прелесть*), но их очень мало. Автором данного словаря выделены слова, которые уже употребляются очень редко (*краса, благолетие, великолетие, пригожество*) [1]. В экспериментальной части встречается большое количество неологизмов (*отлично, супер*); также отдельно стоит отметить американское *всё ОК*, которое, по всей видимости, является результатом современной глобализации общества. Это всё говорит о том, что с момента издания словаря (1999 г.) прошло довольно много времени, а эксперимент был проведён недавно. Если сопоставлять «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова [2] и эксперимент, можно сказать следующее. Сходство словаря и эксперимента проявляется в том, что и там, и там есть слова *некрасивость* и *уродство*, а различие – в том, что лексема *безобразие* отсутствует в результатах экспериментальной части.

Слово *красота* омонимических отношений не имеет. Можно предположить, что значение – употребление в качестве междометия – данного полисеманта в дальнейшем выделится в самостоятельное.

В русской фразеологии выделяются следующие образы, которые лежат в основе представления концепта «красота»: положительная эстетическая оценка: 1) хорошее здоровье, 2) молодость, 3) сравнение с божеством, 4) сравнение с демоном, 5) произведение искусства, 6) сравнение с благородными животными и птицами (он *красив, как орёл*; она – *как пави или лебедь*), 7) сравнение с цветами и звёздами. Отрицательная эстетическая оценка обозначена в таких признаках, как: 1) врождённый физический дефект, 2) плохое здоровье, 3) отсутствие вкуса в одежде, 4) избыточные и недостаточные рост и масса тела, 5) сравнение со смертным грехом, 6) сравнение с грязными животными.

Проанализировав русские пословицы и поговорки, можно сказать следующее: ум считается важнее красоты (*Не гонись за красотой, гонись за разумом*; *Красота мужчины – ум, красота – ум женщины*), однако красота высоко ценится (*Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде*), разграничена красота внешняя и красота внутренняя, показана её эфемерность.

Слово *красота* употребляется в иногда абсолютно разных значениях (*ангельская красота – дьявольская красота*), имеет широкие синтагматические связи (*природная красота, неописуемая красота, наградить красотой*), ввиду того, что является многозначным.

Следующие семантические признаки наполняют объём концепта «красота» (посредством ассоциаций): внешний вид кого-либо или чего-либо (*Аполлон, водопад*), красавица (*женщина*), впечатление (*неописуемый*), местность (*Греция*), употребление в значении междометия и в качестве сказуемого, – они тождественны выделенным нами в современном наборе значениям полисеманта *красота*.

Контекстуальная репрезентация концепта КРАСОТА (рассказы «Красавица» И.А. Бунина и «Русский характер» А.Н. Толстого) [3] несколько отличается от словарных данных: в художественном тексте КРАСОТА

соотносится, прежде всего, с представлением о высоком, духовном, т.е. является понятием этическим, при этом семантика базового значения 'хорошо' сохранена.

Список литературы

1. *Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999. – URL: <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=abramov&word=krasota>.*

2. *Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – URL: <http://2def57186f5960f.ru.s.siteapi.org/docs/c41bcbaf15bf5d0b01d0a8be5bcd1cb964e7a7b4.pdf>.*

3. *Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.*

4. *Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – URL: http://window.edu.ru/resource/886/66886/files/slyshkin_linguokulturnye_koncepty.pdf.*

УДК 372.881.161.1

СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ПО УСВОЕНИЮ ЛЕКСИКИ (ДИСЦИПЛИНА «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» – НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

*Г.В. Манукян, Финансовый университет при Правительстве Российской
федерации, г. Москва, Россия*

THE SYSTEM OF TASKS FOR ASSESSMENT OF LEXICO (DISCIPLINE «RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN» – INITIAL STAGE)

*G.V. Manukyan, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья содержит систему упражнений, которая способствует усвоению лексики в курсе «Русский язык как иностранный» на начальном этапе. Даются основные темы (погода, транспорт, цвета и др.).

Ключевые слова: русский язык как иностранный, начальный этап, система заданий, лексика.

Abstract. This article contains an exercise system that promotes the acquisition of vocabulary in the course «Russian as a Foreign Language» at the initial stage. The main themes (weather, transport, colors, etc.) are given.

Keywords: Russian as a foreign language, the initial stage, the system of tasks, lexis.

E-mail: 05112002@mail.ru

На начальном этапе преподавания РКИ необходимо вводить очень много новой лексики, чтобы потом было легче работать, но, понятно, что это очень сложный процесс, ведь не все обучающиеся могут сразу запомнить большие объёмы информации, поэтому мною была разработана система заданий, предназначенная для облегчения данной задачи, как для студентов, так и для преподавателей. Также не стоит забывать, что весь материал должен быть не только закреплён, но и должен постоянно встречаться в различных текстах и т.д. Поэтому при выполнении упражнений на следующих уровнях изучения РКИ, должна быть «обеспечена встреча» с ранее изученной лексикой.

На начальном этапе иностранным обучающимся должна быть дана следующая лексика (разбита по темам): погода, времена года и месяца, дни недели, предметы интерьера, семья, транспорт, профессии, еда и питьё, одежда и обувь, цвета, животные, части тела.

Начнём с темы «Погода». Не секрет, что с первых же дней каждый преподаватель тренирует говорение при помощи и этой темы. Мы спрашиваем иностранцев: «Какая сегодня погода?», сначала давая варианты ответов, потом же студенты должны отвечать без подсказок. Эта тема идёт очень легко и нравится обучающимся, ведь она имеет отношение к реальности, то есть аутентична (также использовалась нами и при проведении учебных экскурсий). А у иностранцев погода в России всегда вызывала огромный интерес, на эту тему они могут говорить часами.

Также в отдельную тему стоит выделить «Времена года и месяцы». Преподаватель в начале каждого занятия на доске пишет число и день недели,

спрашивая их у студентов, так быстрее запоминаются не только названия месяцев, но и числительные (срабатывает механическое запоминание). Здесь всё просто: даётся время года и месяца, которые оно включает. Также стоит сакцентировать внимание на том, что например, 1 марта – это первый день весны, а 31 мая – последний день весны и т.д.

Как уже упоминалось, дни недели также вводятся в первые дни – когда преподаватель записывает на доске число, он пишет и день недели (сначала спрашивая у студентов). Стоит отметить, что здесь отрабатывается не только данная тема, но и падежная система русского языка (родительный падеж имён существительных). Также при записи числа, лучше сразу объяснить студентам, что это порядковые числительные, а бывают также и количественные числительные, и показать разницу между ними.

Следующая тема «Предметы интерьера» очень разнообразна и объёмна, поэтому остановимся на основных словах, которые она включает. Для начала стоит дать названия предметов, которые окружают студентов в университете (стол, стул, парта, доска и др.), дома (кровать, шкаф, холодильник, диван, кресло и др.) и в других местах. Данная лексика закрепляется постоянно, ведь перечисленные предметы всегда перед глазами (очень хорошо, если студенты живут в общежитии в комнате с ребятами другой национальности, тогда они просто вынуждены с первых же дней объясняться на общем для всех языке – русском).

Также нельзя не затронуть и тему «Семья», которая, во-первых, вводится с первых уроков учебника по РКИ («Дорога в Россию» В.Е. Антоновой и М.М. Нахабиной), во-вторых, не просто очень интересна для иностранцев, но и очень важна для них, т. к. семья у многих народов самое главное. Здесь я шла очень интересным и необычным путём: рисовала дерево, на котором показывала все связи (кто и как с кем связан, кто кому кем приходится).

Тема «Транспорт», которая также очень важна, тем более, если иностранные студенты живут в таком мегаполисе, как Москва, где нельзя представить свою жизнь без средств передвижения. Весь транспорт можно

показать на улице, многим из них студенты будут пользоваться (или уже пользовались). Для них почти всё это ново, ведь в их странах нет такого разнообразия. Также ребятам будет интересно послушать о способах оплаты и типах проездных билетах, что им также пригодится.

Ещё одной основной на начальном этапе темой является тема «Профессии», изучение которой очень интересно и нужно (вводится на первых уроках уже упомянутого учебника). Ребята с охотой рассказывают о профессиях своих родителей, о том, кем хотят стать они сами.

Следующей очень крупной темой является «Еда и питьё». Она вводится не сразу, а спустя какое-то время. При вводе данной темы лучше обратиться к принципу наглядности: здесь очень помогают картинки. Предварительно можно вырезать из разных газет и журналов цветные картинки, а потом показать их на занятии. Это тема тоже очень «легко идёт», ведь иностранные обучающиеся ходят в студенческую столовую, и там им надо как-то объясниться с персоналом. На данных занятиях всегда много вопросов, много дискуссий, потому что все хотят узнать название какого-то необычного (на их взгляд) блюда, которое они уже пробовали, но не знают, что это было, что в него входило. Также ребята из разных стран очень жаждут рассказать о своих национальных блюдах, но это уже совсем другая история...

Тему «Одежда и обувь» также следует вводить на начальном этапе, т. к. часто студенты жалуются, что они не могут пойти в магазин и купить себе одежду, ведь иноязычных продавцов-консультантов наши магазины среднего звена не предусматривают. Здесь также можно использовать не только всевозможные картинки и вырезки из газет и журналов, но и прямо на занятии показывать одежду, ведь ребята из разных стран одеты по-разному, и всегда найдётся нужная вам вещь. Очень важно, что данная лексика потом пригодится, и её уже не надо будет учить, тем более, что «встреча с ней» будет постоянной.

Тему «Цвета» я давала очень коротко: только основные цвета, ведь этого достаточно на начальном этапе. Потом данная тема постепенно добавлялась. Очень легко представлять эту тему, ведь, опять же, все цвета можно показать, а

как, это уже выбирает каждый преподаватель сам: показать цвета в кабинете, принести цветной картон, цветные карандаши и т.д.

Тема «Животные» может быть подана по-разному: традиционно (в аудитории) или же в виде учебной экскурсии путём посещения с иностранными студентами зоопарка (что, конечно же, более увлекательно и интересно). Здесь может получиться очень увлекательная беседа: ребята расскажут, какие животные есть в их странах, попробуют дать им описания. При назывании каждого животного необходимо указывать и его род, а также давать множественное число данного слова.

И, наконец, тема «Части тела». Я считаю, что она также должна быть введена почти сразу, ведь это помогает при обращении к врачу (а у иностранцев часто возникает такая необходимость ввиду, например, резкой смены климата). Здесь важно учесть, что для парных частей тела (уши, руки, ноги и др.) должно быть указано и множественное число (plural). Данную тему можно объяснить, показав все слова на человеке, или же любым другим способом (толкование слова, синонимия, другой способ наглядности и др.).

А теперь предлагаю систему упражнений, которая способствует усвоению всей вышеперечисленной лексики.

Задание 1. *Продолжите по образцу*

Образец: Это машина – Это тоже машина.

Это дом –

Мел там –

Учебник тут –

Чашка здесь –

Анна Ивановна дома –

Осенью холодно –

Задание 2. *Ответьте утвердительно на вопросы*

Образец: Это его рука? – Да, его.

Это его книга? –

Там ваш шарф? –

Здесь её книга? –

Это ваша аудитория? –

Это ваша рука? –

Это твои деньги? –

Там их магазин? –

Это твой балкон? –

Задание 3. *Ответьте отрицательно на вопросы*

А: Образец: Это шкаф? (холодильник) – Нет, это не шкаф, это холодильник.

Школа тут? (там) –

Парк маленький? (большой) –

Портфель жёлтый? (синий) –

Сегодня понедельник? (воскресенье) –

Завтрак вечером? (утром) –

Здание слева? (справа) –

Б: Образец: Это ваша мама? – Нет, не наша/не моя.

Это ваша комната? –

Тут его место? –

Это их тетради? –

Это твоё имя? –

Там ваши дети? –

Это твоя кошка? –

Там её бутерброд? –

Тут их яблоки? –

Задание 4. *Напишите напротив слов мужского рода слова женского рода*

(если есть), и наоборот

Образец: Спортсмен – спортсменка

Юрист –

Преподаватель –

Школьник –

Домохозяйка –

Инженер –

Журналист –

Студент –

Экономист –

Бизнесмен –

Врач –

Задание 5. Выберите правильный ответ

1. 10, 20, ..., 40, 60, ..., 80, 90, ...

- а) 0, 30, 100
- б) 30, 70, 100
- в) 30, 100, 1000

2. 2 000 (две)

- а) тысячи
- б) тысяча
- в) тысяч

3. 1 000 (одна)

- а) тысячи
- б) тысяча
- в) тысяч

4. 20 000 (двадцать)

- а) тысячи
- б) тысяча
- в) тысяч

5. Понедельник, ..., среда, ..., пятница, суббота, ...

- а) вторник, четверг, воскресенье
- б) воскресенье, вторник, четверг
- в) четверг, вторник, воскресенье

6. Зима:

- а) август, сентябрь, декабрь
- б) октябрь, январь, февраль
- в) декабрь, январь, февраль

7. Весна:

- а) март, апрель, май
- б) май, июнь, июль
- в) сентябрь, октябрь, ноябрь

8. Лето

- а) май, июнь, август
- б) май, июнь, июль
- в) июнь, июль, август

9. Осень

- а) сентябрь, июль, ноябрь

б) сентябрь, октябрь, ноябрь

в) сентябрь, июль, декабрь

Задание 6. Продолжите ряд

1. Погода: холодно, жарко, ...

2. Цвета: красный, белый ...

3. Части тела: рука, лицо, ...

4. Еда, питьё: хлеб, сок, ...

5. Животные: лев, собака, ...

6. Транспорт: автобус, метро, ...

7. Семья: мама, брат, ...

УДК 811.161/1

**ПОРТФОЛИО СТУДЕНТА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК
ИНОСТРАННЫЙ»**

О.А. Мусорина, Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Россия

С.Г. Сорокина, Национальный исследовательский университет «Высшая

школа экономики», г. Москва, Россия

**STUDENTS' PORTFOLIO IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE**

O.A. Musorina, Penza State University, Penza, Russia

S.G.Sorokina, National Research University «Higher School of Economics»,

Moscow, Russia

Аннотация. В данной работе рассматривается учебное портфолио студента по дисциплине «Русский язык как иностранный» как одно из оценочных средств, предусмотренных ФГОС ВО. Авторы анализируют функции и возможное содержание портфолио студента в целом, а также его преимущества по сравнению с другими оценочными средствами. На основе уже существующей матрицы предлагается свое видение

портфолио студента по указанной дисциплине с обозначением разделов данного оценочного средства, их содержания и целей.

Ключевые слова: портфолио студента, русский язык как иностранный, функции, содержание портфолио.

Abstract. The article deals with students' portfolio in teaching Russian as a foreign language. According to the Federal Standard of Education the portfolio is considered to be one of assessment measures to monitor students' academic progress. The authors analyze the portfolio functions, content and advantages in general and based on the existing matrix and their professional experience build up a portfolio for the course of Russian as a foreign language.

Keywords: students' portfolio, Russian as a foreign language, functions and content of a portfolio.

E-mail: pgu-english@mail.ru

В рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования разработаны разнообразные методы определения уровня сформированности компетенций обучаемых: модульно-рейтинговая система, тесты, кейс-метод (ситуационные задачи), деловая игра, метод «Дельфин» (мозговая атака), портфолио (оценка собственных достижений), проектный метод и некоторые другие. Практически все они с большей или меньшей степенью успеха используются в преподавании иностранных языков, включая русский как иностранный (РКИ).

В связи с этим целью данной работы мы видим выявление потенциала такого оценочного средства, как портфолио.

Методисты, преподаватели, теоретики и практики педагогической науки определяют портфолио как упорядоченную совокупность работ студентов, собранных под руководством преподавателя, инструмент, который оценивает академический, профессиональный и личностный рост студентов в процессе обучения [3; 4]; как коллекцию, антологию работ учащихся, которая демонстрирует участие, прогресс и достижения в определенной области [5].

Применительно к школьному образованию А.П. Чернявская указывает на следующие функции портфолио:

- 1) диагностическую – фиксирует изменения и рост за определенный период времени;
- 2) функцию целеполагания – поддерживает учебные цели;
- 3) мотивационную – поощряет результаты;
- 4) содержательную – раскрывает весь спектр выполняемых работ;
- 5) развивающую – обеспечивает непрерывность процесса обучения;
- 6) рейтинговую – показывает динамику навыков и умений [5].

Нормативные документы высшей школы определяют стратегическую цель портфолио следующим образом: сформировать у будущего специалиста навыки анализа собственной деятельности, самоорганизации и самоконтроля, способствовать личностно-профессиональному самоопределению и адекватной оценке результатов деятельности.

Проведя сравнительный анализ указанных выше оценочных средств с точки зрения их содержания, целей, трудоемкости и результативности, мы выявили следующие факторы привлекательности портфолио при изучении иностранных языков (включая РКИ) в вузе:

- Содержание портфолио довольно демократично и зависит от целей дисциплины или модуля, что позволяет преподавателю и студентам формировать его в соответствии со своими запросами.
- Уровень сложности структуры портфолио также может быть различным, начиная с начального (элементарного) уровня. Это дает слабым студентам возможность выполнять несложные задания и гарантирует им минимальный рейтинговый балл.
- Даже несложные материалы (артефакты) портфолио, но собираемые регулярно и систематично, способствуют определенному прогрессу в обучении.

- Составление портфолио учит планировать свое время, определять приоритеты своей деятельности, то есть развивает навыки управления своим временем (time management);

- Портфолио – это то, что можно предъявить физически в любой момент преподавателю, комиссии или родителям, это фактически документ, а документы ценятся в нашей образовательной системе.

Кроме того, обучающиеся в России иностранные студенты получают возможность постоянно практиковаться в сложном для них русском языке.

Для дисциплины «Русский язык как иностранный» мы разработали следующее содержимое портфолио (см. табл. 1) на основе матрицы, предложенной А.П. Чернявской [5]:

Таблица 1. Содержимое портфолио

Название раздела	Цель раздела	Содержание	Используемые методы и техники
Разрешите представиться!	Уметь составлять и предъявлять несложные тексты, содержащие личную информацию	Рассказ о себе, о своей семье, автобиография	Описательное письмо
Мой дневник	Уметь вести краткие записи на русском языке	Краткие ежедневные записи о погоде, учебе, впечатлениях, контакты и планы	Описательное письмо
Мои достижения	Составить коллекцию своих работ и документов, подтверждающих достигнутые результаты	Оцененные преподавателем тесты и письменные работы, грамоты и сертификаты	
Моя научная работа	Подтвердить участие в научной работе	Опубликованные статьи и доклады	Научное письмо
Самые важные документы	Уметь правильно составлять официальные документы	Резюме, различные виды заявлений	Деловое письмо
Мое творчество	Уметь составлять и предъявлять тексты,	Коллаж, отчет об экскурсии, схема, эссе	Аналитическое письмо

	содержащие более сложный лексико-грамматический материал		
Мини-словарь	Уметь выделять и использовать на занятиях и внеаудиторно ядро активной лексики, а также наиболее трудные для студента слова и словосочетания	Список самых важных для студента слов и фраз	Метод эффективной организации вокабуляра
Грамматический справочник	Уметь составлять и применять грамматический материал по русскому языку в виде таблиц и схем	Грамматические таблицы (падежи, спряжение глагола и т.п.)	
Лист самооценки	Уметь анализировать свою деятельность и ее результаты	Самооценка достижений и трудностей, путей их преодоления	Аналитическое письмо

При анализе оптимального содержимого портфолио мы исходили также из опыта практической работы преподавателей РКИ. Например, имея под рукой грамматические таблицы, иностранные студенты, изучающие русский язык, активно пользовались ими при выполнении упражнений и при построении сложных высказываний. При организации учебной экскурсии важно отследить ее результат не только с практической, но и с эмоциональной точки зрения. Для достижения обратной связи можно предложить студентам написать эссе, отчет об экскурсии или составить коллаж, включив результаты в портфолио [1; 2]. Далее, пользуясь образцами служебной документации, обучающиеся смогут избежать ошибок типа «гражданин группы». Более того, иностранные студенты регулярно сообщают на родину о своих достижениях, и портфолио может подтвердить их прогресс.

В заключение мы считаем, что практические результаты организации портфолио следующие:

- оценка студентами своего прогресса и успехов по дисциплине РКИ;
- демонстрация своих возможностей и достижений и применение собранного материала на последующих этапах обучения;
- использование базовых текстов и документов в ситуациях делового и профессионального общения.

Таким образом, портфолио студента по дисциплине РКИ выступает и как процесс, и как конечный продукт оценивания и является гибким, динамичным, а следовательно эффективным оценочным средством.

Список литературы

1. Зайцева И.А. Учебная экскурсия на подготовительном факультете как способ формирования лингвокультурологической компетенции учащихся // *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы Международной научно-практической конференции (11 декабря 2016 г.). – Москва–Пенза, 2017. – С. 165–169.*

2. Манукян Г.В. Система заданий по усвоению материала учебной экскурсии (дисциплина «Русский язык как иностранный» – начальный этап) // *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы Международной научно-практической конференции (11 декабря 2016 г.). – Москва–Пенза, 2017. – С. 170–176.*

3. Переверзев В.Ю., Синельников С.А. Электронное портфолио студента как инновационное оценочное средство // *Среднее профессиональное образование. – 2008. – № 1.*

4. Романова Ю.Д., Лесничая И.Г. Квалификационное портфолио студента // *Новые информационные технологии в образовании: Международная научно-практическая конференция. – Новосибирск, 2009.*

5. Чернявская А.П., Гречин Б.С. *Современные средства оценивания результатов обучения: Учебно-методическое пособие.* – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 98 с.

УДК 811.161/1

МУЛЬТИМЕДИА И ИНТЕРНЕТ В ОБУЧЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. Мушкова, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия

MULTIMEDIA AND INTERNET IN TEACHING EMOTIONAL VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

V.V. Mushkova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена методике преподавания русского языка как иностранного, а именно роли средств мультимедиа и Интернета. Читатели знакомятся с преимуществами использования средств мультимедиа и Интернета при изучении русского языка, способами работы с ними.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика изучения русского языка как иностранного.

Abstract. This article is devoted to the teaching of Russian as a foreign language, namely the role of multimedia and the Internet. Readers get acquainted with the advantages of using multimedia and Internet tools while learning Russian, ways of working with them.

Keywords: russian as a foreign language, the methodology of studying Russian as a foreign language.

E-mail: vikavishenka1@rambler.ru

В связи с развитием компьютерных технологий и Интернета возрастают возможности использования «всемирной паутины» и мультимедиа в процессе обучения. Особенно помогают новые достижения в области компьютерных

технологий при обучении иностранных студентов эмоциональной лексики русского языка.

Изучение эмоциональной лексики поможет иностранным студентам из дальнего зарубежья и стран СНГ [6, с. 86–93] лучше понять представления носителей русского языка об эмоциональных переживаниях, поможет в формировании лингвокультурологической компетенции.

Многие лингвисты обращали внимание на важность эмоциональной составляющей при описании личности. Например, Ю.Д. Апресян, создавая «образ человека по данным языка», отмечает то, что эмоциональная система – «одна из самых сложных систем человека..., поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека» [1, с. 366–367].

Традиционный процесс обучения лексики русского языка состоит из двух этапов:

- 1) объяснение преподавателем новых слов на доступных учащимся примерах;
- 2) закрепление изученной лексики учащимися после занятий.

Но данная модель не всегда оказывается эффективной, так как учащиеся «устают» постоянно запоминать новые слова, утомляются и, порой, просто не в состоянии воспринимать всё увеличивающийся поток информации. Особенно остро эти проблемы встают при изучении эмоциональной лексики. Тогда на помощь приходят Интернет и мультимедийные технологии, которые облегчают процесс обучения.

Интерес у студентов вызывают видеоматериалы, включающие в себя фильмы, фотографии, анимации. Посредством использования подобных образовательных средств на занятиях можно существенно повысить активность и мотивацию обучающихся. Мультимедиа и Интернет обеспечивают обширный корпус текстов, который предоставляет возможность быстрого и удобного онлайн поиска нужной информации. Такой корпус развивается вместе с языком и носит динамический характер, что является его серьёзным преимуществом перед

бумажными источниками. В нём быстрее появляется новая лексика, актуальная в настоящее время среди носителей русского языка, слова используются в наиболее употребляемых значениях, контекстах, показаны реально возможные коммуникативные ситуации.

Использование современных компьютерных технологий и сети Интернет даёт возможность по-новому осмыслить курс русского языка как иностранного, усилить его практическую направленность.

Восприятие эмоциональной лексики русского языка вызывает некоторые трудности у иностранных студентов, которые связаны с особенностями менталитета, культурных ценностей различных народов. Кроме того, дословный перевод подобной лексики на другие языки вносит много путаницы. Поэтому не возможно изучать данные слова вне контекста и коммуникативных ситуаций.

О.М. Вертинская выделяет несколько типов эмотивной лексики: 1) лексика базовая, в которую входят глагольные синонимические ряды беспокоиться, бояться, удивляться, восхищаться, любить и др.; ряды подобных существительных, прилагательных и наречий; 2) слова, не обозначающие эмоции в собственном смысле, но указывающие в своем значении на разнообразные эмоциональные состояния субъекта в момент нахождения в каком-то состоянии или выполнения какого-то действия; 3) слова, не называющие эмоции как таковые, но имеющие к их выражению непосредственное отношение. Здесь подразумеваются различные метафоры, обозначающие определенные физические симптомы палитры чувств человека: сверкать, блестеть; покраснеть и др. Каждый тип эмотивной лексики требует особенного, уникального подхода к его изучению иностранными студентами. Только овладение всеми тремя типами подобного пласта лексики приближает обучающихся к полному пониманию изучаемого иностранного языка, погружает в культуру народа, говорящего на этом языке.

Меньше всего трудностей возникает при изучении базовой эмотивной лексики, так как многие слова имеют дословный перевод на иностранный язык. Сложнее же работать с остальными двумя типами русской эмотивной лексики, здесь требуется привлечение текстов на изучаемом языке, разыгрывание

коммуникативных ситуаций, которые могут произойти при реальном общении. Помогает в этом «всемирная паутина», ресурсы которой богаты различными видео, иллюстрирующими применение эмотивной лексики, текстами художественными и публицистическими, знакомясь с содержанием которых, обучающиеся запоминают правильное употребление тех или иных слов в зависимости от контекста, усваивают все оттенки значения.

При выборе учебных материалов для практических занятий нужно учитывать их актуальность, приближённость к возможным жизненным ситуациям.

Обучающимся можно демонстрировать фрагменты советских и российских фильмов и сериалов («Служебный роман», «Не родись красивой» и т.д.). С удовольствием студенты знакомятся с детским юмористическим киножурналом «Ералаш», в котором представлены короткие, простые для восприятия, эмоциональные диалоги, знакомящие обучающихся с реально возможными коммуникативными ситуациями. На начальном этапе изучения русского языка как иностранного обучающиеся часто будут сталкиваться с трудностями перевода подобных видео-фрагментов, именно из-за содержащейся в них эмоциональной лексики. Следует предложить им сначала выполнить перевод самостоятельно, используя различные онлайн словари, которыми они привыкли пользоваться в повседневной жизни. После чего преподаватель корректирует переводы. Поясняет значение каждой лексемы, несущей эмотивное значение, приводит её синонимы, антонимы, вместе со студентами воссоздаёт ассоциативный ряд. Потом студенты могут между собой разыграть изучаемые коммуникативные ситуации, употребляя новые для них слова, учась произносить их с правильной, соответствующей ситуации, интонацией. На этом этапе требуется преодоление возможных культурных барьеров между представителями различных народностей.

Студентам может быть предложено составление собственных словарей эмоциональной лексики, куда они могут вносить и минимальные контексты её употребления. Словари, по возможности, должны быть электронными, так как современные гаджеты позволяют сделать это, а работать с подобными

источниками существенно проще и быстрее, в сравнении с их бумажными аналогами.

Ни для кого не секрет, что большую часть своего свободного времени студенты, как русский, так и иностранные, проводят, общаясь в социальных сетях. При таком общении особенно часто используется эмотивная лексика. Студентам будут понятны примеры, взятые из реального их общения со сверстниками.

Поэтому возможно организовать внутри группы чаты для общения на изучаемом языке иностранцев между собой на заданные преподавателем темы. Темы должны быть проблемными, вызывающими эмоциональный отклик со стороны обучающихся. Хорошо подходит для подобных чатов обсуждение музыкальных пристрастий, фильмов, книг, проблем экологии, различных культурных особенностей, традиций. К участию в разговорах можно привлекать и русских студентов, которые с интересом участвуют в подобных мероприятиях. При таком общении часто будет возникать коммуникативный барьер именно при употреблении эмотивной лексики. Преподаватель должен помочь обучающимся разобраться в каждой конкретной ситуации. Вместе обучающиеся должны подобрать синонимы, антонимы, ассоциативный ряд к новой, впервые встретившейся им лексеме, воссоздать подобные ситуации её употребления, разыграть их в аудитории между собой, уделяя особое внимание именно передаваемым эмоциям.

Таким образом, следует отметить, что включение средств мультимедиа и «всемирной паутины» в процесс обучения русскому языку как иностранному, в частности эмоциональной лексики, необходимо, так как это позволяет приблизить образование к реальной жизни. Увеличивается практическая направленность образования. Студенты на занятиях знакомятся с возможными коммуникативными ситуациями, с актуальной лексикой русского языка, учатся свободно выражать свои мысли, чувства, эмоции, быстрее преодолевают лингвокультурологический барьер [о проблемах межкультурной коммуникации см., например: 7, с. 57–66; 8, с. 106–110; 9, с. 82–91; 10, с. 76–92; 11, с. 57–60].

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д., Избранные труды: В 2 т. – Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 348–388.
2. Вертинская О.М. Эмоционально-оценочная лексика положительной направленности в прозе В. Набокова: Дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2004. – 192 с.
3. Савилова С.Л. Обучение лексике русского языка как иностранного студентов-билингвов на основе заимствований из английского языка на начальном этапе изучения // Молодой ученый. – 2015. – №20. – С. 613–616.
4. Филиппова О.А. Языковые средства создания эмоциональности // Обучение эмоциональному речевому воздействию. – М.: Флинта; Наука, 2012. – С. 17–24.
5. Щитова О. Г., Савилова С. Л. Прагматический статус новейшей ксенолексики в студенческом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 10 (151). – С. 193–197. – URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/savilova_s._l._193_197_10_151_2014.pdf.
6. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Новые модели экспорта образования в странах СНГ // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2016. – № 6 (139). – С. 86 – 92.
7. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и И.С.Тургенев (к истории взаимоотношений) // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 17 декабря 2014 г.). – Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2014. – С. 57 – 66.
8. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 – 110.

9. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

11. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

УДК 811.135.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИРИИ

Насма Махрuse, Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации, г. Москва

(научный руководитель – Л.Н. Алешина, к.ф.н., доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

RUSSIAN IN SYRIA

Nasma Makhruse, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – L.N. Alyoshina, Cand.Phil.Sci., associate professor Departmenta of language preparation of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным вопросам изучения русского языка в Сирии. В средних сирийских школах планируется провести эксперимент: русский язык будет обязательным предметом в школьной программе.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, Сирия, Россия, сотрудничество, дружба.

Abstract. This article is devoted to topical issues of studying of Russian in Syria. At high Syrian schools it is planned to make experiment: Russian will be an obligatory subject in the school program.

Keywords: Russian, Russian literature, Syria, Russia, cooperation, friendship.

E-mail: laura_70@bk.ru

Среди стран Ближнего Востока Сирия сегодня занимает первое место по числу людей, знающих русский язык. Существенное расширение сотрудничества России и Сирии в последнее время способствовало возрождению интереса к изучению русского языка. У России и Сирии многолетние связи. В Сирии и раньше изучали русский язык, многие сирийские военные, врачи и инженеры учились в советских вузах. Здесь насчитывается около 30 000 выпускников советских и российских вузов по гражданским и военным специальностям. Кроме того, примерно 10000 российских гражданок состоят в браке с сирийцами. Дети в таких семьях, как правило, говорят на двух языках: арабском и русском.

Раньше русский язык конкурировал с более популярными в Сирии английским и французским. Возобновлению интереса к русскому языку сегодня способствует стремление значительной части сирийской молодежи к получению высококачественного образования в российских университетах. Все большей популярностью среди сирийцев пользуется среднее образование на русском языке в России, а так же летние языковые стажировки в Москве, Санкт-Петербурге и др. российских городах. Сирийцам нелегко даются некоторые звуки русского языка, они понимают, что это один из самых сложных языков в мире, но они все равно стремятся говорить на нем. В этом году в сирийских школах начнется эксперимент: русский язык станет одним из обязательных предметов в школах.

Новым фактором популяризации русского языка в стране является присутствие российской армии, оказывающей военно-техническую помощь правительственным войскам Сирии. В настоящее время по сравнению с предшествующим периодом число изучающих русский язык значительно возросло. Почему? Это связано с миротворческой миссией российских военных. Все больше сирийцев хочет иметь возможность на русском языке сказать

«спасибо» отважным летчикам и саперам за помощь в борьбе с терроризмом. Растет интерес сирийцев и к русской литературе, и к русской культуре. Во многих городах Сирии открываются курсы русского языка: в Дамаске, Хомсе, Алеппо и Тартусе.

Сирийцы очень благодарны России за помощь в борьбе с ИГИЛ, они гордятся дружбой с этой страной, видят в этом перспективу успешного развития своей страны и каждого гражданина: можно продолжить образование в России и получить диплом врача, инженера. А можно просто встретить российского солдата и по-русски сказать ему «спасибо». По словам министра высшего образования Сирии Малика Али, цель сирийских образовательных учреждений — сделать в Сирии русский язык вторым главным языком общения после арабского, вытеснив английский или французский. «Мы почувствовали, что для Сирии нет ближе друга, чем Россия. В годы кризиса именно Россия протянула Сирии руку помощи. Сегодня сирийцы очень интересуются культурой, искусством, наукой России, поэтому мы и приняли решение об обязательном изучении русского языка уже в начальной школе», — сказал министр.

Значительный вклад в пропаганду и распространение русского языка вносит Ассоциация дружбы «Россия – Сирия», которая на добровольных началах осуществляет культурно-просветительскую миссию. Основными центрами изучения русского языка в Сирии является Институт русского языка в г. Телль-Мнин по подготовке аспирантов для обучения в российских вузах, российский культурный центр в Дамаске и его филиал в г. ас-Саура, Центр русского языка Дамасского университета, кафедры русского языка в трех сирийских университетах и курсы русского языка в двух арабских культурных центрах.

Сирийские преподаватели русского языка заинтересованы в восстановлении связей с Государственным институтом русского языка им. А.С.Пушкина и Международной Ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в организации приезда в Сирию ведущих российских преподавателей русского языка как иностранного для ознакомления с новыми работами по методике преподавания русского языка и чтения лекций.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Лингвокультурология: значение диалога в контексте «диалога культур» // Научный альманах. – 2015. – №11-5 (13). – С. 253–256.

2. Алешина Л.Н. Роль подготовительного факультета для иностранных граждан в интеграции российских вузов в международное образовательное пространство // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы Международной конференции. – М.–Пенза, 2017. – С. 161–164.

3. Алешина Л.Н. Основные проблемы языковой политики в сфере трудовой миграции // Проблемы и перспективы современных, гуманитарных, экономических и правовых исследований: Материалы пятой международной научно-практической конференции. – М., 2014. – С. 5–7.

УДК 811.1

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ВЬЕТНАМЕ

Нгуен Тхй Нюнг, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

(научный руководитель – И.А.Зайцева, к.ф.н., доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

STUDY RUSSIAN LANGUAGE IN VIETNAM

Nguyen Thi Nhung, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – I.A. Zaytseva, Cand.Phil.Sci., associate professor Departmenta of language preparation of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обучения русскому языку во Вьетнаме, а также проблемы, связанные с изучением русского языка во Вьетнаме в последние годы. Кратко

представлена информация о преподавании русского языка на всех уровнях образовательной системы Вьетнама.

Ключевые слова: русский язык, обучение русскому языку во Вьетнаме.

Abstract. This writing discusses about initial situation of Russian study and reseach in Vietnam in recent years.

Keywords: Russian language, teaching Russian in Vietnam.

E-mail: bluemouse.284@gmail.com, slunce@inbox.ru.

Учитель Ву Тхе Хой, ветеран в преподавании русского языка, сказал: «Русская культура всегда была близка вьетнамскому народу, а чувства, которые я испытываю к России, никогда не исчезнут во мне, они останутся на всю жизнь и будут придавать мне сил до конца...» Конечно, русский язык является одним из самых сложных языков в мире для изучения и для исследования, но в то же время русский язык богат и интересен. Всё это является причиной того, что изучение русского языка становится трудной, но интересной работой.

До советских времен русский язык не был очень распространенным явлением во Вьетнаме. Однако с расширением влияния СССР в мире возникла необходимость изучения русского языка во Вьетнаме. В это время университеты и высшие школы во Вьетнаме преподавали русский язык как первый иностранный язык. Со временем русская культура стала глубоко проникать в жизнь вьетнамского народа. Можно также сказать, что ни одна страна в мире не готовила больше переводчиков и преподавателей русского языка, как Вьетнам. Число студентов, изучающих русский язык во Вьетнаме, доходило до 580,000 человек в год.

После того, как распался Советский Союз, количество человек, изучающих русский язык, и спрос на изучение русского языка значительно снизились по многим причинам, но главная причина кроется в том, что на некоторое время экономическое сотрудничество, а также торговля, культура и наука с Россией не смогли сохраниться на том же уровне, что и когда-то с СССР. Всё это привело к значительным потерям желающих изучать и использовать русский язык. Одно время русский язык рассматривался во

Вьетнаме как «редкий язык». Количество изучающих русский язык сократилось до менее 20 000 человек год и после 1992 года в течение нескольких лет продолжало снижаться дальше.

Начиная с 2010 года, многие вьетнамцы почувствовали необходимость в изучении и использовании русского языка в своей работе, что привело к возрастанию интереса к изучению русского языка во Вьетнаме. По данным института русского языка имени А. С. Пушкина, с 2010–2011 учебного года число изучающих русский язык во Вьетнаме в разных образовательных учреждениях возросло примерно до 8 000 человек. Что же касается количества учебных заведений, то здесь можно отметить, что русский язык доступен для изучения в 29 университетах, академиях, колледжах Вьетнама, а также в 14 школах.

С чем связан вновь возникший интерес к русскому языку?

Безусловно, свою роль здесь сыграли новые политические отношения, возникшие между Россией и Вьетнамом, которые можно охарактеризовать как хорошие и надёжные. Кроме того, изменился подход к преподаванию и изучению русского языка во Вьетнаме, он стал более эффективным, что существенно увеличило фактический спрос на изучение русского языка.

Тем не менее, нынешнее состояние преподавания и изучения русского (особенно преподавания русского языка и обучения в небольших образовательных учреждениях Вьетнама) по всей стране всё ещё является предметом для размышлений, так как количество изучающих русский язык ещё не достигло уровня советского периода. Существует значительная разница также и в качестве преподавания русского языка по сравнению с ситуацией до 1990-х гг.

В учебных заведениях Вьетнама обучение русскому языку представлено на нескольких уровнях: университеты, институты, колледжи, языковые школы как неспециализированные, так и специализированные (в настоящее время в неспециализированных школах больше не учат русский язык как иностранный).

Специалисты из России, преподаватели русского языка как иностранного, теперь работают только в университетах, где русский язык изучается как основной иностранный язык. Среди таких университетов можно назвать VNU, Ханойский университет, Университет военных наук, Университет иностранных языков, Университет Thai Nguyen, Университет Дананга, Ние университет, Национальный университет Хошимина, Университет социальных и гуманитарных наук в Хошимине. Срок обучения в этих вузах составляет 4 года, после чего студенты, окончившие университет по специальности «Русский язык», получают не только степень бакалавра педагогики, но и право преподавания русского языка.

В настоящее время многие школы дают возможность изучать русский язык. Раньше практически все школы, колледжи и университеты на юге Вьетнама, а также некоторые учебные заведения севера Вьетнама предлагали русский язык для изучения. В настоящее время заметна тенденция к увеличению количества учебных заведений как среднего, так и высшего звена, где будет преподаваться русский язык. Кроме того, в последнее время активно привлекаются специалисты из России для преподавания русского языка, что призвано улучшить качество преподавания русского языка во Вьетнаме.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Диалог культур: проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Межкультурное общение: контакты и конфликты: Материалы Первой Международной научной конференции. – М., 2015. – С. 27.*

2. *Алешина Л.Н. Страноведение как учебная дисциплина, способствующая социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Профессионально-направленное обучение русскому языку иностранных граждан: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции / Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет. – М., 2015. – С. 32–36.*

УДК 811.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК В МОНГОЛИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

Дэлгэрсайхан Сарангуа, Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации, г. Москва

*(научный руководитель – И.А.Зайцева, к.ф.н., доцент Департамента языковой
подготовки Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации)*

RUSSIAN LANGUAGE IN MONGOLIA: PAST, PRESENT AND FUTURE

Delgersaikhan Sarangua, Financial University under

the Government of the Russian Federation, Moscow

*(research supervisor – I.A. Zaytseva, Cand.Phil.Sci., associate professor
Departamenta of language preparation of Financial University under the
Government of the Russian Federation)*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы распространения русского языка в Монголии. Также отмечается роль русского языка в развитии дальнейших российско-монгольских отношений.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, русский язык, монгольский язык.

Abstract. The article discusses the problem of dissemination of the Russian language in Mongolia. It is also noted the role of the Russian language in the further development of Russian-Mongolian relations.

Keywords: Russian-Mongolian relations, Russian language, Mongolian language.

E-mail: Dsarangua1224@gmail.com, slunce@inbox.ru.

Монголия по распространению русского языка занимает первое место в мире среди стран дальнего зарубежья. Она уступает лишь государствам, входящим ранее в состав СССР. Конечно, это отчасти связано с тем, что Россия и Монголия всегда были и являются соседями, имея общую довольно протяжённую границу. Однако во многом такие масштабы изучения русского

языка объясняются тем, что в Монголии, как в России, в годы социализма была распространена соответствующая идеология. Изучение русского языка в то время было обязательным на всех уровнях образовательной системы от школ до университетов. Кроме того, многие изучали русский язык в кружках и на курсах. Никто не мог занять высокую государственную должность, если не знал русского языка.

Сейчас интерес к русскому языку в Монголии продолжает расти. В настоящее время он является обязательным для изучения иностранным языком с 2006–2007 учебного года во всех средних школах Монголии с седьмого класса. Такое активное внедрение уроков русского языка в образовательную систему Монголии стало важным достижением Года русского языка, объявленного Президентом РФ В.В. Путиным в 2007 году.

В Монголии немало общеобразовательных средних школ, где обучение ведётся на русском языке. По российским стандартам и программам работают такие школы, как средняя школа при посольстве России в Монголии, столичная Российско-монгольская совместная школа №3, школа-лицей при Уланбаторском филиале Российского экономического университета имени Плеханова. Также в Монголии есть и непосредственно монгольские школы с обучением на русском языке.

Увеличению интереса к изучению русского языка в Монголии способствует активная деятельность Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Так, ежегодно совместно с Российским центром науки и культуры (РЦНК) в городе Улан-Баторе организуются следующие мероприятия: олимпиада по русскому языку для школьников, конкурсы «Лучший учитель-русист» и «Лучший методист года», олимпиада среди студентов, изучающих русский язык.

При Российском Посольстве в Монголии, по инициативе Посла Российской Федерации, был создан Фонд, который продвигает и поддерживает русский язык, а также вместе с РЦНК помогает в организации олимпиад, конкурсов и других мероприятий. Начиная с 2000 года, в РЦНК функционирует

Центр русского языка. В помощь преподавателям русского языка, которые работают в Монголии, каждый год Центр проводит Декаду учителя русского языка. В рамках Декады проходит научно-методическая конференция, организуются открытые и показательные уроки. Благодаря этому преподаватели-русисты имеют возможность обмениваться опытом.

Кроме того, Монголия является одной из немногих стран, где работает Центр тестирования по русскому языку, в котором монгольские граждане могут получить российский сертификат, подтверждающий их знания в области русского языка.

В настоящее время в Монголии заметна тенденция увеличения интереса не только к изучению русского языка, но и к русской культуре. Например, во многих театрах страны идут спектакли, поставленные по произведениям русских классиков. Таким образом, все изучающие русский язык отчётливо понимают, что благодаря русскому языку они имеют возможность приобщиться не только к русской, но и в целом к славянской культуре. Также распространению русской культуры в Монголии помогает Русский детский культурный центр, который был открыт в сентябре 2009 года при поддержке Фонда «Русский мир» в Свято-Троицком приходе Улан-Батора. Там дети от 7 до 15 лет могут заниматься в различных кружках и секциях, а также общаться на русском языке. И что немаловажно, все занятия в детском центре абсолютно бесплатные. Это даёт шанс детям из малообеспеченных семей также выучить русский язык и познакомиться с русской культурой.

Возникает вполне закономерный вопрос: почему все же некоторая часть монгольского общества тяготеет именно к получению образования на русском языке? Хотя стоит отметить, что некоторое охлаждение интереса к русскому языку всё же заметно. Итак, отвечая на вопрос, нужно, во-первых, сказать, что российское образование остается одним из самых высококачественных и востребованных во всем мире. Во-вторых, в Монголии все еще остаётся огромное количество людей, которые получили образование в бывшем Советском Союзе. Они-то и продвигают русский язык в своих семьях, что и

приводит к тому, что часть молодых людей активно интересуется русским языком.

В целом можно отметить, что на современном этапе развития российско-монгольских отношений в области экономики, науки и культуры необходимо расширение и углубление изучения русского языка. Есть надежда, что в ближайшее время так и будет происходить. Так, например, высокий уровень языка можно отметить у подростков, которые занимаются в школах с углублённым изучением русского языка. Наглядный пример тому – недавно прошедшая Государственная олимпиада по русскому языку. Понять, что русский язык для её участников неродной, можно было только по незначительным речевым ошибкам, отмечавшимся в речи, скорее всего, от волнения. Эти подростки выказывали большое желание поехать в Россию, чтобы получить там образование и вернуться в свою страну хорошими специалистами. Российское правительство поддерживает стремление монгольской молодёжи получать образование в российских вузах и тем самым тоже способствует укреплению позиций русского языка. Всё это даёт надежду на то, что российско-монгольские отношения продолжают развиваться. А русский язык займёт прочные позиции в Монголии.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Формирование толерантного сознания у иностранных студентов средствами русского языка // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: Сборник материалов Международной конференции. – М., 2011. – С. 437–440.

2. Алешина Л.Н. Формирование межкультурной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному // Проблемы актуализации социально-политического и духовно-нравственного потенциала развития России в условиях выхода из глобального кризиса: Материалы VIII Годичных научных чтений Социально-гуманитарного факультета РГСУ. – М., 2010. – С. 37–40.

**ТРУДНОСТИ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ К
ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКОМ ВОЕННОМ ВУЗЕ**

Я.В. Садчикова, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе, г. Пенза, Россия

Р.С. Намазов, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе, г. Пенза, Россия

**DIFFICULTIES IN TRAINING FOREIGN CADETS IN THE RUSSIAN
MILITARY HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**

*Y.V. Sadchikova, Penza branch of the Military Academy of logistics named after
General of the army A.V. Khruleva, Penza, Russia*

*R.S. Namazov, Penza branch of the Military Academy of logistics named after
General of the army A.V. Khruleva, Penza, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме подготовки иностранных курсантов в российском военном вузе. В результате проведенного опроса среди преподавателей и курсантов, выделяются основные типы трудностей адаптации иностранных граждан в процессе их обучения и описываются рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: военное образование, иностранные курсанты, адаптация иностранных курсантов в различных ситуациях, педагогические условия обучения курсантов.

Abstract. This article deals with the problem of training of foreign cadets in the Russian military higher educational institution. As a result of a survey among professors and cadets, it highlights the main types of difficulties of adaptation of foreign citizens in the process of learning and describes best practices for overcoming them.

Keywords: military education, foreign military personnel, the adaptation of foreign cadets in different situations, pedagogical conditions of training of cadets.

E-mail: yana1407@yandex.ru, ronaldo82@mail.ru.

В современных условиях система российского образования ставит перед собой новые задачи по развитию образовательных услуг в России и за рубежом. Это связано, прежде всего, с интеграцией в европейскую систему высшего образования и расширением международного сотрудничества высших учебных заведений, что направлено как на приобретение нового опыта, так и на повышение конкурентоспособности российских вузов на международной арене.

В сложившейся ситуации одной из актуальных проблем для российских вузов является адаптация иностранных обучающихся в новых для них условиях, которая включает в себя освоения социокультурных норм, приспособление к иным климатическим условиям, времени, к новой системе образования и воспитания, новому языку общения, языковым нормам и традициям.

Проблемой адаптации в новой культурной и языковой среде занимаются ученые разных стран. Вопрос изучения адаптации в условиях межкультурного взаимодействия рассматривали в своих работах В.В. Грищенко, Л.В.Ключникова, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко. В.В. Богданов, А.Вежбицка, Ю.А. Сорокин, И.П. Сусов посвятили свои труды проблеме комплексного изучения языковых средств, используемых в определенных социальных условиях [1, с. 14].

Проблема адаптации иностранного обучающегося будет иметь решения, прежде всего, за счет поиска механизмов, которые помогут ему интегрировать различные влияния культур, решить задачу использования различных языковых средств в конкретных коммуникативных ситуациях. Процесс «вхождения» в чужую культурную среду происходит за счет взаимодействия своей и новой культуры. На основе уже сформированных лингвистической, коммуникативной, ценностно-смысловой, страноведческой компетенций на основе своей культуры, иностранец пытается овладеть базовой моделью поведения в чужом социуме [3, с. 44]. Задачей же преподавателя является подбор и использование механизмов для овладения

иностранцем межкультурной компетентностью, в состав которой войдут все выше упомянутые компетенции.

Говоря о проблеме адаптации иностранцев, обучающихся в российских вузах, следует отметить, что подход к проблеме адаптации иностранных курсантов в военном вузе будет несколько иной, чем в гражданских высших учебных заведениях, где студенты имеют более широкий круг общения, возможность свободного посещения различных мероприятий, проводимых вне учебного заведения, возможность общения в социальных сетях и интернете.

Возможности же иностранного курсанта ограничиваются уставом и сведены к минимуму. Круг общения ограничивается товарищами по службе и ведущими преподавателями и офицерами. Следовательно, первостепенной задачей образовательного учреждения при обучении иностранных курсантов является оказание им помощи при вхождении в новое образовательное и социальное пространство в иноязычной языковой среде.

С целью выявления проблем и трудностей иностранных обучающихся и организовать эффективную работу по их подготовке к дальнейшему обучению в военном вузе, мы провели беседу с преподавателями и курсантами филиала Военной академии МТО в г. Пензе. Целями опроса стали выявление основных трудностей в обучении иностранных курсантов и их причины; способы преодоления этих трудностей и условия необходимые для этого.

К наиболее часто называемым трудностям отнеслись:

– *Бытовые трудности.* Смена бытовых условий, разлука с семьей в чужой стране, нехватка привычной опеки со стороны родителей приводят на первых порах к стрессу. Курсанты жалуются на потерю аппетита, плохое настроение, раздражительность, бессонницу, недосыпания.

– *Языковые трудности.* Курсанты из стран СНГ испытывают меньше проблем в этом направлении, чем прибывшие из дальнего зарубежья. Однако, трудности касаются правильного построения фраз во избежание

двусмыслицы и понимания некоторой терминологии, изучаемой на специальных дисциплинах.

– *Смена климата.* Смена климата также является сильным раздражителем природного ритма человека. Она может вызвать нарушение сна, изменения артериального давления, обострение хронических заболеваний, тем самым снижается мотивация к учебе и к любой деятельности в целом.

– *Трудности освоения норм военной профессии.* С данным типом трудностей сталкиваются не только иностранцы. Ребенок, выросший практически в «тепличных условиях» под опекой старших, попадает в среду, требующую соблюдения устава и строгого режима, а также выполнения немалых физических нагрузок. Для иностранных курсантов эти трудности усугубляются за счет недостаточного знания языка, на котором и предъявляются все требования к нему.

– *Трудности приспособления личности к коллективу.* В филиале ВА МТО в г. Пензе иностранные граждане, прибывшие из стран дальнего зарубежья, обучаются отдельно от российских курсантов. Курсанты же из стран СНГ могут проходить обучение в группе российских будущих офицеров. При этом, соответственно, они сталкиваются с большим количеством трудностей в общении в коллективе за счет отличий в культуре, религии, обычаях, языковой традиции. Но, преодолевают их быстрее и лучше адаптируются за счет нахождения «в среде».

Проанализировав все трудности адаптации, изучив литературу и мнения преподавателей по данной проблеме, были сформулированы рекомендации по преодолению этих трудностей:

– формировать коммуникативные умения иностранных курсантов как на занятиях, так и во внеаудиторной деятельности;

– приобщать иностранцев к русским национально-культурным традициям, используя такие формы работы как совместную организацию

праздников, бесед, круглых столов на культурно-исторические темы, посещение музеев и памятных исторических мест;

– организовать совместную досуговую деятельность иностранных и российских курсантов;

– адаптировать к новым формам учебного процесса, принятого в России, за счет подбора и разработки новых технологий, способствующих преодолению языкового барьера и включению иностранного курсанта в новую образовательную среду;

– создать здоровьесберегающую среду, позволяющую курсантам адаптироваться быстрее к климатическим и бытовым условиям (адаптировать расписание занятий, режим питания, поддерживать здоровый образ жизни и т.д.) [2].

В результате нашего исследования, мы пришли к выводу, что процесс адаптации иностранных граждан в российских военных вузах является сложным и многоаспектным. Для его успешного преодоления требуется совместная работа как самих иностранных курсантов, так и преподавателей, и офицеров, которая будет включать в себя социокультурный, психологический и педагогические аспекты.

Список литературы

1. *Виттенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. – СПб., 1994.*

2. *Ременцов А.Н., Казанцев А.А. Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов в российских вузах // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2011. – № 7.*

3. *Садчикова Я.В. Формирование межкультурной компетентности студентов в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Пенза, 2009. – 181 с.*

УДК 811.1

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА
ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ
ТРЕБОВАНИЙ ФГОС**

*М.К.Силаева, Государственное образовательное учреждение «Промышленно-
строительный техникум», г. Тирасполь, Молдова*

**FORMING OF PROFESSIONAL ORIENTATION ON EMPLOYMENTS OF
RUSSIAN AS ONE OF THE BASIC REQUIREMENTS OF FEDERAL STATE
EDUCATIONAL STANDARDS**

*M. K. Silaeva, State educational institution «Industrial and civil engineering»,
Tiraspol, Moldova*

Аннотация. В настоящей статье раскрывается возможность применения наиболее эффективных методов и приёмов формирования профессиональной направленности, приводятся ситуации их использования на занятиях русского языка. Особое внимание уделяется и отдельным приёмам работы с текстом, терминами, лексическим упражнениям, заданиям на формирование навыков устной и письменной речи, орфографической работе.

Ключевые слова: профессиональная направленность, метод, работа с текстом, термин, устная и письменная речь, кроссворд, лексические упражнения.

Abstract. In this article is dedicated the possibility of using the most effectively methods and ways of forming professional orientation and there are give examples of using them at Russian lessons. Special attention is spares to separate ways of work with a text, terms, vocabulary exercises, activities to develop a skills of verbal and writing speech and spelling work.

Keywords: professional orientation, method, work with a text, to term, verbal and writing speech, crossword, vocabulary and practice.

E-mail: marina_silaewa@mail.ru

Великий педагог Ян Амос Коменский писал: «Какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учащихся серьёзную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу». Преподавателю

русского языка и литературы организаций среднего профессионального образования особое внимание необходимо уделять формированию одной из ключевых компетенций: «Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес» (ОК 1) [10]. Это означает, что преподавание должно быть построено с учетом специфики профессии уже с I курса.

Обучение русскому языку в учреждениях среднего профессионального образования имеет свои особенности: техникум готовит обучающихся по разным специальностям: автомеханик, сварщик, электромонтёр, мастер жилищно-коммунального хозяйства, мастер отделочных строительных работ, дизайнер.

Для формирования профессиональной культуры учащихся необходимо применять различные методы: словесные (беседа, рассказ), наглядные (демонстрация таблиц, схем, электронных презентаций, словарей), практические методы (тренировочные упражнения, деловые игры, исследовательские работы, самостоятельное выполнение заданий проблемного характера и др.). Целесообразно применять разные образовательные технологии: личностно-ориентированное обучение: проблемно-поисковые технологии, игровые технологии; информационные компьютерные технологии.

Вышеперечисленные методы и технологии реализуются на занятиях в следующих формах и видах работы.

При изучении раздела «Язык и речь. Функциональные стили речи» анализируются научные, публицистические, официально-деловые тексты, содержащие профессиональную лексику, составляются собственные тексты разных стилей на темы, связанные с будущей профессией. Например, обучающимся профессии «Автомеханик» предлагается задание: создать текст-описание в научном стиле по теме: «Технические характеристики автомобиля»; обучающимся профессии «Электромонтёр»: создать текст-описание по теме: *«Соединение проводов и кабелей с алюминиевыми и медными жилами различными способами»*.

Эффективна и работа над профессионально-ориентированными текстами, благодаря которой обучающиеся получают новую информацию и систематически пополняют терминологический словарный запас.

В зависимости от профессии подбирается определённый текст, к которому задаются вопросы по теме занятия. В процессе работы, обучающиеся дополнительно узнают что-то новое о выбранной ими профессии.

Работу по обучению учащихся профессиональной лексике необходимо начинать с первых занятий. Эффективны терминологические диктанты (обучающимся профессии «Автомеханик» предлагаются слова: карбюратор, подшипник, трансмиссия, дифференциал, редуктор, амортизатор, рессоры, иммобилайзер, коллектор, тахометр и др.; обучающимся профессии «Мастер ЖКХ»: металл, электросварщик, неплавящийся электрод, сварочный пост, вспомогательный мундштук, шланговый ниппель, листовой металл, газовый коллектор, спецодежда и др.)

При изучении разделов «Лексические нормы» и «Фразеология» особое внимание следует уделять определению значения специальных терминов.

Задание: узнайте слово по его лексическому значению.

1. Синоним двигателя или мотора (*силовой агрегат*).
2. Все агрегаты, передающие энергию от мотора к колёсам (*трансмиссия*).
3. Поддон автомобильного двигателя, предназначенный для накопления смазочного материала, опоры некоторых деталей и защиты автомобильного мотора от дорожной грязи (*картер*).
4. Устройство, запускающее автомобильный двигатель. Представляет собой компактный электромотор, приводящий в движение поршни (*стартер*).
5. Агрегат, преобразующий тепловую энергию в механическую работу (*двигатель*).

Интерес представляет работа с терминами в виде игр. Например, игра «Почтальон», суть которой заключается в следующем: учащиеся должны прикрепить слова-приглашения в одну из трех колонок таблицы:

Слова, понятные всем	Слова, понятные учащимся группы	Слова, непонятные учащимся группы
----------------------	---------------------------------	-----------------------------------

Слова на карточках

чайник		спреер
утюг		стабилизатор
телефон		диэлектрик
тол	пружина	реактор –
часы	шестерня	

Обучение терминологической и профессиональной лексике следует осуществлять и в виде самостоятельной работы. Обучающимся даются задания:

1) Из истории профессионализмов (языковая работа над общетехническими терминами).

2) Создание мини-справочника технической терминологии в форме электронной презентации.

3) Творческие задания: составить самостоятельно текст-описание с использованием профессиональной терминологии – «Технические характеристики автомобиля».

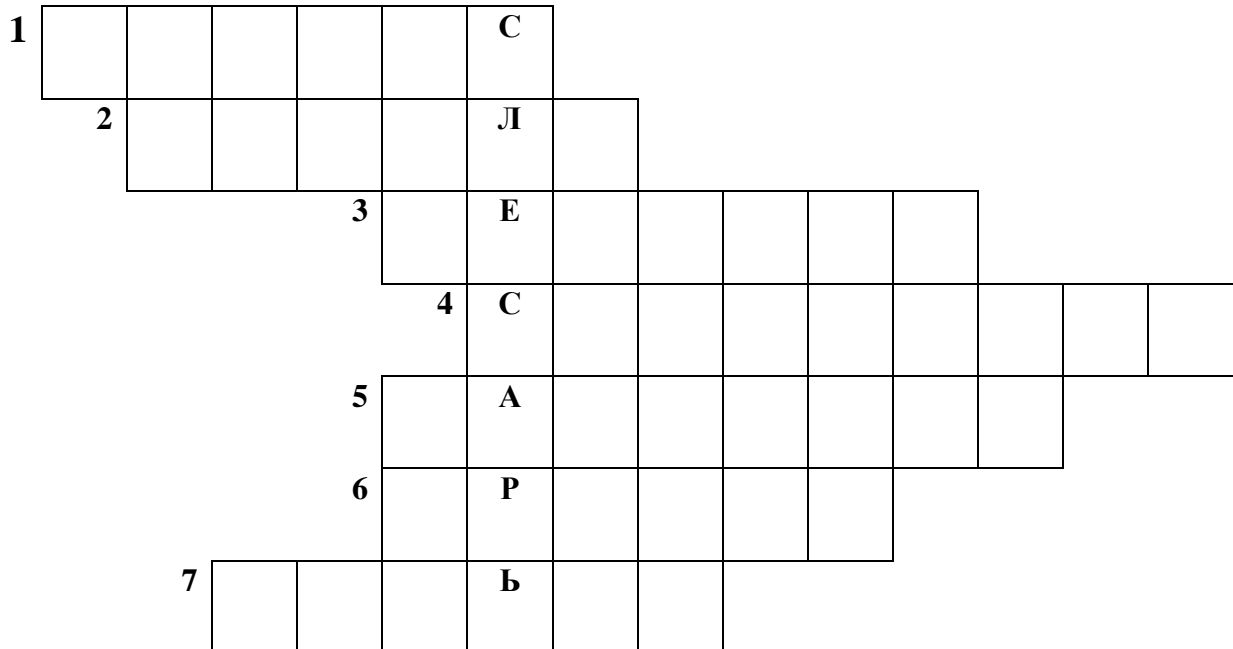
4) Исследовательские работы. Например, для группы автомехаников представляет интерес исследовательская работа по теме «Транспорт в произведениях русской литературы XIX–XX веков».

Следует применять метод «погружения» в профессиональную деятельность, который реализуется в разных формах. Активно используются такие формы, как

- словарно-орфографическая работа. Пример задания: *Вставить пропущенные буквы в данных словах, раскрыть скобки, расставить ударения, определить их значение, найти и показать среди представленных инструментов:*

Крон(ц..ркуль), нон..ус, м..кро(м..тр), штанг..н(ц..ркуль), рейсм..с, керн..р, штанг..н(глубин..мер), зубил.., к..навочник, н..жо..ка , ч..ртилка, труб..ре.., крейц(мейс..ль), в..рстак, штанг..н(рейсм..с);

- разгадывание учащимися тематических кроссвордов. Например,

Вопросы:

1. Равномерная дополнительная шкала с пределом измерений, равным цене деления основной шкалы.
2. Слесарный инструмент, предназначенный для рубки (резки).
3. Инструмент, используемый для нанесения рисок на вертикальной плоскости заготовки.
4. Операция по образованию сквозных и глухих отверстий в сплошном материале, выполняемая при помощи режущего инструмента – сверла.
5. Окончательная слесарная операция, заключающаяся в соскабливании очень тонких слоев материала с поверхности заготовки с помощью режущего инструмента – шабера.
6. Операция по выпрямлению изогнутого или покоробленного металла, которой можно подвергать только пластичные материалы: алюминий, сталь, медь, латунь, титан.
7. Прорезание канавки на цилиндрической поверхности вдоль винтовой линии.

Для развития навыков письменной речи студентам предлагаются темы: «Чем меня привлекает будущая профессия?», «Как я буду работать автомехаником (электриком, мастером ЖКХ, сварщиком и т.д.)», «Я – автомеханик (электрик, мастер ЖКХ, сварщик и т.д.)».

Целесообразно на первом курсе при выполнении творческих работ давать учащимся вопросник, который поможет раскрыть тему и утвердиться учащимся в своих силах. Задания такого рода позволяют даже слабоуспевающим учащимся выполнить работу успешно.

Вопросник:

1. Когда я решил стать автомехаником (электриком, мастером ЖКХ, сварщиком и т.д.).
2. Что ты знал об этой профессии до поступления в техникум?
3. Что нового ты узнал о своей профессии в техникуме?
4. Убедился ли ты в правильности избранного пути?
5. Чем тебя привлекает будущая профессия?
6. Помогают ли в овладении профессией изучаемые общеобразовательные предметы, в частности, русский язык?

Для развития навыков устной речи студентам предлагаются следующие задания:

– Составить текст в виде монологического высказывания на Дне открытых дверей для учеников общеобразовательной школы по определенному плану:

1. Охарактеризуйте те профессии и специальности, по которым готовят учащихся в вашем техникуме.
2. Сообщите школьникам, какие условия созданы в техникуме для получения профессии.
3. Проинформируйте слушателей о традициях и заслугах вашего техникума.
4. Убедите ребят в том, что профессии, полученные в вашем техникуме, являются одними из самых важных и нужных для людей;

– Описать процесс своей работы – на станке, у прибора, аппарата и т.д. Перед учащимися ставлю задачу: словами *нарисовать* картину труда, *показать*

ее так, чтобы читатель *увидел* все своими глазами, чтобы почувствовал то, что чувствуют они.

На занятиях необходимо обучать ребят профессиональному общению.

Интересны упражнения по составлению диалогов и прямой речи на темы:

1. Работа в мастерской.
2. На производственной практике.
3. Практика или экскурсия на базовое предприятие.
4. В сварочной (слесарной) мастерской.
5. Диалог с наставником или мастером цеха.

Систематически необходимо включать профессиональный компонент на занятиях по теме: «Культура речи» и «Орфоэпические нормы», на которых рассматриваются произношение звуков, постановка ударения в словах и в словах-терминах: столяр, маляр, средства, договор, обеспечение, ходатайство, документ, инженеры, шоферы, привод, ходовая часть.

При изучении раздела «Грамматические нормы» эффективны задания на нахождение грамматических ошибок в образовании формы слова (контейнера на погрузке, пять килограмм, много народа, все шофера, две пары носков, несколько мандарин, много яблок, заведываю складом, откладываю на потом, в шестьюстах метрах, в полторах часах езды), а также словообразовательные упражнения:

- найти корень в словах и подобрать однокоренные слова: краска, краситель, окрашенный, красить;
- от данных существительных образовать прилагательные (глаголы, причастия) с тем же корнем: шлифовка – шлифовальный, отшлифованный;
- определить, от каких глаголов образованы имена существительные: шпатлевка, разметка, расшивка, прессование, полировка;
- провести морфемный и словообразовательный разбор слов: газоплазменная (обработка), выпрямитель, пайка, электробезопасность, полуавтоматический, ультразвуковая дефектоскопия, пропан-бутан и др.;
- образовать сложные слова, определить способ их образования, с двумя-тремя словами составить предложение: металл-резать станок, высокий-

качество, автомобиль-механик, газ-сварка, электричество-газ-сварка, электричество-монтер, канава-копать.

При изучении синтаксических норм также применяются различные задания. Пример заданий:

1) *Заменить предложения с причастными оборотами сложноподчиненными по данному алгоритму (алгоритм: причастие = который + глагол):*

1. Легковой автомобиль состоит из агрегатов, систем, узлов и деталей, условно подразделяемых на три основные составные части: двигатель, шасси и кузов.

2. Двигатель автомобиля представляет собой агрегат, преобразующий тепловую энергию в механическую работу.

3. Создаваемый на валу двигателя крутящий момент используется для передвижения автомобиля.

2) *Составьте предложение по предлагаемой схеме*

двигатель

кузов

шасси

Таким образом, в процессе изучения всех разделов учебной программы наблюдается профессиональная направленность, интеграция русского языка с

дисциплинами профессионального цикла убеждает обучающихся в том, что знание русского языка имеет прямое отношение к выбранной специальности.

В целом, использование активных методов обучения и новых образовательных технологий способствует формированию у обучающихся коммуникативной компетенции, языковой, лингвистической и культуроведческой, повышению качества знаний, обучает профессиональному общению в области избранной специальности. Кроме того, материал к занятиям с профессиональной направленностью усваивается на 25% качественнее, чем на стандартных занятиях, а также преподавание учебной дисциплины с профессиональной направленностью создает все условия для подготовки квалифицированных специалистов, способных составить конкуренцию на современном рынке труда.

Список литературы

1. Антонова Е.С., Воителева Т.М. *Русский язык: Учебник для учреждений среднего профессионального образования.* – М., 2014.

2. Антонова Е.С., Воителева Т.М. *Русский язык и культура речи: Учебник для средних специальных учебных заведений.* – М., 2007.

3. Герасименко А. И. *Электрогазосварщик: Учебное пособие.* – Изд. 13-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 409 с.

4. *Автотранспорт.* – 2016. – № 10.

5. Курчаткин В.В. *Техническое обслуживание и ремонт машин в сельском хозяйстве.* – М.: Академия, 2005.

6. Родичев В.А. *Тракторы и автомобили.* – М.: Академия, 2007.

7. Ожегов С.И. *Словарь русского языка. Около 60 000 слов и фразеологических выражений.* – 25-е изд., испр. и доп. / Под общей ред. Л.И.Скворцова. – М., 2006.

8. Пехальский А.П., Пехальский И.А. *Устройство автомобилей: Учебник для студ. учреждений сред. проф. образования.* – М.: Академия, 2010.

9. *Федеральный государственный образовательный стандарт начального профессионального образования по профессии 150709.02 Сварщик*

(электросварочные и газосварочные работы), утв. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. № 588.

10. Шанский Н.М. и др. Школьный фразеологический словарь русского языка: значение и происхождение словосочетаний. – М., 2000.

11. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – М., 2000.

12. Школьный словарь иностранных слов / Под ред. В.В. Иванова. – М., 2000.

УДК 654.19:323

ТЕМА РОССИИ И РУССКОГО МИРА В ЭФИРЕ ПРИДНЕСТРОВСКИХ РАДИОСТАНЦИЙ

*Ю.В. Ткаченко, Приднестровский государственный университет,
г. Тирасполь, ПМР*

THE TOPIC OF RUSSIA AND THE RUSSIAN WORLD IN THE AIR OF TRANSNISTRIAN RADIO STATIONS

Y.V. Tkachenko, Transnistrian State University, Tiraspol, PMR

Аннотация. Тема России и русского мира широко представлена в средствах массовой информации Приднестровской Молдавской Республики. Данная статья посвящена вопросу освещения темы России и русского мира в эфире приднестровских радиостанций.

Ключевые слова: «русский мир», радиоэфир, полиэтничность, Приднестровье.

Abstract. The theme of Russia and the Russian world is widely represented in the media of the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika. This article is devoted to the issue of coverage of the topic of Russia and the Russian world on the air of Transnistrian radio stations.

Keywords: «Russian world», radio air, polyethnicity, Transnistria.

E-mail: julia-polia@mail.ru

Информация о России, ее внешней и внутренней политике, гуманитарных проектах и экономических связях для приднестровской аудитории СМИ, в том числе и радио, важна, пожалуй, не меньше, чем для самих россиян. Обусловлено это, прежде всего, единым духовным, историческим и культурным фундаментом, позволяющим приднестровцам считать себя частью русского мира.

Понятие «русский мир» весьма многозначно и, по утверждению С.Н.Кочерова, интерпретируется в работах российских исследователей, по меньшей мере, с четырех различных точек зрения. «Во-первых, он понимается как геополитическая реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам (А.Г. Дугин, А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский). Во-вторых, русский мир осознается с геоэкономических позиций как сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира, России (П.Г. Щедровицкий, Т.В. Полоскова, В.М. Скринник). В-третьих, русский мир воспринимается как уникальная этнокультурная общность людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями, проживающих далеко не только в России (В.А. Никонов, Н.Н. Нарочницкая, В.А. Тишков). В-четвертых, русский мир позиционируется как православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову (Патриарх Кирилл, Лаврентий Черниговский)» [1].

Все эти определения в той или иной мере позволяют включить в ареал русского мира и Приднестровье. Уникальность политической и социокультурной модели Приднестровья заключается в, казалось бы, парадоксальном сочетании полиэтничности, полилингвальности с четкой ментальной и духовной ориентацией на русский вектор развития. В этом контексте именно русская культура и русский язык становятся стержневым элементом приднестровской этнокультурной общности.

По мнению руководителя Института русского зарубежья С. Пантелеева, Приднестровье – это «единственное место, где в условиях распада советской системы, несмотря на жестокую вооруженную агрессию молдо-румынских этнократов, несмотря на уклончивую на тот момент позицию Москвы, победили силы, выступавшие за русский язык, за русскую культуру и за русскую цивилизационную модель сосуществования разных этносов» [2].

А. Воронцов подтверждает эту мысль. «События в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье среди многих причин связаны с тем, что у этих народов хотели отнять не только независимость, но и русский язык, русскую культуру» [3]. В прошлом году приднестровцы отмечали 10-летний юбилей референдума о независимости республики. Показательно, что в 2006 году на вопрос «Поддерживаете ли Вы курс на независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации?» 97,1 % граждан республики ответили положительно.

Всего за время подготовки к референдуму в эфире радио Приднестровья был размещен 351 материал, рассказывающий об отношении приднестровцев к предстоящему референдуму. <...> 17 сентября 2006 года в эфире «Радио ПМР» прозвучало 11 информационных выпусков объемом 165 минут (2 часа 45 минут) на трех государственных языках – русском, украинском, молдавском – о ходе референдума в городах и районах республики [4, с. 194].

Сегодня тема России и русского мира не менее широко представлена в эфире приднестровских радиостанций. Проведенный анализ новостей государственной радиостанции «Радио 1» [5] за месяц (30 дней) с 10.02.2017 по 11.03.2017 показал, что из 970 прозвучавших в эфире новостных сообщений 135 (13,92%) затрагивают тему России.

Особое внимание в выпусках новостей уделяется взаимоотношениям между Российской Федерацией и Приднестровской Молдавской Республикой в различных сферах: политической, экономической, гуманитарной. Наиболее значимыми для аудитории темами становятся:

– встречи и договоренности на высшем уровне (*Приднестровье планирует посетить замминистра иностранных дел России Григорий Карасин. Двусторонние отношения России и Приднестровья – одна из тем встречи президента Вадима Красносельского с помощником вице-преьера РФ Дмитрия Rogozина Дмитрием Лоскутовым. Итоги работы делегации Верховного Совета в Москве. Социальные вопросы были важнейшими в повестке визита парламентской делегации Приднестровья в Россию*) [5];

– экономическое и социальное взаимодействие (*Приднестровским экспортёрам нужно вновь завоёвывать российский рынок. Экономическое сотрудничество, увеличение поставок приднестровской продукции в Россию. Российские эксперты посетили Правительство. Президент ПМР обсудил перспективы развития взаимоотношений в энергетическом секторе с представителями «Газпрома». Приднестровские парламентарии готовы подготовить и представить в Госдуму России поправки в закон о материнском капитале*) [5];

– сотрудничество в области образования и молодежной политики (*Молодёжный парламент надеется расширить географию сотрудничества с российскими коллегами. Россотрудничество поздравило преподавателей и студентов госуниверситета с Международным женским днём. Завершился первый этап конкурсного отбора на обучение в вузах России. Представители Приднестровья приглашены на Всемирный форум молодёжи в Сочи. Школа инновационной журналистики Sputnik начинает свою работу в Приднестровье*) [5];

– миротворческая миссия России в Приднестровье (*Перспективы переговорного процесса между ПМР и Молдовой - тема встречи президента Вадима Красносельского с Послом по особым поручениям МИДа РФ Сергеем Губаревым. Памятник российским миротворцам появится в Бендерах*) [5].

Эти темы представляют для приднестровской аудитории особую ценность, так как напрямую затрагивают вопросы, жизненно важные как для граждан, так для государства в целом.

Еще один блок новостей актуализирует тему «Приднестровье как часть русского мира». СМИ демонстрируют сближение двух государств на разных уровнях:

– правовом (*Косачев: Россия прорабатывает возможность упрощённого получения гражданства жителями Приднестровья. Парламент Приднестровья продолжит гармонизацию законодательства ПМР с российским*) [5];

– лингвистическом (*Сегодня в мире отмечают Международный день родного языка. Отметят Международный день родного языка и в Приднестровье. В Минпросе поздравили победителей международной олимпиады по русскому языку «Светозар»*) [5];

– ментальном (*В ПМР российский триколор будет использоваться наряду с государственным флагом. В Приднестровье к профессиональным праздникам и памятным дням добавились еще две. Соответствующий указ накануне подписал президент Вадим Красносельский. Это День начала отражения широкомасштабной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики – 2 марта и День России – 12 июня*) [5].

Кроме того, активно освещаются вопросы внешней и внутренней политики России. В первую очередь в поле внимания радиожурналистов попадают:

– заявления первых лиц РФ (*Путин: Ситуация в мире за последний год не стала спокойнее. Шойгу: Российские военные предотвратили распад Сирии. Мария Захарова о Крыме: Россия не возвращает свои территории*) [5];

– действия России на внешнеполитической арене (*Владимир Путин на следующей неделе проведет переговоры с Игорем Додоном. Президент Сирии назвал Россию единственной серьезной силой в борьбе с террористами ИГИЛ. Отношения России и Китая прошли проверку на прочность. В турецкой Анталье проходит трехсторонняя встреча российских, турецких и*

американских военачальников. Россия не рассматривает вопрос о вступлении в ОПЕК) [5];

– внутривластные и социальные вопросы (Правительство России обнародовало план приватизации до 2019 года. Общероссийский народный фронт представил новый проект в интернете — «Карту убитых дорог». Более 30 тысяч человек приняли участие во Всероссийской акции «Выходи решать!». Госдума России единогласно продлила бессрочную приватизацию жилья) [5];

– информация о праздниках и памятных датах (Космонавты Международной космической станции поздравили женщин Земли с Международным женским днем. Ровно в полночь 8 Марта в России прямо на Кремлевской стене у Спасской башни появилась видеоткрытка. На Масленичной неделе в Москве на ВДНХ установили робота-блинопека) [5].

Эта информация напрямую не влияет на жизнь граждан республики, однако позволяет приднестровцам ощущать сопричастность событиям, происходящим в России.

Также к тематике русского мира можно отнести новости: о деятельности СНГ (*В СНГ намерены создать единую электронную библиотеку) [5];* о внутренней и внешней политике Белоруссии (*В Белоруссии вступает в силу пятидневный безвизовый режим для иностранцев. В Белоруссии продолжаются протесты против введенного «налога на тунеядство». Евросоюз продлил санкции против Белоруссии) [5];* о жизни в непризнанных республиках ДНР и ЛНР (*Разминирование Донецкой фильтровальной станции закончено. Премьер министр Украины подсчитал убытки от блокады Донбасса. В Донбассе может появиться около 20 зон безопасности. Блокада Донбасса остановила работу Алчевского металлургического комбината) [5].*

Стоит отметить, что тематика русского мира представлена в эфире «Радио 1» и информацией культурологического, исторического и аксиологического характера. В таких сообщениях Россия не упоминается вообще, однако их контекст позволяет судить о ценностном, духовном и

ментальном единстве двух государств, которое основано на общей истории (Сегодня каменчане отмечают День памяти Героя Советского Союза Ивана Солтыса. Ветеранам Великой Отечественной и лицам, приравненным к ним, расширяют перечень льгот. Воины-интернационалисты смогли задать свои вопросы премьер-министру) [5]; общих традициях (В городах и районах накануне прошли масленичные гуляния. В Приднестровье широко отметили Масленицу) [5]; единых духовных ориентирах (В Дубоссарах обсудили подготовку к проведению Дней православной книги. У православных христиан начинается Великий пост) [5].

Проведенный анализ показал значимость данной тематики для средств массовой информации Приднестровья и их аудитории. Показательно, что в информационных выпусках «Радио 1» каждый день звучит от двух до двенадцати сообщений, посвященных России и русскому миру. В интервью телеканалу RT Президент ПМР В.Н. Красносельский отметил: «И друзья, и враги называют Приднестровье частью русского мира. Все с этим согласны. Почему? Да потому что русский мир – это действительно вековая история Приднестровья. У нас общие ценности, общая мораль, общая вера» [6].

Список литературы

1. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2014. – №5-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-mir-problema-opredeleniya> (дата обращения: 12.03.2017).
2. Пантелеев С.Ю. О месте Приднестровья в геополитике Русского мира // Изборский клуб. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/10349/> (дата обращения: 9.03.2017).
3. Воронцов А.В. Русский язык в современном мире // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennot-mire> (дата обращения: 10.03.2017).
4. Волкова А.З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989–2006). – Тирасполь: ГУИПП «Тинар», 2006. – 392 с.

5. Радио 1 (Радио Приднестровья) // ГУ «Приднестровская Государственная Телерадиокомпания»: Официальный сайт. URL: <http://radio.pgtrk.ru/> (дата обращения: 12.03.2017).

6. Красносельский В.Н. «Мы являемся частью русского мира»: новый президент Приднестровья в интервью RT // Телеканал RT: Официальный сайт. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/342248-pridnestrove-prezident-krasnoselskii-intervyu> (дата обращения: 7.03.2017).

УДК 811.1/8

ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЛЖИРЕ

Феллаг Шебра Мохамед Эль Амин, Финансовый университет при

Правительстве Российской Федерации, г. Москва

(научный руководитель – И.А.Зайцева, к.ф.н., доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

LEARNING AND USING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN ALGERIA

Fellague Chebra Mohamed El Amine, Financial University under

the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – I.A. Zaytseva, Cand.Phil.Sci., associate professor Departmenta of language preparation of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с изучением русского языка в Алжире. Также отмечается роль русского языка в развитии дальнейших российско-алжирских отношений.

Ключевые слова: российско-алжирские отношения, русский язык, университет, частные школы, культурный центр.

Abstract. In this article, we discuss the methods available to the Algerian people to learn the Russian language, as well as the use of the Russian language in Algerian territory.

Keywords: Russia-Algerian relations, Russian Language, University, private schools, cultural center

E-mail: fellaguechebramea@mail.ru, slunce@inbox.ru.

Отношения Алжира и России имеют давнюю историю. Посольство России находится в столице страны, городе Алжире, консульство России расположено в крупнейшем городе северо-восточного Алжира, в Аннабе. Посольство и консульство Алжира также находятся в Москве.

Российско-алжирские отношения стали формироваться в годы войны за независимость (1954–1962 гг.), когда Россия (в то время СССР) оказала поддержку и помощь алжирскому народу, боровшемуся против колонизаторов за признание прав алжирцев на независимость. Межгосударственные отношения продолжали развиваться и после завоевания независимости Алжира. 23 марта 1962 года – важная дата в истории алжирского государства. Именно в этот день СССР установил с Алжиром дипломатические отношения. СССР стал первым государством в мире, сделавшим это, причем за 4 месяца до официального объявления независимости Алжира.

Развитие российско-алжирских отношений привело к необходимости изучения русского языка в Алжире. Первый вопрос, который возникает, когда мы говорим о русском языке в Алжире, – где, как и с каких пор изучается русский язык в Алжире?

Известно, что в России всегда успешно развивалась своя система образования, поэтому возникла необходимость установления связей между Алжиром и Россией в области образования. Также существует потребность в обмене опытом с Россией для дальнейшего развития алжирской системы образования, а также изучения русского языка в Алжире. В период существования СССР в рамках обмена студентами многие алжирцы получили образование на русском языке. В настоящее время также немало студентов из Алжира получают степень бакалавра, магистра и доктора наук в России, обучаясь сначала на подготовительном факультете, который позволяет студенту выучить русский язык и продолжить обучение на территории Российской Федерации.

Точно так же крупные алжирские университеты предлагают языковую подготовку по русскому языку. Все они имеют лицензии на данный вид работы с момента обретения независимости. Преподаватели таких вузов проходят повышение квалификации в России. Например, в Алжирском государственном университете, на факультете искусств и гуманитарных наук, предлагают желающим обучение русскому языку. Преподаватели этого вуза имеют опыт подготовки специалистов в области русского языка, начиная с 1962 года. Кроме того, в настоящее время в Алжире распространена практика изучения русского языка в частных школах. Преимущество изучения русского языка таким образом заключается в том, что школы могут предложить интенсивные курсы для тех, кому не нужен диплом университета.

Большое значение для развития российско-алжирских отношений, а также для распространения русского языка и культуры в Алжире имеет работа, которая проводится сотрудниками культурного центра в Алжире. В 2015 году был организован симпозиум «О перспективах российско-алжирских отношений в третьем тысячелетии», который состоялся в Университете Алжира при Департаменте Восточных и славянских языков. Андрей Яковлев, первый секретарь и атташе по вопросам культуры и коммуникации в Посольстве Российской Федерации в Алжире, объявил повторное открытие российского культурного центра в Алжире. Первый секретарь и атташе по вопросам культуры и связей в посольстве Российской Федерации в Алжире приветствовал возвращение русского балета в Алжир после 25-летнего отсутствия. Участниками симпозиума была выражена надежда на то, что в скором времени будет восстановлен культурный центр, который существовал в Алжире во время СССР и был закрыт из-за отсутствия безопасности в Алжире в 1990-х годах.

Второй вопрос, который возникает при размышлении о современном состоянии русского языка в Алжире, наверное, самый главный: зачем необходимо изучать русский язык в этой североафриканской стране?

Как уже упоминалось, российско-алжирские отношения строятся на культурных, политических, а также экономических связях. Российские компании,

работающие в Алжире, будь то малый или крупный бизнес, например, Газпром-Алжир, Ростехнологии, Роснефть-Стройтрансгаз-Ltd и т.д., сформировали русскую общину, которая существует в Алжире с 70-х годов и активно развивает сотрудничество в рамках коммерческих и технических обменов. Таким образом, знание русского языка в Алжире даёт возможность найти работу и облегчает общение в российско-алжирских компаниях.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Диалог культур: проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // *Межкультурное общение: контакты и конфликты: Материалы Первой Международной научной конференции.* – М., 2015. – С. 27.

2. Алешина Л.Н. Концепция инновационного развития образования российских вузов // *Проблемы и перспективы социально-экономического, правового реформирования и модернизации современного государства и общества: Материалы международной научно-практической конференции.* М., 2011. – С. 3–4.

УДК 42/48 (07)

АКТИВИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ

Чедия Е.Х., Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

ACTIVIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS IN UNIVERSITY

Chedia E.K., Abkhazian state university, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме активизации учебной деятельности студентов в вузах. В настоящее время перед методической наукой встала проблема методов активизации самостоятельной учебной деятельности студентов.

Ключевые слова: активизация, активность, познавательная активность, познавательная деятельность, метод обучения.

Abstract. This article is devoted to the problem of activization of educational activity of students in universities. At present, methodological science faces the problem of methods of activating independent student learning activities.

Keywords: activization, activity, cognitive activity, cognitive activity, method of instruction.

E-mail: bika_chedia@mail.ru

В настоящее время перед методической наукой встала проблема методов активизации самостоятельной учебной деятельности студентов.

Исследованию проблемы активизации посвящены труды многих ученых, таких как: З. А. Абасова, А. А. Алхазишвили, Л. П. Аристовой, А.А.Вербицкого, И.А. Зимней, Г.А. Китайгородской, И.Ф. Комкова, Е.В.Коротаевой, А.А. Леонтьева, А.М. Матюшкина, М.И. Махмутова, Р.А.Низамова, Н.Д. Никандрова, В.И. Орлова, Т.И. Шамовой, Г.И. Щукиной и многих других.

Прежде всего, дадим трактовку понятию «активизация».

В педагогической литературе «активизацию» понимают как процесс стимулирования учителем «активности» учащихся с помощью специальных форм, методов, приемов, средств и содержания обучения [5].

Также «активизацию» рассматривают как:

- процесс, который обеспечивает активность [4];
- способ, прием повышения эффективности обучения [3].

Эти определения позволяют нам понять, что резервами активизации процесса обучения являются использование специальных активных методов, приемов, средств, форм, содержания обучения, а так же высокий уровень активности и взаимодействия между составляющими учебного процесса.

На сегодняшний день познавательная активность определяет не только объём знаний, но и общее развитие, высокую культуру мышления, умение включать знания в практическую деятельность и применять их в новых условиях обучения студентов в вузах, а так же должно способствовать развитию познавательной активности и самостоятельности обучаемых. По

этому в вузах особое внимание должно уделяться таким формам занятий, которые способствуют активному участию каждого студента в проведении занятий, и повышает их учебную деятельность.

Чтобы точно понимать определения «познавательная деятельность» и «учебная деятельность», рассмотрим данные понятия.

Познавательная деятельность – это единство чувственного восприятия, теоретического мышления и практики. Она осуществляется во всех видах деятельности и социальных взаимоотношений учащихся, а также путем выполнения различных предметно-практических действий в учебном процессе. Но только в процессе обучения познание приобретает четкое оформление в особой, присущей только человеку учебно-познавательной деятельности [1].

По мнению С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского и др. деятельность является главным условием формирования психических свойств личности, важнейшей основой развития человека и формирования общественной личности. Поэтому для педагогики вне деятельности невозможно решать задачи учебно-воспитательного процесса [6].

Учебно-познавательная деятельность – это специально организуемое самим обучаемым или извне познание с целью овладения богатствами культуры, накопленной человечеством. Ее предметным результатом являются научные знания, умения, навыки, формы поведения и виды деятельности, которыми овладевает обучаемый [7].

Для *активизации учебной деятельности* необходимо использовать методы, приемы и средства обучения, которые способствуют повышению активности, интереса, формирования умений и навыков, творческой самостоятельности студентов в усвоении знаний, а так же применению их на практике. К таким методам и приемам относится формулировка проблемы, которая должна быть разрешена при наглядном использовании на практики. При использовании проблемы на практикуме можно использовать индивидуальные, групповые и фронтальные формы работы, которые

способствуют развитию самостоятельного мышления и принятия решений, а также их обоснованию [2].

Чтобы активизировать студентов в учебный процесс нужно их заинтересовать, разбудить в них активность. Это можно реализовать с помощью различных приемов и видов упражнений, как индивидуальных, так и групповых.

Главным условием формирования познавательной активности студентов являются содержание и организация лекции. Отбирая материал и продумывая приемы, которые будут использованы на лекции, прежде всего, оцениваю их с точки зрения возможности возбудить и поддерживать интерес к предмету.

Рассмотрим несколько методов активизации познавательной деятельности.

Одним из методов активизации познавательной деятельности студентов является *проведение нетрадиционных уроков* – это уроки-путешествия, уроки-сказки, дебаты, соревнования, студенческие конференции, интегрированные уроки. Такие лекции формируют позитивную мотивацию и отношение студентов к учебной деятельности, активизирует стремление студентов к более глубокому познанию изучаемой дисциплины, необходимость к самообучению, а также активизирует мыслительную и познавательную деятельность, улучшает эффективность обучения.

Еще одним способом активизации познавательной деятельности являются *творческие задания*. На уроках и для домашних заданий можно часто использовать творческие задания такого характера, как:

– подготовка коротких докладов к урокам с иллюстрациями (например, о жизни и деятельности выдающихся историков). Важной причиной познавательного интереса, связанной с содержанием обучения, является исторический аспект знаний;

– составление диалогов по определенной теме (их можно разыгрывать на уроке, так как учащиеся не любят читать готовые диалоги, но всегда с удовольствием и интересом воспроизводят и разыгрывают диалоги

собственного сочинения). При составлении диалогов развивается навык творческой работы, давая студентом возможность внести свой вклад в процесс проведения лекции, можно не только подтолкнуть студентов работать упорнее, но это также развиваеете желательный склад ума.

Таким образом, мы можем придти к выводу, что внедрение активных методов обучения в процессе обучения подтверждает их эффективность, что обеспечивает динамику развития личности студентов, появляется профессиональная заинтересованность в предмете, повышается коммуникативная компетентность студентов.

Список литературы

1. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
2. Беспалько В.П., Селезнева Н.А. Фонды комплексных квалификационных заданий по специальностям высшего образования: Методические рекомендации по разработке. – М.: Исследовательский центр, 1989. – 211 с.
3. Глухов Б.А., Шукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. – М., 1993.
4. Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 175 с.
5. Низамов Р.А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов. – Казань: КГУ, 1975.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: Учебное пособие для вузов. – СПб.: Питер, 2007.
7. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Под ред. В.А.Слостенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
8. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.

УДК 821.161.1

**ЯЗЫК АВТОРА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И РИТОРИЧЕСКИЙ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ**

*К.Ф. Герейханова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

**THE LANGUAGE OF THE AUTHOR OF THE POSTMODERN EPOQUE
AND RHETORICAL TERMINOLOGICAL APPARAT**

*K.F. Gereikhanova, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена анализу языка писателя-постмодерниста как уникальному явлению в литературоведении, к которому неприменимы категории анализа, принятые в традиционном, «классическом» литературоведении. Провозглашаемая постмодернизмом «смерть автора» подразумевает анализ языка автора в иных категориях, и в данном исследовании предлагается использовать для этой цели терминологический аппарат риторики.

Ключевые слова: литературный язык, язык художественной литературы, авторский язык, постмодернизм, риторика.

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the postmodern writer as an unique thing in the literary studies, which could not be analyzed within the categories of “classic” literary studies. The “death of the author” which is declared by the postmodern writers means the usage of other terminological apparat of categories and this research proposes to use an idea of the usage of rhetoric terminological apparat.

Keywords: literary language, fiction language, author’s language, postmodernism, rhetoric.

E-mail: kamilla@adm.iile.ru

В рамках эстетики постмодернизма представление о литературном языке и языке конкретного автора кардинально изменяется. Основная черта постмодернизма – эклектика, смешение и взаимопроникновение жанров.

Стираются границы между одним текстом и другим, одним жанром и другим, массовостью и элитарностью: текст в эпоху постмодерна играет с рекламой, анекдотом и пр.

Один из важнейших теоретических постулатов постмодернизма – разрушение границ. Впервые этот тезис провозгласил Л. Фидлер в статье 1969 г. «Пересекайте границы, засыпайте рвы» [3, с. 54]. Разрушение границ и взаимопроникновение разных текстов приводит к тому, что при написании произведения автор пользуется «двойным кодированием» (термин Ч. Дженкса, автора программной статьи «Взлет архитектуры и постмодернизма» 1975 г.): текст пишется по-разному для разных читателей, элитарный и массовый читатель воспринимают его с одинаковым удовольствием, но видят в нем разное [3, с. 55]. Невозможность единой трактовки текста и единого понимания авторской точки зрения приводит к «смерти автора» (термин, используемый в работах Р. Барта и М. Фуко).

Однако это поверхностные приемы постмодернизма, связанные с настойчиво декларируемым отсутствием автора и эклектизмом стиля. Этот прием не нов и не принципиален для анализа языка писателя-постмодерниста. В конце концов, это вынуждает исследователей только добавить в текст работу над стилем данного жанра – газеты, программы, интервью и т.п.

Гораздо более интересна следующая логическая ступень в развитии постмодернистской эстетики – «если автора нет, то автором может быть любой».

Писатель в таких условиях – это всего лишь более-менее удачливый компилятор. Читатель текста – такой же компилятор (об этом свидетельствует уже одно наличие телевизора с возможностью постоянного переключения каналов и создания, тем самым, некоего эклектичного текста, или наличие

гиперссылок в Интернете, которые позволяют каждому пользователю избирать свой путь восприятия информации).

Ясно, что для ситуации постмодернизма неприложимы категории классического литературоведения, иными словами, «авторской» теории – той, что рассчитана на литературу с автором. Возникает проблема – какой же терминологический аппарат использовать при анализе произведений писателя-постмодерниста?

Понятие «литературный язык» определяется в Лингвистическом Энциклопедическом Словаре как «основная, наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» [5, с. 270]. Подчеркнуто отличие литературного языка от языка художественной литературы, который может включать в себя «помимо литературных языковых форм элементы территориальных диалектов и полудиалектов, жаргонизмы» [5, с. 271].

Сложные взаимоотношения языка художественной литературы и литературного языка еще более осложняются тем, что и тот, и другой представляют собой динамические системы, постоянно меняющиеся под влиянием друг друга. Литературный язык составляет основной фонд единиц и конструкций, используемых языком художественной литературы. С другой стороны, язык художественной литературы определяет собой кодификацию единиц: ориентир для нормы – прежде всего классическая художественная литература. «Нельзя смешивать понятия «язык художественной литературы» и «литературный язык», однако не следует их и разрывать. ... Художественная литература – мастерская, в которой шлифуются нормы литературного языка. Язык художественной литературы – это образец литературного языка, на который равняются в отборе языковых средств и в речепотреблении, это критерий правильности речи, своего рода идеальная норма (имеется в виду авторская речь). Кроме того, при всей специфичности использования языка

писателями, язык их произведений не становится качественно новым явлением (это не какой-то особый язык), иначе он не был бы понятен народу» [4, с. 79].

Лингвистический анализ языка художественной литературы неизбежно сталкивается со многими проблемами. В.В. Виноградов пишет: «Специфика «языка» художественной литературы не может быть раскрыта во всей ее сложности только с помощью методов и приемов лингвистического изучения языковой системы или структуры» [1, с. 115]. Язык художественной литературы, по Виноградову, является одновременно и одним из воплощений общей системы национального языка, и системой средств художественного выражения. Поэтому история изучения языка художественной литературы соприкасается, с одной стороны, с историей общенародного языка, а с другой стороны, «задачи исследования стилистическо-речевой специфики художественной литературы оказываются тесно связанными с изучением общих закономерностей развития литературного языка и вместе с тем далеко выходящими за границы такого изучения. Исследование языка художественной литературы как словесного искусства неотделимо от исторического анализа форм и типов композиционной структуры литературных произведений, приемов речевого построения образов персонажей, господствующих в ту или иную эпоху принципов организации «образа автора» [1, с. 111 – 112].

При этом статус языка художественной литературы неясен: чаще всего его называют особым функциональным стилем языка. Однако особенность функционального стиля – использование определенного набора средств в зависимости от типичной ситуации общения. Так, разговорный стиль используется в ситуации непринужденного общения хорошо знакомых людей, официально-деловой – в общении людей, связанных друг с другом, как правило, профессиональной деятельностью. Язык художественной литературы при этом может использовать средства любого функционального стиля: и научного, и официально-делового, и разговорного, и публицистического. Г.О.Винокур называет язык художественной литературы особым модусом языка: «одна и та же система языка может иметь различное жизненное

назначение, служить разным областям культуры, выражать различные модусы сознания. Например, можно говорить о поэтическом языке как об известной обособленной области языкового употребления, характеризующейся возможным присутствием в ней таких форм, слов, оборотов речи, которые в других областях употребления не встречаются. Но выражение «поэтический язык» может означать также язык в его художественной функции, язык как материал искусства в отличие, например, от языка как материала логической мысли, науки. В этом случае речь будет идти уже не о «стиле речи», а об особом модусе языка, о предназначенности его для передачи смысла особого рода, именно того, какой искусство специфическим образом несет в жизнь в той мере, в какой оно отличается от остальных областей культурного творчества» [2, с. 51].

Обобщая проблемы, связанные со статусом языка художественной литературы, М.Н. Кожина отмечает следующие аргументы сторонников выделения его в особую категорию: «1) язык художественной литературы не включается в понятие литературного языка; 2) язык художественной литературы многостилен, незамкнут; вбирая в себя прочие функциональные стили, он в то же время не имеет специфических языковых примет; 3) у языка художественной литературы особая, эстетическая функция» [4, с. 78].

Отличительные черты языка художественной литературы в разных школах трактуются по-разному: «Выдвижение на первый план в качестве основного признака языка художественной литературы какой-либо одной черты («психологическая образность» в концепции Потебни, «остранение привычного» в концепции русского формализма, «установка на выражение как таковое в концепции пражской лингвистической школы и Якобсона, «типическая образность» в концепциях ряда советских эстетиков) является как раз признаком языка художественной литературы данного литературно-художественного течения или метода, к которому принадлежит и данная теоретическая концепция. В целом же язык художественной литературы

характеризуется совокупностью и вариативностью названных признаков, выступая как их инвариант» [5, с. 609].

Своеобразие языка определенного писателя создается за пределами литературного языка. Еще члены Пражского Лингвистического Кружка, в частности, Гавранек, говорили о двух противоборствующих и сосуществующих тенденциях в литературном языке – тенденции к унификации, выражающей интересы слушающего, и тенденции к разнообразию, выражающей интересы говорящего. Индивидуальный авторский язык, безусловно, подчиняется второй тенденции – и поэтому его уникальность выражается прежде всего в использовании элементов, не принадлежащих к регламентированному, кодифицированному литературному языку.

Отношения между литературным языком, языком художественной литературы и индивидуальным языком писателя можно представить следующим образом: язык конкретного писателя создается на границе литературного языка и особенностей, присущих художественной литературе.

Если сравнить ситуацию в той отрасли лингвистики, которая занимается анализом языка конкретного автора, для классической литературы и постмодернизма по основным критериям, можно прийти к следующим выводам:

Критерии	Классическая («авторская») литература	Постмодернизм
Отношение к норме	Язык автора создается в отступлении от нормы (т.е., «в присутствии нормы»).	Нормы нет.
Отношение к субъекту восприятия	Текст выражает намерения автора	Текст выражает интересы читателя (т.к. создается читателем при прочтении, а не писателем при написании)

Очевидно, что критерии классического анализа языка писателя не подходят для анализа текста постмодернизма.

Текст постмодернизма – это текст, обладающий тремя основными особенностями:

(1) каждый воспринимает (=создает) его по-своему; он выражает интересы адресата автора;

(2) он не подчинен нормам; об этом говорит, например, появление в Интернете текстов с откровенно неверной орфографией (не только в чатах, но и на сайтах), но, тем не менее, отлично воспринимающихся получателем;

(3) он включает отрывки других текстов.

В словесности существует текст, отвечающий всем тем же критериям. Это риторическая речь. Любое выступление – будь то речь адвоката или прокурора в суде, тост или надгробная речь, выступление на совещании и т.п. – обладает теми же особенностями:

(1) каждый слушатель воспринимает риторический текст по-своему в силу особенностей устной речи. Восприятие письменной речи можно регулировать: она развивается в пространстве, и это значит, что при чтении письменного текста есть возможность вернуться (перечитать то, что непонятно, вспомнить то, что забыто). Устный текст развивается во времени. Возможности вернуться к прослушанному фрагменту нет. Именно поэтому, как бы ни старался оратор сплотить слушателей и отрегулировать их восприятие, все равно каждый получатель текста «получает свой текст»;

(2) определенных норм в риторической речи нет: она всецело подчинена нуждам и интересам слушателей, оратор вынужден говорить с ними на их языке, так как главное в риторике – добиться результата, а для этого часто приходится поступаться средствами, в том числе и нормативным языком;

(3) как уже упоминалось выше, риторика нацелена на результат – именно поэтому текст выражает интересы не того, кто добивается результата, а того, от кого его добиваются;

(4) несмотря на публикации речей известных ораторов, понятие авторства в риторике также фактически отсутствует. При обучении красноречию с древних времен предписывалось подражать великим ораторам. Более того, по законам риторики, использование в своей речи удачного аргумента или сравнения, уже использованного другим оратором, плагиатом не считается.

Именно поэтому для анализа текста писателя-постмодерниста приложим риторический терминологический аппарат. Риторика использует практически те же категории и понятия, что и лингвистика, однако в другой перспективе: насколько они позволяют воздействовать на слушателей и убеждать их. Соответственно, рассмотрение тех же способов и приемов развивается по другой схеме: нахождение мыслей (изобретение), порядок их изложения (расположение) и облечение их в слова (элокуция):

ИЗОБРЕТЕНИЕ	связи, определяющие логическое развитие мысли; аргументы, использованные для подкрепления своей точки зрения
РАСПОЛОЖЕНИЕ	соотношение частей
ЭЛОКУЦИЯ	тропы, структура фразы

Такие приемы анализа применимы по большей части к крупным фрагментам текста, обладающим самостоятельной ценностью. Анализ произведения писателя-постмодерниста как риторической декларации с точки зрения терминологического аппарата риторики позволит раскрыть новые грани творчества писателя и рассмотреть используемые им средства с неожиданной стороны. Риторика подчиняет коммуникативной функции все остальные. Поэтому риторический анализ прежде всего отвечает на вопрос «зачем?». Любая фигура речи, троп, аргумент и т.п. применяются автором с какой-то конкретной целью.

Список литературы

1. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. – М.: Гослитиздат, 1959. – 655 с.
2. Винокур Г.О. *О языке художественной литературы*. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
3. Кихней Л.Г., Термишина О.Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. – 2002. – № 3. – С. 53 – 64.
4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. *Стилистика русского языка*. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
5. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

УДК 882(092)

МЕТАСЮЖЕТ «ПУТИ» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

*Ю.Ю. Дмитриева, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

META-SUBJECT «ROUTE» IN EARLY POETRY BY NIKOLAY GUMILEV

*Yu.Yu. Dmitrieva, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

*L.G. Kikhney, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена интерпретации идеи пути в поэзии Николая Гумилева. Анализ ряда стихотворений из сборников «Путь конквистадоров», «Жемчуга»,

«Романтические цветы» показывает, что уже в ранней поэзии Гумилева складывается миф о пути, который определяет магистральный сюжет всего его художественного творчества

Ключевые слова: лирическая образность, лейтмотив, метасюжет лирики, миф о пути.

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the idea of the route in the poetry of Nikolai Gumilev. The analysis of a number of poems from the collections «The Way of the Conquistadors», «Pearls», «Romantic Flowers» shows that already in Gumilev's early poetry there is a myth of the route that defines the main plot of all his artistic creativity.

Keywords: Lyric imagery, leitmotif, meta-subject of the lyrics, the myth of the path.

E-mail: holzformorgen@gmail.com

Уже в раннем творчестве Николая Степановича Гумилева обозначилась ключевая философско-эстетическая установка, которая инспирировала формирование стержневого лейтмотива всего его творчества, обусловив целостность лирической системы. Это особого рода «пассионарность», инспирирующая расширение творческих горизонтов и поиски новых путей как в жизни (отсюда его африканские путешествия) [6], так и в искусстве [см.: 5; 6].

Так, в названии первого, во многом символистски-ориентированного сборника «Путь конквистадоров», обозначена тема *пути*, которая станет определяющим метасюжетом его творчества. В лирической образности первой книги угадывается и влияние Ницше на формирование личности поэта, творящего себя, по верному наблюдению Н. Богомолова, по типу сверхчеловека [см.: 1, с. 11] – мага, сновидца и жизнетворца, способного претворить мечту в действительность. Не случайно Гумилев включает в сборник стихотворение «Песнь Заратустры» как своего рода духовное провозвестие:

*Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскрешающей силы
Властно царит на земле.*

*Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;*

*Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.*

[2, с. 24–25]

В стихотворении «Я конквистадор в панцире железном», открывающем книгу, поэт формулирует свое жизненное кредо и творческую программу:

*И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую...*

[2, с. 23]

Вторая книга Гумилева – «Романтические цветы» (1908) – развивает идею пути, рассматривая ее уже как способ познания и освоения новых пространств и времен, включая и рецептивное освоение художественных пространств. Не случайно Название – «Романтические цветы» – отсылает к бодлеровским «Цветам зла» и в целом – к неоромантической топике, оправдывая насыщение художественной ткани сборника мифолого-историческими, сказочными, и христианской и демонической мистикой. Соответственно и лирические ситуации стихотворений разворачиваются в экзотическом топосе – в условно-символических высях, безднах, пещерах, подземельях; на берегах Нила и озера Чад, в древнем Риме, средневековом Багдаде, Каире и т.п.

В центральной части сборника поэт обращается к африканской природе, как к некоей первозданной утопии (см.: «Жираф», «Носорог» и «Озеро Чад», составлявшие первоначально цикл «Озеро чад»), противопоставляя ее как мистическим безднам, так и скучной повседневности. Так, например, в «Жирафе», ставшем одним из самых известных ранних произведений Гумилева, это противопоставление контрапунктных моделей бытия: миражно-идиллического (ср.: «*Послушай: далеко, далеко на озере Чад / Изысканный бродит жираф*» [3, с. 103]) и обыденной действительности.

Перед нами типично романтический конфликт жизни и мечты, который автор переводит в метафизический план. Для лирической героини оказывается недоступен другой мир, где «*много чудесного видит земля*», но это

не мир инобытия (как это было у символистов), а действительно существующий, в который она не может поверить; поэтому петербургские туманы становятся для героини единственной возможной реальностью:

*Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.*

[3, с. 104]

В свете «гипнотической» модели поэзии, разрабатываемой Гумилевым, стихотворение может быть истолковано как суггестивное «воздействие» на читателя, лирическое внушение ему собственного «мифа о бытии».

В финальном разделе книги «Романтические цветы» Гумилев обращается к героям прошлых эпох, чья жизнь овеяна историческими легендами (см.: «Основатели», «Помпей у пиратов», «Манлий», «Каракалла», «Мореплаватель Павзаний...»). Автор не ставит перед собой цели нарисовать «исторические картинки»; его задача – духовное познание чужого пути – к славе, к победе.

Он ищет культурологические соответствия для утверждения собственной модели человека-жизнетворца, разработка которой, по нашему предположению, имела для него и глубоко интимный смысл преодоления собственного душевного надлома. Именно поэтому все его легендарные герои обладают *свободной волей*, позволяющей «переломить» казалось бы самые непреодолимые ситуации. Даже в безвыходных обстоятельствах «любимцы веков» отстаивают «несравненное право» на выбор, вплоть до последнего – экзистенциального – выбора смерти:

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать себе смерть.*

(«Выбор» [3, с. 88]).

Именно мотивы преодоления «сопротивления материала» жизни становятся магистральными в следующем сборнике «Жемчуга» (1910). Герои

этого сборника – герои-путешественники, покорители пространств, искатели новых земель. Соответственно, метамотивом сборника становится мотив *пути*.

Причем *путь* как преодоление географических пространств нередко оказывается одновременно и путешествием в глубины культуры и исторической памяти («Старый конквистадор», «Варвары», «Дон Жуан», циклы «Возвращение Одиссея» и «Капитаны»), равно как и мистическим погружением в недра духа («В пути», «Одержимый», «Орел», «Христос», «Путешествие в Китай», «Северный раджа», «Одиночество», «Правый путь»). Отсюда образная парадигма и сам хронотоп «пути» обретают у поэта символический смысл. Ср. «В пути»:

*Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести,
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.*

*Область унынья и слез –
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон...*

[3, с. 127]

Дорога связана у Гумилева не только с преодолением пространственных препятствий, но и духовно-временных, главным из которых оказывается ограниченность человеческой жизни смертью. Ср. в «Путешествии в Китай»:

*Будь капитаном! Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!*

[3, с. 135]

При этом будущее, если даже оно грозит гибелью, для героев-пассионариев более приемлемо, чем прекрасное прошлое. Эту

неоромантическую установку поэт воплотил в эмфатическом восклицании в стихотворении «В пути»: *«Лучше слепое Ничто, / Чем золотое Вчера»*.

Этот, зачастую трагический, но предуказанный свыше путь оказывается тождественным фатуму, по законам которого каждая индивидуальная жизнь вписывается в общее (фактически, вселенское) движение. Ср. в «Орле»:

*Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья...*

[3, с. 131]

Однако фатальная *предначертанность* пути подчас принимает характер парадокса, поскольку герою *суждено* преодолеть и саму предопределенность судьбы. Эта идея блестяще развита в стихотворении «Одиночество»:

*Я спал, и смыла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах помертвелая,
Открылась мне моя земля.*

<...>

*И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.*

[3, с. 349]

В «Жемчугах» формируется авторский «миф о пути», который строится посредством обращения к тем или иным сюжетам *странствия*, образам *странников*, избирательно заимствованных из античной и библейской мифологии, из сокровищницы мировой литературы (Гомер, Данте, Рабле и др.). Даже Иисус Христос представлен сугубо в «странническом» ракурсе:

*Он идет путем жемчужным
По садам береговым.*

<...>

Не томит, не мучит выбор,

*Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.*

[3, с. 133]

Если «Озеро Чад» – наиболее известный цикл «Романтических цветов», то в «Жемчугах» таковым, несомненно, является цикл «Капитаны», в котором наиболее ярко воплотилась тема «дальних странствий» и означенный «миф о пути». На первый взгляд, стихотворения цикла представляют собой классический образец неоромантической лирики со всеми полагающимися ей атрибутами. Здесь и «королевские старые форты», и «заплеванные» – но от этого не менее экзотические – «таверны», и созданные безудержной авторской фантазией страны, «куда не ступала людская нога». Здесь же щегольски небрежные и по-ницшеански дерзкие «открыватели новых земель», в минуту опасности рвущие «из-за пояса» пистолет.

Но к финалу цикла мотив пути, светлый и радостный в начале, наполняется трагическим содержанием. Образ «дороги» в четвертом, завершающем цикл стихотворении, проецируясь на мифологему «Летучего Голландца», обретает мистические обертоны и оказывается связанный с демонически-роковым началом, олицетворяющим непреклонность судьбы. Меняется «путевой» топос, в рамках которого человеческая воля оказывается бессильной:

*Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек не достижимы.*

[3, с. 155]

Главная особенность «ужасной дороги», по которой несется «капитан с лицом Каина», – отсутствие у нее цели, в итоге она оборачивается «дурной бесконечностью» (что подчеркивается контаминацией морской легенды о Летучем Голландце с ветхозаветным мифом о Каине).

Знаменательно, что именно эта модель *дороги* появится позже в «Заблудившемся трамвае», где возникнет точно такая же мистическая «инерция» пути, которую невозможно преодолеть («*Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон*» [3, с. 331]) и которая приводит к гибели. [см. подр.: 4, с. 92–97].

Путешествие по культурным пространствам на протяжении сборника, включая «книжные» странствия (ср.: «Читатель книг», «В библиотеке»), в конечном счете приводит к попытке синтеза культурных реалий в рамках одного стихотворения – «Сон Адама», в котором – в «эоническом» сновидении первочеловека – как бы развернуто время всемирной истории, что предваряет технику работы с культурно-мифологическими архетипами в поздней поэзии Гумилева.

Гумилев трактует свое и чужое творчество как некую семиосферу, устроенную по мифологическим или сновидческим законам. В этом магическом пространстве становятся возможными контаминации сюжетов, мотивов, заимствованных из разных пространств и времен. Благодаря этому художественный мир произведения обретает универсальные архетипические смыслы.

Список литературы

1. Богомолов Н.А. *Читатель книг // Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 1. – С. 5 – 20.*

2. Гумилев Н. *Сочинения: В 3 т. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 590 с.*

3. Гумилев Н. *Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. М.Д. Эльзона. – Л.: Советский писатель, 1988. – 632 с.*

4. Кихней Л.Г. «*Чужая старинную быль...*»: Мифопоэтическое преломление национальной идеи в лирике позднего Гумилева // *Гумилевские чтения: Материалы Международной научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. – С. 87–98.*

5. Куликова Е.Ю. *Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов.* – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011. – 530 с.

5. Раскина Е.Ю. *Геософские аспекты творчества Н.С.Гумилева.* – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009. – 200 с.

УДК 81

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ

М.С. Заяц, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF THE WORLD LITERATURE

M.S. Zayats, Bashkir State University, Ufa, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена взаимодействию русской литературы с литературами европейскими, ее контексту в русле исторической традиции, восходящей к библейскому преданию и культуре христианского эллинизма.

Ключевые слова: Серебряный век, русская традиция, культура христианского эллинизма, диалог литератур.

Abstract. This article is devoted to the problem of interaction between Russian literature and European ones, its context lying in the course of historical tradition ascending to biblical tales and culture of Christian Hellenism.

Keywords: the Silver Age, Russian tradition, culture of Christian Hellenism, dialogue of literatures.

E-mail: mixail.zaez@mail.ru

Русская литература уже давно заслужила право быть в ряду самых влиятельных литератур. Вот уже тысяча лет русское сознание функционирует в самобытном и уникальном культурном процессе. Этот процесс начался в далеком X веке, когда кириллический алфавит становится нашей коммуникативной основой. Русское сознание изначально ощущало себя частью

общемировой культуры. Духовные ценности оно вбирало в себя из болгарского родника Симеонова Возрождения, которое своим фундаментом полагало восточно-римскую цивилизацию, замешанную на тесте христианского эллинизма. В русскую литературу входило классическое наследие, освященное именами Св. Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Симеона Нового Богослова. Нравственное по своей сути, показывающее идеал, ради которого стоило жить и страдать, надолго определит вехи развития русского самосознания. Умение понимать и видеть сущностное – дефиниция русского интеллектуального мира. Сердечное знание стало основополагающим. Мир понимается интуитивно, образно-символическое сознание проникает в глубины человека и природы. Мы ощущали себя частью великой Ойкумены, в которой Красота обладает Божественной сущностью, непостижимой, но требующей постоянного постижения. В этом постижении происходило формирование русского духовного типа, где славянское, родовое, сливалось с христианским, Вселенским, рождая уникальный русский Космос.

Можно смело утверждать, что соединение Русской земли и великого Космоса, произошедшее в ипостасях Святой Троицы, родило особый взгляд на мир. И в этом взгляде сущностное постигало и сложное, и простое. В «Слове о Законе и Благодати...» видим пристальный взгляд в окружающий мир, понимание своего места в мироздании. Русь ощутила себя частью великой христианской цивилизации, одной из многоводных рек, наполняющих Океан Культуры.

Безусловно, русская литература изначально была драгоценным фрагментом великого текста под названием христианский эллинизм, или византизм. Вне этого феномена невозможно понять русский путь. Невозможно понять путь Даниила Заточника, ставившего нравственные вопросы перед властью предрешающими, для которого Святоотеческое Предание является фундаментом его жизнестроительства, уклада жизни окружающего его мира. Библейский царь Соломон вплетен в события, в которых действует князь

Ярослав. Мир измеряется не сиюминутными запросами, хотя они пробиваются сквозь плетение словес, но масштабными, вечными проблемами бытия.

Русского человека интересует в первую очередь духовная составляющая мироздания. Проповеди Кирилла Туровского тому блестящее подтверждение. Чрез цветистые эпитеты и метафоры картина духовного мира, призывающая к Красоте, спасительной и сострадающей, научающей и прощающей, потому что она Абсолютна и Триипостасна.

Только став частью Божественной Красоты, можно ощутить неправду лежащего во зле мира, о чем писал в свое время св. евангелист Иоанн Богослов. В знаменитом «Слове о Полку Игореве» Автор ясно и понятно рисует картину русского микроапокалипсиса, результатом которого станет взгляд внутрь себя. Этот взгляд поможет князю Игорю осознать свое грехопадение и припасть к Богоматери Пирогощей, воплощенной Красоте, освящающей киевские горы, откуда пошла Русская Земля.

Безусловно, все это происходило в русле христианской традиции и европейской культуры, частью которой была культура русская. Эту мысль мы находим в статье Дмитрия Лихачева «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт»: «Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе» [3, с. 16].

Именно личность, ее проблемы, ее взаимоотношения с действительностью и миром природы интересовали творцов русской литературы. Человек в контексте мировых событий – вот лейтмотив русского самосознания. Общественные потрясения понимались сквозь призму личностного начала. Это особенно ярко проявилось в эпоху русского Ренессанса. Взглянем на Св. Троицу преп. Андрея Рублева. В обратной перспективе изображенного Божества просматриваются не только Божественные ипостаси, но и личность, осуществляющая завет любви и свободы. Личностное начало в это же время становится краеугольным камнем

творчества Данте, Петрарки и Боккаччо. Николай Бердяев писал: «Ренессанс есть не что иное, как обращение человека к природе...» [1, с. 103]. Взгляд внутрь себя, взгляд в природу, чтобы выйти за пределы тварного мира. Это необходимость освобождения, присущая человеку Возрождения. В.В. Розанов скажет: «Человечество обоготворяет себя, оно прислушивается теперь только к своим страданиям и утомленными глазами ищет кругом, кто бы утолил их, утешил или, по крайней мере, заглушил» [4, с. 11].

Эти тенденции были присущи русской культуре, как части культуры мировой. Проблемы европейской цивилизации являются во многом нашими проблемами. Несмотря на нашу безусловную самобытность, наш духовный мир представляет собой неотъемлемую часть мировой цивилизации, в первую очередь европейской, по сути своей христианской.

Особенность нашей культуры, на что указывал Дм. Лихачев, восприимчивость. Мы постоянно вбирали в себя соки европейской культуры, своеобразно преломляя в своем творчестве. Взглянем на московский Кремль, который является продуктом итальянского гения Аристотеля Фьораванти. Но в Италии эта возрожденческая устремленность ввысь не дала плода, в то время, как в России Кремль становится символом страны, ее говорящим гербом, определяющим наше духовное движение.

Если говорить о развитии художественной литературы, то оно проходило в безусловном контексте с литературой европейской. Древнерусская, например, литература в постоянном диалоге с литературой византийской. Знаком русский книголюб и с Вергилием, и с Овидием. Достаточно всмотреться в творческое лицо Иоанна Грозного, вобравшего в себя библейское предание и культуру христианского эллинизма. Его письма не просто частная переписка, но образец эпистолярного искусства эпохи Возрождения. Личность во всем многообразии – просматривается сквозь строки царских посланий.

Хочется подчеркнуть, что ни Киевская, ни Московская Русь не развивались в изоляции. Такие имена, как Св. Максим Грек, братья Лихуды

(кстати, основатели Славяно-греко-латинской академии) говорят о тесном взаимодействии русского мира на перекрестках мироздания. Еще больше это взаимодействие получило развитие в Петербургскую эпоху Российской империи. Начиная с Антиоха Кантемира, русская литература вступила в интенсивный диалог с французской литературой, приобретая все более и более светский характер. Данная тенденция была абсолютным порождением европейского классического духа. Из духовных высей литература спускалась к проблемам душевным. Чтобы говорить о высоком и Божественном, надо было понять причину душевной неустроенности человеческого естества. На арену вышел Мольер, а в России – Фонвизин. Мы читали Д. Дефо, переживали вместе с Робинзоном Крузо, чтобы отправиться в путешествие с Василием Кариотским и ответить письмами русского путешественника Н.М.Карамзина, с которого начинается золотой век русской литературы.

Именно Николай Карамзин явно вписывает русскую литературу в контекст литературы европейской. И свою грандиозную «Историю Государства Российского» он создает как ответ европейскому читателю, как доказательство великого народа, в существовании которого сомневалась изумленная Европа.

В языке и культуре пробивался европейский путь, происходило возвращение к универсальным формам бытия. Мы отбрасывали «позорище», чтобы войти в европейский театр и стать его драгоценной частью. Образы Хлестакова и Чацкого, Фамусова и Чичикова явились в Европе не только как русское явление, но мировое. В контексте Шекспира понятен диалог Пушкина о власти и народе, в контексте Горация понимаем назначение поэта и поэзии, уникальное стремление русского человека к свободе, зафиксированное А.С. Пушкиным в «Путешествии из Москвы в Петербург».

Русская литература развилась до высот мировой особенно благодаря творчеству Льва Толстого, Федору Достоевскому, Антону Чехову и др. Не напрасно Флобер называл И.С. Тургенева своим другом и учителем.

Вместе начинали входить в литературу, которую принято называть «Серебряным веком». Этот век рождается из контекста европейской литературы. Ее проблемы стали частью проблем литературы русской, общественная жизнь которой происходила практически на европейской кухне. Говоря, например, об Ахматовой нельзя не упомянуть о Модильяни, имя княгини Кудашевой рядом с Роменом Ролланом, а Эльза Триоле с Луи Арагоном творили новую действительность. Невозможно представить Сальвадора Дали без его русской вдохновительницы.

Совершенно очевидно, что наша сегодняшняя действительность вновь заставляет нас участвовать в творческом диалоге с европейской культурой, с культурой американской, как культурами исторически родственными. Это не значит, что отвергается диалог с культурой Дальнего Востока. Вовсе нет. Это тема другого разговора. Как бы то ни было наш «...единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества» [2, с. 330].

Мы неизбежно последуем друг другу, потому что общая историческая традиция, общее предание и эллино-римская культура приведет нас к необходимому пониманию, к утолению жажды духовной, потребность в которой является естественной.

Список литературы

- 1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.*
- 2. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ.ст. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. – М.: Правда, 1991. – 480 с.*
- 3. Лихачёв Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. – 1991. – № 6. – С. 15-16.*
- 4. Розанов В.В. Мысли о литературе / Вступ. ст., сост., коммент. А.Николюкина. – М.: Современник, 1989. – 607 с.*

**ПОЗНАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
КАК ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С.М. Заяц, Приднестровский государственный университет

г. Тирасполь, Молдова

**COGNITION IN LITERATURE TRADITION
AS PHENOMENON OF CREATIVE ACTIVITY**

S.M. Zayats, Transdnestrian State University, Tiraspol, Moldova

Аннотация. Данная статья посвящена взаимодействию творческой деятельности и познанию литературной традиции, восходящей к библейскому преданию и культуре античного эллинизма.

Ключевые слова: познание, литературная традиция, литература, творческая деятельность.

Abstract. This article is dedicated to cooperation of creative activity and cognition of literary tradition ascending to biblical tales and culture of Classical Hellenism.

Keywords: cognition, literary tradition, literature, creative activity.

E-mail: smz67@mail.ru

Познание является специфической разновидностью духовной деятельности человека, процессом постижения окружающего мира, получения и накопления знаний. А знания – это информация о мире, которая существует в форме определенной объективной реальности, идеальный образ действительности. Процесс познания включает определенное количество взаимоорганизованных элементов: объект, субъект, знание как результат исследования. В своей относительной самостоятельности человек и является тем субъектом, которому противостоит объект. В связи с этим возникает вопрос о возможности познания человеком мира. «Что я могу знать?» – спрашивает Эммануил Кант. Противостояние субъекта и объекта придает вопросу о

возможности познания определенную парадоксальность, что приводит к возникновению различных концепций познания мира.

Гносеология как специфическая теория познания начала динамично развиваться в XVII-XVIII веках, представая в разных концепциях. Например, Френсис Бэкон считал, что науки, изучающие познание и мышление, являются ключом ко всем остальным наукам, ибо они имеют в себе «умственное орудие», которое дает разуму указания или предупреждает об ошибках («призраков»). Бэкон считал, что распространенная в то время логика не является полезной для приобретения знаний. Касаясь вопроса о новом методе «другой логики», он подчеркивал, что новая логика отличается от чисто формальной, и должна исходить не только из природы ума, но и из природы вещей, «не выдумывать и надумывать», а открывать и отображать то, что осуществляет природа, т. е. быть содержательной и объективной.

Можно сказать, что одной из важнейших задач познания в литературной традиции и является попытка отобразить реалии существующего мира. Совершенно естественно, что процесс познания начинает свой путь вместе с рождением человека, вхождением его в систему определенных отношений, формирующих цивилизации. Собственно, познание – это движение разума к Истине. В познании человек утверждает свое достоинство и осуществляет призвание действовать согласно истине и облагораживать бытие, преображая его восходящей положительной реальностью. Предпосылки познания: признание трансцендентности истины, вера в способность человека найти ее и решимость разума идти по пути к ней. В познании человек, по словам Евгения Трубецкого, «спасает свое существование, только утверждая запредельное и себя в запредельном».

В литературной традиции познание начинается с определения своей самости, своего творческого лица. Это стало проявляться в первую очередь в фольклоре и мифологических преданиях. Известно, что миф представляет собой исторический документ, и вот этот документ необычайно важен в творческой деятельности, начало которой было положено в глубокой

библейской древности и античности. Творческая деятельность человека была тесно связана с театром, древний театр же представлял собой мифологическую мистерию, в которой происходило узнавание человека и окружающего мира (достаточно вспомнить знаменитые театральные мистерии Гесиода, Эсхила, Софокла и Еврипида). Постепенно театральная мистерия из запредельного мира все более стала приближаться к миру действительному в современном понимании этого слова. Этот переход не мог пройти незамеченным для философов древности, обративших внимание на новые реалии. Кстати, философ становится не просто наставником, он стал представлять собой человека, наиболее приближенного к Истине, потому что в творческой деятельности происходило узнавание действительности как таковой.

Особую роль в познании действительности приобретает игровая форма, которая стала выступать в качестве основного феномена творческой деятельности. В игре сливается миф, литература и философия воедино. Происходит своеобразная интерпретация действительности. Философское осмысление мифа занимается рассмотрением проблемы мифологического сознания как ключа к пониманию природы и сущности сознания, а также смысла существования, бытия человека в культуре. Разворачиваясь в русле определенных философских построений, философия мифа исследует миф как способ освоения действительности сознанием, как прорыв к реальности. Для современных философов проблема мифа коррелирует и с важнейшей проблемой человеческой рациональности. В то же время миф, по мысли Л.Н.Воеводиной, является ключом к работе бессознательного, поскольку там, где ставится проблема бессознательного, речь обязательно пойдет и о мифе, связь мифологии и бессознательного не вызывает сомнений [1, с. 2].

Вот эту связь и исследовали философы древности. Выявляя связи, философы и творцы ставили новые цели и задачи, подымая уровень познания на более высокую ступень. Очевидно, что литература – это отражение действительности, но не только, она способна создавать действительность. Можно сказать, что литература существует как некая «иная реальность». И

творит эту реальность художник слова в соответствии с законами мироздания, открывая при этом существенное в объективной и метафизической действительности. Таким образом, литература вносит в действительность новое содержание, добытое ее собственными средствами.

Естественно, что отношения литературы и действительности не заданы раз и навсегда, они создаются в каждую культурную эпоху индивидуально, в какой-то степени заново.

И вот познание этой «иной» реальности становится насущной задачей современно исследователя. Например, эпоха Возрождения подарила нам удивительные образцы познания этой реальности. «Божественная комедия» Данте Алигьери не просто уводит в реальности ада и рая, но и воссоздает их; свою реальность любви создает и Ф. Петрарка, в которой удивительным образом преломляются человеческие чувства и переживания; Дж. Боккаччо фактически открыл для читателя новые горизонты бытия, используя детали этого самого бытия. Если говорить о русской литературе, то пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» не просто энциклопедия народной жизни, по словам В.Г. Белинского, не точная фотография фактов реальной жизни русского общества 20-х годов XIX века, как это многим виделось. В романе была создана впервые в русской литературе, по мысли Е.В. Петровской, своя собственная реальность. С.Г. Бочаров в статье «Форма плана», посвященной отношениям литературы и действительности, по-новому складывающимся в «Евгении Онегине», показывает, что в этом романе воплотился момент самосознания литературы: она ощутила в себе возможности, равные творческой силе самой жизни. Именно потому герои пушкинского романа не просто подражают литературе, но, как замечает С.Г. Бочаров, «проживают» их своей жизнью. Мир романа существует в двойной реальности. Жизнь и роман существуют на равных правах, «действительность и ее изображение, совмещаемые в образе автора – реального лица с собственной биографией и вместе с тем – героя романа, друга Онегина; поэта, живущего в реальности и – творящего новую реальность в собственном сознании. Мир романа

(авторское сознание) и действительность оказываются одинаково объективными, а отношения между ними свободными и равноправными, потому жизненные ситуации, подробности бытия в «Онегине» впервые видятся такими живыми» [3, с. 6].

Для осознания данной двойкой реальности исследователю литературной традиции необходимо прибегнуть к пояснениям, которые носят также двойкий характер. «Они могут быть текстуальными, то есть объяснять текст как таковой. Такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения. Никто – не только исследователь или преподаватель, но и простой читатель – не имеет права претендовать на сколько-либо полное понимание произведения, если ограничился той степенью проникновения в текст, которая обеспечивается знанием русского языка и здравым смыслом, и пренебрег расшифровкой намеков, обнаружением скрытых цитат и реминисценций, если не знает реалий быта, не чувствует стилистической игры автора.

Другой вид пояснения – концепционный. Здесь, опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские и др.» [2, с. 6–7].

Данные интерпретации представляют собой определенные формы познания действительности во всем ее многообразии. Познание становится многоаспектным, и в этом отношении оно феномен творческой деятельности. Можно сказать, что творческая деятельность и литература сливаются в единое целое, становясь традицией, системой взаимоотношений, имеющей глубокие исторические корни.

Список литературы

1. Воеводина Л.Н. *Мифология и культура*. – М.: Ин-т общегуманитар. исследований, 2002. – 384 с.
2. Лотман Ю.М. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя*. – Л.: Просвещение, 1980.

3. Петровская Е.В. *Художественная литература и жизненная реальность.* – М.: Просвещение, 1981.

УДК 82.1

ПУШКИНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПА ДОН ЖУАНА

О. А. Каинова, Институт международного права и экономики им.

А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия

PUSHKIN'S INTERPRETATION OF DON JUAN

О.А. Kainova, A.S.Griboedov Institute of International Law and Economics,

Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается одна из литературных интерпретаций архетипического образа Дон Жуана и анализируются ее особенности на примере «Каменного гостя» А. С. Пушкина.

Ключевые слова: архетип, интерпретация, Дон Гуан, «Каменный гость», «Маленькие трагедии».

Abstract. The article is devoted to one of the literary interpretations of the archetypal image of Don Juan and analysis of its features in «The Stone guest» by A. Pushkin.

Key words: archetype, interpretation, Don Juan, «The Stone guest», «Little tragedies».

E-mail: o.kainova@mail.ru

В основе сюжета «Каменного гостя» А. С. Пушкина лежит испанское предание. При этом существует две версии одной легенды. По одной из них, сложившейся в Севилье, герой предания Дон Хуан Тенорио вел распутную, преступную жизнь. На душе у него в числе прочих преступлений и убийство командора: в минуту безрассудной заносчивости он оскорбил словами его статую, которая и низвергла его в преисподнюю.

Другой вариант легенды рассказывает, что распутнику Дон Жуану (а по другим источниками – Эммануилу) де Маранья однажды было видение: ему почудилось, что он присутствует на собственных похоронах, и это так потрясло

его, что он раскаялся и до конца своих дней жил в монастыре, постоянно пребывая в посте и молитве [6, с. 494].

Нас в рамках исследования интересует Пушкинская версия Дон Гуана. «Каменный Гость» вызвал гораздо больше противоречий, чем любое другое драматическое произведение А. С. Пушкина. В данном произведении были предложены кардинально разные интерпретации образа Дон Гуана. Достаточно вспомнить реплику Донны Анны: *«И я поверю, / Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз, / Чтоб не искал во мне он жертвы новой!»* [5, с. 160].

Д. Благой считает Дон Гуана «моцартовской» фигурой, сияющей и победоносной стихией жизни, смело бросающей вызов мрачному миру средневековой Испании: «Живая, кипучая, торжествующая жизнь, олицетворенная в образе Дон Гуана, все время омрачается «виденьем гробовым. <...> Только в самом конце смерть оказывается победительницей, но и тут она, как в опере Моцарта, не в силах сломить дух Дон Гуана» [1, с. 658].

Д. Устюжанин пишет, что мертвый и бездушный мир не смог простить Дон Гуану живого человеческого чувства, «жестокий век» мстит Дон Гуану за то, что в нем пробудился человек. С. В. Рассадин свою работу касательно пушкинского «Каменного гостя» озаглавил: «Наказание без преступления.» Все три критика считают само собой разумеющимся, что чувства Дон Гуана к Донне Анне в действительности правдивые. Но, естественно, есть и мнение, что Дон Гуан безрассудно преследует собственные цели, полностью игнорируя чувства и интересы других людей, а стремление завоевать сердце Донны Анны, по сути, еще один соблазн. [7, с.82–83].

По мнению В. С. Непомнящего к своему светлому зениту Дон Гуан шел порочным путем, на каждом шагу нарушая не столько божеские, сколько человеческие законы, подчиняя все своему «я хочу». Цепь «преступлений» Дон Гуана завершилась приглашением Командора. Он осуждает Дон Гуана столь же четко, как Д. Благой хвалит его. [4, с.75–76].

Таким образом, в пушкинских «Маленьких трагедиях» даже спустя полтора века остается загадка, которую невозможно до конца постичь.

Обращаясь к легенде о Дон Гуане как центральному субъекту, Пушкин обращается к давней литературной и драматической традиции. В конце восемнадцатого века, за произведением Тирсо де Молина «*El burlador de Sevilla y convidado de piedra*» («Севильский озорник, или Каменный гость») последовали сразу два гениальных произведения: «*Le festin de pierre*» («Каменный гость») Ж. Б. Мольера и «*Don Giovanni*» («Дон Жуан, или Наказанный развратник») В. А. Моцарта, а также множество менее известных произведений. Среди пушкинских современников Байрон взял тему Дон Жуана, хотя захватывающие повороты сюжета и общеевропейские рамки повествования поэмы говорят гораздо в большей степени о переосмыслении произведения, нежели о традиционной истории о расточительности и возмездии. Ближе к традиционной форме легенды был написан «*Don Juan*» («Дон Жуан») Э. Т. А. Гофмана на либретто Моцарта в виде небольшого рассказа, в котором рассказчику кристально ясно, что это истинная судьба Донны Анны стать спасительной любовью для Дон Жуана — концепция, что возможно, повлияла на видение Пушкиным Донны Анны.

Пушкин сохраняет основной сюжет легенды: роль Дон Гуана как безукоризненного соблазнителя и ужаса для всех нравочестивых граждан, его дерзкое приглашение статуи Командора, которого он ранее убил в поединке, появление статуи, и их совместный спуск в другой мир. Но внутри этих рамок Пушкин создает уникального Дон Гуана. Для Мольера и Моцарта, Дон Гуан является сознательным и яростным поборником Бога и человека. Пушкинский Дон Гуан предпочитает их вовсе не замечать, как если бы их и не было вовсе.

В начале поэмы мы видим, что Дон Гуан возвращается из изгнания (в некоторой степени повторяется сюжет «Дон Жуана» Байрона), но почему он возвращается? Ему было скучно там, и, в частности, потому, что местные женщины были скучными. Что для него является достаточной причиной, чтобы отмахнуться от королевского приказа и риска возможных последствий. Или, скорее, он не может даже представить, что будут какие-либо последствия. Подобно тому, как Дон Гуан предстает в образе легкомысленного повесы,

вдруг мы видим его с совершенно другой стороны. Он помнит, когда был в этом же месте раньше, с прошлой любовью: *«Инеза! — черноглазая... о, помню. / Три месяца ухаживали вы, / За ней; насилу-то помог лукавый»* [5, с. 148].

Следовательно, Дон Гуан, который столь беспечен к завтрашним последствиям, если сегодня его ждут удовольствия, все-таки способен усердно ухаживать за девушкой в течение трех месяцев, если та изначально отказала ему. И Инеза героиня, словно из мира Эдгара Аллана По, с ее бледностью, черными глазами, хрупкостью, что уже наводят на мысли о ранней кончине, а финальная фраза позволяет судить, что она все-таки встретила трагический конец. И кто мог подумать, что такая девушка смогла привлечь внимание Дон Гуана, который только что пел дифирамбы пылким женщинам Андалусии? Подобное влечение предполагает глубину в Дон Гуане, что он сам не понимает, он может только повторять: *«Странную приятность я находил... Это странно»* [5, с. 148].

Но этот отрывок хоть и указывает на возможность подлинной эмоциональной глубины в Дон Гуане, он также указывает на тревожную безответственность к последствиям своей страсти. Конечно, в течение трех месяцев, прежде чем Инес сдалась ему в объятия, Дон Гуан мог бы и подумать о том, что может случиться с ней, если ее мужу станет известно о ее измене. Вместо этого, он просто занимает позицию, будто он не мог ожидать или предвидеть подобные последствия: *«Узнал я поздно...»* [5, с. 148]. Тем не менее, память о Инезе укор как хозяину, так и слуге, и оба постарались очень быстро оттолкнуть мысль о ней.

В этот момент диалог Дон Гуана и Лепорелло прерывает появление монаха. Благодаря этому собеседнику мы узнаем прошлое пушкинского Дон Гуана, в котором значительно отличается роль Донны Анны и от версии Мольера, и версии Моцарта. Здесь она не дочь убитого Командора, но его молодая вдова; и что бы ни было причиной роковой дуэли между Дон Гуаном и Командором, это было не в защиту чести Донны Анны, ибо Дон Гуан никогда не видел ее прежде. В этом диалоге мы снова видим полнейшее поглощение

Дон Гуана жизнью в настоящем: узнав, что вдова убитого приходит каждый день, дабы оплакать его, Дон Гуан отвечает: *«Что за странная вдова? / И не дурна?»* [5, с. 150]. По мнению Дон Гуана, невозможно представить, чтобы женщина могла так долго оплакивать своего покойного мужа, не найдя нового любовника, если только она не малопривлекательна. Опровержение монаха этой возможности является одним из маленьких шедевров пушкинских описаний: *«Мы красотю женской, / Отшельники, прельщаться не должны, / Но лгать грешно; не может и угодник / В ее красе чудесной не сознаться»* [5, с. 150].

Лаура же, в отличие от Донны Анны, чей брак был устроен ее матерью, и которая провела свое замужество жизнь «взаперти», является свободной: свободно живет в своем доме, свободно зарабатывает себе на хлеб как актриса, вправе выбирать среди поклонников одного или другого, кто получит ее благосклонности, когда ей вздумается. Свобода и спонтанность тоже кредо ее художественной жизни: после похвалы гостей за блестящее представление, она отвечает: *«Да, мне удавалось / Сегодня каждое движенье, слово. / Я вольно предавалась вдохновенью. / Слова лились, как будто их рождала / Не память рабская, но сердце»* [5, с. 151].

Наряду с безграничной свободой и непосредственностью, Лаура ценит силу: из всех поклонников, лишь восхвалявших ее, она выбирает того единственного, кто осмелился прекословить и даже оскорбил. Для нее, его гнев является доказательством страстной природы, а, следовательно, привлекательности: *«Ты, бешеный! останься у меня, / Ты мне понравился; ты Дон Гуана / Напомнил мне, как выбранил меня / И стиснул зубы с скрежетом»* [5, с. 152].

Это уже второй раз, когда Лаура вспоминает Дон Гуана; ранее она спела песню, для которой он написал текст. Ее отношения с ее «верным другом, ее ветреным любовником» базируются не исключительно на сексуальной привлекательности (хотя не без этого), но и на признании их сходства. За то, что делает Дон Гуана героем—или антигероем—это именно сила его страсти и

его отказ от ограничений его свободы. Для достижения своих целей он готов на любые последствия, будь то смерть на дуэли или осуждение законом, или порицание общественностью.

Нам снова напоминают о его разрушительной стороне, когда он не признает своей вины за убийство брата Дон Карлоса в сцене с Лаурой. Неизвестно, Дон Карлос ли брат убитого командора или нет, но безусловно «угрюмый гость» в этой сцене напоминает «каменного гостя» из легенды, предупреждая Лауру о последствиях, если та не покается. Закономерность последствий, к которым взывает Дон Карлос, однако, не касаются средневекового католицизма, с его вмешательством свыше или пламя ада, а скорее древнегреческого мира, когда характер определяет судьбу, и что каждый испытывает на себе результаты своего выбора: *«...Но когда / Пора пройдет, когда твои глаза / Впадут и веки, сморщась, почернеют / И седина в косе твоей мелькнет, / И будут называть тебя старухой, / Тогда — что скажешь ты?»* [5, с. 152].

Из этих слов можно увидеть картину судьбы Лауры очень схожую с судьбой пожилой графини из пушкинской «Пиковой дамы». Графиня тоже была красавица в молодости, «La Vénus muscovite» («московской Венерой»), чьи капризы исполнялись множеством поклонников; но, когда время не пощадило ее красоту, а привычки усилили ее полнейший эгоцентризм, ее предсказуемо забыл бомонд, что когда-то чествовал ее.

Итак, Дон Карлос, сторонник последствий морального выбора, сам становится его заложником. Он знает о «демонической», разрушительной природе привлекательности Лауры; но тем не менее решает остаться с ней. Результат такого выбора против его собственных суждений становится очевидным при появлении Дон Гуана. В каком-то смысле, с точки зрения Дон Карлоса, не имеет значения, что человек, конкурирующий за благосклонность Лауры, Дон Гуан. Любой человек, появившийся в такое время, неизбежно спровоцирует дуэль; а дуэль, как отметил Дон Карлос, является ценой за право быть одним из поклонников Лауры.

Таким образом, судьба Дон Карлоса является результатом действий и выбора всех трех персонажей сцены — событие, которое, если и было не неизбежным, но возможно было предвидеть. Более того, это предзнаменование судьбы Дон Гуана. Всякого мужчину тянет к женщинам, от которых его внутреннее «я» (если бы он к нему прислушивался) велело бы держаться подальше, и в тот момент, когда тот только-только начинает наслаждаться ее обществом, он уничтожен прошлым женщины, что вновь появляется в виде соперника.

Но даже Дон Гуан, несмотря на все его безрассудство, понимает, что после этого незапланированного убийства он уже не может следовать своему первоначальному плану в Мадриде, как будто ничего не произошло. Это, однако, не является проблемой на пути к ранее вызванному интересу к Донне Анне, как и не более, чем незначительная деталь (с его точки зрения), что он убийца ее мужа. Вместо этого, он одновременно уклоняется от закона и продолжает ухаживания, маскируясь под монаха в монастыре, где похоронен Командор. Он не обращает внимание на смехотворность ситуации (Дон Гуан – монах!) и одновременно ее кощунственность (непосвященный в монашеском облики пытается соблазнить женщину на католическом кладбище, то есть, на освященной земле).

Ключевой момент произведения – появление Командора. Последний разговор Дон Гуана с Донной Анной – крайне искренняя беседа, и ведется она без всякой хитрости с обеих сторон. *«Если бы я вас хотел обманывать, признался бы я в том, что убил вашего мужа?...»* [5, с. 160]. Он не хитрит, он действительно облагорожен, воскрешен Донной Анной. В этот критический момент и входит статуя Командора. С момента появления статуя заполняет собой все пространство, а любая реплика Дон Гуана более не имеет значения. В отличие от моцартовского Командора, чье требование в покаянии так и осталось неслышанным, слова и действия пушкинского Командора выражают полное бесстрашие и непреклонность «руки судьбы».

Судьба, которую представляет собой статуя, не случайна, Дон Гуан сам ее выбрал: *«Я на зов явился»* [5, с. 161]. Дон Гуан становится жертвой собственных невыполнимых требований. Неизменно, от начала произведения и до его конца, Дон Гуан игнорирует нежелательные обстоятельства, освобождается от последствий своих действий. Но влюбляясь в Донню Анну, он претендует на ее исключительную верность, и исповедует ту же преданность в ответ. Но верность означает, что выбор, сделанный однажды, будет соблюден, независимо от последствий. Действительно, Донна Анна утверждает, что верность должна быть неизменной даже в смерти: *«Вдова должна и гробу быть верна»* [5, с. 158]. Но вот, наконец, встретил он то, что искал – женщину, любовь которой затронула струны души, до того молчавшие.

Кто эта женщина? Поэтическая греза Пушкина или живое лицо, перед которым, склонившись на колени и каясь в былом, сам Пушкин, в костюме Дон Гуана, говорит смиренно: *«Но с той поры, как вас увидел я, / Мне кажется, я весь переродился. / Вас любя, люблю я добродетель / И в первый раз смиренно перед ней / Дрожащие колена преклоняю»* [5, с. 160].

Знаменательно, что Анна Ахматова, размышлявшая над страницами трагедии «Каменный гость», творчески продолжила пушкинскую традицию осмысления литературного мифа о Дон Жуане [см.: 2, с. 30–38; 3, с. 59–62].

Список литературы

1. Благой Д.Д. *Творческий путь Пушкина*. – М.: Советский писатель, 1967. – 658 с.
2. Кихней Л.Г. *Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930-50-х годов // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века*. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 27–39.
3. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. *Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология*. – 2012. – № 3. – С. 55–62.
4. Непомнящий В. *О маленьких трагедиях // Пушкин А.С. Маленькие трагедии*. – М.: Искусство, 1967. – С. 75–76.

5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3. 619 с. // <https://books.google.ru/books?id=T6lCAgAAQBAJ&pg=PA568&lpg=PA568&dq>

6. Соломон М. «Дон Жуан» графа Алексея Толстого // Вестник Европы. – 1907. – Т. 5. – Кн. 10.

7. Устюжанин Д.Л. Маленькие трагедии Пушкина. – М.: Художественная литература, 1974.

УДК 654.19

ОТРАЖЕНИЕ АРТ-АКЦИЙ «МОНСТРАЦИЯ» В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Е.А. Карпова, Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II, г. Москва, Россия*

*Т.В. Непряхина, Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II, г. Москва, Россия*

REFLECTION OF ART-SHARES «MONSTRATION» IN THE MEDICAL SPACE

*Е.А. Karpova, Moscow State University of Railway Engineering,
Moscow, Russia*

*T.V. Nepriahina, Moscow State University of Railway Engineering,
Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию арт-активизма в России на примере акций Артёма Лоскутова – организатора ежегодного шествия «Монстрация». Приводится краткая биография активиста, рассматривается характер освещения творчества и личности художника в современных российских средствах массовой информации.

Ключевые слова: арт-протест, политическое искусство, «Монстрация», СМИ.

Abstract. This article is devoted to an art-activism research in Russia on the example of actions of Artyom Loskutov – the organizer of an annual procession «Monstration». The short

biography of the activist is provided, the nature of publicizing of creativity and the identity of the artist in modern Russian mass media is considered.

Key words: Art-protest, political art, «Monstration», the media.

E-mail: moscowtimes95@mail.ru

Арт-протестные акции – новое для российской политической действительности явление. Эта форма выражения протеста возникла как естественная реакция на многие запреты, которые касаются проведения митингов, шествий, демонстраций и пикетов. Нередко указанное движение связывают с граффитизмом и стрит-артом, который несёт в себе политический смысл. В такой форме арт-протестные акции пришли в Россию в 2010 году. В мировой практике арт-активизм принято связывать с творчеством Йозефа Бойса – немецкого художника, который работал в рамках постмодернизма.

Под информационным, медийным полем политической коммуникации понимаются журналистские материалы, опубликованные в средствах массовой информации. Для анализа выбраны три источника информации, представленные в виде следующих газет: «Российская газета», «Ведомости», «Новая газета». Выбор обусловлен характером перечисленных СМИ и их самоопределением в отношении властных структур.

При этом СМИ были разбиты на три группы: в одну вошли условно провластные, в другую - нейтральные и оппозиционные. Данная классификация применяется неоднократно, в частности, она использовалась агентством «Медиаалогия», проводящим исследования по просьбе «Газеты.Ру».

Предварим исследование краткой характеристикой деятельности одного из ярких современных арт-протестантов Артёма Лоскутова – новосибирского активиста, идейного вдохновителя и организатора ежегодных «Монстраций». Перформансист имеет прямое отношение к искусству. В 2009 году он получил диплом по специальности кинооператора.

Протестную деятельность А. Лоскутов начал в 2003 году. Его первая акция была приурочена к началу войны в Ираке. По предложению лидера

молодёжного движения от КПРФ активист стал сотрудничать с Союзом коммунистической молодёжи. Однако он вскоре понял, что их политические убеждения не совпадают. Так А.Лоскутов пришёл к выводу, что его активистская деятельность должна иметь более самостоятельный характер.

Важную роль в становлении активиста сыграл московский журналист Дмитрий Модель, который на тот момент работал на телевидении («Первый канал») и являлся бывшим участником арт-группы «За анонимное и бесплатное искусство». Позже он участвовал в творческом объединении «СВОИ 2000». Именно Д. Модель познакомил А. Лоскутова с форматом первомайских шествий, которые устраивались в Москве в 1999 и 2001 году Знакомство подвигло активиста создать нечто похожее в своём родном городе Новосибирске.

Ныне «Монстрация» – это художественная акция. Участники перформанса выходят на улицу с лозунгами и транспарантами, которые становятся единственно возможной формой донесения собственных убеждений до стороннего наблюдателя. Помимо этого, написанные лозунги можно принять за способ самовыражения каждого в отдельности участника, так как правил написания месседжа нет. Не существует также заранее продуманного сценария происходящего. Известна только дата – 1 мая каждого года. Организатор сообщает время начала перформанса и место, где он будет проходить. Характерным становится то, что акция проводится при помощи художника, но не воспринимается как его самостоятельный проект.

Начиная с 2004 года и по 2016 «Монстрации» проводились регулярно. Каждый год, 1 мая активисты выходят на улицы с абсурдистскими лозунгами, среди которых можно встретить такие, как: «Схожу-ка я с ума», «Здесь вам не тут!», «Вперёд в тёмное прошлое», «Ад наш!», «А борщ со сметаной?», «Мы все с зоны ЮНЕСКО», «Ты тут давай не это самое» и другие.

В период с 01.05 2011 до 23.06.2016 на сайте издания Правительства РФ «Российская газета» было опубликовано 25 материалов об арт-акциях «Монстрация». Первое упоминание о них произошло в издании 01.05.2011

года. Константин Новиков, журналист «РГ», сообщив о проведённой акции, охарактеризовал её как «самая жизнерадостная и весёлая московская «Монстрация»» [14], «Самые весенние и жизнерадостные лозунги и кричалки были именно там» [13]. Журналисты «РГ» в основном высказываются в отношении «Монстраций» нейтрально или прибегая к иронии, характеризуя акции исключительно как продукт искусства или же как шуточное мероприятие. Так, сотрудник издания Александр Михайлов в материале от 28.04.2012 написал: «Эти шествия давно уже ушли как от традиционного Первомая, так и от политики, превратившись в элемент современного искусства» [12]. Константин Завражкин иронично отметил: «На этот раз для них перекрыли движение в центре города – на Бульварном кольце, дав возможность распугивать окружающих на протяжении от Трубной площади до Чистопрудного бульвара» [5]. Его коллега Елена Ляшенко дала мероприятию такую оценку: ««монстрация» - шуточное шествие, участники которого понесут транспаранты и флажки» [11].

Публикации в издании «Российская газета» резко увеличились после скандала в 2015 году, когда А. Лоскутову пришлось сложить свои полномочия. Так, в период с 01.05.2015 года по 05.05.2015 было опубликовано 6 журналистских материалов. Все они характеризуются нейтральными высказываниями в адрес активиста и простым фактическим описанием. Так последним упоминанием о «Монстрациях» и А. Лоскутове в «РГ» стал материал от 23.06.2016, авторства Никиты Зайкова, где сообщалось, что активисту предстоит «уплатить штраф в двадцать тысяч рублей за то, что взялся руководить действиями отдельной колонны» [6].

В ежедневной деловой газете «Ведомости» в период с 24.05.2009 года по 09.03.2017 года опубликовано 52 материала, в которых говорится о «Монстрациях» и организаторе шествия А. Лоскутове. Первая публикация связана с уголовным делом, которое было возбуждено против активиста в 2009 году. В статье под названием «От редакции: Придуманная жизнь» от 25.05.2009 года журналисты создают объективный образ пострадавшего, а отнюдь не

обвиняемого А. Лоскутова: «Совсем не смешная привычка милиции фальсифицировать обвинения, чтобы обеспечить «законный» арест того или иного человека. <...> Суд оставил его под стражей на основании свидетельств сотрудников «антиэкстремистского» центра ГУВД (Центр Э)» [17]. В статье от 02.11.2011 под заголовком: «От редакции: Монстрация любви» созданный образ поддерживается: «Тогда же премию получил новосибирский художник Артем Лоскутов за проект «Монстрация» – ранее за него же Лоскутова задерживала милиция и пыталась обвинить в экстремизме. Это кажется двусмысленным и даже где-то циничным: что-то вроде поощрения от имени цезаря выжившим гладиаторам» [15].

При прочтении указанных выше материалов, опубликованных в газете «Ведомости», у читателя складывается впечатление, что журналисты по отношению к А. Лоскутову настроены доброжелательно и описывают факты с позиции активиста, намекая на его непростые отношения с местными органами власти. Так, в статье от 26.03.2012 года, которая была опубликована в № 3067 под заголовком «От редакции: Пиррова победа», автор рассказывает об участившихся случаях обвинения граждан в экстремизме, упоминая и деятельность организатора описываемых шествий: «Примеров подобного преследования было много и до выборов: можно вспомнить преследование новосибирского художника Артема Лоскутова за «Монстрации»» [16]. При этом автор явно не обвиняет художника, а даже, наоборот, как будто бы сомневается в объективности подобных действий.

Некоторые журналисты признают обоснованность лозунгов «монстрантов»: «Несколько лет назад на одной из новосибирских монстраций <...> был развернут лозунг «Система, ты чо такая нервная?». Этот политический каламбур хорошо передает нынешнее настроение и состояние российского правящего класса» – пишет Екатерина Кузнецова в материале, опубликованном 19.04.2013 года [9].

В статье, опубликованной 05.04.2015 года под заголовком: «Усмирение оппозиции: опыт Новосибирска», Владислав Иноземцев, анализируя опыт

новосибирских «монстраций» приходит к следующему выводу: «Важнейшая задача российской власти – не уничтожение или искоренение, а усмирение и приручение оппозиции. Лучший метод для этого – допущение ее к экономическим рычагам при полном контроле политического и идеологического пространства» [7]. Очевидно, что автор в определённой мере встаёт на сторону А. Лоскутова и оппозиции в целом.

Последней публикацией стала статья от 09.03.2017 года под названием: «Музей «Гараж» открыл весеннюю серию выставок» журналистка Ольга Кабанова охарактеризовала организатора «Монстраций» следующим образом: «главный герой не только этой части выставки, но и всего отечественного акционизма – Артем Лоскутов с фотографиями организованных им “монстраций”» [8]. Этот и предыдущие материалы характеризуются лояльным и доброжелательным отношением деловой газеты «Ведомости» к активисту.

В электронной версии газеты «Новая газета» в период с 25.04.2008 года по 15.01.2017 года опубликовано 72 материала, каждый из которых посвящён «Монстрациям» и Артёму Лоскутову. Первое упоминание связано со следующей новостью: «подана заявка на две тысячи участников, но «реальное количество участников будет зависеть от погоды и настроения людей» [18].

Начиная с 20.05.2009 года в «Новой газете» периодически публикуются статьи, темой которых становится очередное судебное разбирательство в отношении А. Лоскутова. Так, в материале от 20 мая 2009 года под названием: «Ты дерзкий, я за тобой машину пришлю с собакой» автор сразу же указывает на причину задержания: «Причиной ареста может быть чересчур активная общественная деятельность молодого художника» [19].

О положительном отношении к активисту говорит тот факт, что «Новая газета» 27 января 2011 года опубликовала написанный А. Лоскутовым материал под названием: «Объяснительная записка преследуемого художника Артёма Лоскутова – читателям «Новой»» [10]. Очевидно, что представители газеты положительно отнеслись к возможности налаживания общения между арт-активистом и своей аудиторией.

Помимо этого, 09.09.2012 в «Новой газете» было опубликовано интервью с Артёмом Лоскутовым. Опять же, этот журналистский текст следует воспринять как проявление лояльного отношения к активисту. В статье под названием «О пересечении искусства и революции» перформансист говорит о том, какие книги он предпочитает читать и даёт некоторые рекомендации: «Гройс к прочтению обязателен, если вы хоть как-то связаны с искусством» [2].

Материал, подтверждающий положительное отношение «Новой газеты» к А. Лоскутову появился 01.12.2016 года. Специальный корреспондент Ян Шенкман решил собрать в редакции «НГ» вместе всех «запрещённых» деятелей, среди которых оказался активист: «Когда я собирал вместе этих людей, я больше всего боялся, что наша встреча превратится в съезд обреченных или заговор отверженных. <...> Мало кто из них не был под судом. Добрая половина записана в иностранные агенты» [20]. Андрей Юрлов, участник съезда, правозащитник и глава Крымской полевой миссии выразился следующим образом: «Нам нужен не один Артем Лоскутов, а тысяча. Только тогда хоть что-то начнет меняться. Открыть «Школу монстраций»! Пусть молодые люди приезжают к Лоскутову учиться. Я серьезно. Нам нужна тысяча театров.doc, которые будут работать в школах, в вузах, в тюрьмах» [20]. Позже, 15.01.2017 в материале под названием: «Когда мне говорят, что я отвечаю за Крым, мне нечего возразить», корреспондентом Анной Байдаковой были собраны мнения участников «Съезда запрещённых», среди которых было и то, которое продемонстрировано выше, только в несколько изменённой форме: «Нам надо постепенно переходить от индивидуального активизма к институтам, нам нужны 1000 Артемов Лоскутовых. <...> Нужно очень серьезное умножение и распространение практик» [1].

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что к деятельности Артёма Лоскутова и к организованным им «Монстрациям» представители СМИ относятся положительно. Во время исследования не было найдено резко негативной критики, которая могла бы поставить под сомнение

данное убеждение. Стоит отметить и то, что в зависимости от характера СМИ количество публикаций изменяется.

Список литературы

1. Байдакова А. Андрей Юрлов, глава закрытой Крымской полевой миссии по правам человека и руководитель Международной школы прав человека, - о том, как вырастить «граждан» из «подданных» // Новая газета. – 2017. - № 3. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/15/71157-kogda-mne-govoryat-cto-ya-otvechayu-za-krym-mne-nechego-vozzrazit>

2. Васенина Е. О пересечении искусства и революции // Новая газета. – 2012. - № 102. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/10/51374-o-peresechenii-iskusstva-i-revoljutsii>

3. Винокурова Е. Журналисты влюбились в Навального // Газета.ru. 2013. https://www.gazeta.ru/politics/2013/08/05_a_5541417.shtml

4. Волкова Т. Арт-активизм сейчас будет только расцветать // The Art Magazine. – 2012. – № 3. <http://www.iskusstvo-info.ru/archive/article/id/141>

5. Завражин К. Художники устроили маевку на Бульварном кольце // Российская газета. 2011. <https://rg.ru/2011/05/01/monstracia-site.html>

6. Зайков Н. Новосибирский суд признал «Монстрацию» незаконным шествием // Российская газета. Новосибирск. 2016. <https://rg.ru/2016/06/23/reg-sibfo/novosibirsk-sud-shestvie.html>

7. Иноземцев В. Стратегия: Усмирение оппозиции // Ведомости. – 2015. – № 3805. <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/05/usmirenje-oppozitsii-opit-novosibirska>

8. Кабанова О. Территориальное единство // Ведомости. – 2017. – №4277. <http://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2017/03/10/680560-garazh>

9. Кузнецова Е. Поверх барьеров: Нервы сдают // Ведомости. – 2013. – № 3331. http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/04/19/nervy_sdayut

10. Лоскутов А. Объяснительная записка преследуемого художника Артёма Лоскутова – читателям «Новой» // Новая газета. – 2011. – № 9.

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/01/27/7131-ob-yasnitelnaya-zapiska-presleduemogo-hudozhnika-artema-loskutova-chitatelyam-novoy>

11. Ляшенко Е. В День Достоевского в Петербурге проведут «монстрацию» // *Российская газета*. Санкт-Петербург. 2013. <https://rg.ru/2013/06/26/reg-szfo/Dostoday-anons.html>

12. Михайлов А. Первомай готовы отметить буквально все // *Российская газета*. – 2012. – № 5768 (95). <https://rg.ru/2012/04/28/pervomay.html>

13. Новиков К. Первомай для всех // *Российская газета*. – 2011. – № 5470 (94). <https://rg.ru/2011/05/04/pervomay.html>

14. Новиков К. Сегодня в Москве прошло около двадцати массовых акций // *Российская газета*. 2011. <https://rg.ru/2011/05/01/pervomaj-site.html>

15. От редакции: Монстрация любви // *Ведомости*. – 2011. – № 2973. http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/11/02/monstraciya_lyubvi

16. От редакции: Пиррова победа // *Ведомости*. – 2012. – № 3067. http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/03/26/pirrova_pobeda

17. От редакции: Придуманная жизнь // *Ведомости*. – 2009. – № 2363. <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2009/05/25/ot-redakcii-pridumannaya-zhizn>

18. Первого мая в Новосибирске состоится традиционная акция «Монстрация» – шествие молодёжи под лозунгами абсурдного содержания // *Новая газета*. 2008. <https://www.novayagazeta.ru/news/2008/04/25/31054-1-maya-v-novosibirsk-sostoitsya-traditsionnaya-aktsiya-monstratsiya-shestvie-molodezhi-pod-lozungami-absurdnogo-soderzhaniya>

19. Суд да дело // *Новая газета*. – 2009. – № 52. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/05/21/42815-ty-derzkiy-ya-za-toboy-mashinu-prishlyu-s-sobakoю>

20. Шенкман Я. Носик, Гаспаров, Лоскутов, Троицкий и другие – на «Съезде запрещённых» // *Новая газета*. – 2016. – № 135. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/01/70743-v-etom-poedinke-my-zavedomo-pobedim>

**ТРИКСТЕРИАДА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГОДОВ:
КОММЕНТАРИИ К КОНЦЕПЦИИ МАРКА ЛИПОВЕЦКОГО**

*У.А. Комиссарова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

**THE IMAGE OF THE TRICKSTER IN SOVIET LITERATURE OF 1920-
1930: COMMENTS ON THE CONCEPT OF MARK LIPOVETSKY**

*U.A Komissarova, A.S.Griboedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена полемическому комментированию концепции трикстера в русской литературе «советского периода», обоснованной Марком Липовецким.

Ключевые слова: трикстер, архетип, генетические корни, мифология, советский период литературы.

Abstract. This article is devoted to a polemic comment on the concept of a trickster in Russian literature of the "Soviet period", substantiated by Mark Lipovetsky.

Key words: trickster, archetype, genetic roots, mythology, the Soviet period of literature.

E-mail: Komissarov99999@yandex.ru

Трикстер – это архаический персонаж ранней мифологии практически всех народов земли. Термин введен в научный обиход американским антропологом Полом Радиным, впервые предпринявшим исследование архетипа трикстера в культурологическом анализе мифологии индейцев виннебаго [11]. Трикстер отличается лукавством, хитроумием, коварством, жестокостью, способностью к трансформациям или перевоплощению. Он всегда одновременно творец и разрушитель, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний, его поведение определяется инстинктами и импульсами. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое [11, с. 21].

К исследованию феномена трикстера, помимо П. Радина, обращались многие отечественные и зарубежные ученые-культурологи, мифологи, психологи и литературоведы (К.Г. Юнг [13; 14], Леви-Стросс [7], Б.К. Отто [10], Д.А. Гаврилов [3], Ю.М.Лотман [6], Е.М. Мелетинский [8], А.Ю.Большакова [1; 2], В.Д. Миленко [9], О.О. Столяров [12] и др.).

В данной статье речь пойдет о статье Марка Липовецкого «Трикстер и «закрытое» общество» [11, с. 21], посвященной героям-трикстерам, которые обрели массовую популярность в советской культуре. Исследователь полагает, что черты, характерные для архетипа трикстера в русской литературе, можно увидеть и в литературных персонажах XVII – XIX веков, однако их число и популярность намного меньше, чем в советский период.

Заметим, что подобная тенденция связана с тем, что так называемый феномен трикстера, всегда возникает на стыке двух эпох. Это обусловлено тем, что в самой основе архетипа трикстера заложена лименальность и функция медиатора, благодаря чему трикстер является связующим звеном между двумя гранями [7, с. 89].

Итак, Марк Липовецкий предлагает свой «реестр» «русских героев-трикстеров». Исследователь называет трикстером Фрола Скобеева из анонимной повести XVII века. В XVIII веке – героев романов Михаила Чулкова («Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины», 1770; «Пересмешник, или Славенские сказки», 1765). В XIX веке – автор видит трикстерный комплекс в таких персонажах как: Гаврила Симонович Чистяков Василия Нарезного («Похождения российского Жиль Блаза», 1814), Иване Выжигине из романов Фаддея Булгарина, в гоголевских Иване Александровиче Хлестакове («Ревизор») и Петре Ивановиче Чичикове («Мертвые души»). А также в героях романов Достоевского – Смердяков («Братья Карамазовы») и Петруша Верховенский («Бесов») [5, с. 224]. Знаменательно то, что трикстер в русской классике все чаще обретает черты мелкого беса. (Примерами могут служить – черт из произведения Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», черт из

кошмара Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, центральный персонаж романа «Бесы» Петр Верховенский этого же автора).

Однако стоит отметить, что в большинстве примеров, приведенных Марком Липовецким, следует говорить лишь о некоторых трикстерных чертах, не определяющих структуру личности указанных персонажей целиком. Липовецкий как бы ставит знак равенства между плутовством и комплексом трикстера. Я полагаю, что этого делать не следует, ибо упомянутые герои в большинстве своем вызывают негативную реакцию, теряя аксиологическую амбивалентность, присущую архетипу трикстера. И если такой персонаж, как Петр Верховенский имеет все основные трикстерные черты, которые заложены в самом архетипе (*амбивалентность, связь с сакральным контекстом, провокационное начало, функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, содержит в себе архетип Тени (комически-демонический дублер)*) и предстает перед нами скорее как «инфернальный плут» с явной связью со своим мифологическим предшественником, то Иван Хлестаков напоминает нам больше «фольклорного плута» (дериват трикстера, комический персонаж, который характеризуется низким социальным положением, маргинальной внешностью и феноменальным везением) [9]. В данном герое отчетливо видны такие черты как - комическое начало, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест и даже амбивалентность. Однако при этом, в Хлестакове полностью отсутствует такие важные трикстерные функции, как связь с сакральным контекстом, лиминальность и функция медиатора. Поэтому, в отличие от первого примера (Петруши Верховенского), было бы неверно отнести Ивана Хлестакова к героям-трикстерам.

Дальнейшее развитие героя-трикстера можно увидеть в «советский период». Об этом Марк Липовецкий говорит в своей статье [5, с. 232]. Трикстеры становятся главными героями фильмов, литературных произведений, анекдотов. В советской культуре герою-трикстеру вообще

отведено отдельное место. Почти большая часть персонажей, обретших массовую популярность в советской культуре, представляют собой различные версии именно этого древнего архетипа. Перед нами не просто обманщики или коварные божества, теперь на передний план выходят такие фигуры как «креативные идиоты» и «злые гении», которые объединяют в себе черты таких персонажей как «жестокий клоун» и «культурный герой», и обладают «подрывной деятельностью» (склонность к разрушению, уничтожению), которая парадоксальным образом несет в себе «культуростроительный» эффект [5, с. 224].

Так, автор статьи относит к «советским трикстерам» таких персонажей как: Буратино А. Толстого, Незнайку Николая Носова, Старуху Шапокляк Эдуарда Успенского – из советских сказок; Воланда Михаила Булгакова, Остапа Бендера из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Беню Крика из романа Исаака Бабеля [5, с. 226]. Однако, в некоторых случаях, я вновь вынуждена не согласиться с исследователем. Так, Липовецкий приписывает трикстерные свойства Воланду – на мой же взгляд, Воланд скорее играет роль наблюдателя и является «заказчиком», который дает цель и указания трикстерным персонажам, а именно – Фаготу и Бегемоту. Попутно следует отметить, что такие персонажи детской литературы, как Буратино и Незнайка (также наделенные Липовецким трикстерной спецификой) вызывают у читателей чаще всего положительную реакцию, при этом теряя свою аксиологическую амбивалентность. Поэтому вряд ли целесообразно относить к трикстерам подобных героев (в тот же ряд вписывается, к примеру, и Карлсон): они обладают лишь некоторыми плутовскими чертами.

В советском трикстере, указывает, М. Липовецкий, мы можем увидеть новую черту, которую приобретает герой-трикстер: *«меркантильный интерес»* [5, с. 227]. Если раньше, у традиционного трикстера мы чаще всего видим увлечение самой «игрой», процессом игры, то у советского трикстера преобладает расчетливость. Вторая черта, которая свойственна трикстерам подобного рода – это то, что *«советский трикстер» в большинстве случаев*

зависит от некоего хозяина и «его мобильность определяется сменой хозяев», в то время как исходный трикстер – независимый персонаж, имеющий абсолютную свободу и страсть к злым шуткам и коварству [5, с. 227]. Причем все его «зловредные» выходки идут исключительно из-за любви к розыгрышам и ради собственного развлечения. Именно поэтому «советский трикстер» имеет черты, отличающиеся от своего мифического предшественника.

Так, Марк Липовецкий выделяет четыре важнейшие функции «советского трикстера», которые наиболее отчетливо актуализируются в советской культуре: *амбивалентность и функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, и связь трикстера с сакральным контекстом* [5, с. 230]. Также стоит отметить, что в отличие от мифологических трикстеров, которые функционируют на уровне космоса (космогония), «советские трикстеры» разворачиваются в мире советской культуры и идеологии.

Ещё одно важное различие, о котором в своей статье «Трикстер и «закрытое общество» пишет Марк Липовецкий это: *различие между мифологическим героем и культурным архетипом трикстера* [5, с. 230]. Происходит это из-за того, что со временем, трикстер перестает быть только персонажем мифологических, этнических легенд и мифов. Теперь мы все чаще можем наблюдать именно литературные и культурные типы, которые отличаются друг от друга, но при этом имеют один общий «знаменатель», определенный набор качеств, свойственный именно героям-трикстерам. У одного героя он проявляется более полно, у другого менее. Но именно этот набор является устойчивой риторической конструкцией, к которой мы привыкли и которая повторяется в литературе и культуре различных эпох [5, с. 231].

Так, автор к мифологическим героям-трикстерам относит персонажей, которые большей частью принадлежат к мифологии и фольклору. Это такие герои как: *«Гермес и Прометей в греческой мифологии, Ананси и Ogo-Yurugi в африканском фольклоре, Койот, Wakdjunkaga, кролик Манабозо или Вискодьяк*

у североамериканских индейцев, Локи в скандинавском фольклоре, Ворон – в палеоазиатском, Братец Кролик в фольклоре афроамериканцев»[5, с. 231]. Также, к этому же ряду Липовецкий относит и образ дьявола, в том виде, в каком он вошел в европейский фольклор и отразился в фавлю и новеллах Ренессанса, а затем дошел до таких произведений Нового времени, как «Хромой бес», «Вечера на хуторе близ Диканьки» или «Братья Карамазовы». Так, по мнению Марка Липовецкого, фольклорная модель трикстера породила целый ряд более поздних литературных и культурных типов, таких, как *плут, пикаро, шут, клоун, самозванец и т.п.* [5, с. 231]. Однако необходимо, на мой взгляд, видеть разницу между героем-трикстером и обычными авантюристами, шутами и клоунами: иначе грань между трикстером и любым другим персонажем, который включает в себя элементы плутовства, шутовства и т.п., стирается.

На наш взгляд, художественный интерес к феномену трикстера возрастает постсоветский период. Меняется время – меняются герои. В литературе начала XXI века появляется обновленный (можно сказать, постмодернистский) образ трикстера, для которого стираются этические грани и пространственные границы [ср.: 4, с. 55–57]. Но, несмотря на все изменения, которые претерпел этот образ за прошедшее время, его главные функциональные черты остались неизменными: *этическая амбивалентность, функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, и связь трикстера с сакральным контекстом.* Эти черты в совокупности составляют некий личностный комплекс, позволяющий идентифицировать литературных персонажей как трикстеров и отличать их от генетически или типологически родственных им героев-плутов или героев-бесов.

Список литературы

1. *Большакова А.Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. – 2001. – Т. 6. – С. 171.*

2. *Большакова А.Ю. Теория архетипа на рубеже XX – XXI вв. // Вопросы филологии. – 2003. – Т. 1. – С. 37–47.*
3. *Гаврилов Д.А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. – М.: Ганга, Слава, 2009. – 288 с.*
4. *Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – № 3. – С. 55–62.*
5. *Липовецкий М.Н. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С.224–245.*
6. *Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 263 с.*
7. *Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова.– М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.*
8. *Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – Т.1. – С. 942–950.*
9. *Миленко В.Д. Плутувской герой русской советской прозы 1920-х годов: проблемы типологии // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. – Вып. 18(75). – Симферополь: Крымский архив, 2010. – С. 65–73.*
10. *Отто Б.К. Дураки. Те, кого слушают короли / Пер. с англ. З.Фиалковского. / Пер. с англ. и кит. К. Хмелевского. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 496 с.*
11. *Радин П. Трикстер // Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 265–286.*
12. *Столяров О.О. Природа шутовства // Гаврилов Д. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ Трикстера в евроазиатском фольклоре. – М.: Ганга, Слава, 2010. – 288 с.*
13. *Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – С. 231–239.*
14. *Юнг К.Г. Архетип и символ. – СПб.: Ренессанс, 1991. – С. 211–232.*

**МИФОЛОГИЯ В ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА ДВАДЦАТОГО
СТОЛЕТИЯ (ПО СТРАНИЦАМ ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА
«ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»)**

Н.Г. Кузнецова, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

М.В. Баканова, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**MYTHOLOGY IN THE LIFE OF RUSSIAN PEASANT OF THE 20TH
CENTURY (IN THE STORY OF V. G. RASPUTIN «FAREWELL TO
MATYORA»)**

N.G. Kuznetsova, Penza State University, Penza, Russia

M.V. Bakanova, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить такой аспект писательского мастерства В.Г. Распутина, как культурные традиции и поверия русского крестьянства, нередко уходящие корнями в языческие времена и воплощавшие мифологическое сознание русского народа.

Ключевые слова: русское крестьянство, культурные традиции, поверия, мифология.

Abstract. The article deals with the cultural traditions and popular beliefs of the Russian peasantry quite often originating from the pagan times and embodying mythological consciousness of the Russian people.

Key words: Russian peasantry, cultural traditions, popular beliefs, mythology

E-mail: kuznetsova1878@mail.ru

Одна из ярких граней писательского мастерства В.Г. Распутина в повести «Прощание с Матерой» – бытоописательный элемент, связанный с русской деревней. Валентин Григорьевич демонстрирует глубокое понимание русской деревни, ее самобытности, традиций; искреннее уважение к крестьянину, к его труду, культурным традициям и повериям, нередко уходящим корнями в языческие времена.

Остров Матера – большая деревня, омываемая водами сильной и красивой реки Ангары [4, с. 16]. «Тот первый мужик, который триста с лишним лет назад задумал поселиться на острове, был человек зоркий и выгадливый, верно рассудивший, что лучше этой земли ему не сыскать», – размышляет В.Г.Распутин. Читатель сразу оказывается в каком-то волшебном водном царстве. Сразу за границами деревни «начиналась уже не твердь, а течь» [4, с. 43]. «Никто никогда его не видел, не встречал, а он здесь знал всех и знал все, что происходило из конца в конец и из края в край на этой отдельной, водой окруженной и из воды поднявшейся земле»[4, с. 53–54].

Жизнь славян с древнейших времен была связана с водой. Древнерусские язычники приносили жертвы воде или у воды; верили в то, что в реках или у их берегов обитают мифические существа: русалки, морские панны, водяные и болотные. **Стихия воды** воспринималась в народном сознании как источник жизни. Ей приписывалась особая сила, способствующая плодородию растений, животных и человека. Сила, приписываемая воде в славянской традиции, особенно хорошо прослеживается в ритуальных действиях весенне-летней обрядности. К ним, например, относится окропление освященной водой в пасхальную неделю или в Иванов день озимых на полях для повышения урожая. Древние языческие истоки имели также обряды кормления **стихии воды** или жертвоприношения ей. Чтобы вызвать дождь, в колодец во время засухи бросали различные продукты (хлеб с солью, зерно, цветы). Мотив «кормления воды» сохранился в многочисленных «закличках» дождя, которые обычно исполняли дети.

Героини повести часто изображаются Распутиным во время обряда чаепития, сидящими у самовара. Чай они пьют подолгу, степенно, со вкусом, наслаждением. Старухи как будто черпают силы в этом вкусном напитке, и целебная сила тут кроется, пожалуй, в самой воде, ведь она из родной, милой сердцу поилицы Ангары. Дарья советует Настасье: «Пей, девка, покуль чай живой. Там самовар не поставишь» [4, с. 24]. Упоминание о «живом» чае отправляет нас к поверьям о «живой» и «мертвой» воде.

Положительные и отрицательные представления о воде воплотились в понятиях о «живой и мертвой воде». Живая вода наделяет героя силой богатырской, исцеляет раны, возвращает жизнь и дарит ему красоту неописуемую. Мертвая вода называется иногда целительной: она заживляет нанесенные раны, сращивает рассеченные части мертвого тела, но еще не воскрешает его; только окропление живой водой возвращает ему жизнь. С поверьем о живой воде соединяется, например, русский народный обычай, по которому, когда раздается удар первого грома, все спешат умыться водою, дающей красоту, здоровье и счастье. Темное время суток, согласно народным представлениям, негативно воздействовало на качество воды, набранной в такие моменты. После захода солнца не принято было ходить за водой. Соблюдая традиции предков, жители Матеры по праздникам ездят на широкий луг и купаются, прыгая «с высокого яра в темную воду» [4, с. 44].

Водную стихию наши предки и почитали, и боялись. Старуха Дарья всю жизнь разгадывала загадку: почему у мамы вода всегда вызывала такой страх? Привезенная в Матеру отцом Дарьи из тех мест, где, вероятно, «воды совсем не было» или «речушка какая в один перешаг текла», «до смерти она боялась воды». Уверяла она дочку, что «будет» на нее «беда», что «здры никакой страх не живет» [4, с. 42]. И вот теперь, когда Матеру должны потопить, Дарья разгадала страх матери: «Только щас мамкин страх наверх вышел, что незряшный он был»... «Догонит все ж таки мамку вода» [4, с. 42].

Существует в Матере местная легенда о парне Проне, который утонул, и теперь много лет бродит по ночам, «как русалочий муж, и кого-то несмело и неразборчиво кличет» [4, с. 45]. Бытующая в Матере легенда об утопленнике Проне имеет все признаки такого фольклорного жанра, как народный демонологический рассказ. Народный демонологический рассказ – это суеверные повествования, связанные с персонажами из разряда низшей мифологии; небольшие рассказы о леших, домовых, чертях и чертовках, колдунах, – одним словом, о представителях темной, нечистой силы. Русалка как раз и относится к разряду

«низших» мифологических существ. Есть легенды, в которых русалки соблазняли молодых парней, заманивая их на глубину.

Языческие народы неизменно обоготворяли воду как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, благодаря которому оплодотворялась другая великая стихия – земля. Предки наши считали Землю живым существом, способным, подобно человеку, радоваться и испытывать боль. Земля почиталась как великая кормилица. Об этом говорят народные присловья: «Мать-Сыра-Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает!», «Добра мать до своих детей, а земля – до всех людей!», «Корми – как земля кормит; учи – как земля учит; люби – как земля любит!». Питаемая обильными водами красавицы Ангары, щедра и плодovitа земля в Матере. Писатель делает наблюдение: «Пышно, богато было на материнской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной зеленью горел остров...» [4, с. 61]. «Жары на острове, посреди воды, не бывает; по вечерам, когда затихал ветерок и от нагретой земли исходило теплое парение, такая наступала кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо сияла перед глазами зелень, еще более приподнявшая, возвысившая над водой остров...» [4, с. 20].

Отношение жителей села к родной земле – как и у их далеких предков – простое, но полное глубочайшего уважения. Вот что говорит старуха Дарья своему восемнадцатилетнему внуку Андрею, полному юношеского максимализма: «...нам Матеру на подержанье только дали...чтоб обихаживали мы ее с пользой и от ее кормились». «Надо – значит, надо, но, вспоминая, какая будет затоплена земля, самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами и вскормившая не одно поколение, недоверчиво и тревожно замирало сердце: а не слишком ли дорогая цена? Не переплатить бы? Не больно терять это только тем, кто тут не жил, не работал, не поливал своим потом каждую борозду»... [4, с. 78]. С какой радостью работают на родной земле жители села! Распутин рассказывает о последнем в Матере сенокосе. Работали с увлечением, со страстью, молодели

душой и телом от этого радостного труда; в часы отдыха дурачились, как дети; вечером возвращались с песней.

Название острова символично: в его морфемный состав входит корень «мат». Не потому ли так щедра и добра земля в этом селении к тем, кто живет на ней, любит ее и возделывает ее? У Матеры имеются покровители – это маленький таинственный зверек, хозяин острова, и красавец Листвень, отсылающие нас к тотемическим представлениям наших предков о мире. Тотемические мифы – мифы о «первопредках» (тотемах), которыми чаще являются животные, но также и растения, и люди. Тотемизм – это вера в родство с растением или животным. Тотем – «покровитель». Тотем способен даровать человеку свое покровительство и защиту. Хозяин Матеры «маленький, чуть больше кошки, ни на какого другого зверя не похожий зверек», который по ночам заботливо обегает остров. «Если в избах есть домовые, то на острове должен быть и хозяин» [4, с. 53]. Его никто из жителей Матеры никогда не видел, а вот он знает «всех» и «все»; знает обо всем, что происходит в деревне: о том, что великий грех совершит беспутный Петруха (предаст огню отчий дом); что умрет Богодул.

Другой покровитель Матеры – «царский листвень», «могучий», «величавый», тоже своего рода «тотем» [4, с. 159]. «Там же, как царь-дерево, громоздилась могучая, в три обхвата, вековечная лиственница (листвень – на "он" знали ее старики), с прямо оттопыренными тоже могучими ветками и отсеченной в грозу верхушкой» [4, с. 44]. Лиственница «напоминала пастуха, несущего древнюю сторожевую службу. Но говорить "она" об этом дереве никто, пускай пять раз грамотный, не решался; нет, это был он, "царский листвень" – так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми» [4, с. 159]. У славян пастух – главный персонаж в обрядах и верованиях, связанных с защитой, сохранностью скота; считался причастным к тайнам общения с животным миром. Дерево жизни – мифологический образ во многих культурах. Древо Жизни часто становилось метафорическим образом сотворения мира. В

представлениях древних славян, Мировое Древо находится на острове Буяне на Алатырь-камне, который также является центром мироздания (центром Земли). Старуха Дарья, размышляя о том, что последние дни доживает Матера, вспоминает слова «старой и жуткой заговорной молитвы»: «На море-океане, на острове Буяне...» [4, с. 46].

Заговор – один из самых древних жанров устного народного творчества. Это «задел», вступительная часть заговора как жанра. Дарье хочется отвести беду от родной деревни, которой грозит гибель. Мировое дерево, древо жизни в славянской мифологии – мировая ось и символ мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни (у которых течет священный источник) – преисподней, ствол и ветви организуют земное пространство. У Распутина читаем: «Неизвестно, с каких пор жило поверье, что как раз им, "царским лиственем", и крепится остров к речному дну, одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матера». Словно ощущая свое родство с «Лиственем», жители Острова свято верят: пока жив их «тотем», будут живы и они. В мифах разных народов дереву отводилась особая, почетная роль. О поклонении славян деревьям мы имеем многие чисто исторические свидетельства. Прокопий говорит, что славяне имели священные рощи и поклонялись старым деревьям» [2, с. 28]. В житии князя Константина говорится, что русские язычники поклонялись дуплистым деревьям, обвешивали их укрусамми» [2, с. 29]. «Иногда срубить всякое старое дерево считается грехом, и срубивший ему или сходит с ума, сламывает себе руки или ноги, а нередко и умирает» [1, с. 418]. Так, «древние германцы подвергали жуткой казни человека, содравшего кору с живого дерева, – с него заживо сдирали кожу по принципу «око за око, зуб за зуб» [3, с. 12]. Родственное отношение с тотемом предполагало, что тотем – растение или животное – нельзя убивать. Тотему делались подношения в виде еды, питья, драгоценностей. Жители Матеры «не в столь еще давние времена» стремились, подобно своим предкам-славянам, «задабривать лиственницу угощением, которое складывали у корней» и имели по

отношению к нему «почтение и страх». Жители Матеры боялись, что лиственень «может обидеться» [4, с. 159]. Делали это жители Матеры по большим праздникам, в Пасху и Троицу. Распутин прибегает к приему олицетворения: «чуть склонившись, он, казалось, строго и внимательно смотрел на нижний край острова, где стояли материнские леса» [4, с. 164].

Лиственница – одна из наиболее распространенных пород хвойных деревьев в Сибири и на Дальнем Востоке, она считалась «царицей тайги». Согласно сибирской мифологии, лиственница – мировое дерево, на котором держатся подземный мир (корни), наземный (ствол), высший (крона). Лиственница имеет еще одно название – Ведьмино дерево. В бурятских поверьях к лиственнице приходили с просьбой даровать детей. Лиственницу в повести Распутина собираются уничтожить. Это воспринимается старожилками деревни, как величайший грех. Наличие тотема накладывало на человека определенные обязательства. Родственное ощущение предполагало, что тотем – растение или животное – нельзя уничтожать или убивать. Не случайно те, кому поручено уничтожить лиственницу, названы в повести «чужими», и не случайно «лиственень» остается несокрушимым. "Царский лиственень" не шелохнулся в ответ. Чуть склонившись, он, казалось, строго и внимательно смотрел на нижний край острова, где стояли материнские леса» [4, с. 164].

Список литературы

- 1. Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды. – М., 2003. – 616 с.*
- 2. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993. – 301 с.*
- 3. Лаврова С.А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. – М., 2009. – 352 с.*
- 4. Распутин В. Г. Повести. – М., 1976. – 390 с.*

ХРОНОТОП РОЖДЕСТВЕНСКОГО БАЛА В РАССКАЗЕ

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «АНГЕЛОЧЕК»

*Н.А.Ларина, Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

THE HRONOTOPE OF THE CHRISTMAS EVE IN THE NOVEL BY

LEONID ANDREEV «ANGELOCHEK»

N.A. Larina, State Socio-Humanitarian University, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу хронотопа Рождества и его уникальной реализации в рассказе Леонида Андреева «Ангелочек». В исследовании рассматриваются параллели данного рассказа с рассказом Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и реализация хронотопа рождественского бала как противопоставления стереотипному изображению Рождества: вместо чудесной и волшебной истории Рождество оборачивается разочарованием.

Ключевые слова: хронотоп, художественное пространство, Рождество, Достоевский, Леонид Андреев.

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the Christmas hronotope and its unique realization in the novel «Angelochek» by Leonid Andreev. The research is also devoted to the parallel of this novel with the novel «Malchik u Khrista na elke» by Dostoevsky and the realization of Christmas Eve hronotope as an antithesis of the stereotype: instead of magic story the Christmas turns to be a disappointment.

Key words: hronotope, fiction space, Christmas, Dostoevsky, Leonid Andreev.

E-mail: larina-n-a@mail.ru

Пространство, в которое погружено действие художественного произведения, имеет особые характеристики. В.Н. Топоров называл его «мифопоэтическим пространством»: «Проблема соотношения пространства и текста не решается одинаково для всех видов пространства и особенно всех видов текста. Наиболее ценным (и одновременно наиболее сложным)

представляется определение этого соотношения, когда речь идет о текстах «усиленного» типа – художественных, некоторых видов религиозно-философских, мистических и т. п. Таким текстам соответствует и особое пространство, которое, перефразируя известное высказывание Паскаля, можно назвать «пространством Авраама, пространством Исаака, пространством Иакова, а не философов и ученых», или мифопоэтическим пространством» [8, с. 228]. Если же произведение помещено в атмосферу праздника, сигнификативного для данной культуры, то пространство и время приобретают особую значимость.

В соответствии с концепцией Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, отсылка к определенному значимому понятию в литературе Серебряного века задает координаты восприятия текста «в присутствии» других текстов: «рассмотрение слова в пространстве поэзии связано с «задействованием» тех смысловых валентностей, которые актуализируются в слове только в сцеплении с другими словами; и в зависимости от пред- и пост-текста смысл слова может существенно меняться» [5, с. 188].

В большинстве стран Европы самый главный праздник в году – это Рождество, которое все встречают в семейном кругу, собирается множество родственников, все идут в церковь, дарят друг другу подарки. Рождество в аксиосфере русских людей занимает достаточно важное место: этот праздник воспринимается не только как семейный, соединяющий всю семью за одним праздничным столом, но и как время волшебства, чудес, необычных событий. Атмосфера Рождества передана во многих произведениях классической русской литературы. В контекст Рождества помещено действие произведений Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», рассказа А.И. Куприна «Тапер», повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» и «Христос в гостях у мужика», «Новогодней баллады» и «Поэмы без Героя» А.А. Ахматовой [см.: 6; 7], ряда рассказов для детей (из цикла «Леля и Минька») М.М. Зощенко. Рождество обладает рядом узнаваемых черт, которые формируют хронотоп. В современной литературе

обыгрывается «перемешанное» Рождество: в рассказе Л.Е. Улицкой «Путь осла» персонажи чувствуют себя погруженными в атмосферу Рождества, хотя дело происходит в июле [9].

В мировой литературе существует традиция «святочного рассказа», посвященного чудесам Рождества, и, как правило, в таких рассказах сироты обретали родителей, богачи начинали помогать бедным, преступники раскаивались, а нечистая сила помогала людям. Гоголь воспользовался канвой такого рассказа, используя впервые в русской литературе типовой сюжет «чудес на Рождество». Также можно упомянуть о «Рождественской песне» Диккенса и даже о юмористическом рождественском рассказе писательницы Тэффи, которая показывает, как от звона церковных колоколов все злодеи на Рождество начинают каяться, причем далеко не всегда в самый подходящий для этого момент.

Центральным для изображения Рождества в некоторых произведениях становится хронотоп рождественского бала. Первым образцом проявления этого хронотопа является рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», с которым во многом перекликается рассказ Л.Н. Андреева «Ангелочек».

В текстах ранних произведений Л. Андреева, приуроченных к Рождеству и Пасхе, рассматривается соотношение между созданной писателем картиной мира и моделью мира, воспроизводимой в «праздничной литературе». Уже в этих произведениях наличествуют признаки синтетизма: идея синтеза в творчестве Л.Н. Андреева оказывается прежде всего соотнесенной с идеей целостности, заключенной в мифе. В этом смысле Леонид Андреев несколько опередил русский символизм с его тотальной мифологизацией действительности, пониманием жизни как знакового текста. Лишь попадая в «мифологическую» ситуацию, герой оказывается приобщенным к гармонии мира, однако в большинстве случаев действительность, включающая себя и социальную среду, «выталкивает» человека к трагическому, полному нерешенных проблем существованию.

На рубеже столетий значительно изменилось само художественное мышление. Пристального внимания заслуживает и свойственный порубежной эпохе поиск новых путей в искусстве, новых средств поэтической выразительности, связанных со спецификой XX века. Символисты часто признавали Леонида Андреева символистом «по духу», говорили о его тяготении к «полюсу Достоевского», которого они почитали (повторюсь) своим предшественником. Действительно, Л.Н. Андреев в воспроизведении жизни проявлял интерес к поэтике символистов, к их умению укрупнять, обобщать изображаемое; и часто использовал эти средства. Отношение его к Ф.М.Достоевскому, к наследию этого художника часто менялось: от восхищения духом «бунтарства» (ибо Андреев причислял Достоевского к «бунтарям», не желая видеть в нем проповедника кротости и смирения, приверженца чисто христианских заповедей добра и всепрощения), до внимания к общечеловеческим проблемам писателя-гуманиста.

Сам Леонид Андреев не раз – и небезосновательно! – объявлял себя учеником и последователем Достоевского. Обращение к хронотопу рождественского бала в его творчестве – не только использование расхожего стереотипа «святочного рассказа», переосмысленного писателем по-своему, но и полемика с трактовкой этого хронотопа Достоевским.

В рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» сцена бала создана как антитеза миру, где живет голодный мальчик. Описание бала построено на использовании слов с уменьшительными суффиксами: куколки, лошадки и пр.

Мир мальчика, по контрасту с красивым балом, состоит из темных комнат, холода, одинокого подвала, лестниц... Ф.М. Достоевский описывает свет и тьму, показывая пространство, где живет мальчик, как темное, а сцену бала как светлую и прекрасную.

В конце рассказа читатель понимает, что, в сущности, бал представляет собой описание смерти. Сцена бала показана как обобщенный образ светлой и благополучной жизни: антитезой миру подвалов и лестниц являются богатые

барыни, миндальные пироги и елка. В рассказе не описана музыка, картинка подана как беззвучная, мальчик смотрит на нее из-за стекла. Поскольку бал показан глазами мальчика, он обращает внимание на вещи, интересные детям: игрушки, детали танца и пр.

В целом, сцена бала является фантасмагорической, так как она призвана показать, что мальчик умер: все привидевшиеся ему вещи – это его предсмертные видения. В этом рассказе Ф.М. Достоевский обращает внимание на проблему детской смертности, используя прием антитезы. Грусти тону рассказа добавляет тот факт, что рождественский святочный рассказ должен заканчиваться положительными событиями, а в данном случае концовка печальна – мальчик умирает, рождественского чуда не произошло.

В рассказе Леонида Андреева красота елки также противопоставлена миру, в котором живет главный герой. Мальчик Саша из бедной семьи, и на елку он попадает практически случайно, благодаря помощи его покровителей.

Сцена бала вызывает у мальчика далеко не теплые чувства: *Заранее вытаращив глазенки и затаив дыхание, дети чинно, по паре, входили в ярко освещенную залу и тихо обходили сверкающую елку. Она бросала сильный свет, без теней, на их лица с округлившимися глазами и губками. Минуту царил тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных восклицаний. Одна из девочек не в силах была овладеть охватившим ее восторгом и упорно и молча прыгала на одном месте; маленькая косичка со вплетенной голубой ленточкой хлопала по ее плечам. Сашка был угрюм и печален – что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном сердце. Елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной, как и столпившиеся вокруг нее чистенькие, красивые дети, и ему хотелось толкнуть ее так, чтобы она повалилась на эти светлые головки. Казалось, что чьи-то железные руки взяли его сердце и выжимают из него последнюю каплю крови.*

Главному герою неприятна и елка, и находящиеся на ней дети. В мальчике Саше нет ничего от безотчетного восторга, охватившего героя Достоевского. Наоборот, елка охарактеризована как «крикливая», «наглая», «чуждая», «враждебная».

Домашний мир также изображен как антитеза елке: *и вечно печальный и жалкий отец, и грубая, невыносимая мать, и черный мрак обид, жестокостей, унижений и злобствующей тоски. Бесформенны, туманны были мечты Саши, но тем глубже волновали они его смятенную душу.*

Рождественский бал показан как собрание неприятных мальчику людей: ему не нравится ни организатор елки Мария Дмитриевна, ни разговаривающий с ней господин, которому он исподтишка показывает язык.

Единственный светлый образ во всем рассказе – это образ ангелочка, который произвел неизгладимое впечатление на мальчика. Ангелочек вызывает у него настолько сильные чувства, что даже прежде казавшаяся отвратительной елка становится радостной:

И перед сиянием его лица словно потухла сама нелепо разукрашенная, нагло горящая елка, – и радостно улыбнулась седая, важная дама, и дрогнул сухим лицом лысый господин, и замерли в живом молчании дети, которых коснулось веяние человеческого счастья. И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворенным рукой неведомого художника личиком ангелочка.

Рассказ Андреева, безусловно, создан под влиянием рассказа Ф.М.Достоевского. В данном случае соблюдена общая канва рассказа Достоевского: бедный мальчик, богатые дети, далекая и недоступная елка. Хотя в целом судьба мальчика более оптимистична – он не сирота, у него есть и отец, и мать, и сам он в конце рассказа остается жив – тем не менее, концовка все равно ознаменована смертью: погибает ангелочек, центр притяжения внимания и самый светлый момент рассказа:

А ангелочек, повешенный у горячей печки, начал таять. Лампа, оставленная гореть по настоянию Сашки, наполняла комнату запахом керосина и сквозь закопченное стекло бросала печальный свет на картину медленного разрушения. Ангелочек как будто шевелился. По розовым ножкам его скатывались густые капли и падали на лежанку. К запаху керосина присоединился тяжелый запах топленого воска. Вот ангелочек встрепенулся, словно для полета, и упал с мягким стуком на горячие плиты. Любопытный прусак пробежал, обжигаясь, вокруг бесформенного слитка, взобрался на стрекозиное крылышко и, дернув усиками, побежал дальше.

Святочные рассказы в русской литературе оказываются достаточно депрессивными: вместо чуда в светлый праздник герои лишаются того, что им дорого. Биограф Леонида Андреева вспоминает, что случай с ангелом автобиографичен: З. Н. Пацковская, родственница Андреева, вспоминала: «Елка эта была у нас, и наверху был восковой ангелочек; Леонид все на него смотрел, потом взял его себе (моя мать ему его подарила), и когда лег спать, то положил его на горячую лежанку, и он, конечно, растаял. Было ему в это время лет 8. Но в рассказе кое-что переиначено. Там выводится мальчик из бедной семьи. Леониду же отец и мать делали обыкновенно свою роскошную елку» [1].

Интересны размышления А. Блока о рассказе «Ангелочек» в статье «Безвременье». Говоря о разрушении устоявшегося мира (статья писалась в 1906 г.), поэт сожалел об исчезнувшем «чувстве домашнего очага». Праздник Рождества был «высшей точкой этого чувства». Теперь же он перестал быть «воспоминанием о Золотом веке». Люди погрузились в затхлый мещанский быт, в «паучье жильё». Это – реминисценция из Достоевского: Свидригайлов («Преступление и наказание») предполагал, что Вечность может оказаться не «чем-то огромным», а всего лишь тесной каморкой, «вроде деревенской бани с пауками по углам». «Внутренность одного паучьего жилья, – писал Блок, – воспроизведена в рассказе Леонида Андреева «Ангелочек». Я говорю об этом рассказе потому, что он наглядно

совпадает с «Мальчиком у Христа на елке» Достоевского. Тому мальчику, который смотрел сквозь большое стекло, елка и торжество домашнего очага казались жизнью новой и светлой, праздником и раем. Мальчик Сашка у Андреева не видал елки и не слушал музыки сквозь стекло. Его просто затащили на елку, насильно ввели в праздничный рай. Что же было в новом раю?

Там было положительно нехорошо. Была мисс, которая учила детей лицемерию, была красивая изолгавшаяся дама и бессмысленный лысый господин; словом, все было так, как водится во многих порядочных семьях, – просто, мирно и скверно. Была «вечность», «баня с пауками по углам», тишина пошлости, свойственная большинству семейных очагов» [3, с. 68].

Чудо святочного рассказа оказывается грустным: праздник, который должен стать гимном домашнему очагу, превращается в день смерти и разрушения. Бал еще больше подчеркивает, что то, что должно было быть веселым и приятным праздником, превратилось в рутину, подлость и фальшивку.

Сцена бала в двух рассказах русских писателей – центральная сцена, в которой заключен смысл рассказа. И у Достоевского, и у Леонида Андреева бал – точка притяжения всех мотивов произведения. Два рассказа во многом схожи: в обоих случаях мальчик из бедной семьи попадает в чуждый и удивительный для него мир бала, который поражает его воображение. Однако у Достоевского бал оказывается вымышленным: как выясняет читатель в конце рассказа, все сцены бала были предсмертным видением умирающего от голода и от холода малыша. У Леонида Андреева в «Ангелочке» бал настоящий, однако он отнюдь не вызывает той радости, которую должен вызывать, – до появления ангелочка из воска, давшего название всему рассказу, бал представляется мальчику Саше средоточием всего чуждого, наглого, неприятного.

Ведущим приемом в обоих произведениях является антитеза: бал изображается как мир светлого, радостного, а жизнь главного героя как средоточие всего темного и беспросветного. При этом у Достоевского мальчик

так и не оказывается внутри, на самом балу: стоит ему войти в помещение, где барыни кормят пирогами, как его с негодованием прогоняют. У Андреева как будто бы сбывается мечта главного героя: он попадает на вожделенный бал, однако это не приносит ему радости. Концом сюжета в обоих случаях становится смерть героя (мальчика в одном случае и ангелочка в другом) – Рождество не приносит чуда, и святочный рассказ на русской почве становится печальным, а не счастливым.

Список литературы

1. Андреев Л. Ангелочек // http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0040.shtml
2. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Блок А.А. *Собрание сочинений: В 8 т.* – М.–Л.: Гослитиздат, 1962. – Т. 5.
4. Достоевский Ф.М. *Мальчик у Христа на елке* // <http://www.pravmir.ru/malchik-u-xrista-na-elke/>
5. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. *К методологии изучения поэтической семантики акмеизма* // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (23). – Т. 2. – С. 188–194.
6. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. *Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой* // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия Филология. – 2012. – № 3. – С. 55 – 62.
7. Кихней Л.Г. *Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930 – 50-х годов* // *Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века*. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 27–39.
8. Топоров В.Н. *Пространство и текст* // *Текст: семантика и структура*. – М., 1983. – С. 227 – 284.
9. Улицкая Л.Е. *Путь осла* // *Улицкая Л.Е. Люди нашего царя*. – М.: Эксмо-Пресс, 2012. – С. 11 – 33.

УДК 821.161.1

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «КУХНЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.И. Лыткина, Московский государственный университет им.

М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

Н.К. Шутая, Российский государственный университет правосудия,

г. Москва, Россия

CULTURAL CONCEPT «KITCHEN» IN RUSSIAN LITERATURE

O. I. Lytkina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

N.K. Sutaya, Russian Academy of Justice, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена культурному концепту «кухня», который является ключевым концептом русской культуры повседневности. На материале произведений русской литературы XIX-XX вв. определяется содержание концепта «кухня», прослеживается его эволюция.

Ключевые слова: культурный концепт, кухня, русская литература

Abstract. The article devotes to such cultural concept as kitchen which is the key concept of Russian culture of everyday life. According to the works of Russian literature of XIX-XX centuries we defines the content of the concept «cuisine» and traces its evolution.

Key words: cultural concept, kitchen, Russian literature

E-mail: lytkinaoi@yandex.ru, shutaya@yandex.ru

Художественная литература относится к репрезентативным видам искусства. Она отображает реальную действительность, главным образом, в ее социальных проявлениях. Главный предмет изображения в литературном произведении – это отношения между людьми, а также их характеры, мысли и поступки, а художественная сверхзадача большинства литературных произведений состоит в правдивом отображении социальных и мировоззренческих проблем современной автору эпохи.

Создаваемая художественной литературой картина мира представляет собой идеальную модель социальной реальности. Конструктивными компонентами этой модели являются категории и концепты. Если категория – это «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [8, с. 45], то концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона» [8, с. 90], «мыслительный образ, называемый той или иной лексической единицей» [14, с. 57]. С.Г.Шафиков, отмечая, что «и категория, и концепт имеют типизирующую функцию» [16, с. 9], вместе с тем указывает, различие между ними состоит в том, что «концепт объединяет разнородные категории, а категория объединяет однородные концепты». Ю.С. Степанов определяет концепт как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [12, с. 43] «понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры» [13, с. 19].

Важное место в онтологической модели русской литературы, как классической, так и современной, занимает концепт «кухня».

В социальной реальности кухня – это часть дома, где совершается приготовление пищи. Однако кухня – принадлежность не любого дома. В крестьянском доме – избе, внутреннее пространство которой не разделено по функциональному принципу, кухни нет. Пища готовится в общей комнате, в русской печи. Наличие кухни – признак относительно высокого положения хозяев дома, жилище которых – городской дом либо деревенская помещичья усадьба.

Представляя собой особую часть жилого пространства дома, отделенную от покоев, в которых обитают господа, кухня служит своеобразной «агорой» – местом народных собраний, встреч и обсуждений, но не только. Так, например, в романе И.А.Гончарова «Обломов» кухня – не только «агора», место сбора и бесед, но и пункт притяжения для слуги Обломова Захара, да и для самого Обломова, вождеделенное место, куда

направлены все их устремления. Захар любит на кухне посплетничать, пожаловаться на своего барина: «и капризен-то он, и скуп, и сердит, и что не угодишь ему ни в чем, что, словом, лучше умереть, чем жить у него». Главной заботой Захара «была кухня и обед». В то же время он считает ее местом низким, где больше подобает находиться женщине, прислуге, покрикивает на Анисью: «Пошла отсюда, из барских комнат, на кухню... знай свое бабье дело!» [6].

Не так же ли относится к кухне и Илья Ильич Обломов? Кухня у него ассоциируется с милыми сердцу детскими воспоминаниями о родном доме, где «стук ножей, рубивших котлеты и зелень в кухне, долетал даже до деревни». Не потому ли он, при всей своей любви к Ольге, предпочел ей Агафью Матвеевну, что та «царствует в кухне»?

Трудно согласиться со Светланой Алексиевич, утверждающей, что «в девятнадцатом веке вся русская культура жила в дворянских усадьбах, а в двадцатом – на кухнях» [1].

Герои Ф.М.Достоевского живут не в дворянских усадьбах, правда, и кухонные запахи их не притягивают, а скорее отталкивают. Так, например, Раскольников, выходя из своей каморки, находившейся над квартирой хозяйки, каждый раз вынужден был «проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился» [7]. В этой же кухне он должен был украсть топор – орудие своего преступления. А в крошечной кухоньке в квартире Алены Ивановны он моет в ведре топор и руки после только что совершенного двойного кровавого убийства.

Таким образом, кухня для героев Ф.М.Достоевского является скверным и проклятым местом. Это вполне естественно. Если для классического русского барина, владельца дома с усадьбой, кухня – источник восхитительных ароматов и место, где собирается праздная прислуга или дворня, то для обремененного проблемами и задавленного нуждой бедного дворянина, вынужденного снимать

убогую квартирку в доходном доме, вынужденное тесное соседство с кухней становится мучением.

Но наряду с этим в русском городском быту XIX века кухня становится жилищем прислуги и кухарки. Как вспоминает В.В.Гиляровский, «в те давние времена пожарные, николаевские солдаты, еще служили по двадцать пять лет обязательной службы и были почти все холостые, имели «твердых» возлюбленных – кухарок. В свободное от пожаров время они ходили к ним в гости, угощались на кухне, и хозяйки на них смотрели как на своих людей, зная, что не прощельга какой-нибудь, а казенный человек, на которого положиться можно» [5]. Незабываемый образ кухни как рабочего места и одновременно кабинета и будуара кухарки создал Саша Черный в стихотворении «Кухня» 1913 года: здесь и «ларь с дровами», и «двугорбая постель» кухарки, и лубочные картинки на стене над ней, и доносящийся с лестничной площадки «пьяненький голос», по-видимому, кухаркиного ухажера: «Дарья, четверт-так!», и неприятные кухонные запахи: «Пахнет мыльной водой, / Старым салом и угаром» [15].

Похожий образ барской кухни мы видим в «Собачем сердце» М.А.Булгакова. Квартира профессора Преображенского – своеобразный осколок дореволюционного быта. Просторная кухня этой огромной квартиры служит одновременно жилищем для кухарки Дарьи Петровны и горничной Зины. И, как в старые времена, на кухне у Дарьи Петровны «на столе лежала пожарная фуражка. Шарик лежал не теплой плите, как лев на воротах и, задрав от любопытства одно ухо, глядел, как черноусый и взволнованный человек в широком кожаном поясе за полуприкрытой дверью в комнате Зины и Дарьи Петровны обнимал Дарью Петровну» [2]. Вступая в спор с большевиками, намеревающимися «уплотнить» профессора Преображенского, Филипп Филиппович, по существу, борется не только и даже не столько за одну из своих комнат, сколько за кухню, которая, в случае победы Швондера автоматически превратилась бы в коммунальную.

Эволюция концепта «кухня» в русской литературе объясняется изменениями в социальной структуре российского общества. Из места для прислуги и источника неприятного запаха, каковым она была на рубеже XIX – XX вв., кухня в XX веке окончательно превращается в средоточие повседневности, возвращая себе значение агоры, чему немало способствовала модель коммунальной квартиры. Б. А. Слуцкий в стихотворении «Петровна» [11: URL] показывает ностальгию по коммунальной кухне:

Как тоскливо в отдельной квартире
Серафиме Петровне, в чьем мире
Коммунальная кухня была
Клубом, как ей теперь одиноко!

Но и в отдельной квартире кухня, по традиции, продолжала выполнять, наряду со своими прямыми функциями собственно кухни и столовой, функцию агоры, а заодно и жилого помещения – кабинета, гостиной, семейного очага. В пьесах Вампилова «Утиная охота», «Старший сын» кухня является основным местом действия.

«Вся “шестидесятническая” жизнь – это “кухонная” жизнь. Спасибо Хрущеву! Это при нем вышли из коммуналочек, завели личные кухни, где можно было ругать власть, а главное – не бояться, потому что на кухне все свои» [1].

О чем только не говорили на советских кухнях. «...говоря об искусстве, лучше купить коньяк, позабыть о сладостях, сне, подготовиться к долгим спорам, запереться с другом на кухне, и сразу представить знак бесконечности [10]. М. Веллер раскрывает феномен «обычной, шестиметровой» кухни, «где чай пьют и реже – водку, да и то и другое все реже, и судят обо всем обстоятельно и (мой дом – моя крепость) безоглядно храбро. Не пожрать, так хоть потрындеть; а в литературе кто ж не специалист. Как там звали парнишку, накатавшего «Школу злословия»? не

пивал он наших чаев, не сиживал на кухоньках, задвинутый плотно и глухо, как в танке. Кости моем – белей снегов Килиманджаро, учись, пиранья» [4].

Кухня становится прибежищем истинной духовной элиты российского общества конца XX века:

Когда они сидят на кухне старой
во власти странных дум,
их горький рок, подзвученный гитарой,
насмешлив и угрюм.

Об этом пишет Б.Окуджава [9], противопоставляя «русских», которые ему «милы из давней прозы / и в пушкинских стихах» и которых «мало так, что ничего не стоит по пальцам перечесать», толпе, которая «внизу кричит и стонет», «скифам», которых «тьмы и тьмы и тьмы».

Привычку кухонных посиделок советские диссиденты сохранили и в эмиграции: «Обнаружив имманентность глупости и порока на другой планете, диссиденты впадали в свое естественное состояние – депрессию на кухне» [3]. Писатель вспоминает, как на другом конце Земли, в Денвере у газетного киоска встретил своего одноклассника Юру Дымова и «ночью на его кухне» выслушивал его «открытия».

Таким образом, концепт «кухня», в картине мира, создаваемой русской художественной литературой, является богатым и сложным по своему содержанию, его значение выходит далеко за пределы функции приготовления пищи. Кухня – это, в первую очередь, агора, место встречи для представителей демократических слоев общества, место душевных разговоров, обсуждения секретов или тем, интересных и понятных лишь избранным.

Список литературы

1. Алексиевич С. *Время секондхэнд* // <http://e-libra.ru/read/368093-vremya-sekond-hend.html> (дата обращения – 06.03.2017).

2. Булгаков М.А. *Собачье сердце* // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).

3. Веллер М. Ножик Сергея Довлатова // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
4. Веллер М. Пир духа // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
5. Гиляровский В.В. Москва и москвичи // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
6. Гончаров И.А. Обломов // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
9. Окуджава Б. Мне русские милы из давней прозы... // <http://www.bards.ru> (дата обращения – 06.03.2017).
10. Орловский А. Разговоры на кухне // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
11. Слуцкий Б.А. Петровна // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 900 с.
13. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
14. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Институт языкознания РАН, 1998. – С. 55–67.
15. Черный Саша. Кухня // <http://lib.ru> (дата обращения – 21.02.2017).
16. Шафигов С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3–17.

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ПУТЬ» И «СТРАНСТВИЕ» В ПРОЗЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА**

*Ю.А. Ревво, Технический институт (филиал) Северо-восточного федерального
университета имени М.К Аммосова, г. Якутск, Россия*

**METAPHORICAL CONCEPTS «WAY» AND «PILGRIMAGE» IN PROSE
AND JOURNALISM OF BORIS ZAITSEV**

*J.A. Revvo, Northern-east federal university after M.K Ammosov, the technical
institute (branch of the university), Yakutsk, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена прозе и публицистике Б.К. Зайцева. В прозе и публицистике Б.К. Зайцева значимую и знаковую роль играют метафорические концепты «Путь» и «Странствие», тесно связанные в содержательном плане с мотивом движения в русских волшебных сказках и в русском фольклоре в целом. Композиция волшебной сказки часто строится на пространственном перемещении героя (героев), но движение никогда не обрисовано подробно, оно всегда лишь упоминается или косвенно присутствует в тексте («ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли», «скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается» и т.д.). В прозе и публицистике Б.К. Зайцева описание пути героя также является лаконичным, этапы пути не детализированы. В результате возникает трехчастная формула пути, которая, по сути, содержит отказ от подробного описания пространственных перемещений героя (героев). Эта формула состоит из следующих частей: молитва о странствии (знамении); само странствие; духовное преображение героя, связанное с совершением странствия.

Ключевые слова: метафорический концепт, мотив движения, пространство, композиция, проза, публицистика.

Abstract. This article is devoted to the problem of prose and journalism by Zaitsev. In Zaitsev's prose and journalism metaphorical concepts of «Way» and «Pilgrimage» play a very important and significant role. They are closely connected with the notion of movement motive in Russian fairy tales and in the Russian folklore as a whole. The composition of a fairy tale is often based on the space movement of a main character (characters), but this movement is never described in details, it is always just mentioned or indirectly presents in the text («were going so

long, so short, so nearly, so far», soon the fairy tale is told but not so soon the things are done and so on). In Zaitsev's prose and journalism the main character's way description is also laconic, the stages of the way are not detailed. As a result there appears a three-part formula of the way that has in its essence the refusal from the detailed description of the main character's (characters') movement (movements). This formula consists of the following parts: a prayer for pilgrimage (portent); pilgrimage as it is; spiritual transformation of the main character connected with the fulfillment of pilgrimage.

Key words: a metaphorical concept, a movement motive, space, composition, prose, journalism.

E-mail: juliarevvo@mail.ru

«Путь есть только в композиции, но его нет в фактуре» [10, с. 279], – пишет В. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки». В рассказе Б.К.Зайцева «Сердце Авраамия» путь героя дан только в композиции, его нет в фактуре: «Был он благочестив, молился и просил знамения. Но оно не являлось. Когда вконец опостылел дом, хозяйство, земледелие, то пошел к старцу пустынною, жившему в келийке, в лесах: старец ел одни ягоды, пил из ручья, имел длинную седую бороду» [5, с. 86]. Или же: «Господи, взмолился он в лесу, однажды, на берегу озера в диком Галичском краю. За что гонишь меня, бесприютного?» [5, с. 86].

В серии путевых очерков Б.К. Зайцева «Валаам» мы видим лаконичное, как в русской волшебной сказке, описание пути: «Мы поищем грибов, поклонимся могиле Антипы, полюбуемся солнцем, лесом, перекрестимся на пороге часовни» [3, с. 232]. Б.К. Зацев предпочитает подробно описывать итог пути, нежели сам путь. Причину столь короткого сказочного описания пути можно усмотреть в характере отправляющегося в путь героя.

В. Пропп писал: «Другой вопрос, могущий возникнуть в этой связи, это вопрос о характере героя. Кто он – живой ли, отправляющийся в царство мертвых, или он – мертвец, отражающий представление о странствованиях души?» [10, с. 279]. В публицистике Б. Зайцева путь странника короток, словно сжимается пространство и время пути, а вот отшельничество –

протяженно. Борис Зайцев подробно описывает именно отсутствие пути, «недвижение».

В «Преподобном Сергии Радонежском» Б.К. Зайцева перемещение героя в пространстве описано так: «А когда пришло время Митрофану уходить, просил [Сергий] его благословения на жизнь пустынную.

– Ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким. Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова Пророка: се удалился бегая, и водворихся в пустыне. Благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении. Игумен поддержал его и успокоил, сколько мог. И молодой монах один остался среди сумрачных своих лесов» [4, с. 56].

Жизнь пустынная – это испытание неподвижностью и одиночеством, отсутствие пути физического и начало пути духовного, отсюда и столь подробное описание начала этого пути и короткое, но образно емкое резюме: «И молодой монах один остался среди сумрачных своих лесов» [4, с. 86].

Духовное развитие странствующего героя идет по «остановкам» («стадиям»), и эти «остановки» разработаны Зайцевым очень детально. Более того, элементы странствия, пути напоминают обряд, необходимое совершение определенных движений не только физического, но и духовного порядка, после которых появляется или исчезает таинство преобразования (преображения). К примеру, в очерке «Сердце Авраамия» читаем: «Авраамий прошел к часовенке, и жутко ему стало, дух захватило. Никого в ней не было. Зброшена, пустынна. Ласточка легко стрекнула из-под кровли. Сырость, тишина. Войдя, увидел Авраамий потемневшую икону Богоматери. Стал на колена, помолился. Точно бы полегчало» [5, с. 86].

Действия героя минимизированы, словно подчинены какому-то правилу или сценарию: войти, испугаться, найти, успокоиться, лечь спать. «Понравилось ему тут. Вынул из котомки хлеб, попил водицы из соседнего ручья и не заметил, как наступил вечер. До жилья людского было далеко. И Авраамий решил здесь заночевать. Подложил котомку под голову, лег у входа и заснул. Сон его был мирен. Увидел покойную жену, в чертах лица ее что-то

напомнило лицо на иконе. Так что Авраамий и не разобрал, то ли это Мария, которую он так теснил и упрекал при жизни, то ли иная. Но она ему сказала:

– Утром ты возьмешь икону, спустишься с ней к озеру, и переплывешь через озеро с иконой. Снесешь ее в монастырь, где жил послушником. Довольно ей находиться здесь.

Утро было туманное и теплое. Авраамий взял икону и двинулся, но не знал где озеро, куда идти. Вдруг из-под кровли вылетела ласточка и все вилась над Авраамием. Тогда он понял, что надлежит следовать за ней. Действительно, в том месте была лодка. Авраамий сел на корму, взял весло и оттолкнулся. Икону же поставил впереди, ликом к себе. На крошечной дощечке на носу сидела ласточка. Так плыли они по зеркальной глади. Легонький туман стелился над водой и мягко, будто кисеей завешивал леса по берегам. Авраамий слабо греб, хотя был силен. И серебряная, нежно лепетавшая струя, как риза Богоматери, тянулась за кормой лодки» [5, с. 86].

Ритуальный путь, волшебный проводник и обряд посвящения – неотъемлемые атрибуты остановки в пути или итога странствий. При этом очень важным является обращение писателя к символике обряда посвящения (инициации). У Зайцева обрядовая форма посвящения используется как необходимая составляющая духовного преобразования, просветления и обретения святости.

Поэтому описанию обряда предшествует пейзаж, насыщенный метафорическими образами: «Легонький туман стелился над водой и мягко, будто кисеей завешивал леса по берегам. Авраамий слабо греб, хотя был силен. И серебряная, нежно лепетавшая струя, как риза Богоматери, тянулась за кормой лодки» [5, с. 87].

Сравнение серебряной струи с ризой Богородицы вводит читателя в мир православно-мистический. Этот мир даруется герою (героям), как высшее чудо. В описании произошедшего с Авраамием чуда Борис Зайцев использует образы и метафоры апокалипсического характера, связанные с надеждой на преображение и возрождение: «Когда выплыли на середину, Авраамию

представилось, что мир уже кончается: ушла земля, осталась только гладь воды, туман да тишина. Он испытал волнение и умиление; положил весло, склонился пред иконой» [5, с.88]. Образ тишины в данном случае является символом духовного перерождения, даруемого верующему.

Автор дает возможность читателю домыслить путь к одной из валаамских святынь, он пишет: «Вот и берег, лужайка, лес, и неторопливый путь к скиту, и часовня, и могила иеросхимонаха Антипы, в лиственной роще, и ограда скитская... и ничего сурового в этой святой земле. Наоборот, светло, особенная, чуть ли не райская тишина» [3, с. 232].

Образ-символ райской тишины – ключевой в путевых очерках Б.К.Зайцева, посвященных православным святыням («Афон» и «Валаам»). Заметим, что в юности Борис Зайцев был близок к символистам, а именно в поэзии символистов тишина – достаточно часто встречающийся образ. Именно через тишину поэты проникали в незыблемые области мироздания, поскольку главные свойства тишины – неопределенность и тайна.

Однако, если у символиста А. Блока, высоко чтимого Б. Зайцевым, тишина – это одиночество, смерть («Боль проходит понемногу, / Не навек она дана. / Есть конец мятежным стонам. / Злую муку и тревогу / Побеждает тишина» [1] («Последнее напутствие»), покой («Ночь тихо бродит по квартире, / Храня уютный угол мой» [1]), то у Бориса Зайцева речь идет о тишине райской, тишине Божьего мира. В рассказе «Тишина» Б.К. Зайцев писал: «Вот он. Божий мир ... Да, пред нами. А над ним и над нами Бог... И с нами. И в нас. Всегда... Доверяйтесь, доверяйтесь Ему. И любите. Все придет. Знайте, плохо Он устроить не может. Ни мира, ни вашей жизни» [6, с. 98].

Тишина у Бориса Зайцева предстает как символ Божественного духовного восхождения, синоним покоя, целостности, гармонии. В русской классической литературе тишина представлена в ряде метафор: тишина – молчание Вечности; тишина – голос Бога; тишина – исчерпанность смысла (смыслов). Но чаще всего метафора тишины соответствует образу безмолвия

и связана с процессом отчуждения, «демонической природы человека вследствие его отпадения от основ Божественного миропорядка [7].

Итогом такого состояния становится потеря связей с другими людьми и осознание того, что возврат к первоначальной гармонии возможен лишь в исключительных обстоятельствах. В прозе и публицистике Бориса Зайцева тишина – символ рукотворного рая, высшей степени духовности.

Символика тишины, очень важная для путевых очерков Б.К. Зайцева, соотносится с образом молчания в художественном творчестве М.В. Нестерова. Широко известна картина М.В. Нестерова «Молчание» (1903), навеянная посещением Соловецкого монастыря.

М.В. Нестеров, как известно, прибыл на Соловки в поисках персонажей для полотна «Святая Русь». Монахи – в основном крестьяне северной Руси и Сибири – поразили воображение Нестерова. Все они были духовно крепкими, истовыми, сильными людьми. Молчание, молитвенный покой, благость – вот, что увидел Нестеров на Соловках, поэтому и картину назвал «Молчание». На этом полотне изображен залив у подножия Рапирной горы. Два монаха: старый и молодой – удят рыбу в таинственном свете белой ночи. В неподвижных и темных водах отражается гора с церковью. При виде этих монахов – седобородого старца и юноши – вспоминаются евангельские рыбаки, апостолы Петр и Андрей. Следует учитывать также, что рыба («ихтиос») – символ христианства.

Ихтис (древне-греческое ἰχθύς – рыба) – это акроним (монограмма) имени Иисуса Христа, состоящий из начальных букв следующих слов: Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель). Этот акроним часто изображался в виде рыбы.

В Новом Завете символика рыбы связана с проповедью апостолов Христа, некоторые из которых (как Петр, Андрей и Павел) были рыбаками. Спаситель называл своих учеников «ловцами человеков» (Мф. 4:19, Мк. 1:17). Царствие Небесное Христос уподоблял неводу, закинутому в море и захватившему разных рыб (людей) (Мф. 13:47).

Нестеров, как и Зайцев, любил изображать тишину, благое молчание. Художник вспоминал: «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью. Вот русская речка, вот церковь. Все свое, родное, милое. Ах, я всегда любил убогую, бестолковую и великую страну, родину нашу!» [8].

Символика нестеровского «Молчания» и образа-символа тишины у Б.К.Зайцева во многом восходит к образному миру редкого иконографического изображения Иисуса Христа под названием «Ангел Благое Молчание» («Спас Благое Молчание»). Сокровенный смысл этой иконы таков: если иконы «Спас Эммануил» или «Спас Нерукотворный» изображают Иисуса Христа таким, каким он был с людьми на земле, а икона «Спас в силах» – таким, каким предстанет Христос в конце времен, то «Спас Благое Молчание» – это изображение Христа до рождения, до воплощения – как Ангела Великого Совета.

Ангел Благого Молчания – это кроткий и молчаливый дух, полный тишины и благодати. Спасителя изображали как крылатого ангелоподобного отрока в белой мантии, с руками, скрещенными на груди. Голову Спасителя окружал восьмиугольный нимб, символизовавший божественность и непостижимость Господа.

Икона «Спас Благое Молчание» была очень почитаема на святой горе Афон. Известны слова Псалмопевца Давида: «Положи, Господи, охрану устам моим и огради двери уст моих». Преподобный Исаак Сирийский говорил, что слова – это орудие мира сего, а молчание – тайна будущего века.

В статье «Держава Света» Н.К. Рерих писал: «"Ангел Благое Молчание". Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя? Он безмолвен, как сердце постигшее. В нём хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа, – он и хранит и напутствует» [11].

Ангелу Благого Молчания посвящено одноименное стихотворение В.Я.Брюсова (с подзаголовком – Молитва): «Ангел благого молчания / Властно уста загради / В час, когда силой страдания / Сердце трепещет в груди! / Ангел благого молчания, / Радостным быть помоги, / В час, когда шум ликования / К небу возносят враги!» [2, с. 99].

Монахи, с которыми встречался и общался Б. Зайцев, несмотря на трудности быта и суровые климатические условия, ощущали себя в «тихом раю», где царит «Ангел Благого Молчания». В книге Б.К. Зайцева «Афон» говорится о духовном пути как пути к отшельничеству, а затем – и к святости. Причем, Б.К. Зайцев считает, что существует путь к истине, к духовному и душевному равновесию, к внутренней тишине, но не может быть пути к святости, ибо святость не цель, а следствие. Святость как самоцель сродни гордыне.

Подлинный, духовный путь ведет к смирению, понимаемому у Б.К.Зайцева как молитвенное и благое состояние души, как отсутствие гордыни, как молитвенное стояние человека перед Господом. Путь гордыни и гнева, по Зайцеву, – это движение к моральной бездне. Таким образом, рассуждая о путях человеческих в этом мире, Б.К. Зайцев оставался в рамках христианских духовных ценностей, актуализировал антитезы «Смирение – Гордыня» и «Благостность – Гнев». Смирение и благостность ассоциируются в путевых очерках Б.К. Зайцева с правым путем, гордыня и гнев – с неправым.

Борис Зайцев использует окказиональные географические образы, благодаря которым возникает образ иной суши, загадочных Афона или Валаама, которые идентифицируются с конечной целью мореплавателя – «победой над морем», обретением «иного берега». Целью пути героя-странника может являться остров как образ внутренней решимости, спокойствия и самообладания человека, который успешно и благополучно преодолел «море житейское» и достиг внутренней тишины и гармонии.

Список литературы

1. Блок А. *Напутствие* // <https://stihipoeta.ru/poety-serebryanogo-veka/aleksandr-blok/>
2. Брюсов В. *Стихотворения и поэмы*. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 99.
3. Зайцев Б.К. *Валаам* // Зайцев Б.К. *Тихие зори*. – Мюнхен: Изд-во Товарищества зарубежных писателей, 1961. – С. 232.
4. Зайцев Б.К. *Преподобный Сергей Радонежский* // Зайцев Б.К. *Тихие зори*. – Мюнхен: Изд-во Товарищества зарубежных писателей, 1961. – С. 56–58.
5. Зайцев Б.К. *Сердце Авраамия* // Зайцев Б.К. *Тихие зори*. – Мюнхен: Изд-во Товарищества зарубежных писателей, 1961. – С. 86–89.
6. Зайцев Б.К. *Тишина* // Зайцев Б.К. *Тихие зори*. – Мюнхен: Изд-во Товарищества зарубежных писателей, 1961. – С. 98.
7. Маркова В.В. *Поэтика безмолвия в русской литературе 1820–1840 годов: Автореферат на соискание степени кандидата филологических наук*. – Тюмень, 2005. – 24 с.
8. Михаил Нестеров: [Интернет-ресурс] // <http://art-nesterov.ru/painting/78.php>
9. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. – М.: АСТ, Мир и образование, 2015. – С. 418.
10. Пропп В. *Исторические корни волшебной сказки*. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 279.
11. Рерих Н. *Ангел Благого Молчания* // <http://enigma-vita.livejournal.com/384132.html>

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИХАИЛОМ ШИРЯЕВЫМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ «BLOWING IN THE WIND» БОБА ДИЛАНА**

*Родикова О.В., Московский государственный университет путей сообщения,
Москва, Россия*

*Маренко В.А., Московский государственный университет путей сообщения,
Москва, Россия*

**LITERARY CONCEPTUALIZATION OF MICHAEL SHIRYAEV OF THE
COMPOSITION «BLOWING IN THE WIND» BY BOB DYLAN**

Rodikova O.V., Moscow state university of railway engineering, Moscow, Russia

Marenko V.A., Moscow state university of railway engineering, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье осуществлен сопоставительный анализ песни «Blowing in the wind» американского певца Боба Дилана и русскоязычного перевода, выполненного Михаилом Ширяевым. Делается вывод о том, что в художественном осмыслении Ширяева акцентировано внимание на рабском положении человека.

Ключевые слова: анализ, художественное осмысление, песня.

Annotation. This article gives a comparative analysis of the American singer Bob Dylan's song «Blowing in the wind» and its translation into Russian made by Michail Shyryaev. The conclusion is that in the Shyryaev's literary conceptualization the stress is put on the slave situation of the humanity.

Keywords: analysis, literary conceptualization, song.

E-mail: ov.rodikowa@yandex.ru, marenko.veronika@yandex.ru

В 2016 году американский музыкант, певец и поэт Боб Дилан (род. в 1941 году; при рождении Роберт Аллен Циммерман) был награжден Нобелевской премией за создание нового поэтического языка в рамках американской песенной традиции. Своим творчеством Б. Дилан вносит огромный вклад в развитие американской музыки. Некоторые его

произведения, такие как «Blowing in the wind» («Звучание ветра») и «The times they are changing» («Времена, они меняются»), стали гимнами движения за гражданские права.

При этом в его творчестве присутствуют идеи, навеянные негритянскими музыкальными мотивами. Так, произведение «Blowing in the wind» положено на музыку, схожей со старинной песней канадских негров «No more auction block» («Хватит с меня аукционного блока»).

Основную идею «Blowing in the Wind» писатель объяснил так: «Мне особо нечего рассказывать об этой песне, кроме того, что “ответ в дуновении ветра”. <...> Слишком многие из этих знающих толк во всем людей рассказывают мне, где находится ответ, но я в это не поверю. Я по-прежнему говорю, что он в дуновении ветра, и он, подобно беспокойному листку бумаги, когда-нибудь должен будет опуститься на землю... Но единственная проблема в том, что никто не подбирает ответ, когда он опускается на землю, поэтому совсем немногие люди способны увидеть и понять... А затем он улетает» [1]. Тогда как в 1997 году в Болонье папа Иоанн Павел II произнёс проповедь, основанную на темах дилановского гимна «Blowing in the wind»; а в 1999 году песня была удостоена премии «Грэмми».

На русский язык песню «Blowing in the wind» интерпретировали многие современные переводчики, поэты («На крыльях ветра» С. Болотин и Т.Сикорская, «Звучание ветра» М. Ширяев и другие). С точки зрения сравнительного литературоведения, более интересно художественное осмысление, выполненное Ширяевым.

Так, в оригинальном тексте повествуется о человеке в третьем лице, то есть человеком должен стать какой-то абстрактный человек, олицетворяющий человеческий путь становления собой, а в интерпретацию Ширяев ввел обращение непосредственно к слушателю, говоря о нём же: «How many roads must a man walk down» [2] [Как много дорог должен человек пройти вниз / Прежде ты можешь называть его человеком] – «Сколько дорог тебе нужно пройти, / Чтоб человеком стать» [2]. Таким

образом, при прочтении перевода создаётся яркое впечатление того, что автор призывает читателя обратиться непосредственно к самому себе с этими вопросами и найти ответ в глубине своего сознания.

Стоит отметить, что Боб Дилан уделяет важную и почётную роль голубке, символу мира и благополучия; это выражается тем, что междометие, применённой к ней («she» / «она») в английской лексике применимо исключительно к людям, или же к домашним питомцам, которых хозяева воспринимают как членов семьи, тогда как к остальным животным и птицам применимо только местоимение, указывающее на неодушевлённость предмета – «it». Таким образом, автор одушевляет символ мира в образе голубя, придавая ему глубокий смысл и большую человечность.

При этом в оригинале использовано слово «песок» со значением «сыпучие частицы твёрдых минералов» [4, с.114], что соотносится с действительностью, так как у берегов морей и океанов чаще всего встречается именно такой природный материал, однако в переводе употреблено слово «суша», имеющее значение «земля, в противопоставление водному пространству» [5, с. 312], что акцентирует внимание на противопоставлении чистого неба и брэнной земли.

Необходимо отметить вопросительное предложение в переводческом осмыслении Ширяева, представленное в активном залоге и содержащее в себе тем самым призыв к действию: чтобы ядра были запрещены, должен быть «кто-то», кто их запретит, так как это не произойдёт само по себе («Before they're forever banned» [2] [Прежде чем они будут запрещены] – «Пока их кто-нибудь запретит?» [2]).

Интересно, что в переводе несколько вольно осмыслен рефрен произведения: «The answer, my friend, is blowing in the wind» [2] [Ответ, мой друг, дует в ветре] – «Ответ пусть в ветре прозвучит» [2]. Так, изменено время действия с настоящего на будущее, помимо этого Ширяев использовал лексему «пусть», что создаёт впечатление, будто повествующий сопричастен к тому, что произойдёт, или обращается с пожеланием к слушателю, тогда

как в оригинале песни отсутствует всякая эмоциональная окраска, ответ просто дует в ветре, не зависимо от того, слышат его или нет. А слово «дуть», обозначающее «приведение воздуха в движение» [3, с. 454] в переводе заменено на глагол «звучать», то есть издавать звуки [3, с. 603]. По нашему мнению, ответ, как признак человеческого общения, больше ассоциируется со звуком, поэтому логичнее именно вариант, представленный в переводе. Однако в английском языке не наблюдается недостатка в выразительных средствах для передачи наиболее точного отражения смысла, который автор вкладывает в текст; ветер намного более ощутим тактильно, чем звук, это создаёт ассоциацию ветра с ответом, последний, таким образом, приобретает качества самого ветра: большую реальность, физическую ощутимость и самостоятельность.

Во второй строфе интерпретации лексема подлинника «years (year)» [год], обозначающая единицу летоисчисления, промежуток времени, за который земля совершает одно обращение вокруг солнца [3, с. 327], заменена на «век» – промежуток времени в сто лет, тем самым Ширяев акцентирует внимание на вечности рабского положения человека, и его непонимании простых вещей, так как далее в переводе и оригинале следуют строки, где существование горы соотнесено с жизнью и сознанием людей.

Так, Михаил Ширяев заменил глагол подлинника «exist» [существовать], который, согласно толковому словарю русского языка, означает «быть живым» [5, с. 314], на словосочетание «в рабстве жить», что указывает на исторически первую и наиболее грубую форму эксплуатации. Несомненно, автор перевода руководствовался следующей строкой оригинала: «Before they're allowed to be free» [2] [Прежде чем они дозволены быть свободными]. Однако, можно предположить, что человек не свободен в своих выборах или мыслях, запутавшись в своих желаниях и тенденциях новой моды и норм поведения. В данном случае рабство уже не физический феномен, а интеллектуальный и затрагивает абсолютно другие вопросы и проблемы современного мира.

Интересно осмысление русским переводчиком позиции человека, так в оригинальном тексте человек притворяется, что не видит ответов на свои вопросы, тогда как в художественном осмыслении – на самом деле не видит: «Yes, 'n' how many times can a man turn his head» [2] [Да, и как много раз может человек повернуть свою голову / И притвориться, что он просто не видит] – «И сколько же может любой человек не видеть вещей простых» [2]. При этом Ширяев постоянно обращается к читателю, используя слова «ты», «тебе», в оригинале же изображен образ обобщенного человека, некоего абстрактного, какого-то.

Таким образом, художественное осмысление Ширяева максимально точно передает стиль и языковые средства текста оригинала. При этом русский переводчик, используя словосочетания «в рабстве жить», «не видеть вещей простых», акцентировал внимание на рабском положении человека и на его «слепоте» в нахождении ответов на вопросы о смысле жизни, о месте человека в мире.

Список литературы

1. Джилл Э. История создания песни // Кричите. – 1962. – Октябрь – ноябрь. <http://song-story.ru/blowin-in-the-wind-bob-dylan/>
2. Песни Боба Дилана и их переводы // http://en.lyrsense.com/bob_dylan/blowinin_the_wind
3. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 703 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3. – 751 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. – 797 с.

**ОРГАНИЧЕСКАЯ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОНТАМИНАЦИЯ
ПУБЛИЦИСТИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА
ПРИМЕРЕ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО РОМАНА «ВРЕМЯ СЕКОНД-ХЕНД»
С.А.АЛЕКСИЕВИЧ)**

*О.В. Родикова, Московский государственный университет путей сообщения,
г. Москва, Россия*

*А.М. Саркисян, Московский государственный университет путей сообщения,
г. Москва, Россия*

**ORGANIC COMPLEMENTARY CONTAMINATION OF PUBLICISM AND
IMAGINATIVE LITERATURE (DRAWING ON THE EXAMPLE OF
POLYPHONIC NOVEL «SECOND-HAND TIME» S.A.ALEKSIEVICH)**

O.V. Rodikova, Moscow State University of Railway Engineering, Moscow, Russia

A.M. Sarkisyan, Moscow State University of Railway Engineering, Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена анализу контаминации публицистики и литературы на примере полифонического романа-исповеди «Время секунд хэнд» С.Алексиевич. Авторы аргументированно доказывают, что в произведении органически сочетаются публицистические и художественные образы, фактический материал и домысел писателя.

Ключевые слова: контаминация, художественная литература, публицистика.

Abstract. This article is devoted to the analysis of contamination of journalism and literature on the example of the polyphonic confession novel "Time Second-hand" S. Alekseyevich. With deep arguments authors prove that in the work are integrally combined publicistic and artistic images, the actual material and the writer's conjecture.

Key words: contamination, imaginative literature, publicism.

E-mail: ov.rodikowa@yandex.ru, erikapiterskaya@gmail.com

Контаминация, с точки зрения лингвистики, это объединение в речи двух языковых единиц, на основе их тождества. Чаще всего контаминацию можно

наблюдать в разговорной речи, где допускается отступление от литературной нормы. В рамках данной научной работы понятие «контаминация» – синоним объединения в одном произведении содержательных, структурных элементов двух жанров, а именно публицистики и художественной литературы. То есть контаминация подразумевает выход за пределы жанровых норм, некое «размытие» внутренних и внешних границ жанровых признаков. В результате подобной контаминации можно наблюдать либо соприкосновение двух отличных друг от друга жанров, где эта двойственность становится читателю заметна, либо верховенство одного жанра над другим, когда одна жанровая форма оказывается в рамках другой. Полифоническое произведение «Время секунд хэнд» С. Алексиевич представляет собой контаминацию публицистики и художественной литературы. При этом жанры публицистики обрамлены рамкой романа-исповеди, благодаря тому, что писательница объединила интервью, взятое у разных людей в разные годы одной тематикой.

В последнее время смешение и взаимопроникновение жанров становится частым явлением. Однако жанр – это форма устойчивая, не меняющая своих основных признаков на протяжении многих веков. В случае, если автор заимствует формообразующие качества и элементы других жанров для создания своего произведения, его текст становится более актуальным по содержанию, более интересным для читателя, однако именно жанрообразующие признаки не претерпевают серьезных изменений. Подобный синтез может привести к созданию новых жанровых форм, как в случае с художественной публицистикой.

Конечно, художественный метод отражения действительности отличается от публицистического. Если в первом случае автор может фантазировать, то публицистика ограничивает вымышленное самим фактом, допуская лишь домыслы на основе фактов реальной действительности. Так, в романе-исповеди Алексиевич каждое интервью, включенное в произведение, соотнесено с действительностью, в его основе фактический материал, субъективно преподнесенный.

В романе белорусской писательницы дано осмысление, осознание людьми – респондентами события, участниками которого они невольно были. При этом респонденты эмоционально-образно сообщают факты, пропущенные ими сквозь призму сердца. Следовательно, художественная публицистика – это *взаимодополняющий* синтез эмоционально-образного и рационально-познавательного отражения действительности. Это и искусство, и социология, и культура одновременно.

Жанр художественной публицистики сочетает в себе некое рациональное начало, идущее от публицистики, и образность, характерную литературе. Художественно-публицистический текст Алексиевич – это прежде всего единое целое, в котором каждый заимствованный из другого жанра компонент дополняет друг друга.

Столь органическое взаимодополнение публицистики и художественной литературы во многом обусловлено тем, что писатель создает психические и публицистические образы в художественном произведении. Так, специфика публицистического образа заключается в изображении действительности, связанной с образным осмыслением фактов. Психический образ – это чувственно воспринимаемый индивидуальный представитель отдельных предметов, явлений. В произведении Алексиевич к психическим образам можно отнести ощущения, воспоминания, фантазии. Тогда как образ художественный в Литературном энциклопедическом словаре определяется как «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. Образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении» [7]. Так, Е.И.Пронин в своей диссертации «Выразительные средства журналистики» указал, что «только наличие реального и конкретного факта в основе тропа делает образ журналистским, отличает его от образов других типов творчества» [8, с. 315]. Однако, создав образы реальности, в основе которых фактический материал, писательница выразила свое отношение к событиям прошлого и образы приобрели некую эстетическую ценность. Это

уже не чувственно-наглядное отражение действительности, а творчески переосмысленная художественная реальность.

Изображая постсоветское время, посредством принципа многоголосия, Алексиевич обрамляет событий той эпохи переживаниями, мыслями, чувствами респондентов, что не свойственно «чистой» публицистике. В свою очередь, художественная литература, как было отмечено выше, не ставит тот или иной факт действительности в приоритет, как это принято в публицистике.

Таким образом, художественная публицистика – это органическая взаимодополнительная контаминация журналистики и литературы. Предметом отражения художественной публицистики становится человек, его индивидуальность. Сквозь призму этой индивидуальности, возведенной до символического, образного, автор рассматривает события объективной реальности. Типизируя личность, художественная публицистика выходит на новый уровень – авторское обобщение действительности, что представлено в романе-исповеди «Время секунд хэнд» С. Алексиевич, в котором переданы внутренний мир респондентов, их привычки, ощущения; восприятие ими окружающей действительности через систему ценностей общества.

Список литературы

- 1. Алексиевич С.А. Время секунд хэнд. – М.: Время, 2016. – 512 с.*
- 2. Бекасов Д.Г. Корреспонденция, статья – жанры публицистики. – М.: Изд-во Московского университета, 1972.*
- 3. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 271–281.*
- 4. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб.: Изд-во В.А.Михайлова, 2001. – 320 с.*
- 5. Пронин Е.И. Выразительные средства журналистики: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1984. – 395 с.*
- 6. Прохоров Г.С. Поэтика художественно-публицистического единства: на материале литературы периода классического посттрадиционализма: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 437 с.*

7. Прохоров Г.С. Что такое «Художественная публицистика»? // *Новый филологический вестник*. – 2012.

8. Черепахов М.С. *Проблемы теории публицистики*. – М., 1973.

9. Шевцова Д.А. *От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли // Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2–3.

10. Эштейн М.Н. *Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева*. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 252 – 257.

УДК 82

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

*О.В. Родикова, Московский государственный университет путей сообщения,
г. Москва, Россия*

*А.М. Саркисян, Московский государственный университет путей сообщения,
г. Москва, Россия*

SPECIFICITY OF ART JOURNALISM

O.V. Rodikova, Moscow State University of Railway Engineering, Moscow, Russia

A.M. Sarkisyan, Moscow State University of Railway Engineering, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены особенности художественной публицистики с точки зрения журналистики и истории литературы. Сделан вывод о том, что в художественной публицистике используются особые методы отражения действительности, а фактический материал обрамляется авторским домыслом.

Ключевые слова: публицистика, специфика художественной публицистики, фактический материал.

Abstract. In this article have been considered special aspects of art journalism from the point of view of journalism and history of literature. In art journalism are used a special method of reflection of reality and the actual material is framed by an author's conjecture.

Key words: publicism, specificity of art journalism, the actual material.

E-mail: ov.rodikowa@yandex.ru, erikapiterskaya@gmail.com

Появление термина «художественная публицистика» обусловило массу противоречий, так как при его употреблении невозможно сразу определить, какую смысловую нагрузку вкладывает в понятие автор, и к какому жанру он его относит.

Теоретики журналистики относят к публицистике произведения, в которых отображаются актуальные проблемы и события жизни общества. Следует учесть, что публицистика имеет схожесть с научной прозой, так как в построении публицистических текстов используется изрядная доля логического мышления. Внимание автора-публициста, как и внимание ученого, приковано к эмпирической действительности, оба они исследуют явления и процессы, происходящие в современном обществе, и оба приходят к некому выводу. Если посредством обычного публицистического текста достигается выявление общественно-политической проблемы общества и, как следствие, ее многоплановое рассмотрение со всех сторон, то существует и другая группа текстов, характерной особенностью которых становится отход факта действительности на второй план. Читательскому вниманию предоставляется авторская позиция относительно рассматриваемого вопроса. Иначе говоря, его мысли и соображения насчет происходящего. В таких текстах автор превращается в доминирующую составляющую, где главным становится не сам факт или событие объективной реальности, а оценка этой реальности и собственное мировоззрение автора. Именно такие материалы и принято считать художественно-публицистическими. Согласно теории современной журналистики, журналист, пишущий художественно-публицистический текст, ни в коем случае не выдумывает, не создает мнимую действительность, используя творческие подходы. Он должен быть занят изучением события и его индивидуальной трактовкой в соответствии со своим мировосприятием. Посредством чувств и внутренних ощущений публицист старается показать читателю напряженную обстановку в мире. Следует учесть, что автор, при построении текста, может выдвинуть образ, который при этом не будет

отделяться от него самого. Поэтому первостепенной задачей журналиста становится не представление героя аудитории во всем многообразии его внутреннего мира, а именно заявление о своей, авторской нравственной позиции в том или ином вопросе, об исключительно своем понимании ситуации. Иначе говоря, за художественно-публицистическим образом никогда не будет стоять отдельный герой. Согласно исследованию Г.С.Прохорова [1], именно такое понятие, как «безгеройность» объединяет литературоведов и журналистов в вопросе о художественной публицистике.

История литературы определяет художественные тексты, как группу произведений, имеющих полностью вымышленный сюжет и вымышленных персонажей, которые позволяют читателю представить фантастические, далекие от реальности стороны жизни. Художественная публицистика зарождается там, где полный вымысел заменяется на частичный домысел, однако основа произведения остается той же – реальный факт объективной реальности. В художественной публицистике литературное произведение лишь раскрывает уже заложенную в ней публицистическую составляющую, апеллируя к читателю. При этом в художественной публицистике используются литературные методы отражения действительности:

1. Типизация – отбор автором наиболее существенного и важного из того, что предлагает действительность. Тогда как, ключевой особенностью является то, что фактическая сторона должна быть полностью сохранена, право автора ограничивается лишь отбором наиболее интересного, на его взгляд.

2. Авторская интерпретация – субъективное осмысление фактов действительности. Автор художественно-публицистического материала может выразить свое отношение к герою, определить дальнейшее развитие событий. Документальность в интерпретации сохраняется при помощи авторских свидетельств таких, как «я видел», «довелось столкнуться», «я узнал».

3. Образная трактовка, основной целью которой является создание документального образа, который, в свою очередь, не отрицает образность. При

помощи своего воображения, автор отбирает фактический материал, а после на образном уровне распознает целостность частей.

В кругозор автора художественно-публицистического произведения часто попадает событие объективной реальности не по причине достоверности, не потому, что автор некогда был ему свидетелем, а потому, что он таким образом видит в избранном событии некий повод для осуществления своего замысла. Автор художественно-публицистического произведения всегда создает художественную вариацию события, а не его достоверный анализ.

Рассмотрение художественной публицистики как жанра только художественной литературы приводит к тому, что художественная публицистика всецело подчиняется законам искусства, однако это мнение ошибочно. При этом теоретики литературы указывают, что «художественность» публицистики заключается в технической (риторической или психологической) стороне, то есть предстает перед нами в виде живописного языка или суггестивной образности. Именно эмоционально-чувственное восприятие мира сближает публицистику с художественным творчеством [2; 3].

Таким образом, художественная публицистика – это и журналистский и художественно-документальный текст. С точки зрения журналистики, художественная публицистика – это публицистика, которой факт обрамляется переживаниями и мыслями автора. Тогда как, история литературы определяет художественно-публицистический текст, как произведение, в котором сочетаются домысел, реальный факт и художественное изложение текста.

Список литературы

1. Прохоров Г.С. Что такое «художественная публицистика»? // *Новый филологический вестник*. – 2012. – № 1. – С. 44 – 53.

2. Прохоров Г.С. *Поэтика художественно-публицистического единства: на материале литературы периода классического посттрадиционализма: Диссертация ... д. филол. н.* – М., 2013. – 437 с.

3. Стюфляева М.И. Публицистический анализ // Журналист. – 1998. – № 1. – С. 62 – 64.

УДК 82.1

**МОДАЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЛИРИКЕ МАЯКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЯХ РУССКОГО АВАНГАРДА**

*О.К. Страшкова, Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия*

*Д.В. Рябиничева, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

**THE MODALITY OF UTTERANCE IN THE POST-REVOLUTION LYRICS
BY MAYAKOVSKIY: ON THE QUESTION OF COMMUNICATIVE
STRATEGIES OF RUSSIAN AVANGARD**

O.K. Strashkova, North-Caucasus Federal University, Stavropol', Russia

*D.V. Ryabinicheva, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье исследуются коммуникативные установки в лирических и публицистических выступлениях Владимира Маяковского последнего года жизни и творчества, периода после нэпа и до тоталитаризма Сталина. Новые задачи решаются традиционными для поэта художественными средствами: призыв, обращение, – определяющими суггестивное поле лирического высказывания. Наблюдения над поэтикой Маяковского вписываются в контекст коммуникативных стратегий русского авангарда.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, призыв, обращение, пафос, суггестия, модальность, авангард.

Abstract. The article is devoted to the communicative settings in the lyrical and publicist declarations by Vladimir Mayakovskiy of the last year of his life, the period after new economical policy, and before Stalin's totalitarianism. The new tasks are decided by the traditional artistic means

like an appeal and an address which determine the suggestive field of the lyrical utterance. The observations of the Mayakovskiy's poetics are described in the context of communicative strategies of Russian avangard.

Key words: communicative strategy, appeal, address, pathos, suggestion, modality, avangard.

E-mail: olga.strashkova8@gmail.com, rdv-90@mail.ru

«К сделанному литературному произведению отношусь как к оружию» [4, с. 38]. Эта формула Маяковского, заявленная в статье 1929 года, определяет творческую установку, эмоциональную направленность, модальность его поэтических строк. Предмет нашего исследования мы хронологически ограничиваем последним годом жизни Маяковского (1929 – апрель 1930), переходным для молодого СССР периодом **после** нэпа и **до** тоталитаризма Сталина. Когда модальность высказываний поэта несколько растеряла напористость, энергетическую напряжённость восторга перед только что свершившимся революционным прорывом в будущее, но не потеряла **пафоса** активного воздействия на читателя-слушателя, по-прежнему актуализируя художественные приёмы **призыва**, выполняющего деятельную коммуникативную функцию поэтического слова, и выраженной **обращённости** к единомышленнику или антагонисту [ср.: 3, с. 103–106].

При этом мы помним, что любой художественный (и нехудожественный) текст является коммуникативным актом. Здесь мы проследим коммуникативные приёмы, воплощающие доминантные суггестии в лирике В.Маяковского обозначенного периода и попытаемся опровергнуть позицию В.Ходасевича, постоянного недоброжелателя Маяковского, заявившего в посмертной статье, что поэт не видел истинных противоречий нэпа, «...а если на что и обрушивался, то лишь на “маленькие недостатки механизма”, на “лёгкие неуклюжести быта”. Темы его постепенно мельчали» [12, с. 10].

Не мельчали, а отвечали требованиям времени и представлениям Владимира Маяковского о цели поэтического творчества, цели, которую он неоднократно озвучивал в 1929–1930 гг. в различной литературной и

окололитературной аудитории, выступая против «голового эстетства в кругу литературной жизни Советского Союза» [4, с. 47]. В стихотворениях этого периода призыв служить новому социалистическому строю, со всеми его проблемами роста, уже не так эмоционально прямолинеен, не перенасыщен лозунговыми конструкциями, как прежде. Чаще Маяковский убеждает с помощью приёма антитезы. В своеобразной зарисовке «Птичка божья» на призыв лирического героя-поэта (читай – самого Маяковского) *прочитать, зазвенеть грозным маршем боевым* [5, с. 102–104]. Писатель стал *барашком златошерстым и заблеял*, что дало основание Поэту вскричать: *«Вы, над облаками рея, птица в человечесий рост. Вы, мусье, из канареек, чижик вы, мусье, и дрозд»* [5, с. 104]. Этот орнитологический ряд, перенасыщенный отрицательной коннотацией, завершается наставительным: *«В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг»* [5, с. 104]. В. Перцов («Маяковский: жизнь и творчество», 1956) подчёркивал, что сам Маяковский называл свою лирику первых лет революции “лозунговой”, “подхлестывающей революционную практику”. В период строительства социализма нивелируется идея борьбы со старым миром и нивелируется убеждение в пророческой миссии поэта, но доминирует модальность обличения тех, кто не хочет *ввязать музу в воз повседневности*. Отсюда, не решительная интонация лозунга, а сарказм как ведущий художественный приём и коммуникативная установка в стихотворении «На что жалуетесь?»: *«Сынам ли муз корпеть в мелочах каких-то строительных будней?»* [5, с. 132]. Как и в ранних футуристических произведениях о назначении поэта и поэзии, Маяковский и в последних своих стихотворениях выступает в роли Поэта-борца за истинное искусство. Однако даже при экспрессивных призывах: *«Забудьте про свой про сонет да про опус, разиньте шире глаз, нацельте его на фабричный корпус, уставьте его на стенгаз»*, – суггестивная стратегия сводится к саркастическому: *Простите, товарищ, я выражаюсь грубо, – но землю облапьте руками, чтоб трубадуры не стали «трубо... раз- трубо-дураками»* [5, с. 133]. Правда, последний неологизм и варваризм возвращают к динамической энергетике начала 20-х

годов. Дидактическая модальность двух названных стихотворений последнего года жизни, их коммуникативная направленность нацелена на чуждое, но поддающееся внушению сознание. Осознавая своё право поэта-трибуна, Маяковский откровенно, не скрывая эмотивной и реферативной задачи, начинает стихотворение «Изобретательская семидневка»: «*Товарищи, мой педагогический стих вам преподать рад*» [5, с. 74]. Пытаясь после выхода из ЛЕФ обосновать программу РЕФ (в самом названии предполагаемого объединения поэтов акцентируется задача революционной, преобразующей роли искусства), Маяковский прокламировал: «рефовец – это человек, принимающий активное участие в строительстве социализма на площади культуры, быта...» [6, с. 74]. И эту же активную творческую платформу транслировал в лирических текстах, поднимая актуальные социальные и бытовые проблемы (выполнение пятилетнего плана и пьянство, самокритика и атеизм, перековка *человеческого материала* и курение, ударный труд и борьба с партийцами-бюрократами, готовность защитить социалистическое отечество от внешних и внутренних врагов). Меняется объект лирического переживания, но не меняется коммуникативная задача поэта: активно будировать массу, внушая ей социалистические идеалы.

Активная, жизнесозидательная позиция автора – прерогатива не только В. Маяковского, она является одним из основополагающих принципов эстетики авангарда, по существу пролонгировавшего, как это ни парадоксально при его нигилизме, символистскую концепцию жизнетворческой миссии искусства [см.: 11]. При этом в представлении авангардистов понятие творчества расширяет свою семантику, перестаёт соотноситься только с художественно-интеллектуальной деятельностью одного, избранного, человека, но становится фактом коллективного сознания, отражающего жизнь социума, переживающего революцию, коммуникативно направленное к единомышленнику. Поэзия Маяковского, осознающего, что его слово является «дерзновенным почином» (Н. Бердяев), что на него как поэта и человека возложена историческая ответственность, отличается интонацией уверенности

и призыва, учительности и убеждённости в своей правоте. Лозунг Маяковского 1929 года: «поэзия – путь к социализму» [7, с. 30] – соответствовал задачам нового времени, не теряя революционного пафоса преобразований. Как отмечает Ю. Гирин, «революционаризм политический и революционаризм эстетический были явлениями одного порядка, воплощавшими код авангардистской эпохи...» [1, с. 188]. Так, с абсолютно эмотивной установкой первых послереволюционных лет звучит от имени коллективного «Мы» деятельный посыл новой эпохи: *«Если белогвардейская стая к нашим границам двинет с Китая – стиснем винтовки, шинели скатаем, выйдем в бои с генеральским Китаем»* [5, с. 66].

Революция как массовое действо, в котором участвуют все и каждый, убивает, нивелирует индивидуальность, выдвигая на первый план некое «массовое» Мы. Не является ли это «Мы» реконструкцией идеи соборности (см. Вяч. Иванов «Предчувствия и предвестия» – 1906, «Легион анархии» – 1926)? И действительно, коммуникативную установку футуризма на некое нераздельное коллективное Мы=Я подготовил символизм, в частности, Вячеслав Иванов. В период трёх революций, размышляя об истощении онтологического чувства личности и о формировании коллективной – «соборной», теоретик символизма указывал на особую собирательную (соборную) функцию поэта: «Соборность есть, напротив, такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы, которая делает каждую изглаголаным новым и для всех нужным словом» [2, с. 260]. Таким «изглаголаным новым», представляется нам лирический герой Владимира Маяковского, воплощающий мировидение и мирочувствование поэта и «со-бора», того коллективного «Мы», к которому относил себя поэт Маяковский (Как человек он был трагически одинок). Причём это «Мы» имеет разные реферативные и эмотивные оттенки в зависимости от коммуникативной установки, от задачи адресанта и статуса адресата обращения. В стихотворении «На западе всё спокойно» – это

«человеческая масса» Советского Союза, выступающая против надвигающейся тучи войны, против *политики пороховых бочек*. Модальность лозунгов этого «Мы», обращённого к потенциальным врагам, жёсткая, уверенная, непримиримая, предупреждающая: *«Мы требуем мира. Но если тронете, мы в роты сожмёмся, сжавши рот»* [5, с. 53].

Суггестия «Мы» стихотворения «Перекопский энтузиазм», противопоставленному успокоенным мещанам, твердящим слоган: *«Это вам не 18-й год»*, урезонивающая и решительная одновременно, отстаивающая право и необходимость борьбы с Кротами и Кротихами: *«Мы живём приказом октябрьской воли ... И мы обывателям не позволим баррикадные дни чернить и позорить»* [5, с. 6]. «Мы» у Маяковского выступает не только как обобщённый образ, но и конкретизируется. В стихотворении «Застрельщики» – это *слесаря и резчики*, призывающие догнать и перегнать заносчивых американцев, с гордостью признающие: *«Мы зачинатели, мы застрельщики новой пятилетки боёв за социализм»* [4, с. 81]. «Мы» в стихотворении «Два опиума» – это трудовой народ, пытающийся бороться с собственным пьянством, мешающим строить социализм, убеждающий себя: *«Мы пафосом новым упьёмся допьяна, вином своих не ослабим волю»* [4, с. 86]. Самое многогранное, всеобъемлющее «Мы» начертано в одноимённом стихотворении; ни к кому не обращаясь, советские Эдисоны и Маркони признают самое главное своё достоинство: *«это – наша Страна Советов, советская воля, советское знамя, советское солнце»* [4, с. 110]. «Я» Маяковского сливается здесь с «Мы», при том, что он всегда как бы отстоял над «Мы», окрылённый своим высоким правом поэта.

Безусловно, «...гипериндивидуализация, даже некий эгоцентризм поэтического «Я» подразумевали воистину эпическую концентрацию «пафоса множества» в одной поэтической личности, выступающей в мирообъемлющей жизнестроительной и жизнепреобразующей функции» [1, с. 193]. Коммуникативная стратегия Маяковского в первые послереволюционные годы строилась именно на этом «пафосе множества», на осознании себя – личности и поэта – частью жизнестроющей массы. В последний год творчества он уже не

только призывает, отрицает, обрушивается на врагов и т. п., но позволяет себе иронизировать, саркастически взывать и даже грустить (*Загрустил, братцы, я! Дыры – дразнятся. Мы и Франция... Какая разница!* [4, с. 40]). Однако его «Мы» с одинаковой убеждёностью звучит и в плакатных лозунгах начала 1918–1920-х годов, и в размышлениях 1929 года. Необходимо отличать от лирического Я поэта «Я» индивидуалиста, которое у Маяковского воплощает «блошино-мушиную» идеологию, ассоциируется с силой, противостоящей коллективному преобразовательному порыву «Мы». Причём это «индивидуальное», также стремящееся к коллективному, воплощает рефлекс низовой массы, культивирующей мещанские ценности. В стихотворении «Особое мнение» *индивидумы* противопоставляют себя всем тем, кто *в работу впрягся разом*. Поэтому автор, идентифицирующий свою волевую установку, призывает: «*Не втыкайте в работу клинья, – и у нас и у массы и мысль одна и одна генеральная линия*» [4, с. 130].

Индивидуальное Я поэта Маяковского слилось с преобразующим коллективным, массовым «Мы». И не только в силу его характера. Историческая действительность, питающая его, являла неудержимое экстравертное и интровертное движение масс, когда каждый становится частью целого, а целое «вмещается» в каждом. Примечательно, что призывы в стихотворениях «глашатая и главаря» в его постреволюционных произведениях звучат и от имени массового «Мы», и от авторского «Я», и от «синтетического» Мы=Я, которое определяет основную суггестию лирического коммуникативного акта.

«Сознание поэта – это своеобразный сосуд, собирающий и хранящий в себе бесчисленные чувства, фразы, образы, и они пребывают в нём, пока не соберутся все частицы, необходимые для создания «нового целого» [13, с. 104]. Этим «новым целым» для Маяковского становится новый человек, которого он должен формировать, воспитывать своими призывами. Поэтому так насыщены обращениями его стихотворения. Диапазон адресатов, к которым обращает свой стих Маяковский, многообразен, как проблемы им поднимаемые.

Объектом его обращений выступают *ученые, юмористы, товарищ урожай, рабочий класс, все, Страна Советов, молодые строители, мадмуазель из французского клозета, товарищи люди, пролетарии мира, китайцы, американцы, буржуи*. Единомышленники и идейные враги, все те, которых поэт хочет убедить. Адресат конкретный становится адресатом обобщающим. И Маяковский прекрасно осознаёт направленность своего высказывания. В соответствии с замечанием Умберто Эко: «Человек, делающий своё сообщение с таким намерением, знает и о том, что совокупность коннотаций одного слушателя не будет похожей на коннотации других людей, случайно оказавшихся рядом, но если они взяты из одной среды, обладают одними и теми же культурными и психологическими параметрами, он как раз и стремится к тому, чтобы по своей структуре сообщение было неопределённым, но в то же время имело пределы, которые можно назвать полем суггестивности» [14, с. 118]. Когда поэт обращается к обобщённому «товарищи», он адресуется к каждому, внушая и Им и Ему единую программу: «...товарищи, и в быту необходимо взяться за перековку человеческого материала» [5, с. 136].

Призывы как показательный элемент художественной системы Владимира Маяковского выполняют важнейшую коммуникативную функцию, направленную на объединение, слияние в «массу» (массовое мифологическое тело) всех, жаждущих переустройства мира, борющихся со злом индивидуализма, с генетической сущностью враждебной «массы». Суггестивный посыл Маяковского направлен к некоему имплицитному читателю, который, по идее, должен понимать все оттенки модальности, все установки его текста, направленного на внушение деятельной позиции. Интересна в этом отношении структура произведений поэта: почти каждое имеет зарисовочную, реферативную часть, но с выраженной эмпатической установкой – восторженно, уважительно, иронически, гротескно, или ядовито-враждебно набрасывающей эскиз «объекта». Эта «картинка» сопровождается призывами, обращениями и завершается основным коммуникативным посылом

(мы бы сказали, «пафосом»). Так, рассказ о жизни партийцев-бюрократов заканчивается резюмирующим призывом, энергетика которого как бы скрадывается уступительной формой: *«Освободиться бы от ихней братии, удобней будет и им и партии»* [5, с. 42]. Причём эта «уступительность» в лирике последних лет видится нам как некая эмоциональная «усталость», может быть, разочарование поэта, которому не внемлют. На смену революционной безапелляционной, энергетически насыщенной, призывной интонацией приходит убеждающее: *«Нам критика из года в год нужна, запомните, как человеку – кислород, как чистый воздух – комнате»* [5, с.47]. Или иронически-извиняющаяся модальность «морали» в притче о жалкой Парижанке: *«Простите, пожалуйста, за стих раскрежещенный и за описанные вонючие лужи, но очень трудно в Париже женщине, если женщина не продаётся, а служит»* [5, с. 59]. В грустной и поучительной притче «Который из них?» нет призывов и обращений, нет авторского резюме, и только реплика *оплёванного и уничтоженного* партийца, обращённая к имплицитному адресату (*«Положим, братцы, что он – коммунист, а я, товарищи, кто же?»*) [5, с.38]), расшифровывает эмоциональный посыл. Эпический элемент – рассказ о событии, побудившем к размышлению – убедительный и убеждающий коммуникативный художественный приём Маяковского. «Рассказ Хренова о кузнецкстрое и людях Кузнецка» не рисует «картинки с жизни», а передаёт настроение рабочих, их уверенность в том, что они преодолют и холод и голод, построят *стоугольный «Гигант»*. Голос поэта продолжает рефреном звучащее в рассказе: *«Через четыре года здесь будет горд-сад»*, – ведя за собой эмоционально направленный в будущее хор. При том, что в этом стихотворении нет ни одного призыва, так характерного для поэтики Маяковского, суггестивность его очевидна: *«Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране советской есть!»* [5, с.121]. Безусловно, побудительная установка призыва никогда не оставляла поэта. Об этом свидетельствуют стихотворения–призывы обозначенного периода: «Мы», «Долой шапки!», «Урожайный марш», «Марш ударных бригад», «Даёшь!»,

«Лозунги к комсомольской переключке. Готовься! Целься!», «Лозунги по КИМУ», – уже в названии которых заложена призывная коммуникативная установка.

Поэт-агитатор призывает: *сметём с полей кулачество; комсомолия, готовься к переключке; долой подхихикивающих разинь; вонзай самокритику; двиньте в пятилетку; выходите соревноваться, молодой республики молодые строители; довольно дома пугливо щуплиться; давай...заносчивых американцев догоним; долой из жизни два опиума – бога и алкоголь; множьтесь, единицы, в грабли и вилы; даёшь – изобретения, даёшь – науку; взвивай, изобретатель, рабочую мысль; дострой коммуны здание смекалкой масс; отречёмся от старого быта;* и проч. Коммуникативная направленность на эмоциональное и рациональное восприятие реципиента подчеркивается активной функцией повелительного наклонения глагола (см. например, побудительная коннотация в стихотворении «На что жалуетесь?»): *слезайте, снимайте, вяжите, забудьте, разиньте, нацельте, уставьте*). Как показывает неполный перечень обращений, представленных здесь, главным объектом лирической рецепции Маяковского были проблемы строительства социалистического далёка, военная угроза, повседневность, быт. Причём улучшение быта рабочих – цель, быт мещанина представлен с осудительной коннотацией.

«...Повседневность как образ жизни выпадала из авангардистской аксиологии, делаясь негативно маркированным фактором <...> Вот почему проблема быта, «мещанства» оказывается столь значительной в духовной проблематике эпохи – быт ассоциировался с образом косной, враждебной энтузиастическому порыву материи, восставшей на пути в светозарный град Утопии, противопоставлялся бытию» [1, с. 201]. Но в то же время революция и за нею нэп строили новый быт, первая – «антиканареечный» – идеальный, вторая – «канареечный», мещанский, но при этом универсальный, материальный. Быт, бытовые зарисовки занимают видимое пространство стихотворений Маяковского посленэповского периода, что объясняется

установкой: «...только в такой непосредственной связи с публицистикой и экономикой нашей страны, – только в такой связи может развиваться и может родиться новый, настоящий советский писатель» [9, с. 20]. Ходасевич, по всей вероятности, не учитывал этой социально-экономической задачи Владимира Маяковского, когда уничижал его роль в строительстве нового мира, не замечая возбуждающего, призывающего к действию лирического слова поэта, его суггестивной наполненности. (На наш взгляд, большая часть художественных высказываний поэта-футуриста по эмоциональной задаче поэта=лирического героя соотносится с принципами коммуникации: поэт-реципиент, – канонизированными классицистической одой, призванной разделить с читателем позицию автора, вызвать соответствующий задаче эмоциональный отклик). Пафос произведений В. Маяковского обеспечивается субъектно-объектными отношениями, которые и определяют модальность его лирического высказывания. Сам Маяковский, полемизируя с Сельвинским заявлял: «...мы определяем отношение субъекта к другим субъектам и к объекту как стремление изменить, то есть мы имеем в виду направленность и целевую установку данного произведения»[8, с. 82].

Поэт Маяковский, таким образом, создал особый, коммуникативно направленный текст не к абстрактному читателю, а к своему современнику, строителю нового мира, которого он призывал, к которому обращался, которого убеждал. Если в первые послереволюционные годы «главным было отталкивание от старья», то, по твёрдому убеждению поэта, манифестирующего новое объединение РЕФ, «Победа советского Союза, первые километры реконструктивного периода – поставили перед нами вопрос созидания, вопрос оформленного участия в строительстве, в социалистическом соревновании, в пятилетке»[10, с. 64]. Отсюда, иной объект обращения, иная модальность призывов, но неизменный пафос борьбы. «Мы требуем от каждого произведения, чтоб оно работало, **воздействовало**, (выделено нами – О.С., Д.Р.) а не производило впечатление» [10, с. 64].

Список литературы

1. Гирин Ю. *Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность.* – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 400 с.
2. Иванов Вяч. *Легион и соборность // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Демарт.* – Брюссель, 1979. – Т. III. – С. 254–261.
3. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. *Поэт и язык: к вопросу о поэтологических стратегиях О.Мандельштама и М.Цветаевой // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова.* – 2012. – Т. 18. – № 3. – С. 103–106.
4. Маяковский В. *Выступления на втором расширенном пленуме правления РАПП 23 и 26 сентября 1929 года // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12. – С. 42–55.
5. Маяковский В. *Птичка божья // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 6.
6. Маяковский В. *Выступления на пленуме РЕФ 16 января 1930 года // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12. – С. 74–79.
7. Маяковский В. *Казалось бы ясно... // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12.
8. Маяковский В. *Выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 года // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12. – С. 81–85.
9. Маяковский В. *Выступления на собрании Федерации объединений советских писателей 22 декабря 1928 года // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12. – С. 15–22.
10. Маяковский В. *Товарищи! // Маяковский В. Собрание сочинений: В 12 т.* – М.: Правда, 1978. – Т. 12. – С. 64–65.
11. Страшкова О.К. *Феномен театрализации в жизни и искусстве как форма воплощения концепции жизнетворчества в эстетике модернистов // Вестник Ставропольского государственного университета.* – 2004. – Вып. 39. – С. 154–160.

12. Ходасевич В.Ф. О Маяковском // Возрождение. – 1930. – 24 апреля. – С. 10–12.

13. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. – № 10. – С. 88–104.

14. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике. – СПб.: SYMPOSIUM, 2006. – 409 с.

УДК 81(045) = 161.1

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ПАВЛА КРУСАНОВА

А.С. Торосян, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

LINGUISTIC WORLD IMAGE BY PAVEL KRUSANOV

A.S. Torosyan, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования языковой картины мира Павла Крусанова. Анализируется общий лексико-понятийный словарь петербургского пространства, характерный для «Петербургского текста» классической литературы, а также авторское лексико-семантическое поле «Петербург». Исследуются особенности описания деревенского и городского пространства для понимания языковой личности писателя и его уникальной языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира писателя, Павел Крусанов, лексико-семантическое поле, петербургское пространство.

Abstract. The article deals with problems of the study of linguistic world image by Paul Krusanov. We analyze the overall lexical-conceptual dictionary of the St. Petersburg area, which is characteristic for the "Petersburg text" of classical literature, as well as the author of lexical-semantic field of "Petersburg". To study the features of the description of the rural and the urban areas for the understanding of the language person of the writer and his unique linguistic world.

Key words: linguistic world image, Pavel Krusanov, lexical-semantic field, the St. Petersburg area.

E-mail: anna-torosyan@bk.ru

Картиной мира в философии, мифологии, религии, лингвистике, психологии называется совокупность мировоззренческих представлений и знаний о реальности. К синонимичным понятиям следует отнести следующие: «модель мира», «образ мира» «мировоззрение», «видение мира».

Язык как инструмент создания представлений об окружающем мире в человеческом сознании позволяет выделить наряду с научной, религиозной, художественной языковую картину мира.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистике, в частности, к гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой. К современным исследованиям языковой картины мира относятся работы отечественных ученых Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Т. Цивьянова, Ю.Н. Караулова, В. И. Постопаловой, В.Н. Телия. Также стоит назвать имена ученых, которые обозначили свой подход к исследованию данной проблематики, как «логический анализ языка» – Н. Арутюнова, Е.Падучева, Ю. Степанов, Е. Кубрякова.

Теория языковой картины мира базируется на утверждении, что язык является не просто средством отображения мира, а способом его интерпретации и моделирования. Согласно словарю социолингвистических терминов: «Языковая картина мира, исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [1, с. 312]. Ключевыми компонентами каждой отдельной языковой картины мира являются мифы и предания, библейские тексты, фольклор, разговорная лексика, классическая литература, а также средства речевой выразительности, лексическое и грамматическое значение слов, фразеологизмы и т.д.

Стоит отметить, что особенностью языковой картины мира, с одной стороны, является отражение национальной специфики того или иного народа: каждый народ по-своему видит окружающую действительность, и этот факт находит отражение в языке: «Язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык – свою» [4, с. 5–6]. С другой, – в языковой картине мира отражаются универсальные общечеловеческие ценности.

Соотношение индивидуального и национального в языковой картине также является важной проблемой лингвистических исследований. Индивидуальная языковая картина мира – это восприятие и видение мира отдельной языковой личностью. Ярким примером индивидуальной языковой картины мира является творчество писателей. Основные вопросы, связанные с языковой картиной мира писателя, – это вопрос о соотношении национального языка и его разновидностей в художественной индивидуальной речевой системе писателя, проблема соотношения использованных художником языковых фактов и его языковой системы, вопрос о соотношении собственно авторской речи и речи персонажей.

Художник, пропуская через призму своего сознания и внутреннюю духовную действительность, с помощью языковых средств, фразеологизмов, мифологем, образно-метафорических и коннотативных слов, стремится воплотить собственное представление о мире.

Анализ индивидуальной языковой системы позволяет говорить, как и о специфике индивидуального художественного мышления, так и об универсальном и национальном видении мира.

Согласно тому, что было сказано ранее, писатель не только отображает определенные реалии, но и интерпретирует их, создавая при этом с помощью первичных знаков естественного языка, который не создан целенаправленно, целостную систему вторичных знаков.

Обращение к языковой картине мира Павла Крусанова не случайно. Романы и повести П. Крусанова («Где венку не лечь» (1990), «Одна танцую»

(1992), «Знаки отличия» (1995), «Рунопевец» (1997), «Отковать траву» (1999), «Укус ангела» (2000), «Бессмертник» (2000), «Ночь внутри» (2001), «Бом-бом» (2002), «Другой ветер» (2002), «Действующая модель ада» (2004), «Калевала» (2005), «Американская дырка» (2005), «Мёртвый язык» (2009), «Ворон белый. История живых существ» (2012), «Царь головы: рассказы» (2014)), несомненно, значительные явления в современном литературном процессе. П. Крусанов неоднократно становился лауреатом и финалистом таких литературных премий как премия «Северная Пальмира» (1996), премия журнала «Октябрь» (1999), премия «Национальный бестселлер» (2003), премия «Большая книга» (2010). Наряду с художественными произведениями, он является автором сборника эссе «Все прочее – литература», в котором отражены его идеологические и литературные взгляды.

Художественный метод петербургского прозаика формируется с одной стороны в контексте «петербургского фундаментализма», а с другой, – в контексте новейших тенденций русской литературы.

Интерес к исследованию языковой картины мира писателя объясняется и тем, что П. Крусанов актуализирует национальное самосознания в культуре. Будучи представителем эстетико-литературного и философского явления «петербургского фундаментализма», Крусанов обновляет в общественном самосознании идею Имперский России. Его прозе свойственно обращение к художественному наследию прошлого.

В творчестве Крусанова прослеживается, как ориентированность на возвращение человека к своим традициям – национальным, религиозным, литературным, так и новый взгляд на представления о реальности – с другой.

Еще одной особенностью творчества современного петербургского прозаика является упразднение границ реальности, реалистического произведения с помощью мифа архаического и мифа современного (современный миф, неоевразийство) является. По мнению С.М. Телегина, интерес современных писателей к мифу объясняется тем, что «мифотворчество выступает как решительное утверждение утраченных в эпоху рационализма и

материализма духовных традиций и ценностей (любви и смерти), получающих адекватное выражение только языком и образами мифа» [5, с. 188].

Реалистический сюжет в произведениях П. Крусанова нередко размывается фольклорно-мифологическими вставками в виде включенных новелл или сюжетных моделей, формирующих внутреннюю структуру художественного мира в целом, стилизаций под фольклорные дискурсы и даже в виде фантастических персонажей, вступавших в контакты с героями реалистического плана.

Опираясь на литературный, философский, мифологический, исторический контекст писатель выстраивает свою языковую картину мира, состоящую из авторских лексико-семантических полей. Обращение к анализу языковой картины мира писателя, то есть к анализу роли человеческого фактора в языке позволяет говорить об идиостиле Крусанова – совокупности языковых и стилистических особенностей речи писателя.

В данной статье рассматриваются лексико-семантические поля («Петербург», «деревня», «природа»), отражающие представления писателя о пространстве. Исследуется, в частности, описание петербургского пейзажа, с акцентом на пространственную характеристику изображения природы, устойчивые образы и мотивы, противопоставление пространства города и деревни.

Категория пространства является одной из важнейших компонентов художественного произведения. Структура пространства, его архитектоника, взаимосвязь с другими элементами текста, а главное – его выраженность средствами языка – составляют существенный признак уникального стиля писателя.

Масштабность и целостность неофундаменталистского сознания Крусанова реализуется в художественном воплощении *петербургского пространства*. И это не случайно, так как Крусанова можно бесспорно назвать наследником традиций «Петербургского текста», целью которого является актуализация образа Петербурга.

Термин «Петербургский текст» впервые ввел в употребление В.Н.Топоров, а его фундаментальный труд «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)» посвящен литературным произведениям, которых связывает общее петербургское пространство, выступающее не просто в качестве места действия, но и представляющее собой «сверхнасыщенную реальность», сопряженную с «мифом, и всей сферы символического» [6, с. 259]. Работа В.Н. Топорова – одна из первых попыток придать петербургской литературе общие черты, объединить ее в некое целостное явление, со своей устойчивой и единой мотивной структурой, повторяющимися мотивными значениями.

В.Н. Топоров также писал об общем лексико-понятийном словаре «Петербургского текста». В состав данного словаря, по мнению ученого, входят слова, которые наиболее часто встречаются в описаниях Петербурга. Эти слова исследователь подразделил на группы слов, выражающие:

1) внутренние состояние человека (усталый, безвыходный, одинокий, мучительный, тоска, и т. д.);

2) состояние природы (закат, сумерки, туман, пар, дождь, Нева, зелень, прохлада, свежесть, ясный, прохладный, теплый, просторный, солнечный, мрак, сырой, мутный, грязь, широкий);

3) культуру (переулок, улицы, город, проспект, линия, мост, площадь, сады, крепость, дворцы, простираться, расширяться, громада, фонарь, набережная);

4) элементы метаописания (театр, сцена, декорация, роль, (иногда сюда же: тень, силуэт, призрак, двойник, зеркало, отражение),

5) способы выражения предельности (крайний, необъяснимый, бесконечный, неизмеримый, необъяснимый);

6) общие операторы и показатели модальности (вдруг, внезапно, в это мгновенье, неожиданно; странный, фантастический) [7, с. 693].

Описаниям Петербурга, которые довольно часто встречаются на страницах произведений Крусанова, также характерно наличие общего лексико-

понятийного словаря «Петербургского текста». В первую очередь, внутреннее состояние героев Крусанова, в частности чувство одиночества, тоски, страдания часто связано именно с Петербургом. Так или иначе прослеживается связь между двумя мирами: внутренним миром героя и внешним миром Петербурга. Более того, писатель, описывая окружающую действительность, использует лексические единицы, которые, как правило, относятся к состоянию души («*и в вагоне, и снаружи была тоска*»).

Герой видит природу и окружающее пространство соответственно своему душевному состоянию, в котором он находится: «*Сверху сыпалась редкая снежная крупа. Небо над хрупким заледенелым городом неспешно текло куда-то на юг, будто было широкой рекой, а Петербург, запрокинув лицо, лежал на дне ее. Тупотилов не замечал небесной реки – при виде открытых пространств его городская душа слабела и бездомно тосковала*»; «*Это звучит за окном – за решеткой, за мутным стеклом – сырой серый мир. Хорошо, что сейчас осень, хорошо, что стекло грязное, в муаровых дождевых подтеках, хорошо, что мир ветшает, что он уже очень глухой и хворый, как гниющий колодец – тщедушие природы уравнивает тоску сердца*» [2, с. 82].

Лексические единицы «сырой», «серый», «муаровый», «открытое пространство» также входят в состав центрального лексического поля «Петербург». Значение слова «муаровый» характеризует еще одну особенность петербургского пространства, о которой писал В.Н. Топоров, – его двойственность, призрачность и миражность.

Улицы, дворцы, площади, мосты часто описываются в движении, что позволяет читателю увидеть Петербург с разных ракурсов, рассмотреть как можно больше архитектурных достопримечательностей и обыденных петербургских реалий: «*трамвай, обогнув Александровский сад, вразвалку двинулся в гору и натужно оседлал Дворцовый мост; за рядами лип синий троллейбус тяжело, как утюг, гладил брючину бульвара. По гравийной, почти*

замшевой, дорожке меж стволов бежал престарелый физкультурник» [3, с. 46].

Одной из самых ярких особенностей описания Петербурга является представление города на Неве, одновременно как «хрустальной игрушки» и как живого существа: *«Петербург походил на запаянную хрустальную сферу, в которой менялись лишь оттенки холодного внутреннего свечения. Петербург походил на влюбленного, отвернувшегося от действительности, – потому что та для него прокисла, потеряла соль, смысл, – на влюбленного, безоговорочно извергнутого из мира, но ничуть не сожалеющего о своей извергнутости, ибо она стала для него желанным откровением. И не важно, чего вождедел этот влюбленный – воды, власти, корюшки, тополиного пуха или ночи, которая летом ходила налево, а зимой так наваливалась на него грудью, что порой казалось – она вот-вот заспит город. Не важно. Возможно, он – Нарцисс. Возможно, ревность к зеркальному двойнику, дьявольски изощренная фантазия влюбленного и породила всю петербургскую метафизику, весь сонм разномастных невских бесов...»* [3, с. 46]. Лексемы, свойственные петербургским реалиям, – вода, корюшка, ночь, которая летом ходит налево, характеризуют целостный и единый образ Петербурга.

Сравнение города с живым существом встречается практически в каждом описании городского пространства: *«В аморфном теле питерского моллюска, того существа, что сидит в лощёной ракушке СПб, чувствует, переживает, пудрит носик и делает это обиталище живым»*. Природа также наделяется качествами одушевленного предмета: *«После двухнедельной оттепели, в Петербург, как генерал в солдатский бордель, заглянул строгий морозец. Февраль вспомнил службу, подтянулся, застегнул мундир на все пуговицы»*.

Метафора и сравнение, которые так часто использует Крусанов, перестают быть только тропами. Они становятся вербальным средством объединения двух планов реальности, своеобразным рычагом, меняющим угол зрения.

Наряду с традиционным корпусом слов, который характерен Петербургскому тексту, автор наделяет петербургское пространство личными ассоциациями, выражая их с помощью образной лексики, субъектно-авторских образов: *«Нева сплывала в залив ладожский лед, снег стаял, и волглая земля дышала теплым паром, как прелый навоз. В сквере у Казанского, где насадили по осени молодые липы, заспанные деревца с гладкой корой и набухшими почками стояли, будто слаженные из светло-карего воска. Мощные тротуары Литейного походили на терракотовый паркет»* [3, с. 185].

В отличие от сложного лексического поля, описывающего городское, в частности, петербургское пространство, воплощение деревенской действительности характеризуется использованием слов, обозначающих *«легкость»*, *«чистоту»*, *«гармонию»*: *«текла светлая вода, под крутым берегом ломалась в излучину; над рекой – небо, прозрачное, пустое, без мысли»; «над излучиной стояла деревенька, согласно срасталась с миром, словно не человек ее ставил, а выперла из земли лесная сила»; «сам пруд зарос камышом и кувшинками, но в середине ещё оставалось блюдце чистой воды».*

Описание пространственных реалий рассчитано на звуковое и слуховое восприятие. Особенно это касается пейзажных описаний, которые всегда наполнены яркой метафоричностью: *«чавкающее болото»*, *«вокруг стояла белёсая полуденная тишина с приглушённым, то спадающим, то нарастающим шорохом ветра в тальнике и паутиным шелестом трав в качестве рабочего фона»*. Запахи, звуки и цвета создают неповторимую картину осязаемой окружающей действительности. Крусанов описывает природу, используя сложные синтаксические конструкции, насыщенные причастными и деепричастными оборотами, прилагательными. Писатель изображает природу в разных планах и ракурсах. Сложные, объемные, нагроможденные описания окружающей действительности как бы провоцируют читателя к активной работе воображения.

Рассмотрение лексико-семантического поля, описывающего пространство Петербурга и деревни, позволяет говорить об уникальной языковой картине

мира П. Крусанова. Стремление к детальному изображению окружающей действительности, использование сложных синтаксических конструкций, метафор и сравнений, которые являются не просто тропами, придающими красочность и яркость тексту, но становятся авторскими символами, мифологемами, позволяют Крусанову создавать объемный мир, в котором воплощается как универсальная, так и индивидуальная языковая система. В описании Петербурга присутствуют как привычные лексические единицы, характеризующие его пространство – «таинственность», «двойственность», «серость», «зеркальность», «влажность», «призрачность», так и личное видение городского пространства, построенного на антитезе величие-хрупкость: «хрустальная сфера», «хрупкий заледенелый город» противопоставлен величественной архитектуре Петербурга с его дворцами, садами, соборами. Крусанов изображает природу соответственно душевному настроению персонажа и часто сложно понять, где заканчивается описание природы и начинается описание внутреннего состояния героя.

Список литературы

1. Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. *Словарь социолингвистических терминов*. – М.: ИЯРАН, 2006. – 312 с.
2. Крусанов П.В. *О людях и ангелах: Романы*. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. – 640 с.
3. Крусанов П.В.. *Укус ангела: Роман*. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. – 288 с.
4. Падучева Е. В. *Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива)*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
5. Телегин С.М. *О мифореализме «таинственных повестей» И.С. Тургенева // Тургеневские чтения – 4*. – М.: Русский путь, 2009. – С. 188.
6. Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. — М.: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1995. – С. 259.

7. Топоров В.Н. Петербургский текст / Отделение историко-филологических наук РАН. – М.: Наука, 2009. – С. 693–695.

УДК 654.19

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК» (1899-2017)**

*Е.С. Фролова, Московский государственный университет путей
сообщения Императора Николая II, г. Москва, Россия*

*Т.В. Непряхина, старший преподаватель, Московский государственный
университет путей сообщения Императора Николая II, г. Москва, Россия*

**CONTINUITY OF TRADITIONS OF COUNTRY JOURNALISM ON THE
EXAMPLE OF THE MAGAZINE «OGONYOK» (1899–2017)**

*E.S. Frolova, Moscow State University of Railway Engineering,
Moscow, Russia*

*T.V. Nepryakhina, Moscow State University of Railway Engineering,
Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию журнала «Огонёк» как одного из российских СМИ, совмещающих черты, свойственные как качественному, так и массовому изданию, на основе комплексного анализа номеров журнала, относящихся к дореволюционному, советскому, перестроечному и современному периоду развития журналистики. Еженедельное издание «Огонёк» регулярно совершенствует свой контент, предстаёт перед любым читателем как журнал с доступным, интересным, расширяющим кругозор содержанием.

Ключевые слова: журнал «Огонёк», качественная пресса, массовая пресса, фоторепортаж, средства массовой информации, качественно-массовая пресса.

Abstract. This article is devoted to a research of the «Ogonyok» magazine as one of the Russian media combining the lines peculiar to both the qualitative, and popular edition on the basis of the complex analysis of the numbers of the magazine relating to the pre - revolutionary, the Soviet period, restructuring and modern period of development of journalism. The weekly

«Ogonyok» regularly improves the content, appears at any reader as the magazine with the available, interesting, broadening horizons contents.

Key words: the weekly journal «Ogonyok», quality press, omnibus press, photo report, mass media, quality - omnibus press.

E-mail: fro17helen@yandex.ru, tat.nepriahina@yandex.ru

XXI век неопровержимо считается веком информации. Журналистика занимает передовые позиции в жизни общества, налаживая коммуникационные каналы через печатные издания, радио, телевидение, информационные агентства, кинохроникальные программы, Интернет, который включает в себя он-лайн версии всех типов средств массовой информации и сайты.

Журналистика как разновидность массовой коммуникации с помощью СМИ (СМК) доносит информацию до аудитории в широком смысле этого слова. Соответственно, от журналистов *требуется развитая культура понимания общества и его разнообразных представителей, проявляющаяся в интеллектуальных, эмоционально-психологических и профессионально-методических формах* [1, с. 13]. Журналисту необходимо через средства массовой информации создавать условия для оптимального социального взаимодействия в обществе.

Однако ни для кого не является секретом, что социальные особенности воспринимающей публики предполагают разные способы представления контента, реализуемые в качественной или массовой периодике. В последнее время специалисты начали использовать понятие смешанного типа прессы как специфического для российской журналистики. Имеется в виду, что в одном издании сочетаются и объективная, развивающая аудиторию информация, и развлекательные компоненты содержания.

Наше выступление будет посвящено исследованию журнала «Огонёк» как представителя качественно-массового СМИ современности.

Разделение на качественную и массовую прессу принято в отечественной журналистике относительно недавно. В справочнике «Журналистика: краткий словарь», автором которого является Б.Н. Лозовский, качественная пресса

определяется как *«издания, рассчитанные на высокообразованного читателя»* [4]. В «Энциклопедическом словаре СМИ» качественная пресса определяется как *«солидные газеты и журналы, предназначенные для образованных читателей, серьезные и влиятельные издания»* [3, с. 42].

Итак, можно отметить, что качественная пресса рассчитана на образованного влиятельного читателя, она создается профессиональными журналистами, следующими высоким нравственным принципам. Кроме того, содержание текстов призвано просвещать реципиентов, используя доступные средства передачи информации.

Теперь рассмотрим значимые характеристики массовой прессы, которая сегодня является одним из самых широко используемых источников получения информации. Согласно американскому «Словарю языка средств массовой информации США», *«массовая пресса («omnibus press») – это печатные средства информации, в которых больше развлечения, чем информации, и которые предназначены менее образованной части населения»* [7, с. 77].

Д.А. Мурзин в своей статье «Очерк типологии деловой прессы» также упоминает издания массового характера: *«Массовые издания, рассчитанные на невзыскательный читательский вкус, как правило, не утруждают себя даже элементарной проверкой объективности публикуемой информации. Чаще даже происходит наоборот – во имя сенсации информация беззастенчиво препарируется»* [5].

Адресат массового издания обозначен расплывчато – *«менее образованная часть населения»*, однако сделан весомый акцент на то, что важная, существенная информация как таковая заменяется развлекательной.

С 1899 года в российском общественно-политическом и литературно-художественном еженедельнике «Огонёк» находила отражение политическая, общественная и культурная жизнь страны как в дореволюционный, так в советский и перестроечный периоды её развития.

В качестве эмпирического материала для данной работы был взят номер 35 от 1 (14) сентября 1913 года дореволюционного «Огонька», номер 37 от 13

сентября 1942 года времен СССР, номер 13, вышедший 25 марта 1989 года, журнала «Огонёк» перестроечного периода, номер 4 современного журнала «Огонёк», вышедший 30 января 2017 года, номер 7, вышедший 17 февраля 2017 года.

В дореволюционном «Огоньке» концепция журнала предполагала новостные публикации обо всем происходящем, постоянной рубрикации еще не было. Содержание еженедельника отражало реальную жизнь, поэтому новости всегда были актуальные. Например, в номере 35 от 1913 года центральной темой стали 200-летний юбилей города Кронштадта и 200-летний юбилей Александро-Невской лавры, где описывались подробности архитектуры, истории городов.

Постоянными были новости о спорте, о чём свидетельствует заметка «Международные состязания по легкой атлетике в Петербурге», в которой сообщалось о прошедшем мероприятии, его результатах и читателю предлагалось посмотреть фотографии с места событий, например, в материале «Открытие Киевской всероссийской Олимпиады». В номере находили место как новости о науке и технике, так и о состоянии новых сооружений, об этом было написано в статье «Мост через Неву, соединяющий Финляндские железные дороги с Императорскими».

Кроме того, в издании всегда публиковались отрывки литературных произведений. Рубрика «Сентиментальная история» наполнена отрывками из произведений развлекательного характера, они обычно сопровождалась надписью «перепечатка воспрещена». Иллюстрации к этой рубрике готовили художники «Огонька».

Отдельные фоторепортажи посвящались императорской семье, в рассматриваемом номере можно было посмотреть информационные фотографии «Путешествие их Императорского величества в Крым». Также в номере есть новости со всего мира: «Иосиф и его братья» – статья о первом представлении пьесы Паркера в Королевском театре в Лондоне, «Большие

беспорядки в Дублине» – заметка о том, как 400 владельцев предприятий объявили локаут.

Рекламные объявления стали существовать уже на страницах дореволюционного «Огонька»: средства для уборки дома и личной гигиены, лотереи, часы, продукты питания и т.д.

На обложке советского «Огонька», 1942 года издания, расположен лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», а также отмечается, что идёт «65-я неделя священной отечественной войны». В этих номерах «Огонька» появились постоянные рубрики: «Люди и события» – страница о людях-героях и их достижениях, «Дневник войны» – публикации из разных уголков мира об обстановке военных лет. Рубрика «За рубежом» говорит сама за себя: в ней размещали информацию о культуре, науке, известных личностях других государств. Например, в статье «Воздушный броненосец» рассказывалось о спроектированном в США гигантском самолёте, весом в 1500 тонн, прилагалась наглядная схема этого сооружения.

Появляется отдельная рубрика «Искусство», в которой публиковались анонсы фильмов, открытие театров, и «Спорт», где читатель мог узнать о новых успехах спортсменов. Например, в статье «Стайер» главный герой – бывший бригадир штукатуров на Новотрубном заводе в Свердловске, Феодосий Ванин. Красноармейцем он надел беговые туфли, установил рекорд в часовом беге, а позже стал чемпионом СССР. Последнюю страницу занимает карикатура на военную тематику, изображающую в комичном виде руководителей Третьего рейха. Журнал поддерживал советский народ в трудные времена.

В перестроечном «Огоньке» в рубрике «Боль отечества» публиковались, к примеру, статьи о пропаже культурных ценностей, о падении нравственности, о забытых могилах некогда известных личностей. В номере 4 от 1989 года, Виталий Ерёмин, российский журналист и писатель, поднимает важнейшую экологическую проблему того времени в статье-интервью «Пришельцы и парма» (Парма (на языке коми) – тайга). Заведующего лабораторией лесоведения коми Владислава Борисовича Ларина поместили на две недели в

психиатрическую больницу. Причиной тому стало намерение Ларина на совещании высказать кое-кому в лицо обвинения в самых настоящих экологических преступлениях. Ерёмин, собирая материал для будущей публикации, общался с представителями власти, ведущими экономистами и с самим В.Б. Лариным. Такой журналистский подход отмечен высоким качеством публикуемых материалов и достоверностью предложенной информации. Статья сопровождается фотоизображениями.

В этом же номере в рубрике «Слово читателя. Почта Огонька», опубликованы обращения читателей, причем в их число, помимо любительской аудитории, входят поэты, писатели, филологи. Кандидаты различных наук, участники Великой Отечественной войны. Такая аудитория свидетельствует о широком масштабе распространения и одновременно популярности издания.

Новая рубрика журнала «Прошу слова» появилась благодаря самим читателям: когда письма по одной и той же теме поражали своим огромным количеством редакцию, им уделялось отдельное внимание. В рассматриваемом номере был остро поднят национальный вопрос. Врач Наталья Савельева возмущена тем, что общество не знает истории своей страны, а оттого все приводит к исчезновению русского духа, к бездуховности нашего общества.

Существовали рубрики «Азбука гласности», в которой приводились исторические материалы о нашей стране, «Событие недели», «Свидетельские показания», «Говорят документы», «Хранить вечно». В рубрике «Палитра» печатались материалы о творчестве художников, как известных широкому кругу читателей, так и только открываемым общественностью, причём обязательны были красочные иллюстрации. Редакция журнала ставила перед собой цель – знакомство читателей с творческими людьми нашего времени.

Этот период можно отметить жанровым многообразием журналистских материалов, имеет место публицистическая, научная, художественная, документальная и наглядно-иллюстративная форма подачи информации.

Языковые особенности как дореволюционного, так советского и перестроечного «Огонька» заключаются в использовании нормированного

литературного языка, понятного для всех слоев общества. Приводятся фактические материалы, интервью с известными личностями. Отдельного внимания заслуживают изображения и фоторепортажи, которые обеспечивали читателю наглядность материала.

На сегодняшний день концепция журнала предусматривает публикации, освещающие разные сферы жизни. Они распределены по следующим рубрикам: «Неделя», «Россия и мир», «Общество», «Культура», «Спорт», «После всего».

В номере 4 от 2017 года в рубрике «После всего» опубликована статья Марии Трауб «Урок доброты». Обозреватель рассказывает реальную историю, очевидцем которой стал ее сын. Возвращаясь домой с занятий в спортивной секции, ребята заметили мальчика 4–5 лет, он бегал туда-сюда через дорогу. Ребята выяснили, что Ваня, так зовут ребенка, не один, родители куда-то делись. Мальчишки обратились к сотруднику полиции, который стал разыскивать родителей Вани, а сами напоили его чаем, играли с ним, чтобы он не замерз. В конце концов появились пьяные родители, забрали ребёнка и ушли. Тематика данной публикации совпадает с рубрикой «Боль отечества» перестроечного «Огонька», протягивается нить «больных вопросов» общества через десятки лет.

В номере 7 от 17 февраля 2017 года в рубрике «Общество» опубликованы письма читателей. Тема писем – предыдущие публикации в журнале «Огонёк». Аудитория обратила внимание на вопросы, связанные с медициной, социальными услугами и социально-экономической апатией россиян. Это говорит о том, что еженедельник затрагивает актуальные вопросы разных сфер деятельности современности, что интересует читательскую аудиторию. Данная рубрика имеет очевидное сходство с рубрикой «Слово читателя. Почта «Огонька», существовавшей 28 лет назад.

Все материалы в еженедельном издании представлены в логическом изложении на понятном для аудитории языке, присутствуют мнения экспертов, документальные справки и исторические сведения, а самое интересное –

фрагменты повествования, наполненные убедительной аналитической аргументацией. Профессионализм коллектива и качество прессы – воплощающийся тандем на страницах «Огонька».

Таким образом, журнал «Огонёк» на своих страницах воплощает информационную насыщенность, которую можно отразить во фразе «обо всём и для всех»: материал для любой аудитории, удовлетворяющий индивидуальным интересам, за что читатель ценит его более века.

Список литературы

1. *Век информации. Журналистика XXI века: культура понимания: Материалы семинара Всероссийского форума с международным участием «Дни философии в Петербурге – 2014» / Ред.-сост. И.Н. Блохин, С.Г.Корконосенко. – СПб., 2015. – Вып. 2. – 270 с.*

2. *Есикова Е.М. Журнал «Огонёк» в контексте переходных эпох: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 140 с.*

3. *Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 70 с.*

4. *Лозовский Б.Н. Журналистика: Краткий словарь. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного ун-та, 2004. – 116 с.*

5. *Мурзин Д.А. Очерк типологии деловой прессы. – М., 2003.*

6. *Танцезова А.В. «Огонёк» – еженедельник Советской страны: к истории функционирования в 1920-е годы // Гуманитарные юридические исследования. – 2015. – № 4. – С. 135–140.*

7. *Терри-Элмор Р. Словарь языка средств массовой информации США. – М.: Русский язык, 1992. – 670 с.*

8. *Огонёк. – 1913. – № 35.*

9. *Огонёк. – 1942. – №37.*

10. *Огонёк. – 1989. – №13.*

11. *Огонёк. – 2017. – №4.*

12. *Огонёк. – 2017. – №7.*

УДК 821

ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ АНГЛИЯ В ВОСПРИЯТИИ

И.А.АКСЕНОВА-КРИТИКА

*Н.С.Футляев, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

*Д.Н.Жаткин, Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия*

ELIZABETH'S ENGLAND IN THE PERCEPTION

OF THE CRITIC I.A.AKSENOV

N.S.Futljaev, Penza State Technological University, Penza, Russia

D.N.Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье осмысливается восприятие И.А. Аксеновым елизаветинской Англии.

Ключевые слова: И.А.Аксенов, английская драматургия, елизаветинская Англия, традиция, межкультурная коммуникация.

Annotation. The article analyzes the perception of Elizabethan England by I.A.Aksenov.

Key words: I.A.Aksenov, English drama, Elizabethan England, tradition, intercultural communication.

E-mail: ivb40@yandex.ru, futljaew.n@mail.ru

Статья подготовлена при реализации проекта №34.5063.2017/БЧ «Русская рецепция драматургии современников Шекспира (проблемы текстологии и поэтики)» государственного задания вузу Министерства образования и науки Российской Федерации.

Понятие «елизаветинская Англия» в восприятии И.А.Аксенова не было ограничено хронологическими датами жизни и правления королевы Елизаветы I. В это понятие писатель вмещал и период военного, торгово-

экономического и культурного подъема, обусловленный заслугами королей Генриха VII (создателя английского королевского флота) и Генриха VIII (инициатора активной морской торговли), королевы Марии I Тюдор, организовавшей экспедицию для поисков северо-восточного прохода в Китай и Индию, и период политического «застоя» и последовавшего за ним мимолетного «ренессанса», связанный с деятельностью короля Якова I.

Торгово-экономические успехи, освоение новых морских участков, подъем сельского помещного хозяйства, осада и падение в 1585 г. от войск Александра Пармского Антверпена – города, в котором была сосредоточена экономическая активность европейского купечества, позволили сделать Лондон новым центром товарного обмена Западной Европы. Торжественное открытие Лондонской биржи, занявшей место Антверпенской, усилило роль английской монархии на мировой арене, на что обратил внимание И.А.Аксенов, указавший, что «венецианские банкиры-евреи переносили из Ломбардии в Лондон свои конторы, свое золото», к которому добавлялись богатства, «перехваченные отважными мореплавателями у испанцев, на волнах Атлантического океана, где легкие английские суда <...> удачно справлялись с тяжело нагруженными испанскими галеонами, влачившими в Палос и Кадикс сокровища инков и ацтекских властителей» [2, с. 26–27]. В Лондон из-за границы привлекались инженеры, исследовавшие естественные богатства Британии, воссоздававшие заброшенные железные рудники и золотые прииски, занимавшиеся мелиорацией сельского хозяйства.

Важной чертой быта елизаветинской Англии И.А.Аксенов считал появление многочисленных «усадебных беглецов», сдававших землю в аренду, получавших ренту и бежавших из тесных и скучных окрестностей в манящий безграничными возможностями Лондон: «множились прожекторы и изобретатели, плодились мошенники и шарлатаны, дворянские недоросли из провинции наполняли аркады среднего крыла Павлова Собора, стараясь перенять манеры у золотой молодежи придворных и студентов школ

правоведения, щеголявших и цитатами на мертвых языках и стихами Петрарки или Ронсара» [2, с. 26–27]. «Усадебные беглецы», будучи по происхождению дворянами, обладая дворянской образованностью, «пытали счастья недворянскими средствами и в недворянской среде», рассчитывали только на самих себя, «личными усилиями прокладывая себе дорогу к возможности существования, которое было бы достойно их представлений о жизненном благополучии» [3, с. 18]. В представлении И.А.Аксенова возникал некий тип «деклассированного» помещика, тип интеллигента – будущих создателей драматургии елизаветинского времени. Выживание в благополучной столице строилось на всеобщей жажде наживы, все вокруг, вплоть до людей, призванных обличать пороки современников, оставались людьми «ненадежными», стремившимися обмануть своего заказчика; к числу таковых относились и драматурги, в частности Р.Грин, получивший не только аванс, но и полный расчет за пьесу «Неистовый Роланд», однако без зазрений совести продавший ее затем другой компании [см.: 2, с. 28].

Фактор личной наживы и обособленности от окружающего социума воспринимался И.А.Аксеновым в качестве главной причины перемен в жизни английского общества. Этому способствовали и «внешние» тенденции – «ликвидация испанской опасности, овладение морской поверхностью и возможность обирания чужих галеонов, груженых порождением заморских недр», ведущие к обособлению тех общественных групп, которые «до того соединенными усилиями помогали победе торгового капитала, считая ее общим делом» [1, с. 11]. Утрата единения перед общей опасностью привела, по наблюдению И.А.Аксенова, к разделению английского общества: «...часть военачальников и флотоводцев занялись извлечением выгод из награбленного добра, часть проматывала его в привычном ощущении, что жизнь кончается завтра, часть осела при дворе в чаянии новых предприятий, которые позволят нагреть руки на какой-нибудь новой экспедиции, где на этот раз уже надо будет награбить добра как следует, а не зевать, как в прошлые, часть (и она была самая

многочисленная), ничего не заработав, но ничего и не потеряв, а приобретая твердую уверенность в великих возможностях, открытых личной предприимчивости, занималась ожиданием благоприятного момента для проявления своих способностей и в голодной своей действительности утешалась планированием будущего приспособления вселенной на свою личную потребу» [1, с. 12].

Материальные возможности торгового капитала позволили превратить бесплатные уличные представления в постоянно действующие предприятия с большим числом посетителей, с идеологией, продиктованной интересами торгового капитала. Однако при этом, по наблюдению И.А.Аксенова, наметилась «странная» особенность: купеческое самоуправление Лондона стремилось всеми доступными средствами, под малейшим предлогом, нередко связанным с пожарной или санитарной безопасностью, закрыть существующие театры, препятствовало постройке новых театров, проводило отчаянную антитеатральную кампанию путем издания специальных памфлетов, личного примера бойкотирования представлений, вовлечения церкви в оценку театра как бесовского действия. Впрочем, у театра были свои покровители в придворных кругах, нивелировавшие большинство выпадов благодаря властным возможностям, в том числе координации действий цензуры; оставалось лишь бороться непосредственно за посещаемость театров – «борьба, не прекращавшаяся все время их существования, окончившаяся победой противников лицедейства» [1, с. 10–11].

Королевский указ 1580 г., поручивший цензуру придворным кругам, по мнению И.А.Аксенова, «не отменял городских прав», а лишь вежливо игнорировал их; «распря тянулась еще четыре года, пока старшины не оказались вынужденными сдаться» [1, с. 15]. И.А.Аксенов видел в этом событии раскол недавнего союза служилого дворянства и буржуазии (поначалу крупной, а потом и мелкой), приведший к 1590-м гг. к постепенному уходу среднего мещанства из театров; тем самым

происходило сужение социальной базы театров, которые переставали быть народными, превращались в собственность небольшой группы населения, утрачивали нравоучительную направленность и постепенно опускались до исключительной развлекательности, подобной старинной клоунаде шутов: «Идиотам нужен идиотский театр и идиот драмодел. Но ведь это же общественная опасность!» [2, с. 47].

На смену процветанию Англии, восторгам и обеспечившей успех драматическим хроникам «народной гордости» в лучшие годы правления Елизаветы I медленно, но ощутимо надвигалась депрессия – предвестница грядущих кризисов. Эра внешнего великолепия и наступательной политики закончилась, отчетливо обозначились внутренние противоречия монархии Елизаветы Тюдор, наступило время борьбы не за развитие достигнутых успехов, а за сохранение их ближайших результатов. До окончательного обострения противоречий было еще далеко, однако, по наблюдению И.А.Аксенова, «предвестия будущих боев уже настойчиво, хотя и смутно еще, ощущались передовым, верхушечным слоем нового класса, чьи образованные представители, все эти классически-воспитанные питомцы школ правоведения и возрожденных университетов явно видели в себе представителей нового общества, обязанного определить свое место и свое руководящее положение в стране, закрепив то, что ими фактически уже было достигнуто» [2, с. 34–35; см. также: 4, с. 111–125]. Согласно И.А.Аксенову, в переломную эпоху ключевым стал вопрос создания новой морали.

Действия многих пьес переместились в благополучную Венецию, являвшуюся не столько «поставщицей сценической бутафории», сколько «завершенным типом коммерческого государства, основанного и прославленного купцами»; в Венеции, где «звание купца было почетнее, чем звание лорда в Лондоне» [1, с. 37], торговый капитал успел развиваться раньше, чем в Англии, и господствовал безраздельно, не испытывая тех трудностей, с какими сталкивались в своих делах лондонские купцы.

Однако бессмысленно было искать в Венеции земного рая: «Там основные грехи капитализма должны были выражаться резче, а по условиям благодатного юга – и ярче, и живописнее, чем в столице туманного Альбиона» [1, с. 37]. Приводя предостерегающие слова Бена Джонсона, обращенные к городскому совету ольдерменов («Вы хотите власти, вы спорите за право идеологического руководства в Лондоне. Смотрите: вот город, в котором такое право получено людьми вашей породы. Вот что из этого получилось, вот как они живут. Вы приходите к власти позже их, не повторяйте их ошибок, если не хотите сравняться с ними в последствиях этих ошибок» [1, с. 37–38]), И.А.Аксенов указывал, что драматург, к несчастью, остался неслышанным, – лондонское купечество погрузилось в меланхолию, ожидая вместе с умиравшей королевой былых чудес, после чего наступил крах, во многом обусловленный легкомысленностью Якова I.

Стремясь «ободрить» английское общество новыми победами и свершениями, Яков I, взошедший на английский престол после смерти королевы Елизаветы I в 1603 г., отказался от политики своей предшественницы, растрачивал казну не на войны, а на собственные удовольствия. Как отмечал И.А.Аксенов, при новом короле «двор стал становиться все более дорогим удовольствием для страны», причем настолько, что «парламент вспоминал добрую королеву, похваливая ее скромность и “бережливость”, которую племянничек попросту именовал сквалыжничеством, громогласно заявляя, что не намерен следовать этому скверному примеру» [2, с. 65]. Двор Якова I представлял собой пестрое смешение лиц и нравов – «утонченные вельможи, получившие образование в Италии или усовершенствовавшие свою оксфордскую науку при французском дворе, сидели рядом с грубыми и вечно готовыми на обиду шотландцами, неизменно пьяными датчанами» [2, с. 75–76].

Симпатия Якова I к испанскому королю Филиппу, проявившаяся в аресте Уолтера Рэли, призванном «доказать “любезному братцу Филиппу”, что Яков готов расправиться с его врагами в Англии, как угодно, лишь бы

жить в мире», в желании породниться через брак английского принца Генри с испанской инфантой, в попытке займа денег у испанской стороны, не была близка англичанам. Более того, новая «шотландская» политика была унижительна для них, привыкших добывать испанское золото грабежом на суше и на море, вспоминая подвиги покойного Ф. Дрейка и заточенного в Тауэре У. Рэли.

С момента коронации Яков I столкнулся с религиозными конфликтами, обусловленными рассогласованностью религиозных учений на территории Англии. В 1605 г. был раскрыт «пороховой заговор», события вокруг которого оказались способными объединить страну перед лицом опасности уничтожения двух основ государственности – короля и парламента. Король, прежде являвшийся противником пуританских реформ, лояльно относившийся к католикам, резко изменил свою позицию: католиков сажали в тюрьмы, заставляли их доказывать свою непричастность к неудавшемуся злодейству. И.А.Аксенов отмечал, что «экономический кризис, только начавшийся в первые годы правления Якова I, получил к 1610 г. полное развитие и разнуздан инстинкты самой отчаянной погони за наживой» [2, с. 82].

«Плоды свободной конкуренции» были особенно неприемлемы Бену Джонсону, «человеку воспитанному и сложившему свои убеждения в совершенно другой обстановке, видевшему в победном шествии капитализма только его показную сторону – расширение свободы исследования, рост образованности, карьеру, открытую не происхождению, а таланту» [2, с. 82; см. также: 5, с. 92–100]. Согласно И.А.Аксенову, саркастичный Бен Джонсон «с иступленным восторгом» обнаруживал «загнивание строя», основанного на удовлетворении личных интересов, торжествовал при виде того, как золото, «предмет всяческого стяжания, основа всех стремлений его современников» [2, с. 82], начинало падать в цене.

Кризисным событием эпохи короля Якова стала в 1612 г. смерть принца Генри, положившая конец проекту обогащения за счет «испанского брака» и в значительной мере подорвавшая многолетнее долготерпение англичан, наблюдавших постоянное падение стоимости золота. Яков решил освободить Уолтера Рэли, тем самым вызвав симпатию у части столичного общества, не принимавшей королевской немилости к знатному флотоводцу: «Рэли был дан подряд на открытие Эльдорадо, завоевание Гвианы и вообще на доставку возможно большего количества золота в Англию» [2, с. 83]. В отрубленной голове Уолтера Рэли, последнего из поколения, торжествовавшего над Непобедимой Армадой, И.А.Аксенов видел угасание общества, некогда славившегося величием военной силы и опьяненного «золотыми» успехами предшественников.

Список литературы

1. Джонсон Б. *Драматические произведения: [В 2 т.] /* *Ред., вступительная статья и примечания И.А.Аксенова.* – М.–Л.: Academia, 1933. – Т.2. – 695 с.
2. Джонсон Б. *Драматические произведения: [В 2 т.] /* *Ред., вступительная статья и примечания И.А.Аксенова.* – М.–Л.: Academia, 1931. – Т.1. – 755 с.
3. Аксенов И.А. *Эволюция гуманизма елизаветинской драмы // Аксенов И.А. Шекспир: Статьи. Ч. I.* – М.: Художественная литература, 1937. – С. 9–52.
4. Футляев Н.С., Жаткин Д.Н. *Неизвестный перевод «Отелло» Шекспира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (33). – С. 111 – 125.
5. Жаткин Д.Н., Футляев Н.С. *Драматургия Бена Джонсона в переводах И.А. Аксенова // Гуманитарные исследования.* – 2015. – №4 (56). – С. 92 – 100.

**К ЯКУТСКО-РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ СВЯЗЯМ:
СТИХОТВОРЕНИЕ П. ОЙУНСКОГО «НЕ ВСЕ ЛЬ РАВНО?!» И
ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА ПРОЛЕТАРСКОГО ПОСЛАНИЯ**

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

**YAKUT-RUSSIAN LITERARY CONNECTIONS:
POEM BY P. OYUNSKY «NE VSE L' RAVNO?!» AND THE GENRE
PARADIGM OF THE PROLETARIAN MESSAGE**

*L.G. Kikhney, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается послание П. Ойунского, адресованное М. Аммосову, во-первых, как лирический документ эпохи, запечатлевший становление советской власти в Якутии, и, во-вторых, как жанровый феномен. Автор приходит к выводу, что в русской и якутской поэзии одновременно формируется новая жанровая разновидность – пролетарское послание, принадлежностью к которой объясняются структурно-семантические переключки стихотворения Ойунского с посланиями российских поэтов революционной ориентации.

Ключевые слова: пролетарское послание, революционная эпоха, жанр, риторические приемы, содержательная структура.

Annotation. The article deals with the message of P. Oyunsky addressed to M. Ammosov, firstly, as a lyrical document of the epoch, which captured the formation of Soviet power in Yakutia, and, secondly, as a genre phenomenon. The author comes to the conclusion that in Russian and Yakut poetry a new genre variety is simultaneously forming - a proletarian message, the attribution to which explains the structural and semantic rolls of Oyunsky's poem with the messages of Russian poets of revolutionary orientation.

Keywords: proletarian message, revolutionary epoch, genre, rhetorical devices, content structure.

E-mail: lgkikhney@yandex.ru

Как уже неоднократно писали мемуаристы и историки якутской литературы, Максим Кирович Аммосов долгие годы дружил с Платоном Ойунским. Дружба эта основывалась на общности миропонимания, близости взглядов, идеалов, этических принципов. Они – яркие представители одной революционной плеяды, оба сыграли решающую роль в установлении Советской власти в Якутии и, соответственно, ставили перед собой общие социокультурные цели и задачи. В 1916 – 1917 годах оба посещали подпольный литературный кружок, а также социал-демократический кружок Е.Ярославского, где изучали труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова; слушали лекции Орджоникидзе, Ярославского, которые находились в то время в Якутии в ссылке. Причем, по утверждению Ярославского, «Платон Слепцов (Ойунский) и Максим Аммосов были лучшими ораторами из якутской молодежи, с первых же дней революции определившиеся как большевики...» [цит. по: 1, с. 7–8].

Взаимоотношения Аммосова и Ойунского нашли отражение и в творчестве. В 1919 году Платон Ойунский пишет стихотворение «Не все ль равно?!», посвященное Максиму Аммосову, которое представляет интерес в нескольких аспектах.

Прежде всего оно является документом эпохи и отражает одну из сложнейших страниц революционной истории Якутии. В 1918 году после 35-дневного существования Советской власти были арестованы и сосланы в Сибирь около 300 членов Якутского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, в том числе, П. Ойунский и М. Аммосов. Осенью 1918 года они, минуя Иркутск (куда были отправлены в распоряжение комиссариата), бежали в Томск и там под чужими фамилиями работали учителями: М.К.Аммосов – в деревне Ново-Кусково, Ойунокий – в Казанке. Откликом на эту обоюдную ссылку и явилось стихотворение «Не всё ль равно?!». Непосредственным поводом для его написания послужило прощальное письмо Аммосова к Ойунскому, в котором он сообщал о своем решении пересечь

фронт и добраться до Москвы. Слова из этого письма: «Пламенное слово не гаси, могучий дух не роняй» [2, с. 32–33], поэтически переложенные Ойунским, неоднократно повторяются в данном стихотворении:

Не укротить наш дух могучий
И наши пламенные мысли
Вовек не погасить!

[3, с. 18]

Но это стихотворение весьма интересно и с точки зрения его жанровой идентификации. Анализ его формально-содержательных элементов показывает, что это – не посвящение, как можно предположить по внешним признакам, а послание.

В литературоведении бытуют разноречивые суждения о статусе послания как самостоятельного жанра [ср.: 5, с. 905–906; 6, с. 278]. По нашему мнению, *послание* – это стихотворное произведение, рассчитанное на вполне определенного реального адресата (единичного или собирательного), имеющее в качестве установки собеседование с адресатом на ту или иную актуальную для автора тему (предметом разговора могут быть взаимоотношения корреспондентов, их жизненные и творческие взгляды, философские, эстетические, общественно-политические проблемы). Безусловно, наблюдается определенная переключка между жанрами послания и посвящения. Однако в посвящении акцент нередко делается на вещь посвящаемую. Кроме того, посвящение не коммуникативно: не требует ответной реакции адресата.

Индивидуальная адресация характерна прежде всего для жанровой разновидности *дружеского* послания, переживавшего пик своего развития в пушкинскую эпоху. Именно в дружеском послании в полной мере реализуется диалогическая стратегия автора: любая проблема, поднимаемая автором, осмысливается в коммуникативном ключе. Автор рассчитывает на понимание адресата, его активную поддержку высказываемых мыслей, или, напротив, на полемическое обсуждение тех или иных вопросов, равно интересных как

автору, так и адресату. Дружеское послание как правило отражает реально-биографический претекст общения, являясь эпистолярным продолжением начатой ранее беседы. И в этом случае послание может выполнять функции поддержки ранее высказанной позиции собеседника или, напротив, формой полемики с ним. В рассматриваемом стихотворении - это прославление революции, уверенность в её правоте и победе и, одновременно, - желание подбодрить друга, поддержать товарища по борьбе, вынужденного вести революционную деятельность за пределами своего родного края.

Земная ширь необозрима.
Мы справедливый меч поднимем,
Чтоб с белыми в боях сразиться.
И огорчаться мы не станем,
Что от родных мы вдалеке.

[3, с. 18]

Содержание дружеского послания всегда «повернуто» к конкретному адресату, ориентировано на его восприятие. Это высказывание не только «о присутствующем», но и «к присутствующему», могущему ответить автору; это высказывание, ждущее» ответной реакции. Вот почему послание *всегда* пронизано интонацией обращения, и в то же время в композиционном строе текста имеют значение и другие формальные показатели общения, как бы предвосхищающие ответную реакцию собеседника. В рассматриваемом стихотворении это

а) императивы:

Да, только так, друзья мои!
.....
Не укротить наш дух могучий
И наши пламенные мысли
Вовек не погасить!

[3, с. 18]

б) вопросно-ответные конструкции и полемико-риторические фигуры:

А где бороться нам с врагами
И где прольется наша кровь
Не все ль равно?!

.....
Куда судьба не занесет нас
И где бы ни пришлось работать –
Не все ль равно?!

[3, с. 19]

Но, что в начале XX века в обстановке социального расслоения литературы происходит жанровое обновление дружеского послания XIX века [см. подр.: 4, с. 68–147]. Появляется пролетарское послание, обращенное чаще всего к массовому читателю. Адресат пролетарских посланий не индивидуализирован как конкретное лицо, а включает в себя социальную, классовую группу лиц. Соответственно авторское «я» также тяготеет к собирательности: автор выступает как бы от лица рабочего класса, партии большевиков. Показательно, что даже послания, обращенные к конкретным лицам, написанные «на случай», подвергаются подобному обобщению. Таково, например, послание Е. Нечаева «Гутарям», посвященное Н.Д. Лытневу, послание И.Логинова «Певцу-пролетарию», обращенное к собрату по перу Марширову-Самобытнику.

Таковым является и рассматриваемое нами послание П. Ойунского к М.Аммосову. Ойунский опускает весь конкретный биографический материал и дает обобщенный образ революционера. Одновременно автор объективизирует кое-где прорывающееся свое индивидуальное «я»:

Я не могу себе представить,
Что мой собрат, мой современник
Придет в унынье оттого,
Что предстоит ему разлука
С родимым краем навсегда...

[3, с. 18]

Он выступает, в основном, от лица всех борцов за революцию, всех большевиков:

Угроза смерти запугать не может
Нас, коммунистов партии великой,
Отважных сыновей-орлов.
Мы смело в бой с врагом вступаем,
Чтоб ниспровергнуть темный строй.

[3, с. 19]

Особенности содержания и стиля пролетарских посланий обусловлены четко выраженной целевой установкой автора. Развивая актуальные для пролетарской поэзии темы (поднимающегося народа, его революционной борьбы, «светлого будущего», свободного труда и т.д.), автор не только высказывает свои суждения по какому-либо вопросу, как бы беседуя с адресатом, но и стремится активно воздействовать на него: убедить или разубедить, поддержать единомышленника или изобличить врага.

Диалог автора с адресатом приобретает явно риторический характер, поэтому огромную роль в политических посланиях играют элементы высокого ораторского стиля. Традиционные риторические приемы (обращения, вопросы, восклицания, призывы) выступают здесь прежде всего в публицистической, агитационной функции.

Смысл послания к Аммосову заключается в том, чтобы поддержать его духовно (что было особенно важно в условиях ссылки), укрепить веру в высокое предназначение революционеров, в собственные созидательные возможности. Не следует упускать из внимания и тот факт, что к этому времени Аммосову было всего 22 года, и он собирался в одиночку перейти линию фронта, поэтому послание друга могло оказать ему неоценимую моральную поддержку.

Стремясь найти наиболее доходчивые формы воздействия П.А. Ойунский большую идейную и эмоциональную нагрузку вкладывает в зачин, оформляя его как обращение-призыв к соратникам по борьбе:

Да, только так, друзья мои!
На путь борьбы мы смело встали,
Чтоб пламя битвы разгорелось
На нашей, на родной земле,
Чтоб всем якутам-беднякам
Открылись в будущее двери.

[3, с. 18]

Обратим внимание: казалось бы, он обращается непосредственно к М.Аммосову. Но индивидуальная коммуникация («я – ты») заменяется на коллективное обращение «мы – вы». Именно этот тип зачина культивируется и в пролетарских посланиях российских поэтов. Ср. в послании анонимного автора «Привет товарищам» (1917):

Вы вновь среди нас, вы снова с нами..!
Опять за дело, снова в бой!

[7, с. 492]

В послании Платона Ойунского преобладают патетические интонации, приподнято-торжественная лексика, высокая символика. Автор одически прославляет революцию, дело, которому он и его товарищи всецело преданы:

...А если закуют нас в цепи
И если суждено погибнуть,
С родной землей навек расстаться –
Я не поверю никогда,
Что гордый дух наш укротится,
Погаснет пламя наших дум.

[3, с. 19]

Как правило, подобный же возвышенная риторика тон и аллегорические фигуры характерны и для воплощения высоких революционных ценностей у пролетарских поэтов в России. Ср. в стихотворном обращении Я. Бердникова «Жертвам революции» (1917):

...Из тюрем сырых вы шли к заветной цели
С горящим факелом и светочем в сердцах.
Томились вы в цепях лихой невзгоды,
Под гнетом зла, расстрела и мечей,
Но час пробил – час мести и свободы.

[7, с. 472]

Обратим внимание: метасюжетом послания Ойунского, равно как и посланий его российских собратьев по перу, нередко становится мотив личной и коллективной жертвы, приносимой во имя революции. Так, мысль о ненужности приносимых жертв проходит лейтмотивом через всё стихотворение Ойунского:

А если даже умереть
За революцию в боях
Вдали от родины придется –
Раскаиваться я не стану,
С дороги этой не сверну
За светлый мир социализма,
За счастье для всего народа
Пойдем в любую даль.

[3, с. 19]

Будущее здесь (как и во многих других произведениях этой жанровой разновидности ассоциируется со светом, с восходом солнца, ассоциируется с грядущей радостью, которая придет на смену страданиям настоящего.

Сравним, например, авторскую модальность в послании «Товарищам» (1912) пролетарского поэта С. Ганьшина:

Мы падем, но придет
Светлый праздник желанной свободы.

[7, с. 201]

Та же символика рассвета прослеживается и в десятках других стихотворных обращениях пролетарских поэтов. Образ рассвета как аллегии

новой жизни и свободы становится своего рода расхожей метафорой, общим местом пролетарских посланий. Ср. в послании безымянного пролетарского поэта:

Взгляни, во тьме лучи горят,

Там *светлый день* встает!

[8, с. 169]

Эта мажорность является своеобразным выражением исторического оптимизма Ойунского и других поэтов-пролетариев. Вот почему финал послания Аммосову оптимистичен:

Не укротить наш дух могучий

И наши пламенные мысли

Вовек не погасить!

[3, с. 19]

К подобным же «заклинательным» концовкам, исполненным немалой суггестивной силы и оформленным как риторическое восклицание тяготеет большинство пролетарских посланий. В этом – одна из устойчивых черт их композиционной структуры.

Итак, являясь программным, открыто-политическим воззванием, данное стихотворение представляет собой типичное пролетарское послание, бытовавшее в русской революционно-демократической поэзии 1900-х – 1910-х годов.

Заметим, что исходная ориентация пролетарского послания на агитацию во многом совпадает с целевой установкой эпистолы XVIII века, но при этом, разумеется, нельзя не увидеть фундаментальных различий между ними. Если в эстетике XVIII века культивировались ценности, регулирующие существование всего общества в целом, то ценности, которые надлежит утвердить пролетарскому искусству, мыслятся как идеалы сугубо классовые, ориентированные на радикальное преобразование данного социума. Предполагается, что пролетариат должен отстоять их в борьбе с противостоящим классом.

Установка на утверждение этих ценностей в массовом масштабе приводит к созданию обобщающих образов: типизированного поэта, носителя передового классового сознания, и типизированного адресата. Социальная сущность последнего определяет и характер взаимоотношений с ним автора как с соратником и товарищем по борьбе. Отсюда мотивировка коммуникативного контакта как утверждение высокого назначения революционера, воспевание его героизма. Следует отметить, что послание одического типа переживает особую трансформацию. Установка на утверждение идеалов будущего требует не только восхваления их носителей, но и совместных действий по претворению их в жизнь. В связи с этим формируется тип одического призыва, пронизанного императивами и политическими сентенциями. Таким образом, в пролетарских посланиях появляется соответствующий лексико-стилистический арсенал целевых жанров, оживляется риторическая манера изложения.

Конструктивное значение стилевых, композиционных элементов художественного текста невозможно правильно оценить вне его жанровых координат. Анализ стихотворного послания Платона Ойунского особенно наглядно показал, что появление схожих, едва ли не идентичных структурно-стилевых черт в произведениях, относящихся к одной эпохе, но к разным национальным дискурсам – не результат заимствования, осознанной преемственности. Подобная стилевая гомология объясняется логикой развития жанра, которая отражает тип лирического мироощущения поэта и те функции, которые поэт приписывает литературе.

Очевидна глубокая связь жанровой характеристики произведения с совокупностью идейно-эстетических принципов художника, реализующихся в его творчестве. В посланиях эта связь обнажается, может быть, наиболее ярко. И послание одного из самых выдающихся культурных деятелей Якутии XX века Платона Ойунского всемерно подтверждает эту мысль.

Список литературы

- 1. Макаров Д.С. Максим Аммосов. – Якутск, 1992.*
- 2. Ойунский П.А. Сочинения: В 7 т. – Якутск, 1962. – Т. 7.*

3. Ойунский П.А. Не все ль равно?! // Ойунский П.А. Избранное. – М.: Художественная литература, 1963. – С. 18–19.
4. Кихней Л.Г. Из истории жанров русской лирики. Стихотворное послание начала XX века. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 164 с.
5. Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия: В 8 т. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 5. – Стб. 905 – 906.
6. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.
7. Революционная поэзия (1890 – 1917). – 2-ое изд. – Л.: Сов. писатель, 1954.
8. Поэзия в большевистских изданиях (1901 – 1917). – 2-ое изд. – Л.: Сов. писатель, 1967.

Научное издание

**РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Материалы II Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 27 – 28 марта 2017 г.)**

Сдано в производство 29.03.17. Формат 60x84 1/16
Бумага типогр. № 1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Cyr.
Уч.-изд л. 23,79. Усл. печ. л. 23,51. Заказ № 2556.

Пензенский государственный технологический университет
440039, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11